
**Сибирь в империи –
империя в Сибири:
имперские процессы
на окраинах России
в XVII – начале XX вв.**

Иркутск

 ОТТИСК

2013

УДК 947.05
ББК 63.3(253.5)
С 34

Научный редактор:
д.и.н., профессор И.Л. Дамешек

Рецензенты:
д.и.н., профессор А.А. Толочко
д.и.н., профессор Б.С. Шостакович

С 34 Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX вв.:
сб. науч. статей. (Серия «Азиатская Россия»). – Иркутск:
Оттиск, 2013. 340 с.

Издание настоящего сборника приурочено к юбилею известного сибирского историка доктора исторических наук, профессора Иркутского государственного университета Льва Михайловича Дамешека. Сборник составлен из работ профессиональных исследователей истории Сибири из Барнаула, Иркутска, Кемерово, Новосибирска, Томска, Улан-Удэ, Читы, Якутска, объединенных общей тематикой – изучением проблем взаимоотношений центра и региона, столицы и провинции, административного и хозяйственного управления сибирским краем, развития «общественных сил» Сибири в XVII–XX веках.

Книга рассчитана на широкий круг читателей и рекомендована в качестве учебного пособия по предметам курса «История Сибири», «История России» и «История Иркутской области» для учителей средней школы.

Научно-справочный аппарат статей дан в авторской редакции.

ISBN 978-5-905847-35-6

© Коллектив авторов, 2013
© Оттиск, 2013

А.В. Гимельштейн,
кандидат исторических наук,
профессор ИГУ

«Стиль – это человек»

Юбилейный сборник выстраивается всегда по классическим канонам, но мы полагаем верным – не в ущерб академизму – рассказать и о той части жизни Льва Михайловича Дамешека, которая не видна в строгих строках научных монографий. Российским историкам знаком стиль сибирского ученого – мощный, энергичный, эмоциональный, но, безусловно, корректный и не наносящий ущерб профессиональной тщательности. Жорж-Луи Леклерк де Бюффон говорил: «Стиль – это человек», имея в виду набор неповторимых особенностей личности, отражающих его природные свойства, тогда как идеи, развиваемые субъектом, могут быть достоянием многих... Вероятно, самое эффективное сочетание в человеке мыслящем, обеспечивающее научное и естественное долголетие, – совокупность энергий: мысли и человеческой.

Именно это мы имеем удовольствие наблюдать в случае профессора Дамешека.

Ю. Сергеева,
редактор отдела «Общество»
издательской группы
«Восточно-Сибирская правда»

Лев Дамешек – фигура удивительная

Человек, который сразу захватывает воображение целой системой противоречий. Профессор истории, классический «архивный» человек, который летом ежедневно наматывает 20–25 км на велике из дома и обратно. Демократ до мозга костей, который называет себя «законченным государственным». Человек, который предельно открыт, но ты понимаешь: он сказал ровно столько, сколько хотел. Всё это – один из лучших профессоров истории Сибири.

«Его поколение знало, за что сражалось»

История семьи Дамешек – притча во языцех. Нет, наверное, человека, который не смотрел фильм «На войне как на войне» Виктора Трегубовича, вышедший в 1969 году. Снят он был по одноименной повести Виктора Курочкина о нескольких неделях военных будней самоходки СУ-100. одного из героев, наводчика, играет Олег Борисов. Прототип экранного «тощего одесского еврея с выразительными глазами» Михаила Дамешека – реальный Михаил Дамешек, отец нашего собеседника. Разница только в одной букве фамилии, да еще в том, что Михаил Дамешек никогда не был в Одессе – он родился в Иркутске.

– Отец окончил иркутскую девятую среднюю школу имени Пушкина, собирался поступать в Ленинградский кораблестроительный институт, но известные события помешали этому, и он пошел в ИГПИ; после первого курса был призван в армию, – рассказывает Лев Дамешек. – А Виктора Курочкина он знает вот почему: служили они вместе. Оба были командирами боевых машин 6-го гвардейского танкового корпуса 3-й гвардейской армии Рыбалко, – выдает профессор на одном дыхании, видно, что название этого воинского соединения он знает с детства. – События, о которых в этой повести и фильме идет речь, – это 1944 год, Сандомирский плацдарм, где немцы попытались устроить

советским войскам своеобразную Курскую дугу в качестве реванша. После 1942 года, когда перед советским командованием встал вопрос о создании элитных танковых корпусов, стали набирать личный состав. Это был резерв главного командования, куда брали коммунистов и комсомольцев, имеющих высшее и среднее образования. Таким был и мой отец. Из кавалерийских войск в Забайкалье он попал в Ростовское танковое училище и в 1943 году оказался на фронте. Прорыв немецких танковых корпусов на Сандомирском плацдарме был очень мощным. Полки РГК за 3 дня боев потеряли 80 % техники и 60 % личного состава. Отец был тоже ранен. Там они с Курочкиным и потеряли друг друга. Много позже, уже в мирное время Курочкин объяснил, почему сделал отца одним из героев своей книги: «Я не знал, жив ли ты после Сандомирского плацдарма. А если жив, то как к этому отнесешься?» Так и возникла другая буква в фамилии, и образ «одесского» еврея.

– Как отец узнал, что стал героем книги?

– Отец и Курочкин долго не знали о судьбе друг друга. В 60-е годы проводились своеобразные окружные конкурсы художественной самодеятельности, и к нам в Иркутск приезжали все – Красноярск, Хакассия, Забайкалье, Тува, Бурятия... А мой отец работал первым заместителем председателя окрисполкома в Усть-Орде, и один из участников этого события и подарил ему книгу: «Смотри-ка, Миша, вроде как всё про тебя...» Отец написал в издательство «Советская Россия», а оттуда письмо ушло Курочкину. Завязалась переписка, потом папу пригласили на съемки фильма в Ленинград. Когда фильм показывали в Усть-Орде, к нам приехало несколько его боевых друзей, и не просто так, а с лампасами, генеральскими погонами! Я помню, мальчишки бегали по улице, когда отец выступал, и кричали: «Он жив! Жив!» Если вы помните книгу, там гибнет младший лейтенант Саня Малешкин, которого в фильме сыграл Михаил Кононов, а в фильме – герой Олега Борисова, наводчик Домешек. Виктор Трегубович посчитал, что образ Домешека является основным, и это усилит фильм. У меня дома осталось много фотографий со съемок, я лично встречался с Олегом Борисовым, когда был в Ленинграде. Когда я был там в первый раз, в 1972 году, абсолютно сопливым аспирантом, папа дал мне несколько адресов своих фронтовых друзей. Никогда не забуду, как они меня встречали! Я говорил по телефону: «Так ведь я не тот Домешек, не отец, а сын...» А в ответ слышал: «А какая нам разница?»

– Образ в книге и в фильме получился похожим на вашего отца?

– Да, живой холерик с юмором. Отец был таким, да и я точно такой же, – Лев Дамешек задумывается и повторяет:

– Точно, похож. Единственное, Олег Борисов был немного выше отца. Обычно танкистов-то крупных не было, в большинстве – невысокие и суховатые люди. Отец пришел после войны сильно худым – 44–46 размер, волосы значительно поределли, и седина появилась. А ему в 1945 году не было еще и 23 лет. Смерть, кровь – это всё не просто так; он и ушел рано, в 1976 году. У меня сохранилась его боевая характеристика, где было написано: «Проявил исключительные способности ведения танкового боя в условиях крупного города». Имеется в виду взятие Праги и Берлина. Его поколение знало, за что сражалось. У него было понятие родины. И свои государственные убеждения, которые я никогда не скрывал, я унаследовал от своих родителей. Отец всегда был для меня своего рода гуру, учителем по жизни и нравственным наставником.

– *О маме, Людмиле Дамешек, в вашей биографии короткая строчка: «дочь политссыльного».*

– Это был не простой политссыльный, а тот самый Максим Титович Жмакин, руководитель большевистской партячейки в Мишелевке (Хайте). Сослан он был туда в 1905 году, совсем мальчишкой. Мама в 1942 году по ускоренной программе окончила филологический факультет иркутского пединститута и работала учителем русского языка и литературы в Мишелевке. В войну студентов отправляли на копку овощей; зачастую эта работа затягивалась на месяц. А бабка моя, Надежда Семеновна, урожденная Грошева, говорила маме так: «Людмила, из тебя хорошая учительница не получится! Какая ты учительница? Ты со своими ребятишками в кирзовых сапогах едешь картошку копать». В Мишелевке посередине поселка красивый был пруд, он и сейчас там. А тогда он был обустроен, до сих пор фото сохранились. «Вот, Людмила, выйдут учителя в платицах, в белых перчаточках, лодочки их и катают. А ты-то какая учительница?»

Мама мне очень много дала, а главное – привила любовь к книге. Читающий человек – это думающий человек. Как это? Я не представляю жизнь без книги.

«В России никогда не было политической элиты»

Лев Дамешек показывает рукой где-то на уровне груди: «У меня дома вот такие стопы архивных выписок. Правда, если бы вы их взяли почитать, то ни слова бы не разобрали. Почерк плохой». Большие, «амбарного» размера тетради он вел с 1972 года. Специфика документов – XVIII и XIX века – с которыми приходится работать историку, откладывается в голове – орфография в источниках совсем другая. «Смешно сказать, но в школе я писал грамотнее, чем сейчас», – смеется Дамешек. В свое время он, имевший серьезные способности к математике, и физике, выбрал историю. Говорит – отец повлиял: юный Лева запомнил уроки отца (Михаил Дамешек был директором Боханской средней школы). «Помните О’Генри – «Фараон и хорал»: «...его путь на Остров не будет усеян розами». Так вот, мой путь к профессорству тоже не был усеян розами. Но я ни разу не пожалел», – утверждает Лев Михайлович. На сегодняшний день Дамешек – один из ведущих профессоров Сибири, и это общепризнанный факт.

– Есть такое мнение, что история – это наука интерпретаций и историку достаточно взять некую концепцию и подобрать под нее факты.

– Это не так, конечно. Я специалист в области русской истории, истории России XIX века. Это так называемые имперские процессы, история органов власти, национальной политики, общественных движений. Почему я об этом рассказываю в связи с вашим вопросом об интерпретациях? Помню, когда я, совсем юный, советовался с профессиональными историками, какой темой заняться, мне посоветовали: «Бери XIX век». А всё потому, что история советского общества в значительной мере была идеологизированна – я сам с этим столкнулся. Когда заканчивал истфак, встала проблема распределения. Мне хотелось остаться на кафедре истории СССР ИГПИ. Но места не было, и мне предложили работу на кафедре истории КПСС. Однако я никогда не понимал эту науку! Деканом в то время был замечательный педагог – Александр Петрович Мещерский. И вот надо принимать решение, а я бегаю от него как черт от ладана. Тут он меня в гардеробе прищучил: «Лева, ты что, не хочешь на кафедру?» – «Не хочу, хочу в аспирантуру по истории СССР». А для этого надо было идти в ИГУ, где конкурс четыре человека на место – в нашем-то институте не было своей аспирантуры. Я всё равно пошел, три экзамена сдал на пятерки, но не был уверен, что меня

возьмут. Завкафедрой пошел к замечательному ректору – Николаю Фомичу Лосеву. И меня взяли, дали отдельное место! И вот работаю до сих пор.

– *Получается, вы выбрали XIX век, чтобы...*

– Быть свободным. Это классика: когда русское государство было очень мощным, протекали процессы, влияние которых мы ощущаем сегодня. Почему в российском сознании нет свободы мышления? Это всё оттуда. В России никогда, начиная с нашествия татаро-монголов на Русь, не было политической элиты – той самой элиты, которая была и есть в Англии, во Франции, даже в Испании, где был силен католицизм. В России элита всегда или вымывалась, или физически уничтожалась. Во времена монголо-татарского ига элита, князья – элита общества, полегли на полях. Как только элита начала формироваться в эпоху Ивана Грозного, на нее обрушилась опричнина. Петр Первый – величайший государь, я всегда с удовольствием читаю лекции об этой эпохе, но не надо забывать, что никакого инакомыслия при нем быть не могло. На Западе, в европейских странах, всегда очень существенную роль в жизни общества играла интеллигенция. Это, к примеру, английское дворянство, которое делало революцию вместе с Кромвелем. То же самое было во Франции. В России всё было несколько иначе. Дворянство в значительной мере зависело от государя, пожалования всегда шли оттуда. У нас всегда отсутствовали законы защиты частной собственности. Государь мог лишитъ дворянства.

– *Что такое современная Россия? Можно ли путинскую эпоху сравнить с каким-то периодом в истории?*

– Путинская эпоха – это совершенно уникальное явление, я бы ее ни с чем сравнивать не смог, даже с эпохой Ельцина. Сейчас это совершенно иное государство, организованное по совершенно иным принципам, чем советское и постсоветское. И я не могу сказать, что полностью разделяю эти принципы как гражданин. В какой-то мере это время можно сравнить с эпохой первоначального накопления капитала, когда никакие законы не действовали, преобладала физическая сила, деньги, мораль была на самом невысоком уровне, преобладала коррупция. Однако нынешняя эпоха не совсем на нее похожа в том смысле, что разумное государство в период первоначального накопления капитала старается регулировать возникающие денежные потоки и вкладывается само бюджет-

---

ными деньгами в крупные проекты, например в такие, как строительство железных дорог, армейские поставки. Здесь я этого не вижу. В последнее время мы как-то стараемся «причесать», создать определенного рода приличия и в нашем государстве, но, думаю, нам еще далеко до идеала. Я все-таки оптимист: будет лучше. Если быть пессимистом, то незачем растить детей, внуков. Страна имеет богатую потенцию, у нас есть думающие, понимающие люди.

– *С вашей точки зрения, почему современное протестное движение так быстро сошло на нет?*

– Это было закономерное недовольство социально-экономической ситуацией, которая к тому времени существовала. Не надо забывать, что так называемое протестное движение не смогло выдвинуть из своих рядов каких-то крупных лидеров. Исторический опыт свидетельствует: протестное движение добивается результатов, когда оно имеет позитивную программу. Да, мы все видим совершенно постыдные материалы, связанные с разоблачением депутатов Госдумы, единороссов, Справедливой России. Но что дальше? Ничего пока. Были в свое время крупные политики. Я помню блестящие полемические выступления Ирины Хакамады, когда она была в ходу. Ну а кто сейчас? Никого. Еще раз говорю: в нынешнем протестном движении я не увидел потенциала для себя. И интеллигенция не увидела. Но, безусловно, она на это движение отреагировала. Что-то еще будет...

В одном из интервью Дамешек как-то признался: готов называться историком, но не готов – политологом. Тем не менее темы политики, а особенно региональной, он при всем желании избежать не может. «Я никогда не понимал, почему в Иркутскую область, богатую на свои кадры, на протяжении долгого времени присылают людей извне? – задается он вопросом. – Нами 10 лет управляют какие-то, извините меня, «навозники». Это не мой термин, а термин эпохи Муравьева-Амурского, середины XIX века. Не от слова «навоз», а от слова «привозить». «Навозными» чиновниками называли тех, кого Муравьев-Амурский привез с собой из Москвы. Навозников в нашей истории было сколько угодно. Как правило, генерал-губернаторы назначались непосредственно государем, и многие из них в той территории, куда назначались, вообще не бывали до того. И сейчас то же самое. Неужели мы настолько

оскудели умом своим, что из своей среды не можем выделить два–три десятка управленцев?»

– Наверное, поэтому в Сибири так популярны сепаратистские настроения.

– Это так называемое областничество, зародившееся в Сибири еще в 60-х годах XIX века. Родоначальники непосредственно связаны с Иркутском, у нас даже улицы носят имена этих, несомненно, благородных людей – Николая Михайловича Ядринцева и Григория Николаевича Потанина. Зачастую сепаратистская концепция у нас связывается со стремлением неких сил отделить Сибирь от России. Это не так. Сепаратизм проявляется в защите интересов данной области по отношению к центру. В этом смысле Юрий Ножиков был тоже сепаратистом. Я руководил тогда идеологической кампанией, и помню, как мы раскручивали идею оставления в собственности области «Иркутскэнерго». В 90-е были популярны сильные, самодостаточные регионы. Сейчас за эту позицию многие руководители заплатились. Да, я согласен, что страна должна быть монолитной, но в ней необходимы центры, которые осознают себя самостоятельно. Сейчас власти попытались пойти навстречу Дальнему Востоку, а вот чтобы что-то было сделано по Восточной Сибири, я пока не вижу. Крупных федеральных проектов в Иркутской области нет. Даже федерального университета мы пока не имеем, хотя Иркутск – город, который испокон веку аккумулировал научную интеллигенцию.

История Иркутской губернии с картинками

– На Великую Отечественную войну – от 2 до 4 часов, – Лев Дамешек цитирует школьную программу 10 класса по изучению истории. Ему, как сыну фронтовика, это, видимо, особенно больно. – Что удивляться, если дети, кроме маршала Жукова, никого не знают, – сокрушается он. – А в высшей школе что творится? На многих факультетах преподавание истории вообще отменено! Я не понимаю, как оценку гуманитарных знаний: истории, филологии – можно сводить к ЕГЭ. История никогда не сводилась к фактам. Школьник должен думать, рассуждать, он обязан уметь сопоставлять!

Несколько лет ректор Иркутского института повышения квалификации работников образования Дамешек ратует за то, чтобы в регионе появился свой учебник по истории

Иркутской области. Казалось бы, всё логично, а учебника нет.

– *Есть подвижки в этом проекте?*

– Для школ пока учебник не создан. Если же говорить в целом об истории Иркутской области, то работа проделана колоссальная. Через месяц-два мы получим объемный труд по истории Иркутской области, общее количество страниц – около 600, с приложениями, вкладками, документами, картами, фотографиями. Книга охватывает период от появления здесь первых русских и до сегодняшнего дня. Не буду пока раскрывать названия этой книги, но она уже прошла всю предпечатную подготовку, имеет двух блестящих, авторитетных рецензентов на уровне членов-корреспондентов РАН. Думаю, можно сделать хорошее учебное издание об истории Иркутской области или Иркутской губернии, но заказчиком такой работы должно выступать не Министерство образования, а губернатор. Это его престиж. Профессионалы, готовые заняться этой работой, есть, но пока официальных предложений авторский коллектив не получал. Патриотизм не абстрактен, он всегда привязан к какому-то месту.

– *Сейчас у вас выходит книга по истории ВСОРГО.*

– Только что вышла. Эту книгу мы написали к юбилею ВСОРГО: в 2011 году исполнилось 160 лет со времени его основания. ВСОРГО – квинтэссенция интеллигенции Иркутска и Сибири в целом. Люди собрались на добровольных началах, работали по сбору зоологических, археологических, этнографических, географических материалов. Я назвал только две фамилии из этого блестящего круга – Ядринцева и Потанина, но были ведь и сотни других. Тот же Колчак, который был исследователем Севера. Спорная личность, вы, например, знаете, что в Сибири до 30-х годов цепных псов называли «колчаками»? И тем не менее на фронте ИОКМ он запечатлен, мне кажется, справедливо. Члены ВСОРГО предпринимали экспедиции даже в Тибет, Монголию. Деньги на экспедиции жертвовали купцы. Знаменитая якутская научная экспедиция, которая обследовала Север, финансировалась частными лицами, купцом Сибиряковым например. Наша книга иллюстрирует выставочную и экономическую деятельность ВСОРГО. В ней очень много фотографий XIX века. Работая над книгой, я получил огромное удовольствие. Хорошо, что такие люди были – совершенно безвозмездно делавшие настолько большое дело.

«Люблю махать руками и дрыгать ногами»

В личной анкете Льва Дамешек значится: «Хобби – спорт». Он уточняет: «Теперь мое хобби не спорт, а физкультура... В силу определенных причин. Люблю махать руками и дрыгать ногами». 20 лет по вторникам и четвергам он регулярно ходит в спортзал. В эти же дни обычный визит в баню: профессор – поклонник бальнеологии. Когда-то в школе Лева Дамешек был чемпионом области по спринту. Бегал до 2005 года, пока не получил травму колена. «А потом жена подарила велик и сказала: «Крути!» С тех пор и кручу. У меня хороший велик, я на него поставил спидометр – пульс мой показывает, всё как надо», – хвастает профессор. Дома у Дамешек тренажерный комплекс. Скамейка для жима штанги, «как у Арнольда Шварценеггера». «Три раза в неделю обязательно кручу велик по «десятке», а когда живу за городом, то наматываю по 20–25 км в день, – рассказывает он. – Мне подарили велосипедную форму, настоящую – со шлемом, перчатками. Знаете, я хорошо смотрюсь. Эта форма, она же светящаяся!» По натуре Лев Михайлович – жаворонок. «Я встаю в 6 утра, где-то час двадцать длится физзарядка, – перечисляет свой обычный день 65-летний ученый. – Пять минут разминка, 30 минут велик. После велика я весь мокрый, меняю майку. Потом идет пресс, растяжки. Ну а потом душ – и пешком на работу». Неудивительно, что на его рабочем столе рядом с потемневшими, старинными изданиями лежит простая книжечка «Как дожить до 120 лет?». «Нет, ну столько я жить не собираюсь, – машет рукой Лев Михайлович. – Но вот задумывался: не написать ли мне воспоминания о пройденном пути? Понял – рановато. Лет 10 я еще хочу поработать продуктивно. А там и за мемуары сяду».

Биографическая справка

Лев Михайлович Дамешек родился 2 апреля 1948 года в селе Мишелевка Усольского района Иркутской области. В 1966 году с золотой медалью окончил Боханскую среднюю школу, затем последовала учеба на историческом факультете ИГПИ. С 1970 по 1973 годы – аспирант кафедры истории СССР ИГУ; в 1974 году защитил кандидатскую диссертацию «Царизм и народы Восточной Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в.», в 1987 году – докторскую на тему «Политика российского самодержавия в отношении народов Сибири

в эпоху капитализма (1861–1917 гг.)». С 1989 года – заведующий кафедрой истории ИГУ. С 1996 по 2002 – руководитель кафедры отечественной истории исторического факультета ИГПУ; с 2004 года – ректор Иркутского института повышения квалификации работников образования. Заслуженный деятель науки России и Республики Бурятия, действительный член Российской академии гуманитарных наук, почетный работник общего образования, дважды лауреат премии губернатора Иркутской области в номинации «Наука», Лев Дамешек выпустил более 250 научных работ, написал вместе с коллегами и самостоятельно 18 монографий. Под его руководством защитились 37 кандидатов и докторов наук. Лев Дамешек выступал с лекциями в десятке университетов мира – от Праги и Монреаля до Маньчжурии и Даляня.

Женат. Жена Лариса Дамешек – кандидат физико-математических наук, доцент ИГУ. Дочь Ирина Дамешек – доктор исторических наук, профессор ВСАГО. Сын Михаил Дамешек работает в сфере ЖКХ.

Л.В. Курас,
доктор исторических наук,
профессор ИМБТ СО РАН

**Сибирь в империи – империя в Сибири:
имперские процессы на окраинах России
в XVII – начале XX вв. (историография
проблемы в трудах профессора
Льва Михайловича Дамешека)**

Осмысление исторического прошлого государства Российского во все времена происходило под влиянием общего мировоззрения эпохи и интереса общества к конкретным проблемам. Именно осмысление прошлого и настоящего исторической науки предоставляет информацию для определения перспектив ее развития, совершенствования форм организации научных исследований, создания научных школ, формирования источниковой базы и т. д. Но это классическое понимание значения историографии требует иных подходов, когда речь идет об историографическом анализе трудов конкретного ученого, достигшего «сияющих вершин» на научном поприще, имеющего учеников и собственную научную школу, труды, которого становятся основой для изучения проблемы и даже дисциплины. Размышления историографа на избранную тему – это повод посмотреть на самого себя, проанализировать, осмыслить и укрепиться в мысли, что ты на верном пути. Важно найти ту единственную идею, которая стала фундаментом творчества, научного поиска ученого, ту самую мысль, благодаря которой он состоялся. Речь идет о творчестве профессора Л.М. Дамешека, к 65-летию которого подготовлен биобиблиографический указатель его трудов и к которому нами написана вступительная статья «Имперская политика и Азиатская Россия в трудах профессора Л.М. Дамешека (размышления историографа)». Но жанр «Библиография трудов» не столь популярен в среде ученых, как, скажем, материалы научных конференций, научные сборники и рецензии, хотя это, несомненно, весьма интересный и оригинальный историографический источник. Здесь раскрывается творческая лаборатория, систематизируются труды ученого, вскрываются направления

научного поиска, выявляются ученики исследователя и направление их поисков, созвучных «генеральной линии» самого ученого. Именно указатель трудов позволяет составить представление о наличии научной школы и перспективах ее дальнейшего развития. Более того, хотя и опосредованно, но указатель трудов можно позиционировать как источник личного происхождения. Библиографический указатель публикуется, как правило, небольшим тиражом и раздается на банкете по случаю очередного круглолетия ученого, где аудиторию в этот момент интересует лишь число публикаций, дабы выяснить, у кого их больше: у тебя или юбиляра. Так что указатели трудов, за редким исключением, не подвергаются историографическому анализу¹. Именно поэтому возникла идея подготовить еще одну, более емкую и теоретически более обоснованную статью о профессоре Л.М. Дамешке и об эпохе, в которой он трудится, а также эпохе прошлой, о которой он пишет.

Начать историографический анализ трудов доктора исторических наук, профессора Л.М. Дамешке², «делом всей жизни» которого стала имперская политика в Сибири и место Сибири в империи, хочется тезисом из недавно опубликованной статьи ученого, по существу ставшего аксиомой в истории государства Российского: «Российская модель управления окраинами формировалась и развивалась параллельно с процессом складывания территории государства»³. Именно этот тезис и стал квинтэссенцией всего его творчества. «Центр – провинция» – это не антиподы, «центр – провинция» – это единое Российское государство.

Известна расхожая фраза времен советской эпохи: «Царизм – тюрьма народов». В исторической литературе многие десятилетия и до настоящего времени гуляет мысль «о колонизации народов Сибири», ассоциирующаяся с колонизационной политикой Британской империи. Л.М. Дамешек убедительно доказывает, что Россия не была метрополией по отношению к народам Сибири. «Сознавая всю непрочность и сиюминут-

¹ Курас Л.В. Библиографические указатели трудов историков Иркутского государственного университета как историографический источник // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. 4. История. Улан-Удэ: изд-во БГУ, 1998. Вып.2. С. 114–121.

² Лев Михайлович Дамешек – автор 250 публикаций, в том числе 18 монографий и двух учебников.

³ Дамешек Л.М. Сибирь в империи – империя в Сибири: этнический фактор в окраинной политике Российской империи // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2012. № 4 (8). С. 124–130.

ность насильственных мероприятий, – пишет ученый, – российские власти вслед за военной экспансией начинали властное, в первую очередь политико-административное освоение новых территорий, затем наступала очередь экономической интеграции»⁴. Как бы стремясь подчеркнуть значение интеграции Сибири в Россию, исследователь особенно заостряет внимание на методах инкорпорации сибирских аборигенов в политико-административную и социокультурную систему империи и ее историко-типологические модели⁵ и одновременно с этим подчеркивает влияние экономической политики империи на демографические процессы у аборигенов Сибири⁶. И здесь, рассматривая этнический фактор, пожалуй, нелишнее будет добавить, что у народов Сибири, особенно у бурят, был выбор. И этот выбор, по справедливому мнению чл.-корр. РАН Б.В. Базарова, был сделан в пользу России⁷. Так что и не колонизация вовсе, а единое государство. Конечно, наличие единого государства вовсе не исключает политики патернализма и особенно в такой стране, как Россия, где имперское мышление, помноженное на мессианство, было, есть и будет. И эта мысль также прослеживается в монографиях⁸ и статьях⁹ профессора Л.М. Дамешека.

⁴ Дамешек Л.М. Сибирь в империи: империя в Сибири. Значение этнического фактора в окраинной политике Российской империи. Этапы становления и направления // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История». 2012. № 2 (3), ч. 1. С. 15.

⁵ Дамешек Л.М. Интеграция Сибири в Россию как компонент государственной национальной политики // Этнокультурное взаимодействие в Сибири. Новосибирск, 2003. С. 6–11; Он же. О методах инкорпорации сибирских аборигенов в политико-административную и социокультурную системы империи XVIII – начала XX веков // Историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2007. С. 435–438; Он же. Историко-типологические модели инкорпораций нерусских народов в состав Российской империи: сибирский вариант // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 38–49.

⁶ Дамешек Л.М. Влияние экономической политики на демографические процессы аборигенов Сибири // Материалы научно-практической конференции. Новосибирск, 1999. С. 73–78.

⁷ Базаров Б.В. К 350-летию присоединения Бурятии к России: исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций XVII–XIX веков // Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций: сб. науч. ст. Улан-Удэ, 2001. С. 5–11.

⁸ Дамешек Л.М., Ремнев А.В., Перцева Т.А. М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма: к 180-летию сибирских реформ М.М. Сперанского. Иркутск, 2003. 262 с.; Он же. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти XVIII – нач. XX в. Иркутск, 2007. 320 с.

⁹ Дамешек Л.М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – нач. XX в.): к 75-летию чл.-корр. РАН Л.М. Горюшкина. Новосибирск, 2002. С. 105–108; Он же. Проблема интеграции коренных народов Сибири в имперскую систему России XIX – начала XX вв. // Сибирское общество в контексте модернизации XVII–XX вв. Ново-

Причем она ни в коей мере не противоречит его объективному подходу к проблеме, да и самой сути и особенностям укрепления российской государственности.

Таким образом, региональные особенности управления отдельными, подчас весьма разнообразными территориями огромной империи выработывались правительством по мере вхождения этих территорий в состав России и упрочения власти и авторитета центрального правительства. И особенности эти дали своеобразную модель – сибирский вариант имперского регионализма.

Но появлению этих стройных, как математическая формула, положений предшествовали годы. Более 40 лет. В 1970 г. Лев Михайлович Дамешек окончил исторический факультет Иркутского педагогического института и с того же года с завидным постоянством (уже 43 года) служит на кафедре истории Отечества Иркутского государственного университета.

Ему всегда везло. Ему повезло с учителями: профессорами В.И. Дуловым, В.Г. Тюкавкиным, С.Ф. Хроленком, Б.Д. Паком. Ему повезло с научными наставниками: сначала дипломного проекта в институте, которым руководил доцент А.С. Кузнецов; затем кандидатской диссертации в госуниверситете под руководством профессора Ф.А. Кудрявцева. Именно они обратили внимание дипломника, а затем молодого аспиранта на нетронутый пласт, настоящую целину документов по «инородцам» Сибири. Причем труды самого Ф.А. Кудрявцева также оказали влияние на творчество Льва Михайловича¹⁰. Ему повезло с кафедрой, на которую он попал, где под руководством заведующего, профессора Ф.А. Кудрявцева, трудились будущие светила сибирской исторической науки В.Т. Агалаков, И.И. Кузнецов и Н.Н. Щербаков. Ему повезло с исторической школой, которая имеет свои давние традиции. Один из представителей этой школы, профессор Ю.А. Петрушин, так охарактеризовал суть иркутской школы историков: «Они привнесли в историографическое творчество педагогическую практику, свой неповторимый душевный колорит, знание жизни, упорство и дерзновение, под-

сибирск, 2003. С. 94–105; Он же. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. Барнаул, 2005. С. 255–266; Он же. Присоединение Юго-Восточной Сибири к России как политический процесс. Зарождение российского патернализма. Ч. I. // Вестник Иркутского гос. ун-та. Сер. политология и религиоведение. 2012. Вып. 2 (9). С. 127–131.

¹⁰ Дамешек Л.М. История народов Северной Азии в трудах Ф.А. Кудрявцева // Проблемы востоковедения в трудах ученых Восточной Сибири. Иркутск, 1980. С. 33–34.

няли историю на новый научный уровень, добились в этой науке существенных результатов. В их числе доктор исторических наук, профессор Лев Михайлович Дамешек»¹¹. Не случайно уже тогда им был сделан выбор на всю жизнь. В 1974 г. – кандидатская диссертация «Царизм и народы Восточной Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в.», в 1987 г. – докторская – «Политика Российского самодержавия в отношении народов Сибири в эпоху капитализма (1861–1917 гг.)». Сразу же хочется отметить политическую составляющую темы, о которой автор, возможно, тогда меньше всего задумывался. Он показал всестороннюю деятельность царизма по отношению к коренным народам Сибири. Конечно, не педалируя позитивную составляющую этой политики, ученый фактически отказался от традиционных постулатов советской историографии, демонстрирующей косность, неповоротливость, жесткое давление имперского центра, и продемонстрировал не только собственную научную зрелость, но и политическую смелость, отмечая гибкость имперской политики царизма, ее избирательность по отношению к каждому этносу, использование им прежде всего экономических рычагов для включения «иностранного населения» в товарно-денежные отношения, в российский национальный рынок. Особенно важно, что в период подготовки кандидатской, а затем и докторской диссертации и сразу же после защиты Л.М. Дамешек последовательно публикует историографические¹² и источниковедче-

¹¹ Петрушин Ю.А. Личность историка и вызовы времени (к 60-летию со дня рождения профессора Л.М. Дамешка) // Лев Михайлович Дамешек. К 60-летию со дня рождения: библиографический указатель. Иркутск: Отгис, 2008. С. 3.

¹² Дамешек Л.М. К вопросу об оценке взаимного влияния русского и коренных народов Сибири в русской историографии XIX века // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 3. С. 93–95; Он же. История народов Северной Азии в трудах американского историка Марка Раева // Страны Востока: проблемы социально-экономического и политического развития. Иркутск, 1982. С. 17–18; Он же. Историко-правовое положение народов Сибири в освещении русской историографии XIX в. // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 131–137; Он же. Судьбы ясачного режима в Сибири в советской историографии // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1984. Ч. 3; Он же. Вопросы национально-колониальной политики царизма Сибири в освещении официальной историографии конца XIX – начала XX в. // Четвертая конференция молодых ученых. Иркутск, 1986. Ч. 3; Он же. Вопросы истории аборигенного населения Северной Азии в освещении зарубежной буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. // Страны и народы Востока: пути развития. Иркутск, 1988. С. 101–102; Он же. История народов Сибири в современной советской историографии // Проблемы социально-экономического развития Сибири в XIX–XX вв. Иркутск, 1988. С. 22–24.

ские¹³ работы, которым свойственна глубокая теоретическая проработка и широкая компаративистика, о которой, кстати, ученый говорит с завидным постоянством. При этом, упоминая об источниковедческих публикациях, хочется отметить бережное и даже трепетное отношение ученого к источникам. И здесь необходимо заострить внимание на введении ученым в научный оборот принципиально новых документальных источников, в которые погрузился исследователь. Работа с ними потребовала выработки новых специальных исследовательских методик. Более 100 лет назад П.Н. Милоков так описывал весьма схожий период завершения оформления «старой» и перехода к «новой» модели исторического прошлого: «Пользование актами требовало совершенно иных приемов ученой работы и иных взглядов на задачи научного исследования, чем те, которыми располагали старые исследователи»¹⁴. Возвращаясь к источниковедческим публикациям Л.М. Дамешка, хочется отметить, что автор, опираясь на классический учебник по источниковедению XIX века С.А. Никитина¹⁵, использовал принцип типологии, который дает возможность раскрыть условия формирования видовых свойств источников в длительной исторической перспективе.

Сегодня стало очевидным, что именно «видовой типологический принцип оптимально соответствует исследовательской цели – системному осмыслению культуры». Не лишним будет отметить, что типологический курс источников русской истории читал в Московском университете В.О. Ключевский. Современное источниковедение констатирует, что «источники в их видовой специфике представляют собой проекцию изучаемой культуры в пространстве и дают возможность проследить их эволюцию во времени, они несут информацию о функционировании социокультурной

¹³ Дамешек Л.М. Материалы ЦГИА СССР как источник по истории ясачной политики царизма в Сибири // Проблемы источниковедения и историографии Восточной Сибири. Иркутск, 1982. С. 45–46; Он же. Закон 1893 г. о крестьянских начальных в советской исторической литературе // Актуальные проблемы истории Восточной Сибири. Иркутск, 1983. С. 24–25; Он же. Кодификация норм обычного права народов Сибири как источник по истории царизма в XIX в. // Источниковедение государства и права дореволюционной России. Иркутск, 1983. С. 29–41; Дамешек Л.М., Мурач Т.Г. Нормативные акты как источник изучения политики самодержавия в отношении народов Сибири // Первая конференция молодых ученых. Иркутск, 1983. С. 94.

¹⁴ Милоков П.Н. Источники русской истории и русской истории и русской историографии // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. 55. СПб., 1899. С. 432.

¹⁵ Никитин С.А. Источниковедение истории СССР. XIX век. М., 1940.

общности, страны, этноса, о структурах и способах функционирования системного механизма»¹⁶. Поэтому не случайно, что уже тогда в историографических и источниковедческих публикациях молодого ученого четко прослеживаются будущие направления научного поиска самого исследователя. При этом хочется особенно отметить те историографические публикации, которые построены на творчестве видных ученых и общественных деятелей рассматриваемой эпохи. Среди них А.П. Шапов и Н.М. Ядринцев¹⁷, А.А. Кауфман¹⁸, Л.Н. Толстой¹⁹. Именно в этих работах автора имеет место сочетание биографического метода с традиционным для отечественной науки охранительством. Венчает это направление творческого поиска профессора Л.М. Дамешека небольшое учебное пособие по историографии и источниковедению истории народов Сибири, которое сегодня не просто раритет, а классика по исполнению и научному подходу²⁰. На этой работе необходимо остановиться несколько подробнее.

Дело в том, что количественные и качественные изменения в науке второй половины XIX – начала XX в., сложность протекавших внутри нее явлений объясняет неослабевающее внимание исследователей нескольких поколений к этому периоду. Именно интерес к этому времени, с одной стороны, и наметившийся новый этап, обусловленный расширением стоящих перед дисциплиной задач²¹ в рамках единого процесса изучения отечественной историографии в 1980–1990-е годы, – с другой, и позволили профессору Л.М. Дамешеку выполнить прекрасную работу. Тем самым мы имеем блестящий пример объективного влияния общественно-политической мысли, общественного развития на творчество ученого. Это проявилось и в активном введе-

¹⁶ Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение. М., 2000. С. 94.

¹⁷ Дамешек Л.М. Оценки взаимного влияния русского и коренных народов Сибири в трудах политических ссыльных А.П. Шапова и Н.М. Ядринцева // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск, 1983. Вып. 8. С. 70–78.

¹⁸ Дамешек Л.М. А.А. Кауфман о землеустройстве народов Сибири // Пятая конференция молодых ученых вузов Иркутской области. Иркутск, 1987. Ч. 3.

¹⁹ Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма по материалам ревизии Л.Н. Толстого // Сибирский исторический сборник: социально-экономическое и политическое развитие Сибири. Иркутск, 1975. Вып. 3. С. 77–99.

²⁰ Дамешек Л.М. Историография и источниковедение истории народов Сибири эпохи капитализма (1861–1917): учеб. пособие. Иркутск, 1990. 83 с.

²¹ Бон Т. Историзм в России? О состоянии русской исторической науки в XIX столетии // Отечественная история. 2000. № 4. С. 121.

нии в научный оборот архивной эпистолярной, мемуаристической и историографической работ российской эмиграции, в углублении изучения творческого наследия ученых, в выделении им в качестве самостоятельных вопросов методологии, связи процесса генезиса познания с национальными культурными традициями. По нашему глубокому убеждению, Лев Михайлович вплотную подошел к необходимости «портретной» историографии, когда бурная эпоха второй половины XIX в., особенно в Сибири, настоятельно нуждается в исследованиях через призму исторической личности. Кстати, именно в этом жанре выполнил блестящую работу один из учителей Льва Михайловича – профессор В.Г. Тюкавкин²². В свою очередь ученики профессора Л.М. Дамешека²³ уже «созрели» до необходимости выделить в качестве оригинального направления исследования поведенческое своеобразие самого ученого в рамках творческого сообщества. Во всяком случае, изучение своеобразия уже сложившейся научной школы ученого во всем ее многообразии – особенно педагогическая, организационно-административная деятельность историка, которая традиционно остается вне поля зрения, – без личного подхода, без умения выработки коллективистских форм исторического познания – невозможна. Этих недостатков удалось избежать научным школам, сложившимся в Московском и Петербургском университетах²⁴. Что касается иркутской исторической школы, то ей пока не повезло, если не считать «датской» литературы, т. е. публикаций по случаю юбилеев ученых. Исключение составляет лишь школа одного из учителей Л.М. Дамешека, профессора Ф.А. Кудрявцева, творчеству и общественной деятельности которого посвящена кандидатская диссертация С.В. Бильдуевой²⁵.

Конечно, время эпохи «зрелого социализма», да и сама советская историография, наложили отпечаток и на творчество профессора Л.М. Дамешека, не могли не наложить. Классическая тема исследования, блистательный XIX век,

²² Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.

²³ Под руководством профессора Л.М. Дамешека защищено 37 кандидатских и докторских диссертаций.

²⁴ Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003.

²⁵ Бильдуева С.В. Профессор Федор Александрович Кудрявцев – исследователь истории Сибири: дис. ... канд. ист. наук / С.В. Бильдуева. Улан-Удэ, 2005.

«инородческое население», а история – всё равно политическая. Это особенно явно просматривается в статьях об отношении к «инородческому вопросу» через призму деятельности политических партий и общественных движений. Это взгляды и влияние декабристов²⁶, ссыльных разночинцев²⁷, политических ссыльных²⁸, областников²⁹ на эту проблему. Здесь же аграрная политика царизма по отношению к коренным народам Сибири³⁰, национальные отношения и национальное движение³¹, развитие капиталистических отношений в бурятских улусах³². И это ни в коей мере не упрек, а реальность бытия, которая как раз и способствует объективности истории, что и является основой любого научного исследования. И вот здесь особенно хочется отметить, что принцип «партийности», предполагавший отнесение ученого к тому или иному научному лагерю в зависимости от его ответа на вопрос о степени соответствия отечественно-

²⁶ Дамешек Л.М. Декабристы и судьбы народов Сибири // Сибирь и декабристы: сб. матер. конфер. Иркутск, 1978. Вып.1. С. 65–73; Он же. Влияние ссыльных декабристов на формирование двуязычия в Бурятии // Бестужевские чтения. Улан-Удэ; Селенгинск, 1991. С. 11–13.

²⁷ Дамешек Л.М. Взгляды ссыльных разночинцев 70–90-х годов на «инородческий вопрос» в Сибири // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): сб. науч. тр. Иркутск, 1989. Вып. 11.

²⁸ Дамешек Л.М. Политические ссыльные 50–60-х гг. XIX в. о проблеме национальных отношений в России // Диаспоры в историческом времени и пространстве: национальная ситуация в Восточной Сибири. Иркутск, 1994.

²⁹ Дамешек Л.М. Национальная политика царизма в Сибири в оценке областников // «История России» А.П. Щапова и история России: первые щаповские чтения. Иркутск, 2001. С. 30–34.

³⁰ Дамешек Л.М. Аграрное законодательство самодержавия и народы Сибири в пореформенный период // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века: сб. ст. Иркутск, 1984. С. 99–104; Он же. Аграрное законодательство и землеустройство народов Сибири (1861–1917 гг.): современные итоги и задачи изучения // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС: тез. докл. и сообщ. XXI сессии Всесоюз. симп. по изучению проблем аграрной истории. Казань, 22–25 окт. 1986. М., 1986. С. 105–107; Он же. Инородческий вопрос в аграрном законодательстве царизма в эпоху политической реакции и кризиса самодержавия (80-е гг. XIX в. – 1917 г.) // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в.: сб. ст. Иркутск, 1987. С. 50–80.

³¹ Дамешек Л.М. Некоторые проблемы историографии национального движения народов Сибири начала XX в. // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории. Иркутск, 1994. Ч. 1. С. 86–88.

³² Дамешек Л.М. Влияние рынка на развитие сельскохозяйственного производства народов Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Дуловские чтения. Иркутск, 1982. С. 13–15; Он же. Развитие капиталистических отношений в бурятских улусах Иркутской губернии // История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. М., 1995. С. 175–204.

го и европейского исторического процессов³³, мало влияет и уж совсем не противоречит объективности истории. Более того, классификация по принципу «партийности» была обусловлена еще в сочинениях и лекционных курсах С.М. Соловьева, К.Н. Бестужева-Рюмина, В.О. Ключевского, А.С. Лаппо-Данилевского. Что касается марксистской науки, то она пошла по пути еще большего развития принципа «партийности» ученых, классифицировав их как представителей революционно-демократического, либерально-буржуазного и официально-охранительного направлений³⁴. И в этом нет ничего предосудительного, ибо изучение истории XX века и особенно истории КПСС без такого подхода маловероятно и, наверное, бессмысленно. Видимо, под влиянием этого времени у исследователя, правда лишь однажды, появляется публикация о предпосылках национально-освободительного движения народов Сибири³⁵, что вообще-то является нонсенсом, ибо тем самым превращает Российскую империю в метрополию, каковой она не была никогда. Следует особенно отметить, что указанные направления в творчестве ученого, многие из которых были для него лишь сегментом в реализации основной цели научного поиска, стали побудительным мотивом для появления новых путей научных изысканий молодых исследователей. Так, небольшие тезисы о влиянии декабристов на развитие двуязычия в Бурятии стали впоследствии основой кандидатской и будущей докторской диссертаций профессора И.Г. Балханова. Поэтому вполне логично, что автором предисловия к одной из монографий этого ученого стал профессор Л.М. Дамешек³⁶. Несомненное влияние Лев Михайлович оказал и на творчество другого исследователя – профессора Ч.Г. Андреева, закономерно став автором предисловия к его монографии³⁷.

³³ Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. С. 128–129.

³⁴ Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 373.

³⁵ Дамешек Л.М. О предпосылках национально-освободительного движения народов Сибири (1900–1917 гг.) // Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1987. С. 7–8.

³⁶ Дамешек Л.М. Предисловие // Двуязычие: история и современность / И.Г. Балханов. Улан-Удэ, 1991. С. 3–4.

³⁷ Дамешек Л.М. Предисловие // Коренные народы Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Ч.Г. Андреев. Улан-Удэ, 2001. С. 3–4.

Наиболее важным в творчестве ученого в советский период является историко-правовой аспект проблемы. Во-первых, это междисциплинарный подход, что является свидетельством широты познаний, правовой эрудированности ученого, ориентации на выявление общих процессов, протекавших в науке во второй половине XIX в. Но главное, это то, что нормативная база в сочинениях профессора Л.М. Дамешка выполняла функцию методологической основы изучаемой проблемы. Особенно важно, что это происходило в период апогея развитого социализма и расцвета советской историографии³⁸, когда труды «классиков марксизма-ленинизма» являлись методологической основой любого исследования. Этот аспект в творчестве ученого имеет еще более важное значение в настоящее время³⁹, ибо, пока современная российская историография истории XIX в. декларирует множественность методологий и рассуждает «о формационном и цивилизационном подходах», профессор Л.М. Дамешек опирается прежде всего на нормативно-законодательную базу⁴⁰ и потому твердо стоит на ногах. Конечно, сейчас мало у кого вызывает сомнение, что классификация по «партийным» направлениям нуждается в существенных коррективах. Поэтому вполне понятно желание современной исторической науки выстроить новую систему координат, без которой историография превращается в голый перечень фамилий, дат, названий произведений. В этой связи часть исследователей исключила политическую направленность своих трудов из числа определяющих факторов их принадлежности к

³⁸ Дамешек Л.М. Устав об управлении инородцев М.М. Сперанского и Г.С. Батенькова // Памяти декабристов: К 150-летию со дня восстания. Иркутск, 1975. С. 21–46; Он же. Временное положение о крестьянских начальниках и народы Сибири // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 40–50; Он же. Аграрное законодательство самодержавия и народы Сибири в пореформенный период // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск, 1984. С. 43–48 и др.

³⁹ Дамешек Л.М. Об экономической сущности и юридической принадлежности сибирского ясака на рубеже веков // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского автономного округа в XX веке. Иркутск, 2002. С. 189–190; Он же. Законодательно-правовое регулирование экономики Сибири в 1850–1860 гг. // Вестник Иркутского государственного университета. Иркутск, 2006. Спецвыпуск. С. 60–63; Он же. «Устав об управлении инородцев» 1822 г. и общественность бурят // Там же. С. 75–77.

⁴⁰ Дамешек Л.М. Российское законодательство как источник изучения государственной политики в Сибири в XIX – начале XX веков // Правосудие в Восточной Сибири. Иркутск, 2012. С. 93–95.

какому-либо научному лагерю⁴¹. Но большая часть ученых, и к их числу, несомненно, принадлежит профессор Л.М. Дамешек, не отвергает подобную классификацию, которая вполне оправдана при изучении исторической науки как составной части общественно-политической мысли. Именно такой подход и позволил в полной мере рассмотреть и изучить имперские процессы на окраинах России и отношение периферии к империи. Тем самым в российской исторической науке фактически определился намеченный еще в рамках советской исторической науки 1980-х годов отход от былого единомыслия. Вместе с тем современное состояние истории, к сожалению, характеризуются ослаблением «творческих связей внутри исторического сообщества» и даже «исчезновением исторических школ крупных исследователей»⁴². Хотя именно эти традиции были наиболее устойчивыми как в дореволюционный, так и в советский периоды. Такое положение расшатывает единство «исторической школы» как сообщества единомышленников, занятых исследованием смежных проблем и объединенных единством подходов, методики, взаимовыручкой в целях максимально комфортного выживания в широком научном сообществе. И в этих условиях особую роль играет ответственность историка, его индивидуальная популярность как преподавателя и исследователя. В этих условиях историческое познание несет на себе больше, чем когда-либо, неизбежную печать мировоззрения исследователя. В современных российских условиях личная порядочность ученого, его гражданская позиция, тематика его научных изысканий, его ученики становятся базовыми понятиями развития современной исторической науки. Все это, несомненно, ощущает и осознает профессор Л.М. Дамешек и потому понимает меру собственной ответственности за будущее развитие отечественной историографии и определение магистрального пути российской науки.

Наверное, анализ имперской политики в трудах ученого был бы неполным без рассмотрения основных отраслей хозяйства аборигенов Сибири, его места в экономике России. Это тем более важно, что движение русских переселенцев на восток имело свои особенности и в частности носило аграр-

⁴¹ Шаханов А.Н. Указ. соч. С. 373.

⁴² Наумова Г.Р., Шилко А.Е. Историография истории России. 2-е изд. М., 2009. С. 459.

ный характер. Именно развитие аграрного капитализма определило дальнейшие шаги империи на востоке России. Поэтому не случайно, что это направление научного поиска проходит через все творчество ученого⁴³.

В беседах с коллегами иногда приходится слышать, что тот или иной историк начинает повторяться, а то и вовсе исписался. Слышал это о себе, слышал и о Льеве Михайловиче. Отношусь к этому, и думаю, что Лев Михайлович тоже, совершенно нормально. Идеи обязаны повторяться, ибо в творчестве любого исследователя должна быть «генеральная линия», жизненное «кредо». Кроме того, ученый пишет не для себя. Появляются новые поколения читателей, молодых ученых, до которых просто необходимо донести основополагающие мысли, ранее казавшиеся аксиоматичными и которые сегодня, к сожалению, следует доказывать. Сменилось не просто государство, сменилась идеология, сменился исследовательский подход, отвергаются основополагающие методологические принципы, появилось целое поколение «историков-дилетантов», а советская историческая школа воспринимается как атавизм. В этой связи интересна оценка моих первых монографий (по кандидатской и докторской диссертациям), получивших положительную оценку научной общественности, одного из моих же бывших аспирантов: «Работы написаны со старых методологических позиций». И ни слова больше. Сегодня даже в историографических сочинениях упоминание классических трудов советских историков – большая редкость. Недавно в исследовании молодого ученого, где имелся сюжет об истории Иркутска, к своему удивлению обнаружил ссылку не на классический труд профессора Ф.А. Кудрявцева по истории города, а на прекрасно иллюстрированную, но неглубокую по своему содержанию работу С.И. Гольдфарба.

⁴³ Дамешек Л.М. Из истории развития скотоводства у народов Восточной Сибири в первой половине XIX в. // Сибирский исторический сборник: социально-экономическое и политическое развитие Сибири. Иркутск, 1974. Вып. 2. С. 3–15; Он же. О социально-экономической сущности и принадлежности сибирского ясака // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX вв. Иркутск, 1984. С. 34–48; Он же. Землеустройство бурятского крестьянства Иркутской губернии (1896–1917 гг.) // Бурятия XVII – начала XX вв.: экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989. С. 84–98; Исторический опыт развития сельскохозяйственного производства народов Сибири и рынок (1861–1917 гг.) // Аграрный рынок в его историческом развитии. М., 1991. С. 81–83; Он же. Аграрная политика царизма и народы Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Дуловские чтения. Иркутск, 1998. С. 32.

Вообще, историческая наука объективно отличается консервативностью мышления. Невозможно оценить работу по принципу «новая» методология или «старая», ибо качественные «скачки» в ее развитии растягиваются на десятилетия. И готовятся они не директивным утверждением «новой» методологии, а видовым и количественным расширением источниковой базы, выработанной методикой, соответствующими этим источникам, и воплощением этих достижений в конкретную публикаторскую деятельность.

Таким образом, смена методологий – это прежде всего смена «поколений» в науке, что само по себе явление сложное, болезненное и противоречивое, сопряженное с полемикой концептуального характера и человеческим фактором. Как раз итогом этих сложных общественных и научных коллизий и стали труды профессора Л.М. Дамешека, отличающиеся объективностью, историзмом и... партийностью.

Анализируя исследования своих коллег, да и свои собственные, поневоле приходишь к выводу о том, что они делятся на созданные до 1991 г. и после. Но позиция профессора Л.М. Дамешека в вопросе «о той роли, которую играли и продолжают играть окраины в судьбах Российского государства», при этом неизменна. В рецензии на монографию А.А. Иванова, Л.В. Кальминой и Л.В. Кураса он подчеркивает, что «историю России невозможно представить и понять без осмысления процесса инкорпорации окраинных территорий и народов, их населяющих, в единый экономический, политико-административный и социокультурный механизм жизни многонационального государства». Именно это и «понуждало самодержавие к постоянному поиску путей консолидации империи, важнейшей и конечной целью которой было предотвращение угрозы национального сепаратизма»⁴⁴, и способствовало поступательному процессу социально-экономического развития российской империи⁴⁵. В опубликованной рецензии на две монографии Б.Ц.

⁴⁴ Дамешек Л.М. Окраины Российской империи и забайкальская периферия на рубеже XIX–XX вв.: размышления по поводу монографии А.А. Иванова, Л.В. Кальминой, Л.В. Кураса «Забайкальская периферия на переломе эпох (1880–1920-е гг.)». Иркутск, 2012. 300 с. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2012. № 3 (7). С. 279.

⁴⁵ Дамешек Л.М. Россия и Сибирь: место Сибири в процессах социально-экономического развития империи // Гуманитарный вектор (Чита). 2012. № 2 (30). С. 124–132.

Жалсановой⁴⁶ он не просто задается риторическим вопросом о классовом подходе к оценке дореволюционной историографии⁴⁷, родоначальником которой стал великий русской историк В.О. Ключевский. По наблюдениям П.Н. Милокова, близко знавшего В.О. Ключевского, трагедия его как личности и ученого заключалась в том, что, своевременно поняв новые задачи гуманитарных дисциплин, он не сумел сформулировать «цельного философского и общественного мировоззрения», освободиться от «метода исторического мышления и подхода к историческим данным», выработанным С.М. Соловьевым⁴⁸. И.М. Гревс конкретизировал эту мысль, указав, что известный курс В.О. Ключевского – «одного из первых знатоков нашей отечественной истории, являющегося почти безукоризненным образцом метода, все-таки оказывается главным образом картиною развития государственных учреждений и сословного строя Руси»⁴⁹. На наш взгляд, «метод исторического мышления» – скорее достоинство, нежели недостаток, и дискуссия между представителями разных школ была скорее риторической, в большей мере реакцией на излишнее теоретизирование и политизирование отечественной науки. Проблема творчества В.О. Ключевского выражалась вовсе не в том, что он является «посредником» между государственниками и современной им наукой. С творчеством В.О. Ключевского современники связывали начало нового «научно-реалистического» этапа в отечественной историографии, понимаемого как взаимодействие «общественных классов и их интересов». Драма В.О. Ключевского, на наш взгляд, заключалась в том, что изучение социального «механизма истории», нового подхода, нового этапа и нового видения исторического процесса по причинам объективного характера было прервано. Но современное со-

⁴⁶ Жалсанова Б.Ц. Источники и историография местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. /отв. ред. Л.В. Курас. Иркутск: Отгиск, 2012. 138 с.; Она же. История формирования и развития органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. /отв. ред. Л.В. Курас. Иркутск: Отгиск, 2012.

⁴⁷ Дамешек Л.М. История формирования и развития местного самоуправления у бурят в XIX – начале XX вв. (Размышления по поводу монографий) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 1(9).

⁴⁸ Милоков П.Н. Источники русской истории в русской историографии // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. 55. СПб., 1899. С. 444–445.

⁴⁹ Гревс И.М. Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. № 8. С. 43.

стояние исторической науки, изменения в области теории и методологии как раз и привели к постановке тех проблем, которые поднимал более 100 лет назад В.О. Ключевский, обративший внимание на метод «народно-психологического чутья». И заслуга профессора Л.М. Дамешкеа заключается как раз в том, что он на современном этапе фактически стал последователем и продолжателем традиции великого предшественника. Это наиболее ярко проявилось в трех монографиях Льва Михайловича, опубликованных в 2007 г. в серии «Россия Азиатская», где им последовательно ставятся и решаются проблемы оценки образа «инородца» сибирским сообществом⁵⁰, региональной власти и общественности Сибири⁵¹ и, наконец, места сибирских «инородцев» в имперской политике власти⁵². Книги объединены не только единой серией. Они объединены общей идеей: интеграцией Сибири в Россию через политическую, экономическую и социокультурную составляющие. Именно на эти составляющие обратил свое внимание и профессор Ю.А. Петрушин⁵³. И здесь Л.М. Дамешек сравнивает эти процессы с общемировой практикой, экстраполирует их на мировую историю⁵⁴. Одновременно перед нами предстает синкретический образ «инородца». На фоне этих процессов и обобщенного образа рассматривается суть взаимоотношений политики центра и региона, которая сегодня является наиболее актуальной проблемой современного государственного строительства.

Таким образом, перед нами творческий портрет не только блестящего ученого, создавшего мощное направление научного поиска и воплощения научных идей, не только основателя научной школы, которую он возглавил, но и творца прекрасной теоретической основы для реализации современной национальной политики, регионального развития,

⁵⁰ Дамешек Л.М., Сенина Л.А., Гимельштейн А.В. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати второй половины XIX в. – начала XX в. Иркутск, 2007. 320 с.

⁵¹ Дамешек Л.М., Даниленко А.В., Гимельштейн А.В., Дамешек И.Л. Региональная власть и общественность Сибири, XIX–XX вв. Иркутск, 2007. 256 с.

⁵² Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX в. Иркутск, 2007. 320 с.

⁵³ Петрушин Ю.А. Указ. соч. С. 19.

⁵⁴ Дамешек Л.М. Окраинная политика как фактор инкорпорации сопредельных территорий Российской империи (XVIII – начало XX века) // Исторический опыт взаимодействий народов и цивилизаций : сб. науч. ст. Улан-Удэ, 2011. С. 29–43.

политики местного самоуправления и укрепления российской государственности.

* * *

Завершить свои раздумья хочется повторением мысли Льва Михайловича о единстве Российского государства, в котором вплоть до начала XX в. выстраивались системы отношений центра и периферии, отличавшиеся «известной гибкостью и поливариантностью». Замечательно, что эта идея получила научное воплощение в творчестве профессора Л.М. Дамешека. Именно в этом русле, хотя и с издержками, сегодня развивается Российская Федерация и ее регионы. И хочется, чтобы государство, с одной стороны, использовало достижения империи в осуществлении политики регионализма, а с другой – не повторило ошибок периода завершения инкорпорации окраин в империю, когда, по справедливой мысли Л.М. Дамешека, «в основе имперских подходов к управлению окраинами преобладающим стал жесткий централизм, подразумевающий унификацию и стандартизацию форм управления и государственно-административной структуры»⁵⁵.

---

⁵⁵ Дамешек Л.М. Сибирь в империи – империя в Сибири: этнический фактор в окраинной политике Российской империи // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2012. № 4 (8). С. 130.

*А.А. Иванов,
доктор исторических наук,
профессор ИГУ*

Иркутский исследователь истории Сибири

Ни для кого не секрет, что большинство ныне здравствующих и активно работающих российских историков сформировались как ученые еще в советскую эпоху. Начав работать в 60–80-х гг. прошлого века, в рамках жесткой партийно-классовой идеологии, большинство из них, сумев переосмыслить общепринятые методологические положения, и сегодня занимают в нашей науке ведущие позиции, подтверждая тезис о том, что в истории, как, наверное, нигде, необходимы преемственность, синтез методик и методологий. При этом речь идет о трансформации научных подходов, а не о приспособлении к новым условиям. Лев Михайлович Дамешек относится именно к таким ученым. Защитив в 1974 году кандидатскую диссертацию на тему «Царизм и народы Восточной Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в.», он со временем сумел значительно обогатить методологическую основу своих исследований, синтезировать несколько научных инструментариев и, благодаря этому, существенно расширить область изысканий, избрав предметом изучения уже историю государственной, окраинной политики в отношении Сибири. Целая полка крупных монографий, участие в престижных научных проектах страны и Сибирского региона, десятки содержательных статей, ученики и последователи, разрабатывающие уже детально направление своего научного руководителя, всё это – Л.М. Дамешек. А еще он много лет возглавляет Институт повышения квалификации работников образования, руководит интереснейшей кафедрой на историческом факультете госуниверситета, с удовольствием и в меру занимается политикой. Можно только позавидовать энергии, жизнелюбию, предприимчивости и работоспособности этого человека!

Не ставя перед собой задачи подробного анализа творчества историка, отмечу в нем лишь некоторые сильные стороны. Прежде всего работы Л.М. Дамешака отличает высокая историографическая культура. Лев Михайлович – настоя-

щий знаток и ценитель сибирской исторической литературы XVIII–XIX веков. Любое свое, пусть даже совершенно конкретное, событийное исследование автор предваряет подробным историографическим анализом, черпая в работах ученых прошлого не только конкретный, всеми забытый материал, а больше прослеживая движение мысли, формирование традиций русской академической исторической школы. Эта черта проявилась уже в ранних работах историка. В качестве примера назовем одну из первых опубликованных статей (в соавторстве с А.С. Кузнецовым) под названием «Сибирская реформа 1822 г.», изданную 40 лет назад (!), в 1973 году, и напечатанную в сборнике «Очерки истории Сибири».

Хорошо известно, что реформа оказала широчайшее влияние на все стороны жизни сибирского общества. Однако в центре статьи находится не реформа как таковая, а то, как ее оценивали современники. Л.М. Дамешек начинает свой анализ с двухтомного сочинения М.А. Корфа о М.М. Сперанском, при этом не только сам рассматривает слабые и сильные стороны этой работы, но и дает отзывы на эту книгу Н.Г. Чернышевского и А.И. Герцена. Затем автор подробно исследует труд В.И. Вагина, называя его «самым полным сводом данных о ревизии и реформах Сперанского в Сибири» [с. 111]. И опять же не просто перечисляет достоинства и недостатки, а показывает различные оценки этой книги современниками-сибиряками. Далее следует подробный разбор сочинений А.П. Щапова, отражающих отдельные аспекты реформы; и снова автор показывает воздействие творчества ссыльного историка на сибирскую историографию, говоря о крупном влиянии на демократическую литературу региона конца XIX века. Подобным же образом ведется разбор сочинений Н.М. Ядринцева: через анализ работ историка выявляется позиция лидеров областного движения в целом относительно планов и деятельности М.М. Сперанского в Сибири.

Такой подход позволяет Л.М. Дамешеку не только подробно проанализировать отношение современников – ученых и публицистов – к сибирским реформам 1820-х годов, но выявить и проследить степень влияния их трудов на формирование самого сибирского общества, общественного самосознания, отношения к государству и его политике, что,

согласитесь, значительно обогащает и расширяет, казалось бы, совершенно конкретный предмет изучения.

Чтобы показать, насколько широк диапазон историографических исследований Льва Михайловича, лишь перечислим здесь несколько его статей: о Ф.А. Кудрявцеве – историке, творчество которого в равной мере принадлежит и Бурятии, и Иркутской области (1980); американце Марке Раеве и результатах его изучения народов Северной Азии (1982); о Е.И. Меламеде и его книге «Джордж Кеннан против царизма» (1983); об исследовании А.А. Кауфманом землеустройства в Сибири (1987); о творчестве профессора В.Г. Тюкавкина и личных встречах с ним (2004). Наконец, следует отдельно упомянуть монографию Л.М. Дамешека «Историография и источниковедение народов Сибири эпохи капитализма» (1990), в которой автор приводит десятки имен исследователей прошлого нашего региона, подробно анализирует их отношение к проблеме сибирских инородцев, динамике политики государства в управлении многонациональными окраинами на протяжении всего XIX века.

Другая особенность Дамешека-историка – прекрасное знание конкретного исторического источника. Для него добрая часть фактического материала, связанного с исследованием имперской политики на сибирской окраине, отношением государства к инородческому вопросу, вполне «осазаема»: он в прямом смысле этого слова «держал в руках», «собственноручно» изучал эти документы во многих столичных и большинстве региональных архивов Сибири, и я неоднократно был свидетелем того, как он демонстрировал оппонентам или ученикам прекрасное знание того или иного хранилища, называя по памяти описи, фонды, связки и даже отдельные дела и документы. При этом надо обязательно подчеркнуть, что конкретный источник в его работах служит не только для обоснования, а затем иллюстрации того или иного научного тезиса. Лев Михайлович – достаточно взглянуть на список его изданных трудов – нередко изучает архивные документы и в качестве объекта специального, источниковедческого анализа, особо выделяя нормативные акты, материалы правительственных комиссий, данные ревизий, результаты работы статистических комитетов, документы Степных дум и инородных управ.

Столь же основательно знаком историк и с опубликованными источниками: его труды содержат материалы, собранные и обработанные В.К. Андриевичем, М.М. Геденштромом, К. Ельницким, А.М. Корниловым, В.И. Семеvским, П.А. Словоцовым, И.Э. Фишером, И.В. Щегловым и другими российскими и сибирскими учеными. Уже то, что Л.М. Дамешек свободно ориентируется в многотомном Собрании и Своде законов Российской империи, говорит о многом!

Еще одна привлекательная грань творчества Льва Михайловича – он не боится вторгаться в правовую составляющую своей обширной темы, что редко можно встретить у «обычного» исследователя-историка. Его интересует и формирование законодательной базы политики государства в инородческом вопросе, и правовые основы деятельности крестьянских начальников, и нормативы организации Степных дум, и изменения обычного права коренных народов Сибири на протяжении XVII–XIX веков. Подходя к проблеме развития правовой мысли как историк, т. е. исследуя прежде всего обусловленность и закономерность появления тех или иных законодательных и нормативных актов, раскрывая их объективный характер, автор отлично увязывает содержание этих документов с сибирской спецификой, аргументированно доказывая, что Сибирь, представляя собой территорию пограничного существования не только материальных культур, но и различных конфессий и правовых традиций, требовала особенной, прежде всего законодательной проработки вопросов государственной региональной политики.

Возьмите любую монографию Л.М. Дамешака – в ней обязательно есть раздел или по крайней мере глава, посвященная детальному анализу законодательных актов государства. Отличное знание первоисточника, добытого своим трудом, позволяет автору доподлинно (или наиболее достоверно) судить о развитии имперской политики в отношении окраин. «Обычный» же историк, скорее, сошлется на чей-либо авторитет: С.К. Гогеля, Д.А. Дриля, В.В. Есипова, И.А. Малиновского, Н.С. Таганцева, И.Я. Фойницкого – или воспользуется выводами маститых ученых-юристов, но не будет детально прорабатывать нормативную составляющую той или иной политики. Л.М. Дамешек же предпочитает делать это самостоятельно, неизменно находя в законодательной базе новые, ранее не замеченные другими исследо-

вателями грани. Такое сочетание историка и правоведа дает интересные плоды: исследование получается более органичным, в нем находят отражение причины возникновения того или иного законодательного решения, механизм его принятия и особенности осуществления «на местах», в Сибири.

Хотелось бы отметить еще одну сильную сторону творчества Льва Михайловича: он профессионально занимается исследованием конкретных экономических проблем истории Сибири, понимая, что без этого не может быть цельной и законченной картины прошлого региона. Известно, что экономическая составляющая исторического процесса активно исследовалась русской отечественной историографией, затем, после 1917 г., история страны превратилась по большей части в демонстрацию «борьбы партии за ...», при этом изучение экономических процессов отошло на второй план.

И сегодня эта ситуация во многом не преодолена. Но Л.М. Дамешек скрупулезно на протяжении многих лет исследует конкретно-экономические проблемы истории региона: традиционные промыслы и их значение в хозяйственной жизни народов Сибири; особенности землепользования, пашенного земледелия и скотоводства в Прибайкалье; уровень развития материальной культуры бурят; механизм осуществления ясачной политики, налоги и повинности; обязанности крестьянских начальников и т. д. Затем свои конкретно-экономические изыскания он выводит на уровень политических обобщений и весьма компетентно судит об эффективности государственной политики в Сибири. Именно это сочетание – «историка хозяйства и хозяйствования», правоведа и исследователя политической истории и делает, на мой взгляд, работы Льва Михайловича по-настоящему оригинальными, основательными и достоверными, а также, что не менее важно, востребованными самыми различными специалистами.

Исследуя отдельные аспекты взаимоотношений центра и Сибири, Л.М. Дамешек просто не мог не столкнуться с историей уголовной и политической ссылки. В сибирской «ссылочной историографии» труды Л.М. Дамешака прочно занимают свое, определившееся еще с середины 1970-х гг., заметное место. Нет нужды производить арифметические подсчеты для того, чтобы выяснить, сколько статей посвятил ученый этой проблематике – можно лишь с небольшим

преувеличением сказать, что различные сюжеты данной темы мы найдем в большинстве работ историка. Есть публикации, которые автор специально посвящает изучению определенных сторон ссылки; в других работах, особенно монографического плана, этим проблемам отданы специальные параграфы или главы; в третьих, касающихся форм и методов управления обширным регионом, имперской политики государства в Сибири, эта тема буквально рассыпана по всему тексту.

Чем же интересен Л.М. Дамешек – исследователь сибирской ссылки? Прежде всего тем, как ученый трактует в ней отдельные сюжеты, уже получившие в историографии однозначную и нередко необоснованную оценку. Взять, например, вопрос о значении уголовной ссылки в деле экономического освоения Сибири. В отличие от укоренившегося со времен областнического движения представления о том, что ссылка ничего, кроме бедствий, Сибири не принесла, историк стремится здесь к взвешенному подходу и оценкам.

Действительно, во времена Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина это был самый насущный вопрос региона: бродягиссылные сбивались в шайки отчаянных и лихих людей, грабили и убивали на тракте, «шалили» в городах. Именно бродяги были основным источником преступности среди ссыльных, они буквально терроризировали притрактовые села, вымогая у крестьян подаяние, а если получали отказ, совершали поджоги и разбои. Образ «несчастенького» бездомного, всеми гонимого, обездоленного и покорного судьбе кандалника, созданный нашей демократической литературой, очень редко совпадал с действительным обликом сибирского беглого ссыльного. Кусок хлеба, оставляемый крестьянами на задворках своей усадьбы, вовсе не был проявлением сострадания к бродягам, а являлся своеобразным способом откупиться от них, лишь бы не трогали и шли дальше.

Но страшные и действительно опасные для общества уголовные преступники – это лишь одна сторона сибирской ссылки. «Штрафная колонизация», начатая государством с приходом XVII в., оставила заметный позитивный след в освоении региона. Среди первых жителей Иркутска – казаков и посадских – было немало ссыльных: «пашенные ссыльные» быстро населяли пригородные села, расчищали землю от тайги, расселялись дальше за Байкал, снабжали служи-

вых хлебом. В освоении северного Илимского воеводства роль ссылки была еще заметнее: многие деревни здесь состояли целиком из высланных «за вины» крестьян. В XVII–XIX веках каторжане работали на всех без исключения железоделательных, винокуренных, солеваренных предприятиях региона, строили дороги, добывали уголь, руду и золото. Есть все основания сказать, что именно они и составили основу промышленных рабочих Сибири. Такая ссылка, действительно, достойна и требует серьезного изучения.

Л.М. Дамешек выступает на стороне тех исследователей, которые считают, что, оценивая влияние ссылных на экономику и общество Сибири, следует учитывать целый ряд факторов, в числе которых: вид ссылки (на поселение, жительство, в каторжные работы), время (конкретное столетие, период до 1822 г., середина XIX в., пореформенное время, после 12 июня 1900 г.), место ссылки (в Западной Сибири, например, преобладала ссылка административным порядком, в Восточной – на поселение, на остров Сахалин отправляли каторжников), социально-экономические особенности региона (характер сложившегося землепользования, специфика рынка рабочей силы и т. д.). Отсюда следует, что вклад ссылных в экономику Сибири не мог быть одинаковым и неизменным, а менялся в зависимости от контингента сосланных, времени и региона.

В большой и содержательной статье Л.М. Дамешек, опубликованной в последнем выпуске иркутского сборника «Сибирская ссылка» в 2011 г. (в соавторстве с И.Л. Дамешек), отчетливо заметен именно такой подход к оценке ссылки. Делая обширный экскурс в историю становления и развития института уголовного наказания в России, возникновение сибирской ссылки авторы относят уже к началу XVII века, когда в 1620-х гг. в западной части Сибири стали оседать первые партии колодников из центра страны. Ссылка изначально планировалась как мера для колонизации и освоения края, а нехватка в обширном регионе грамотных и знающих ремесла людей заставляла широко использовать ссылных на государственной службе. Государство не столько наказывало преступников, высылая в Сибирь, сколько поручало им важные управленческие и социальные функции на новом месте.

Л.М. Дамешек внимательно анализирует развитие института сибирской ссылки. Особую роль в организации это-

го вида наказания он совершенно справедливо отводит М.М. Сперанскому, убедительно доказывая, что только в связи с реформами 1822 г. можно говорить о систематизации уголовной ссылки и каторги. Вместе с тем исследователь далек и от идеализации Устава о ссыльных и этапах: оба документа были плохо увязаны с возможностями сибирского рынка труда, не учитывали стремительно возрастающих масштабов ссылки, были громоздки, а иногда и противоречивы.

Всё это так, критику уставов можно встретить и у других исследователей. Однако взгляд Л.М. Дамешека на этот документ гораздо шире: уставы Сперанского – не только и даже не столько вели к «упорядочению всего ссыльного дела»: «Фактически, – утверждают авторы, – в уставе о ссыльных впервые была предпринята систематическая разработка вопроса о принудительной колонизации Сибири». Вот так – через изучение отдельного документа, посвященного пусть обширному, но всё же конкретному вопросу, приходят исследователи к выводу об особенностях имперской политики государства на сибирской окраине.

И далее авторы на добротном фактическом материале доказывают этот важный тезис: попытки создания поселений для ссыльных в Енисейской губернии и под Нижнеудинском чередовались с планами масштабных переселений крестьян по приговорам помещиков в Забайкалье, организация каторжных работ на конкретных рудниках и заводах – с заселением ссыльными Московского тракта. Принудительная колонизация, по мысли авторов, была делом весьма затратным, зачастую неэффективным, свидетельствовала о выборе государством экстенсивного пути освоения Сибири. Однако «в конечном итоге, – делают вывод историки, – ссылке принадлежит немалое экономическое значение в освоении окраин империи».

Можно только поддержать это заключение. Ссылка сыграла заметную роль в первоначальном заселении края. «Пашенные ссыльные» снабжали хлебом города и остроги, способствовали продвижению государства на восток. Однако с началом XVIII века меняется сам контингент ссыльных – среди них всё большее место занимают ярко выраженные

деклассированные элементы, не способные к труду. Такие ссыльные плохо приживались на новых местах, лишь немногие обзаводились здесь землей и хозяйством, множились ряды батраков и поденных работников. Их вклад в развитие сельскохозяйственного производства Сибири следует признать незначительным. «Не имея средств к существованию, без какой бы то ни было поддержки властей, очень немногие из них, – пишет Л.М. Дамешек уже в другом исследовании о ссыльнопоселенцах, – могли встать на ноги и пополнить ряды старожильского населения»⁵⁶.

Более существенную роль сыграла ссылка в развитии горной и местной промышленности. Однако экономическая целесообразность применения труда ссыльных и каторжан исчезала с расширением рынка рабочей силы и ее удешевлением из-за роста здесь местных пролетарских слоев. Принудительный труд, несмотря на кажущуюся дешевизну, был дорог и малоэффективен.

С вводом в эксплуатацию Великого железнодорожного пути экономическая жизнь сибирского региона получила мощный стимул для развития, край стал играть всё большую роль в государственных программах переселения крестьян на новые земли и организации здесь высокопродуктивных отраслей хозяйства. Однако наряду с переселенческим делом оставалась практически в неизменном виде и система каторжного принудительного труда. Каторга и ссылка, таким образом, выступали сдерживающим фактором перехода сибирского общества от традиционного аграрного уклада к укладу преимущественно промышленному.

Как уже было сказано, сильной стороной исследований Л.М. Дамешка является глубокий профессиональный анализ правовой составляющей взаимоотношений центра и сибирской администрации. Изучая различные аспекты «ссыльной проблематики», Лев Михайлович также обращает внимание на законодательную основу практики уголовного наказания. При этом автор не только подробно рассматривает сам законодательный акт, но и стремится проследить, насколько эффективно использовались положения документа в конкретной действительности, на сибирской окраи-

⁵⁶ М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирской реформы М.М. Сперанского) / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек, Т.А. Перцева, А.В. Ремнев. Иркутск: Оттиск, 2003. С. 158.

не. В качестве примера такого подхода приведем его статью «Содержание, правовое и материальное положение заключенных каторжных тюрем Восточной Сибири», написанную совместно с А.В. Филатовым и опубликованную в 2009 г. в сборнике «Сибирская ссылка»⁵⁷.

Сразу скажем, эта тема не нова, она активно изучалась еще русской историографией, есть немало и современных ее исследователей. Такой интерес следует только приветствовать, однако немалая часть данных работ однотипна и имеет существенный недостаток: на протяжении многих страниц в них просто пересказываются и цитируются нормативные документы, многочисленные инструкции Главного тюремного управления, уставы и положения. Реальная картина каторжной жизни, таким образом, подменяется нормативной, не соответствующей действительности.

Л.М. Дамешек и А.В. Филатов также подробнейшим образом рассматривают Уложение о наказаниях, Устав о содержащихся под стражей, Положение о полицейском надзоре, Положение об усиленной и чрезвычайной охране и т.д. Однако о каторжном режиме они судят не только по нормативным документам, но и предлагают учитывать массу конкретных факторов. Во-первых, на протяжении всего периода существования каторги в качестве дополнения к нормативным актам правительством издавались различные инструкции и циркуляры, внутриведомственные директивы, которые существенно корректировали правовое положение арестантов; во-вторых, отмечают историки, в каждой тюрьме администрация нередко устанавливала свои порядки, что было продиктовано не стремлением нарушить устав службы, а конкретной ситуацией, связанной с наполняемостью помещений, укомплектованностью штатного расписания, климатическими особенностями и т. д., которые в немалой степени влияли на условия содержания заключенных, а нередко и определяли их.

Таким образом, авторы не только анализируют сам законодательный акт, но и стремятся проследить, насколько эффективно использовались положения документа в конкретной действительности, на сибирской окраине. Именно

---

⁵⁷ Дамешек Л.М., Филатов А.В. Содержание, правовое и материальное положение заключенных каторжных тюрем Восточной Сибири // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск: Отгитк, 2011. С. 223–240.

местные сибирские особенности: нехватка обученных кадров служащих тюремного ведомства, низкая квалификация конвойных команд, сформировавшихся практически на 100% из армейских запасников или инвалидов, отсутствие промышленной инфраструктуры в регионе, делавшее труд в тюрьме непозволительной роскошью, а также некоторые другие, – и определяли содержание режима в каторжных тюрьмах Сибири.

Такое сочетание законодательных документов и конкретного местного материала, теории и практики ссыльного дела делает выводы Л.М. Дамешека и А.В. Филатова достоверными и научными, а их статью – заметным явлением в современной «ссыльной» историографии. Следует отметить также и то, что эта работа вводит в научный оборот значительное количество свежего архивного материала, хорошо и умело подобранного, что обязательно привлечет к ней внимание специалистов данной проблематики и, конечно же, скажется на цитируемости наших авторов в российских и зарубежных научных изданиях.

История Сибири прочно связана не только с уголовной ссылкой. Хорошо известно, что уже с конца XVI века сюда удаляли людей, неугодных государству, а в конце XIX столетия ссыльные революционеры стали неотъемлемой частью культурной, политической и оппозиционной жизни региона.

Надо отметить, что политическая ссылка интересует Л.М. Дамешека прежде всего в качестве культурного явления: ему важно определить, как «невольная пришлая интеллигенция» исследовала в Сибири жизнь и быт коренных народов. Возьмем, к примеру, статью «Взгляды ссыльных разночинцев 70–90-х годов на «иностранческий вопрос» в Сибири»⁵⁸. Автор, оперируя значительным фактическим материалом, изучает, на первый взгляд, достаточно узкий вопрос в истории Сибири – участие политических ссыльных в исследовании культуры и быта сибирских иностранцев. И опять же, казалось бы, сугубо локальная научная проблема принимает в исследовании Л.М. Дамешека обобщающий характер: отсутствие своих, местных, научных сил делает политическую ссылку незаменимым источником культурных кадров, а отношения центра и региона приобретают двусмысленный ха-

⁵⁸ Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. 11. Иркутск, 1989. С. 35–53.

раakter: с одной стороны, самодержавное государство карает ссылкой революционно настроенную часть общества, с другой – просвещает и культурно обогащает свою сибирскую окраину.

Чтобы подчеркнуть этот тезис, приведем высказывание И.И. Попова о Е.К. Брешко-Брешковской, с 1892 по 1895 г. жившей в Иркутске под гласным надзором. «Бабушка» пользовалась заметной популярностью у местных служащих и части рабочих, сотрудичала в «Восточном обозрении», помогала В.Л. Серошевскому в работе над его «Якутами». К Брешковской, как вспоминает И.И. Попов, с большим уважением относился и генерал-губернатор А.Д. Горемыкин, не раз спрашивавший: «Ну что, ваша Брешковская всё «Якутов» пишет? Ох уж эти мне якуты. Как бы вместо якутов не вышла бы целая философия и тактика революционной борьбы в России, написанная в отделе, покровителем которого я состою»⁵⁹.

И в заключение небольших заметок о творчестве Л.М. Дамешека хочется сделать уважаемому профессору небольшой подарок. Изучая формы и методы работы иркутских жандармов, я наткнулся на любопытный факт, связанный не столько с тайным сыском, сколько с сибирскими инородцами и тем, как неукоснительно охраняло государство их интересы. Думаю, что Льву Михайловичу, многие годы пристально изучающему данную проблематику, этот документ будет небезынтересен. Это выписка из книги приказов по ИГЖУ за 1901 г.: «Унтер-офицер дополнительного штата вверенного мне управления В.С. Коваленко в мае 1901 года, прибыв по делам службы в Карагунский улус Укырского ведомства Балаганского уезда, потребовал, чтобы сельский староста Вахромей Борисов, а также и другие инородцы уплатили ему по 1 рублю за участие в лотерее, разыгрываемой в его, Коваленко, пользу, что указанные инородцы, из страха притеснений, и исполнили. Затем, проходя с тем же старостой по улице улуса и заметив на общественном магазине неисправный замок, стал кричать на старосту и грозить, что наденет на него кандалы и отправит в тюрьму, и требовать в свою пользу 20 рублей, чтобы скрыть неисправность этого замка. Староста Борисов и дал эти 20 рублей». Следует добавить,

⁵⁹ Попов И.И. Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская. Бабушка русской революции. М., 1917. С. 24.

что Коваленко незамедлительно был лишен воинского звания и отдан под суд Сибирского военно-окружного суда⁶⁰.

Завершая свою статью, приведу небольшую цитату из коллективной работы Л.М. Дамешека, С.В. Кодана и Б.С. Шостаковича о Е.И. Меламеде и его книге «Джордж Кеннан против царизма»: «Хотелось бы обратить особое внимание, – пишут авторы, – на то, что книга Е.И. Меламеда, как нам представляется, может быть вполне расценена как одна из первых и пока еще редких разработок в русле изучения истории исследований сибирской политической ссылки. Нужда в подобных разработках велика, ибо для полного и плодотворного изучения различных сторон сибирской ссылки недостаточны лишь историографические оценки о ней. Необходимо изучение деятельности авторов, создавших эти исследования»⁶¹. Думается, что это высказывание применимо как нельзя кстати и к современной историографии имперской политики в Сибири: чтобы понять до конца глубину этой темы, надо обязательно изучать творчество конкретных ее исследователей и в первую очередь Л.М. Дамешека.

---

⁶⁰ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

⁶¹ [Рецензия] Меламед Е.И. Джордж Кеннан против царизма / Е.И. Меламед. М.: Книга, 1981. 127 с. // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск, 1983. Вып. 8. С. 146. Соавт.: С.В. Кодан, Б.С. Шостакович.

А.С. Маджаров,
доктор исторических наук,
профессор ИГУ

Русская «культура и цивилизация» в работах Н.А. Бердяева первой четверти XX в.

Тема соотношения культуры и цивилизации интересовала Н.А. Бердяева на протяжении большей части его творческого пути в России и за рубежом. Перед глазами исследователя прошли русская революция 1917 г., две мировые войны. Современная история открывала перед ним новые грани жизни, ставила новые вопросы, испытывала на прочность научные взгляды.

Н.А. Бердяев как мыслитель и участник исторического процесса развивал и углублял свою историко-философскую концепцию⁶². Значение философии истории, характеристики эпохи, которую он развивал, не ограничивалось периодом времени его работы, жизни. Оценки Бердяева выходили за рамки эмпирической истории отечества, истории русской, в том числе исторической литературы. Он изучал историю духа, души России, особенностей и противоречий этого пути. Исследователь глубоко понимал и специфику Европы, сопоставлял русскую историю с западной.

Разные культуры сравнивал и его современник Освальд Шпенглер. «Субъективный метод», широкий сравнительно-исторический подход к отечественной истории позволили Бердяеву увидеть глубинные черты исторического процесса, выходящие за пределы первой половины XX в., высказать суждения, которые подтвердились на практике.

Труды Бердяева: статьи, книги, в которых тема соотношения культуры и цивилизации занимала значительное место, –

---

⁶² Маджаров А.С. Н.А. Бердяев о женственном и мужественном началах в судьбе России // Женщина в истории России XVIII–XXI вв. Восьмые Шаповские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Иркутск, 2010; «Предание», «судьба» в методологии познания отечественной истории Н.А. Бердяева // Восток–Запад в контексте мировой истории. Всероссийская научная конференция. Иркутск, 2011; Религиозный раскол Русской православной церкви: концепция Н.А. Бердяева // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История», № 1 (1), 2011.

выходили в свет на протяжении многих лет, начиная с дореволюционной эпохи и до последних дней его жизни.

В драматической атмосфере Первой мировой войны, в преддверии революции 1917 г. в России, в июне 1915 г. он опубликовал в «Биржевых ведомостях» статью «Конец Европы», которая, в дальнейшем, вошла отдельным параграфом в книгу «Судьба России».

Напомним, что О. Шпенглер, для которого проблема соотношения культуры и цивилизации была важной структурной частью книги «Закат Европы», работал над ее черновиком в 1911–1914 гг. Книга немецкого философа вышла из печати в 1918 (т. 1) и 1922 (т. 2) годах.

Бердяев и Шпенглер независимо друг от друга, почти одновременно, обратились к одной проблеме – движения культуры и цивилизации в современном мире. В работе «Конец Европы», практически повторявшей заголовок еще не опубликованной книги Шпенглера, Бердяев ставил вопрос о путях развития России и мира. Проблема соотношения цивилизации и культуры в этом исследовании занимала центральное место.

Русский мыслитель писал о приближающемся конце «Европы как монополиста культуры, носительницы высшей культуры»⁶³. Европейская цивилизация, которую он отличал от культуры, по его мнению, напротив, укрепляла и расширяла свое господство. «Великие державы», по словам исследователя, стремились «распространить свое цивилизующее влияние за пределы Европы», несли «внешнюю цивилизацию»⁶⁴. В этой статье роль Европы, и в частности Англии, в процессе движения культуры и цивилизации он видел как внешнюю, а России – как «внутреннюю», которая заключалась «в ее духовной жизни, в духовном, а не материальном универсализме»⁶⁵.

Исследование темы соотношения культуры и цивилизации, особенностей «цивилизации» Бердяев продолжил в статье «О росте буржуазности в России», опубликованной в «Биржевых ведомостях» в сентябре 1916 г. Царство буржуазности – духовной основы цивилизации – он определял как «власть денег, культ денег».

Мыслитель надеялся, что отечественная буржуазия сможет сыграть в России творческую роль – послужить делу на-

⁶³ Бердяев Н.А. Конец Европы // Падение священного русского царства. М., 2007. С. 113, 117.

⁶⁴ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 115.

⁶⁵ Там же. С. 117–118.

циональной обороны, национального единения, национально-го развития. «России, – писал он, – необходимо национальное развитие, промышленная инициатива и промышленное творчество... Ей предстоит такая же «европеизация» (в смысле движения культуры. – А. М.) и в отношении ее государственно-го строя, ее политического развития»⁶⁶.

Процесс европеизации России в преддверии революции 1917 г., который протекал и на глазах философа, являлся, по словам Бердяева, движением по рельсам «цивилизации» в ее худшем варианте. Это было шествие по пути заимствования «самых ядовитых плодов европейской буржуазности». Бердяева угнетало сознание того, что «мы можем стать европейцами в худшем, не сделавшись европейцами в лучшем»⁶⁷. Он констатировал как факт русской действительности, что русская буржуазия пока не видит «никакой идейной миссии», остается «в сфере частных интересов и appetитов»⁶⁸.

В статье «О буржуазности и социализме», увидевшей свет в газете «Русская свобода» в июне 1917 г., Бердяев, упреждая события, в пике всей последующей советской историографии писал, что и социализм не отрицает буржуазности, не является антиподом буржуазности. Именно буржуазность, по словам Бердяева, является «внутренним духом» социализма, ибо его главная ценность – «справедливое и повсеместно распределенное» «материальное обеспечение»⁶⁹.

Бердяеву был чужд «марксистский» подход – «ликвидации буржуазии как класса». Более того, в книге «О рабстве и свободе человека» (1939 г.) он определял буржуа «вечной фигурой в этом мире»⁷⁰.

Мыслитель различал «буржуа» и «буржуа», видел и положительную задачу, которая стояла перед этим типом людей, «классом». Но не это было для него главным. Он вскрывал нравственные пределы, тупики «буржуазности». Их Бердяев видел в том, что «социальная корысть есть грех человеческий, ...со-

---

⁶⁶ Бердяев Н.А. О росте буржуазности в России // Падение священного русского царства. М., 2007. С. 445.

⁶⁷ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 442.

⁶⁸ Там же. С. 443.

⁶⁹ Бердяев Н.А. О буржуазности и социализме // Падение священного русского царства. М., 2007. С. 545, 547.

⁷⁰ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека // О назначении человека. М., 2006. С. 179.

циальная корысть, возведенная в высшую святыню, есть уже дух антихристов»⁷¹.

Соблюдая историческую последовательность заключительных фаз отечественной истории и учитывая их реальное осуществление в жизни, можно сказать, что если буржуазный дух был присущ «нашему» социализму в скрытом, смягченном виде, то в сменившем его капитализме он проявился и раскрывается в чистой форме, обнажая суть, выявленную классиком русской мысли.

Размышления об особенностях отечественной цивилизации в форме социализма Бердяев продолжил в статье «Мир «буржуазный» и мир «социалистический», опубликованной в журнале «Народоправство» 25 декабря 1917 г. Он поставил вопрос о системе ценностей, которая возникала в России на месте старой, дореволюционной. «Новый мир», который в это время реально разворачивался перед глазами Бердяева в России, по словам философа, отвергал многое лучшее из прошлого и «принимал и приумножал всё худшее, что было в мире буржуазном, все грехи, болезни... прошлого, всю тьму отцов и дедов»⁷².

Иной аспект поставленной проблемы Бердяев рассмотрел в работе «Духовные основы русского народа», опубликованной в журнале «Народоправство» 1 февраля 1918 г. Он выделил важный в контексте темы «соотношения нашей культуры и цивилизации» вопрос об отношении народа как носителя ценностей к культуре.

В России, по словам исследователя, интеллигенция преклонялась перед народом, а к культуре относилась настороженно. Он выявил истоки этой позиции. У нас, в отличие от Европы, «не было священного предания культуры», не было Возрождения, не было духа творческой избыточности⁷³. Творчество в России рождалось от страдания и муки. Народ не верил в мудрость культуры, в то, что «только народ культурный... может раскрыть все заключающиеся в нем возможности»⁷⁴.

Бердяев как о важной задаче говорил о необходимости пересмотра этого «традиционного интеллигентского» отношения «к народу и культуре»⁷⁵. «Интеллигентское» отношение к на-

⁷¹ Бердяев Н.А. О буржуазности и социализме // Падение священного русского царства... С. 549.

⁷² Бердяев Н.А. Мир «буржуазный» и мир «социалистический» // Указ. соч. С. 669.

⁷³ Бердяев Н.А. Духовные основы русского народа // Указ. соч. С. 756.

⁷⁴ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 752.

⁷⁵ Указ. соч. С. 752.

роду было присуще, в частности, славянофилам и народникам. Бердяев, оставаясь на почве идеи самобытности русской истории, развивал взгляды своих предшественников, рассматривал «народ» как явление конкретно-историческое.

«Народ как факт, – считал Бердяев, – ... не может быть святыней». Он не эталон культуры, а задание, и сам нуждается в святыне, которую бы поставил выше себя. «Народ, – заключал Бердяев, – без смирения перед культурой и без творческого отношения к культуре обречен на разложение и гибель»⁷⁶. Высказанный тезис Бердяева актуален и сегодня.

Европеец, в отличие от нас, по словам Бердяева, напротив, поклоняется культурным ценностям. Католичество создало великую латинскую культуру Запада. На Западе ценили не только священное предание Церкви, но и священное предание культуры. Культура воспитывала личность для жизни в истории, для работы в цивилизации. На католической почве, в отличие от нашей, никогда не рождалось идолопоклонство перед народом.

В брошюре «Конец Ренессанса (К современному кризису культуры)», опубликованной в 1919 г. в Москве, Бердяев поставил вопрос о специфике эпохи, которую переживала и переживает Европа. Это был вопрос принципиальной важности. Ведь от понимания того, в какое время и на каком этапе «культуры – цивилизации» живешь и, соответственно, видения, куда движутся мир, страна, зависела интеллектуальная реакция на это движение человека и общества. Заметим, что вопрос – назовем его условно вопросом исторического возраста – интересовал и Шпенглера, что отразилось даже в заголовке его книги – «Закат Европы».

«В истории обществ и культур, – констатировал Бердяев, – замечаются органические процессы, в которых есть периоды молодости, зрелости и старости, есть расцвет и упадок. Ныне мы переживаем не столько начало нового, сколько конец старого»⁷⁷. Он констатировал, что «Европе предстоит пережить кризис культуры», имеющий всемирно-историческое значение. Последствия этого кризиса, по словам Бердяева, «уйдут в далекое, неведомое грядущее»⁷⁸.

⁷⁶ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 757.

⁷⁷ Бердяев Н.А. Конец Ренессанса (К современному кризису культуры) // Падение священного русского царства... С. 831.

⁷⁸ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 808.

В чем смысл упомянутого кризиса культуры? Ответ Бердяева – «Кончается новая история», завершается Ренессанс⁷⁹. Почему? Уходит духовная основа Возрождения – человечность (гуманизм), а с ее уходом рушится и вся его система – «жизнь народов» – «цельный иерархический организм»⁸⁰.

Завершение эпохи, по словам Бердяева, характеризуется разложением «органического» и утверждением «механического... Машина ... готовит ...эпоху цивилизации»⁸¹.

Отношение к Ренессансу, гуманизму в России было иным, чем на Западе. Наша история не дублировала европейскую. Это заметил и положил в основу своего исследования даже Шпенглер. Россия, по словам Бердяева, «осталась в стороне от великого гуманистического движения новой истории», усвоила «плоды европейского гуманизма в период его саморазложения»⁸².

Страна пережила «конец Ренессанса, не пережив самого Ренессанса», не испытала «творческой избыточности». Эти особенности русской истории Освальд Шпенглер определял в «Закате Европы» как псевдоморфоз⁸³.

К теме «Конец Ренессанса и кризис гуманизма» Бердяев обратился и в книге «Смысл истории». В ее основу мыслитель положил лекции, прочитанные в Москве в «Вольной Академии Духовной Культуры» в конце 1919 – начале 1920 гг., дополненные статьей «Воля к жизни и воля к культуре», написанной в 1922 г., которая составила последний раздел исследования.

Проблему завершения Возрождения Бердяев считал центральной темой современной ему философии истории. Ее он увязывал со своим представлением об основах исторического процесса.

«В основе исторического процесса, – по словам Бердяева, – лежит отношение человеческого духа к природе и судьба человеческого духа в этих взаимодействиях с природой»⁸⁴.

История, как трагическая судьба, заключал Бердяев, не является линией прогресса добра, совершенства, счастья. Она

⁷⁹ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 809.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. С. 822–823.

⁸² Там же. С. 834.

⁸³ Маджаров А.С. Освальд Шпенглер и русская историография XIX в. о специфике (псевдоморфозе) русской истории // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История». № 1 (2). 2012. С. 176–188.

⁸⁴ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С.116

выводит на свет противоположные начала бытия. История тянется к идеалу, но в потоке времени достичь его не может⁸⁵.

«Внутренний смысл исторической судьбы человечества», – подчеркивал исследователь, – и заключается «в раскрытии ... противоречий, ... в выявлении их»⁸⁶.

Все культуры, народы переживают периоды зарождения, детства, возмужалости, высшего расцвета, старости, дряхлости, отцветания и смерти. Бессмертны ценности культуры. Народы – смертны⁸⁷.

В новом исследовании Бердяев продолжил развивать свой взгляд на роль машины в становлении «цивилизации». В эпоху Ренессанса, по словам Бердяева, начался новый этап отношения человека к природе – переход от органического типа отношений к механическому, машинному. Произошла «величайшая революция» – «вхождение машины» в жизнь человека. Машина не только освободила человека, она и поработила его⁸⁸. В «механическом царстве» машин человек оказался на периферии жизни. Царство техники освобождало человека и одновременно «обезличивало, уничтожало» его⁸⁹.

Выводы, которые сделал мыслитель, наблюдая развитие «механического царства» начала XX в., подтверждает и современная действительность.

Ренессанс, гуманизм аристократичны. Конец этой эпохи, напротив, ознаменовался «вхождением в культуру» масс и, соответственным изменением всего уклада жизни, пути истории⁹⁰.

Истощение эпохи гуманизма, по словам Бердяева, иллюстрируют Ф. Ницше и К. Маркс.

В творчестве Ницше, подчеркивал мыслитель в конце 1919 г., теряется человеческий образ, а вырисовываются сверхчеловек и возможность «антихристианской, безбожной, сатанической» религии⁹¹.

История Германии 30–40-х гг. прошлого века подтвердила верность анализа и прогноза русского мыслителя.

⁸⁵ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 154, 157.

⁸⁶ Бердяев Н.А. Смысл истории... С. 150.

⁸⁷ Указ. соч. С. 151.

⁸⁸ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 118.

⁸⁹ Там же. С. 120.

⁹⁰ Там же. С. 124.

⁹¹ Там же. С. 122.

Маркс, как и Ницше, по словам Бердяева, также не удержался на «человеческом». Он в своей концепции перешел к «нечеловеческому, сверхчеловеческому» – «новому коллективному целому»⁹².

Эти особенности, подмеченные Бердяевым в трудах классика марксизма, проявились в реальном социализме, который, по словам Бердяева, был противоположен Ренессансу. Он раскрылся не на почве избытка, а на почве недостатка, принудительной организованности, регуляции. В социализме личность попала в «механический коллектив».

Бердяев оказался прав. Идеология, о которой он писал, примененная на практике, привела, в частности, к явлению, противоположному гуманизму, – ГУЛАГу.

Кризис Ренессанса проявился в осознании «границ познания», в позитивизме, который ставит пределы познавательным возможностям человека, в «борьбе с антропологизмом».

Тяга к «объективности» привела к тому, что человек стал осознаваться как «препятствие для осуществления акта познания»⁹³. Предполагалось и предполагается, что есть какой-то нечеловеческий акт познания. (Это, добавим от себя, особенно заметно в гуманитарных исследованиях.)

Завершение Ренессанса проявляется и в жизни государства. «Гуманистическую монархию» сменяет ее противоположность – «гуманистическая демократия» и ее предельная форма – «революционная демократия».

«Наступает период, – заключал Бердяев, – когда внутри (и монархии и демократии. – А. М.) ... раскроются начала, которые являются уже не гуманистическими..., а ... нечеловеческими»⁹⁴.

Противоположен гуманизму и анархизм. Его суть – «зависть и месть ... к прошлой культуре», форма – «реакционное восстание против культуры».

«Человеческий образ» гибнет и в современном искусстве – в импрессионизме, футуризме⁹⁵.

Раздел «Воля к жизни и воля к культуре», написанный в 1922 г. как отдельная работа, завершал книгу Бердяева «Смысл истории». Он был создан уже после прочтения русским мыс-

⁹² Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 123.

⁹³ Там же. С. 126.

⁹⁴ Там же. С. 128.

⁹⁵ Там же. С. 135.

лителем первого тома труда Освальда Шпенглера «Закат Европы». Появление книги Шпенглера предопределило некоторый поворот в изысканиях Бердяева, стимулировало его на ответную реакцию, необходимость учета мысли Шпенглера и продолжение развития своей доктрины. В этом разделе книги Бердяев еще раз подчеркнул, что «в нашу эпоху» нет темы более острой, чем тема о «культуре и цивилизации».

Он справедливо заметил, что в русской мысли давно поняли разницу между «типом культуры и типом цивилизации». Славянофилы, Достоевский, Леонтьев критиковали не западную культуру, а западную цивилизацию, в которой «безрелигиозная мещанская цивилизация победила ... священную культуру»⁹⁶. Славянофилы верили, что страна не пойдет путем цивилизации, надеялись на «свой путь». И на Западе были люди, которые также, по словам Бердяева, «ощущали смертельную тоску от торжества мамонизма».

Бердяев любил подчеркивать, что явления истории и культуры следует рассматривать динамически. И его анализ всегда обладал динамикой – противоположным статике качеством. Эта черта его метода была важна и в связи с оценкой самого феномена перехода «культуры в цивилизацию», и в связи с тем, что о сути этого пути, «первофеномена истории», Шпенглер, по словам Бердяева, не сказал ничего.

Смысл этого явления берется разъяснить Бердяев.

Культура не развивается бесконечно. Ее внутренние начала – религиозный культ, культ предков, предание, традиция, подчеркивал исследователь, влекут культуру к цивилизации, к смерти духа культуры.

В культуре обнаруживается тенденция к разложению собственных основ. Она начинает сомневаться в своих началах, переходит из стадии «органической» в стадию «критическую». Набрал силы, культура «направляется к практической организации жизни». Внутри культуры обнаруживается воля к новой жизни, счастью, наслаждению. Это реалистический, цивилизаторский уклон. А культура, даже материальная, символична, духовна. Перед лицом жизни в эпоху цивилизации она признается иллюзией. На этом пути утонченная мысль, художественное творчество перестают ощущаться как реальная «жизнь», превращаются в мираж. Цель видится в жизни, ее силе, практике.

⁹⁶ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 162.

«Происходит социальная энтропия, рассеяние творческой энергии культуры», – пронизательно замечает Бердяев⁹⁷. Этот его тезис выходит за рамки современной ему действительности, характеризует и последующие периоды времени.

Экономический материализм – типичная идеология эпохи цивилизации. Цивилизация организует жизнь. Если культура органична, иерархична, символична, то цивилизация реалистична, демократична, механична. В цивилизации – капитализме и социализме – коллективный труд вытесняет индивидуальное творчество, «уничтожает личность»⁹⁸.

И в этой работе Бердяев, как и прежде, увязывает переход культуры в цивилизацию с изменением отношения человека к природе, развивает этот подход. Эра цивилизации началась с вхождения машин в жизнь человека. Жизнь стала терять связь с ритмом природы. Цивилизация получила не духовную, а машинную основу.

Техническим становится мышление. В эпоху цивилизации господствуют «гносеологизм, методологизм, ... прагматизм»⁹⁹. Требуются «специалисты», учатся «специальности».

В эпоху цивилизации познание, искусство, культура становятся средством, «техникой жизни». Красота культуры – ее реальное бытие: в усадьбе, дворце, храме – заменяется музейной имитацией.

«Начинается, – заключает Бердяев, – культ жизни вне ее смысла»¹⁰⁰.

Человечество на пути к «жизни», «мощи», «организации» духовно опускается, ибо, по словам мыслителя, «без аскезы ... не может быть высшей духовной жизни»¹⁰¹.

Меняется направленность времени. Ни одно его мгновение не имеет смысла. Всякое мгновение есть лишь «средство для ускоряющихся жизненных процессов, устремленных к дурной бесконечности». В цивилизации «нет прошлого, ... нет настоящего, нет выхода к вечности, есть лишь будущее»¹⁰².

⁹⁷ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 164.

⁹⁸ Там же. С. 168.

⁹⁹ Там же. С. 168–169.

¹⁰⁰ Там же. С. 169.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

Жизнь организма, ее темп заданы природой. Машина ломает этот темп, дает иную, всё возрастающую скорость. Человек выбрасывается на поверхность. Вопрос о том, «имеет ли жизнь цель и смысл», остается без ответа.

Цивилизация, ее дух – мир вещей, – вновь подчеркивает Бердяев, буржуазны, ограничены, конечны.

Человечество создало самую совершенную в мире «цивилизацию Европы и Америки., создало индустриально-капиталистическую систему», которая «истребляет духовность»¹⁰³.

«У человека есть долг хозяйствования, императив (повеление. – А. М.) экономического развития, – отмечает Бердяев. – Хозяйство имеет «подлинно бытийственные... основы»¹⁰⁴.

Проблема в том, что «индустриально-капиталистическая система (как и социализм. – А. М.) разрушает духовные основы хозяйства... Труд перестает быть духовно-осмысленным»¹⁰⁵.

Реалистический прогноз Бердяева: «Цивилизация бес- сильна осуществить свою мечту о бесконечно возрастающем мировом могуществе»¹⁰⁶.

В эпоху цивилизации, в связи с приходом в историю новых людских масс, набирают силу процессы «варваризации», огрубления, «утраты совершенных форм, выработанных культурой»¹⁰⁷. Возникает варварство и «от самой цивилизации», «с запахом машин, а не лесов». Над человеком господствует «магическое царство машинности и механичности».

Вместе с тем, культура, по словам Бердяева, в определенном смысле, вечна.

В эпоху цивилизации она «склоняется к закату», но полностью не умирает никогда. Культура остается «в качествах», продолжает жить в людях «как глубокое наслоение», уходит в глубину».

Шпенглер в «Закате Европы» писал о том, цивилизация хронологически следует за культурой, как зеленый побег вырастает из семени. Бердяев отвергает этот важный методологический посыл немецкого философа. Он пишет о том, что «в исторической судьбе человечества можно установить четыре эпохи, четыре состояния: варварство, культура, цивилизация

¹⁰³ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 170.

¹⁰⁴ Там же. С. 171.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же. С. 172.

и религиозное преобразование»¹⁰⁸. Причем, замечает он, «эти четыре состояния нельзя брать исключительно во временной последовательности; они могут сосуществовать»¹⁰⁹. Важно то, подчеркивал русский исследователь, что «одно из этих состояний в ту или иную эпоху преобладает»¹¹⁰.

В качестве яркого примера такого «преобладающего состояния» Бердяев приводит появление христианства «в эпоху эллинов». Родившись на свет, христианство, по словам Бердяева, «в своей судьбе» «прошло через варварство, ... культуру и через цивилизацию». И на разных исторических этапах оно не всегда «было религиозным преобразованием»¹¹¹.

В эпоху цивилизации христианство превратилось в «средство для возрастания процессов жизни, в технику духовной дисциплины»¹¹².

Мыслитель подчеркивал, что воззрения, «полезные ... для успехов цивилизации, для успехов индустриально-капиталистического развития», для «мира сего» не выдерживают духовной критики¹¹³.

В заключительной части раздела «Воля к жизни и воля к культуре» книги «Смысл истории» Бердяев вновь обращается к России.

Деление истории на четыре эпохи-состояния, которые не следуют одно за другим, а могут сосуществовать, конечно, коррелировало у Бердяева и с историей России. После общих размышлений на тему специфики эпох-состояний он дал конкретную, хотя и весьма краткую характеристику современной ему России. Он вновь повторил, что «Пушкин и Александровская эпоха» были вершиной русской культуры. После этого «великая русская литература и русская мысль XIX в.» уже культурой не являлись. По словам философа, Гоголь, Толстой, Достоевский, В. Соловьев, К. Леонтьев, Н. Федоров «культурой» не были. Они «устремлены к “жизни”, к религиозному преобразению»¹¹⁴. У нас, подчеркивал Бердяев, всегда было нежелание создавать серединную культуру. «Воля к культуре ... захлестывалась во-

¹⁰⁸ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 173.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же. С. 171.

¹¹⁴ Там же. С. 174.

лей к “жизни”», вела «к социальному преобразению жизни в цивилизации» и «к религиозному преобразению жизни»¹¹⁵.

Россия, заключает Бердяев, «создает безобразную цивилизацию» на фоне «слишком сильной» «варварской стихии» и «пораженной мечтательностью» «воли к религиозному преобразению». И всё же завершает он, мы «нуждаемся в культуре, как и все народы мира», и «нам придется пройти путь цивилизации».

Этот путь, по мнению Бердяева, будет иметь особенности, ибо Россия, в отличие от Запада, «не скована символической культуры» и «прагматизмом цивилизации».

---

¹¹⁵ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 174.

О.В. Бураева,
доктор исторических наук,
доцент ИМБТ СО РАН

Из истории Удинского острога

Удинское зимовье (Удинский острог – г. Удинск – г. Верхнеудинск – г. Улан-Удэ) было поставлено в устье р. Уда, впадающей в р. Селенга. Единственным известным нам источником, сообщающим о постройке зимовья, является донесение («отписка») казачьего десятника Осипа Васильева енисейскому воеводе Василию Голохвастову от 30 сентября 7174 г. (10 октября 1665 г.).

Прежде чем приступить к исследованию, необходимо определиться с вопросом датировки документов. До 7207 г. (1699 г.) летоисчисление на Руси шло от сотворения мира, а новый год начинался 1 сентября. В 1699 г., по решению Петра I, перешли на юлианский календарь, и с 1700 г. новый год начинался 1 января. Разница при переводе с одного летоисчисления на другое составляет 5508 лет. Когда же упоминаются месяцы сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, необходимо отнимать 5509 лет.

В 1918 г. Россия перешла на григорианский календарь. Необходимо учитывать, что разница по юлианскому и григорианскому календарю с 1582 г. по 1700 г. в днях составляла 10 дней (сейчас 13 дней). В дальнейшем при переводе дат с одного летоисчисления на другое стала возникать путаница. В основном авторы более поздних работ, не утруждая себя изучением архивных документов, ссылаются на уже опубликованные труды и повторяют ошибки предшественников.

При исследовании вопроса о датировке строительства Удинского зимовья мы пользовались документами из фонда 21. Оп. 4. Д. 23, № 101, 102, 107, хранящимися в Санкт-Петербургском филиале архива РАН¹¹⁶.

¹¹⁶ Эти документы опубликованы в следующих изданиях: Дополнения к актам историческим. СПб., 1853. Т. 5. С. 50–55; Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы. Вып. 5. Исторические сведения. СПб., 1898. Приложение № 7; Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 226–233.

В отписке казачьего десятника Осипа Васильева енисейскому воеводе Василию Голохвастову от 30 сентября 1714 г. (10 октября 1665 г.) говорится, что в 1661/1662 г. из Енисейского острога на службу в Баргузинский острог были отправлены казаки¹¹⁷. Узнав от тунгусских ясачных людей про бурят, которые откочевали из-под Братского и Балаганского острогов к монголам, казаки решили вернуть их в подданство царя¹¹⁸. Служилые люди пятидесятник Гаврила Ловцов и казачий десятник Осип Васильев подали челобитную сыну боярскому Первому Самойлову с просьбой отпустить их «...для привоуду и призову отъезжих братцких людей и для ради острожного ставления... Мунгальской земле...»¹¹⁹. С ними были отпущены «шестнадцать человек да казачьих наемщиков три человека»¹²⁰. Этим сил было явно недостаточно, поэтому казаки сначала отправились в Предбайкалье и «...вновь охочих служилых людей прибирали и из Нижнего Братцкого и Балаганского и с Иркутцкого острогов, и прибрав мы служилых людей вверх по Селенге реке до усть Чика (Чикоя. – О.Б.) реки дошли»¹²¹.

Судя по отписке, экспедиция на Селенгу предстает как предприятие, осуществленное по инициативе и на средства самих служилых. Начальник Баргузинского гарнизона Первой Самойлов выделил для отряда только одно «ветчаное» (ветхое) судно, одну пищаль медную полковую (пушку малого калибра. – О. Б.), пуд свинца, полпуда пороха, сорок железных пушечных ядер и кое-что из судовой оснастки¹²². «...и поднялися мы на государеву новую службу в Мунгальскую землю собою и своими всякими подъемами, и займующи должились в кабалы и давали на себя крепкие записи с уговором и с порукою круговую, и покупали мы хлебные запасы, порох и свинец и пищали и всякое приступное боевое ружье, и всякия руския товары, сукна красные и медь в котлах и олово и всякая мелочь иноземцам на подарки, чем нам ласкою и приветом дарить и удобрять иноземцов братцких и тунгусских людей, и внов призывать и уговаривать всякою ласкотою и добротою великим государем царского

¹¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 23, № 102. Л. 145 об.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. № 107. Л. 150 об.

¹²¹ Там же. № 102. Л. 146.

¹²² Там же. № 102. Л. 145 об.

величества ... высокую руку.; а великих государей денежное и хлебное жалованье и никаких подъемов из государевы казны нам не дано, и на тот подъем не пожалованы»¹²³.

В отписке от 30 сентября 7174 г. (10 октября 1665 г.) сначала говорится о постройке Селенгинского острога («И в нынешнем во 174 г., сентября в 27 день, выбрав угоже место в Мугальской земле, на Селенге реке, за помощью божиею великим государем новый острог поставили»¹²⁴). А уже 30 сентября 7174 г. (10 октября 1665 г.) казачий пятидесятник Гаврила Ловцов со «служилым человеком» Пятком Фофоновым, «охочими казаками» с десятником Федором Ивановым и тремя монгольскими послами отправились в Иркутский острог, где остались зимовать¹²⁵.

В отписке от 27 апреля 7174 г. (7 мая 1666 г.) Осип Васильев пишет, что «по се число (7 мая. – Б.О.) в новом Селенгинском остроге тихо и смирно и в землях шалости не слышать никоторые»¹²⁶. А затем уже в тексте идет речь о постройке Удинского зимовья. «А иноземцов к новому Селенгинскому острогу было призвано великим государем в ясачной платеж Коленкурского роду иноземцов тунгусских двадцать пять человек; ... для тех новых призовных иноземцов поставлено **ясачное зимовье на усть Уды реки**»¹²⁷, т.е. главной функцией его являлся сбор ясака с окрестного тунгусского населения.

В отписке от 14 августа 7174 г. (24 августа 1666 г.)¹²⁸ енисейского воеводы Василия Голохвастова царю Алексею Михайловичу говорится только о постройке Селенгинского острога, а об Удинском зимовье сведений нет.

Таким образом, точная дата постройки зимовья не указана, но она точно ограничена временем между двумя отписками Осипа Васильева, т. е. 10 октября 1665 г. и 7 мая 1666 г.¹²⁹

¹²³ СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 23, № 102. Л. 146.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же. № 101. Л. 143.

¹²⁶ Там же. № 101, 143 об.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же. № 107. Л. 150–151 об.

¹²⁹ Л.К. Минерт считает, что из возможного срока строительства зимовья следует исключить март и апрель 1666 г., т.к. события, описываемые в отписке (привод к ясачному платежу тунгусов Коленкурского рода, убийство последних, расследование дела и наказание виновников начальником Баргузинского острога), происходят уже после строительства зимовья.

Относительно даты постройки Удинского острога имеются различные мнения. Составитель «Хронологического перечня важнейших данных из истории Сибири» И. Щеглов писал, что Верхнеудинск основан в 1649 г.¹³⁰, это, безо всякого сомнения, ошибочно и относится к Нижнеудинскому острогу. (Селенгинск, по его мнению, основан в 1666 г.¹³¹, что тоже не соответствует нашим данным.)

Долгое время датой основания зимовья считался 1666 г.¹³² Первым ошибочно эту дату назвал В. Гирченко¹³³, датируя отписку Осипа Васильева 14 августа 1666 г. (правильнее 24 августа 1666 г.), хотя эта дата относится к донесению воеводы В. Голохвастова в Сибирский приказ, в котором нет речи об Удинском зимовье.

Ошибка в обосновании даты постройки Удинского зимовья вытекает из того факта, что В. Гирченко¹³⁴ цитирует купированную отписку, опубликованную в «Материалах» экспедиции Куломзина от 1898 г.¹³⁵ В приложении 7 даны выдержки из двух отписок казачьего десятника Осипа Васильева о строительстве Селенгинского острога и Удинского зимовья, текст этот взят из документа № 8 «Дополнений к актам историческим» (том 5)¹³⁶, состоящего из трех отписок. В этом приложении в заголовке документ датируется 30 сентября 1665 г. и 14 августа 1666 г.¹³⁷ Однако дата 14 августа 1666 г. относится к третьему акту из «Дополнений к

¹³⁰ Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири / сост. И. Щеглов. Иркутск, 1883. С. 101.

¹³¹ Там же. С. 119.

¹³² Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа. М.; Л., 1940. С. 50; История Бурят-Монгольской АССР. Изд. 2-е, испр., доп. – Улан-Удэ: Бурят.-монгол. кн. изд-во, 1954. С. 98; Александров В.А. Заселение Сибири русскими в конце XVI–XVIII в. // Русские старожилы Сибири. М., 1973. С. 20; Он же. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984. С. 19 и др.

¹³³ Гирченко В. Основание и начальная история г. Верхнеудинска // Жизнь Бурятии. 1925. № 9–12. С. 111.

¹³⁴ Гирченко В. Указ. соч. С. 112.

¹³⁵ Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы. Вып. 5. Исторические сведения. СПб., 1898. Прил. № 7. С. 4.

¹³⁶ ДАИ. СПб., 1853. Т. 5. № 8. 1665 г. 30 сентября – 1666 г. 14 августа. Отписки казачьего десятника Осипа Васильева енисейскому воеводе Василию Голохвастову и отписки означенного воеводы царю о построении Селенгинского острога и о снабжении служивых людей оружием, хлебными и другими запасами и проч.

¹³⁷ Приложение 7. 1665 г. 30 сентября, 1666 г. августа 14. Отписки казачьего десятника Осипа Васильева енисейскому воеводе Василию Голохвастову о построении Селенгинского острога.

актам историческим» (который в «Материалах» не публикуется) – челобитной Василия Голохвастова царю Алексею Михайловичу, где он сообщает только о строительстве Селенгинского острога, а об Удинском зимовье нет никаких упоминаний. Поэтому, указывая дату постройки зимовья, В. Гирченко ошибочно называет 1666 г.¹³⁸ Следовательно, неверно и утверждение Д.Я. Резуна и Р.С. Васильевского¹³⁹ о том, что 14 августа 1666 г. селенгинские казаки из отряда пятидесятника Г. Ловцова поставили Удинское ясачное зимовье.

Известный исследователь Л.К. Минерт в 1989 г. убедительно доказал ошибочность этой датировки¹⁴⁰ (правда, и он не учел разницу между юлианским и григорианским календарями в днях, поэтому оперирует датами по юлианскому календарю). Так как от Селенгинского острога до устья Уды 109 верст (116 км), а казаки могли отправиться в путь до наступления ледостава, который сковывал Селенгу 26 октября¹⁴¹, то логично предположить, что зимовье было построено в период с 10 октября (после постройки Селенгинского острога и отправки казаков в Иркутский острог) до 26 октября (скорее всего, в середине октября)¹⁴². Этой же точки зрения придерживается и известный историк А.Р. Артемьев¹⁴³. Датой основания Удинского зимовья, по нашему мнению, следует считать именно октябрь 1665 г.

Небезынтересно, что в отписке Осипа Васильева от 7 мая 1666 г. говорится, что баргузинские ясачные тунгусы в устье реки Итанцы «тех призовных Тунгуских людей побили» (правда, стрелецкий и казачий голова Первой Самойлов угрозой отобрал у них имущество, скот и ясырь, захваченный у тунгусов Коленкурского рода), «а достальные те призовые иноземцы убоялись того же смертного убийства, отшатились прочь и разбрелись по лесам; и вновь их прискивать и призывать великим государем в ясачной платеж нечем, сукна, и олова и меди в котлах, и вина горячего

¹³⁸ Гирченко В. Указ. соч. С. 111.

¹³⁹ Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 121.

¹⁴⁰ Минерт Л.К. Памятники начального этапа градостроительства в Бурятии // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1989. С. 80–107.

¹⁴¹ Старицкий А.К. Река Селенга в Забайкальской области. СПб., 1813. С. 35.

¹⁴² Минерт Л.К. Указ соч. С. 86.

¹⁴³ Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 72.

и никаких подарков нет»¹⁴⁴. Следовательно, зимовье со времени постройки в октябре до мая 1666 г. не выполняло своих функций как место сбора ясака.

В 1675 г. через Забайкалье в Китай проезжал посол Николай Спафарий (В 1677 г. Спафарий возвратился через Забайкалье в Тобольск). Во время его путешествия с 1675 по 1677 г. на Уде существовало зимовье. В своем дневнике от 13 (23) ноября 1675 г. он сообщил: «...а в тех местах от реки Уды степь в ширину версты по три, а за степями горы, а на горах лес всякий, и места самые добрыя и конские кормы хорошие и солонцы многие, что лучше тех кормов, что по Уде скоту не надобно; и подле реки Уды мочно и острог ставить и суды делать и места хлебороднаго сыскать мочно»¹⁴⁵. А 16 (26) ноября 1675 г. он записал: «...река Уда течет из хребта, и по ней казаки промышляют соболи, и ныне на **усть реки Уды есть зимовье казачье**»¹⁴⁶.

Первым документом, в котором говорится об Удинском остроге, пишет Л.К. Минерт, следует считать «Роспись торгового человека Исаея Остафьева Посаленово» от июля 1680 г.: «...иду я из Иркутцкого острогу мимо **Удинского острогу** в Дауры...»¹⁴⁷. Следовательно, по мнению Л.К. Минерта¹⁴⁸, Удинский острог сооружается в промежутке между 1677 и 1680 гг.

В Санкт-Петербургском филиале архива РАН нами обнаружен документ¹⁴⁹, датированный 17 мая 7187 г. (27 мая 1679 г.), в котором идет речь о строительстве Удинского острога. Сын боярский Иван Поршенников сообщает, что велено ему в Удинском построить два амбара, а кругом поставить острог. «...те анбары построены и кругом анбаров острог поставлен, а мерою кругом острог восьмидесят сажень, а на двух углах на прибойных местех поставлены башни две, а под башнями построены избы, а на двух других углах выведены были ворота проезжие, а острог поставлен в крепком месте»¹⁵⁰. Таким образом, датой постройки Удин-

¹⁴⁴ СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 23, № 101. Л. 143 об.

¹⁴⁵ Спафарий Н. Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. // Зап. РГО по отд. этнографии. СПб., 1882. Т. X, вып. 1. С. 136.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2. Д. 91. Л. 1.

¹⁴⁸ Минерт Л.К. Указ. соч. С. 91.

¹⁴⁹ СПФ АРАН. Ф. 21, оп 4. Д. 24, № 28. Л. 63.

¹⁵⁰ Там же.

ского острога на месте Удинского зимовья следует считать 1679 г.

Судя по отписке иркутского воеводы Ивана Власова от 1681 г. Удинский острог подчинялся селенгинскому приказчику, и из Селенгинска в Удинск на службу ежегодно присылался отряд из 20 казаков¹⁵¹.

Превращение зимовья («острожка») в острог, а затем в город свидетельствовало о жизнеспособности населенного пункта, о его удачном расположении, благоприятных условиях и перспективности развития¹⁵². Будучи возведено на перекрестке важнейших транспортных путей в Восточное Забайкалье, Монголию и Китай, Удинское зимовье приобрело важное стратегическое значение.

Роль Удинского острога как важного перевалочного пункта на пути из Восточной Сибири к Байкалу и Приамурью настолько возрастает, что даже рассматривается вопрос о переводе основной массы служилых и приказчика из Селенгинского острога в Удинский¹⁵³. Однако боязнь ослабить приграничный Селенгинск не позволила осуществить этот план. Удинский острог становится центром, куда поступает хлеб для выплаты жалованья служилым людям Нерчинского и Албазинского воеводств, за которым каждый год из Нерчинска отправлялся специальный караван. Через острог шли первые партии ссыльных. В нем находилась артиллерия, во главе гарнизона стоял пятидесятник. К 1680 г. Удинский острог становится важным звеном военно-оборонительной системы Забайкалья.

Особое значение острог приобрел в ходе событий, предшествовавших заключению русско-китайского договора в Нерчинске в августе 1689 г. В статейном списке Ф.А. Головина от 12 (22) июня 1688 г. сообщается, что к Селенгинску движутся китайские послы с большим войском, в результате чего решено было укрепить Удинский острог. «А в Удинску ... построил я ... стрелецкими полками для всякие опасности от приходу воинских людей **город деревянный 4 стены...**»¹⁵⁴

¹⁵¹ ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. № 106. С. 333.

¹⁵² Минерт Л.К. Указ. соч. С. 81.

¹⁵³ СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 24. Л. 281–281 об., 283 об. – 288.

¹⁵⁴ Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и док-ты: в 2 т. М.: Наука, 1972. Т. 2. 1686–1691. С. 348.

Крепость в плане представляла собой квадрат размером 49 х 49 м. Городни, или срубы, из которых состояли стены, имели высоту 6,4 м и ширину на уровне облама (верхней выступающей части стены) – 2,5 м. Кроме того, был сооружен шестиугольный раскат для стрельбы из пушек в любом направлении. Он имел ширину 12,8 м и высоту 8,5 м. Внутри острога был построен пороховой погреб, а над ним – амбар. Вокруг острога и слободы был возведен тройной ряд надолб (острог в виде тына из невысоких бревен) периметром 660 м¹⁵⁵. «А кругом ... города и слободы зделаны тройные большие надолбы, мерою 310 сажен, для того что в Удинском острог был старой был, мал и ветх гораздо...»¹⁵⁶. Вероятно, именно этот внешний облик города Удинска изобразил в 1701 г. в своей «Чертежной книге Сибири...»¹⁵⁷ С.У. Ремезов.

Таким образом, на основании тщательного изучения уже опубликованных архивных документов и обнаруженных новых архивных установлены: дата постройки Удинского зимовья – 1665 г., Удинского острога – 1679 г., города Удинска – 1688 г.

¹⁵⁵ Артемьев А.А. Указ. соч. С. 73.

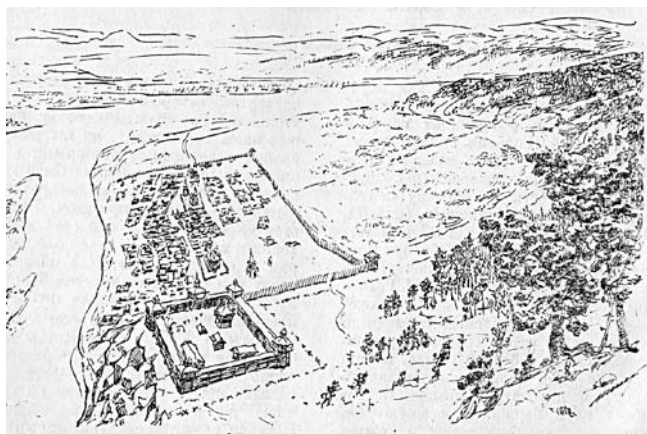
¹⁵⁶ Русско-китайские отношения... С. 348.

¹⁵⁷ Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1701. 23 с.

Удинское зимовье.
Реконструкция Л.К. Минерта

Удинский кремль и посад (вид с востока).
Реконструкция Л.К. Минерта

---

*Т.В. Паликова,
доктор исторических наук,
доцент БГУ*

Градоустроительная политика государства в Забайкалье

Градоустроительство в России прошло несколько этапов, каждый из которых совпадал с очередным модернизационным циклом, сопровождавшимся территориальными приращениями. Специфика российской урбанизации заключалась в единстве фундаментальных процессов городского развития на всей территории абсолютистского государства [8, с. 51], а также преимущественно в пространственном расширении государства на восток, что определило последовательность этапов хозяйственного освоения земель, в свою очередь природно-климатические условия и географические особенности Забайкальской области оказали влияние на формирование направления колонизации и освоения территорий, структуры расселения, транспортных коммуникаций, форм и методов хозяйствования.

Забайкальская область по площади занимала 9-е место в Российской империи, 8 – в Азиатской России; она была в полтора раза больше Германии и в 23 раза – Бельгии [10, с. 1]. Здесь имелась довольно густая речная сеть бассейнов Байкала, Лены и Амура. Климат отличался суровостью, бесснежными, ветренными зимами, малым количеством осадков и среднегодовой температурой -8°C . Север области представлял собой гористую – среднегористую местность, переходящую к югу в лесостепь и степь. Более 60 % территории занимали леса, гористость и пересеченность рельефа препятствовали хозяйственному освоению края. Самый крупный по территории Баргузинский округ, расположенный на севере области (148 510 кв. верст), был самым слабозаселенным (0,17 чел. на кв. версту). Население проживало в основном на юге (гуще была заселена юго-западная часть) в лесостепных и степных районах вдоль Московско-Сибирского тракта, позднее Транссибирской магистрали. Общая плотность в конце XIX в. составляла 1,25 чел. на кв. версту, в то

время как в Западной Сибири этот показатель равнялся 1,7. Самым густонаселенным был Селенгинский округ (2,20), но и он уступал по заселенности Каинскому округу Томской губернии (2,77), занимавшему последнее место среди территорий с высокой плотностью населения Западной Сибири.

К 1 июня 1917 г. плотность населения Забайкалья выросла до 1,75 чел. на кв. версту, при этом соотношение густо- и слабо заселенных уездов не изменилось (Баргузинский – 0,21; Селенгинский – 3,50) [7, с. 101–102].

Включая в свой состав новые земли, государство начало их властное освоение, интеграцию в единое политико-административное поле, где городу отводилась решающая роль. Государство формировало городскую сеть, основывая города, придавало им тот или иной иерархический статус, оставляя в штате или выводя за его пределы. Эта политика позднее была сформулирована в «Правилах об обращении негородских поселений в городские» [3, с. 481], подтверждавших роль и значение государства в градостроении. Городом могло стать «людское поселение», признанное таковым «со стороны высшего правительства», утвержденное постановлением законодательной власти. Широко используя способность городов объединять и организовывать пространство, обеспечивая функцию управления, государство поддерживало города идеологически, символически (гербы) и экономически (наделение выгонной землей из свободных казенных), подтверждало их особое положение и отличие от сельских поселений. Значение городов в государственной системе управления подчеркивалось сосредоточением здесь соответствующих государственных учреждений и штата чиновников, что превращало города в сознании не только колонизируемых народов, но и русского населения в символы российской государственности.

Города на вновь приобретенной территории стали средством административного закрепления и политического воздействия на округу, т. е. строительство городской сети исходило из соображений закрепления территорий. Сначала появились военные центры, опорные пункты дальнейшего продвижения вперед, чрезвычайно важные в период территориального роста государства. Расширение границ привело к формированию новых тенденций развития территорий, появлению новых административных и хозяйственных

центров и, как следствие, снижению надобности в городских поселениях, возникших ранее [4, с. 5–11]. Первый в Забайкалье русский острог – Баргузинский, основанный в 1648 г., был военно-административным центром, через который шло освоение русскими территорий за Байкалом. В ходе колонизации возникли Нерчинский, Селенгинский и Удинский остроги, каждый из которых был местом нахождения гарнизона, администрации и сбора ясака. Среди перечисленных будущих городов особо хотелось бы выделить Удинск, поскольку он, на наш взгляд, не вписывался в изначальное направление освоения территорий. Своим появлением он обязан профессионализму казаков, отправившихся строить Селенгинск и заметивших удобное место, соответствующее фортификационным требованиям того времени. Для его возведения им пришлось через год, по устоявшейся традиции, вернуться назад, к месту слияния Уды и Селенги. Поняв значение острога, государство утвердило его появление не только возведением мощной 5-башенной крепости, но и пожаловало в последующем городским статусом и гербом.

Система городских поселений до начала XIX в. оставалась неизменной, включая в себя Баргузин, Селенгинск, Верхнеудинск, Нерчинск. При этом все города, вне зависимости от изменявшегося в ходе административно-территориальных трансформаций статуса, подчинялись Иркутску.

На протяжении двух столетий административно-территориальная структура Сибири находилась в состоянии становления, отражая основные тенденции государственного строительства. Процесс администрирования за Байкалом не закончился с созданием Забайкальской области. Территориальному устройению, нацеленному на эффективность управления, она подвергалась еще несколько раз¹⁵⁸.

Градостроительная инициатива государства в Забайкалье продолжилась в XIX – начале XX в. Изменение статуса расположенных в западной части Забайкалья Троицкосавска (начало XIX в.) и Мысовска (начало XX в.) определялось

---

¹⁵⁸ Первоначально в 1851 г. область состояла из Верхнеудинского и Нерчинского округов. В 1870 г. территория была разделена на 5 (прибавились Баргузинский, Селенгинский и Читинский), а в 1872 г. – на 8 (прибавились Троицкосавский, Акшинский и Нерчинско-Заводский) округов. На основании Положения о Забайкальской области 1857 г. она вошла в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства; 16 июня 1884 г. область была передана в состав Приамурского, а 17 марта 1900 г. – в состав Иркутского генерал-губернаторства.

потребностями международной торговли и железной дороги.

Учреждение города на границе с Китаем произошло на базе бывшей крепости и слободы, в то время как основой Мысовска стало притрактовое поселение – станция Мысовая. Мысовск оказался единственным безуездным городом в Забайкальской области и подчинялся Селенгинску. Таким образом, здесь образовалась городская сеть из 5 городов, в то время как на огромной территории восточной части области в течение двух веков располагался лишь один город (Нерчинск), что было явно недостаточным для эффективного управления. Поэтому расширение экистической системы во второй половине XIX в. рассматривалось, с одной стороны, как насущная потребность, с другой – обуславливалось необходимостью утверждения главного центра в границах нового образования – Забайкальской области. Его специфика заключалась в том, что возникновение нового города происходило в условиях достаточно устойчивой сети городов, получивших статус в XVII–XVIII вв. (Селенгинск, Нерчинск, Верхнеудинск, Баргузин). Городское сообщество в этих «старых» городах складывалось на протяжении двух столетий. В сознании жителей прочно закрепилось понятие «горожанин» и представление о городе как о специфическом поселении. Но, как оказалось, ни один из них не соответствовал осуществлению государственных устремлений. Изменению статуса Читы способствовала не только заинтересованность власти в опорной базе продвижения к океану и укрепления на Амуре, не только нахождение на Сибирском тракте и удобное центральное местоположение в области, но и расположение ее на территории, где преобладало коренное население, что при относительной проницаемости границы было чрезвычайно важно. Более того, новые социально-экономические условия развития государства выдвигали и новые требования к будущему областному центру – необремененность «старыми» феодальными традициями, что должно было, на наш взгляд, навсегда связать образ Читы с новым образом государства. Став регионообразующим центром, Чита стягивала областные земли, репрезентируя собой имперскую власть. «Обращением из негородского поселения в городское» Акши, выдвинувшейся к государственной границе, завершилось строительство «треугольника»

Чита – Нерчинск – Акша, усилившего российское влияние на окружные земли. В то же время возникновение Акши может рассматриваться как создание в Забайкалье еще одного, хотя и несоизмеримо меньшего по значению пункта, координирующего русско-азиатскую торговлю.

На момент утверждения областного центра рядом с ним находились окружные города, хотя и подчиненные по статусу, но превосходящие его по экономическому, культурному потенциалу, городским традициям и численности населения (из 19 443 городских жителей в 1875 г. 15 410 проживали в окружных городах; на областной город приходилось всего 2,5 % жителей). Длительное время Чита находилась в тени этих старинных «культурных гнезд» Забайкалья (Нерчинска и Троицкосавска), во многом сохраняя вид сельского поселения. Недавнее сельское прошлое накладывало отпечаток на уклад городской жизни, внешний облик города, сознание его граждан – горожан в первом поколении.

Городская жизнь, городские механизмы взаимодействия людей значительно отличаются от сельских. Они складываются постепенно. Молодой город не мог предложить ни развитых условий промышленно-торговой деятельности, ни широкой культурной программы; его жители, в большинстве своем в недавнем прошлом селяне, были еще нетребовательны, но он открыл перед ними широкие возможности, о чем свидетельствует официальная статистика: к 1897 г. на долю областного города уже приходилось 31,7 % жителей, а к 1910 г. только 33,2 % населения проживало в уездных городах. «Столица» постепенно выжимала из уездных городов энергичных, деятельностных людей, став ядром центростремительной миграции.

С теоретической точки зрения, город всегда концентрирует наиболее значимые социокультурные достижения, накапливает всё, что было выработано культурой региона, обогащая ее, создает свои образцы и стандарты деятельности, стереотипы поведения, образ жизни, формирует и распространяет культурные инновации, сосредоточивает различные учреждения культуры и прежде всего школы. В конечном счете главной в городе становится культурная деятельность; в периоды упадка, утраты других функций он больше всего сохраняет культурное значение, о чем свидетельствует пример Нерчинска, Троицкосавска, Селенгинска. Если в

уездных «старых» городах области процесс формирования функций протекал последовательно (отмирание военной, развитие административной, возникновение торговой) и постепенно, то в областном экономическое и общественное развитие, процесс создания культурного потенциала шли одновременно. Становление города проходило достаточно быстрыми темпами. История развития Читы – пример действенности использования «административного ресурса»: статуса города в иерархии поселений.

Сложившаяся к началу XX в. сеть городских поселений характеризовалась не только территориальной неравномерностью (5 из 8 городов располагались в западной части области), но и неравномерностью развития. Только половина городов (Нерчинск, Троицкосавск, Чита и Верхнеудинск) до рубежа веков находилась на примерно одинаковом экономическом и культурном уровнях и по статистическому критерию (численность населения) относилась к малым городам. Начиная с 1910-х гг. структура городских поселений Забайкальской области расслаивается: 4 – города-сёла (их численность не превышала 5 000 чел.), 3 – малые города (Верхнеудинск, Нерчинск, Троицкосавск) и средний (Чита). Через несколько лет произошла корректировка структуры, в которой совершилось уравнивание числа малых (Нерчинск, Троицкосавск) и средних (Чита, Верхнеудинск) городов, причем среди последних Чита находилась в состоянии перехода в категорию больших городов.

Судьба забайкальских городов во многом повторяла судьбы городов европейской России. На территорию Забайкалья распространялись общероссийские тенденции. Используя терминологию В.П. Семенова (Тян-Шанского), можно утверждать, что упадок многих «официальных городов» – административных центров, не сумевших встать на путь динамичного хозяйственного развития, сопровождался ростом «истинных городов», выполнявших различные собственными городские функции.

«Юридические города» Забайкалья по экономическому признаку можно разделить на три группы: пришедшие в упадок административные центры (Селенгинск, Баргузин, Акша); города, статус и прежнее положение которых еще позволяли держаться на плаву (Троицкосавск и Нерчинск);

города, находившиеся в стадии активного развития (Чита, Верхнеудинск).

На процесс количественного и качественного роста городов оказывали воздействие географическое положение города, его место в иерархии поселений и коммуникативной системе Забайкалья, его «возраст» и статус.

Значение города в системе поселений определялось наличием транспортных коммуникаций, формировавшихся в ходе хозяйственного освоения территории. Города как центры округа выступали коммуникационными узлами, соединяя не только свои окружные поселения транспортной сетью, но и включая их в единое коммуникационное пространство административно-территориальной единицы и страны.

Забайкалье страдало недостаточной сетью и водного, и сухопутного транспортного сообщения. Обустроенных сухопутных путей сообщения было немного, и вплоть до XX в. не снижалось значение аквамагистралей, использовавшихся и летом, и зимой.

Если с главным сибирским трактом связаны пять (Чита, Верхнеудинск, Мысовск, Нерчинск, Троицкосавск-Кяхта) из восьми городов (первые три – притрактовые), то на судходных реках стояли только Верхнеудинск и Селенгинск.

Наиболее выгодным местоположением отличался Верхнеудинск. Он находился не только на пересечении дорог из Иркутска в Селенгинск, Нерчинск, Троицкосавск, Читы, но и на пересечении гужевых и водных коммуникаций. Географическое положение, став фактором развития городов, определило и упадок многих из них. Проведение Московского тракта в XVIII в. привело к замедлению роста городов, как это произошло с городами Баргузин и Селенгинск, оказавшимися в стороне от него. В то же время оно дало возможность развиваться Чите, превратившейся из острога в волостной центр. Вместе с тем история городов Забайкалья предоставляет возможность увидеть еще один вариант воздействия географического положения на благополучие города. В данном случае речь идет о Верхнеудинске. Один из показателей успешности – численность населения – на протяжении века (1804–1898), по официальным данным, увеличилась только в 2,7 раза, из чего следует, что город, несмотря на крупнейшую в Восточной Сибири ярмарку, не имел привлекательного имиджа. Почему, занимая исключительно выгодное

географическое положение, располагаясь на пересечении грунтовых и водных путей, Верхнеудинск длительное время оставался слаборазвитым городом? Думается, причину следует искать именно в местоположении города относительно других городских центров. Если мы на карте соединим линиями губернскую, областную и внешнеторговую «столицы», получив треугольник, вершинами которого будут Иркутск – Чита – Кяхта, то обнаружим, что Верхнеудинск находится внутри этого треугольника, не имея выхода вовне.

Иркутск – товарораспределительный центр – довел над городом, направляя сюда, во-первых, складироваемые товары, а во-вторых, свои капиталы, не находившие в Верхнеудинске достойной конкуренции. Чита, как мы видели, активно использовала административный ресурс. Кяхта, в отличие от Верхнеудинска – центра сезонной торговли, вела постоянную, круглогодичную торговлю международного уровня, что повышало ее статусность и значение в системе не только городских поселений Забайкалья, но и империи. Более того, она лишила Верхнеудинск роли потенциального внешнеторгового посредника, проложив, минуя город, так называемый «купеческий тракт» (Кяхта – оз. Байкал – Иркутск). Только в конце XIX в., с проведением железнодорожной магистрали, Верхнеудинск, сосредоточивший все наличные на то время виды коммуникаций, обойдя Кяхту, сумел вырваться из замкнутого пространства треугольника, став одной из его вершин.

Строительство в конце XIX в. транспортной магистрали общероссийского значения (как и в XVIII в.) осуществлялось империей, и, следовательно, государство снова определяло судьбы забайкальских городов.

Бесспорно, железнодорожное строительство расширило направления транспортных потоков, изменило традиционную структуру хозяйствования, открыло новые возможности эволюции. Значение железной дороги для дальнейшей динамики территорий и поселений, через которые она пролегала, неоспоримо. Это осознавалось на уровне областного руководства, ожидавшего «благотворного действия» на экономическую жизнь края «через улучшение и распространение путей сообщения» [4], и на уровне городской власти, опасавшейся «полнейшей гибели», превращения в «жалкую захолустную деревню», «коль скоро ... будущая железная до-

рога обойдет» город, и ухудшения экономического состояния всей западной части Забайкалья [6. Л. 3–3 об]. И надежды, и опасения оправдались. Города, расположенные вдоль линии железной дороги, попали в более благоприятные экономические условия. Остальные либо законсервировали свою сельскость, либо замедлили развитие. В Забайкалье железная дорога позволила быстро развиваться городам (Чите, Верхнеудинску), ставшим железнодорожными станциями, и снизила их зависимость от Иркутска: на это обстоятельство еще в начале XX в. обратил внимание П.М. Головачев, отметив, что Иркутск «представляет, в сущности, падающий центр» [2, с. 138]. В то же время она дала толчок к росту не «юридических городов» (станция Сретенская), способствовала появлению новых (Мысовск). Наиболее сильно пострадал от проведения железной дороги Троицкосавск (Кяхта). Как точно выразился В.В. Воробьев, «железная дорога ... убила Кяхту», которая «попала в зависимость от Верхнеудинска как ближайшей к ней железнодорожной станции» [1, с. 17]. Изменившаяся ситуация позволила Верхнеудинску активно развиваться, и резкий рост численности населения в начале XX в. свидетельствует о привлекательности города для сельского населения уезда, устремившегося туда. Интересна в этом смысле судьба Нерчинска. Экономический вес города неуклонно снижался, и министерство внутренних дел позволило ввести новый городской закон (1892) только в упрощенном виде. Забайкальская железная дорога, обошедшая Нерчинск стороной, усилила это неблагоприятие. Однако строительство Амурской железной дороги, превращение города в железнодорожную станцию привело к заметному росту населения и торгово-промышленной деятельности, улучшению городского хозяйства, увеличению городских доходов, вследствие чего в 1912 г. «Городовое положение» все-таки было введено в полном объеме [5. Л. 5].

Государственные интересы усматриваются и в том, что некоторые города Забайкалья на протяжении нескольких веков освоения территории получили возможность относительного роста. Источником развития сначала Нерчинска, затем Селенгинска (XVIII в.) была русско-китайская торговля, но только в Троицкосавске – Кяхте (XIX в.) она стала решающим фактором преуспевания.

Достаточно активно торговая функция развивалась в Верхнеудинске. Однако даже ежегодные, с многомиллионными оборотами ярмарки, устанавливавшие цены для всего Забайкалья с 1780 г. вплоть до конца XIX в., не могли изменить положение города, располагавшегося между Иркутском, Читой и Кяхтой, как транзитного пункта экспорта и импорта товаров. Несмотря на развитие горнодобывающей и обрабатывающей промышленности (серебро- и свинцово-плавильной и золотодобычи, казенной и кабинетской) до 1863 г., когда была разрешена частная золотодобыча), функциональное значение городов Забайкальской области не изменилось. Как и прежде, они выполняли торговые функции, только теперь играли роль баз снабжения золотых приисков жизненно необходимыми товарами и одновременно выступали центрами вербовки рабочей силы (Баргузин, Нерчинск, станция Сретенская).

Таким образом, урбанизационные процессы в Забайкалье инициировались государством, осуществлялись под его контролем. Градоустройство XVIII в., так же как и второй половины XIX в., вызвано заинтересованностью государства в приобретении новых земель.

Примечания

1. Воробьев В.В. Формирование городской сети юга Восточной Сибири... С. 17.
2. Головачев П.М. Экономическая география Сибири. М., 1914. С. 138.
3. Городовое положение 11 июня 1892 г. со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. СПб., 1901. С. 481.
4. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 12090.
5. ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 2634. Л. 5.
6. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 577. Л. 3–3 об.
7. ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 24. Л. 101–102.
8. Лаппо Г.М. Города европейской России XIX в. // Город и деревня в европейской России: сто лет перемен. – М.: ОГИ, 2001. С. 65–79.
9. Обзор Забайкальской области за 1907 год. Чита, 1908. С. 12.
10. Статистика Российской империи. XXVII. Волости и населенные места. СПб., 1896. Вып. 8. Забайкальская область. С. 1.

*В.П. Шахеров,
доктор исторических наук,
доцент ИГУ*

Становление городского самоуправления в Иркутской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.

В статье анализируются процессы формирования местного самоуправления в городах Иркутской области. Рассматривается структура и деятельность городских дум, взаимоотношения с губернской властью. Особое внимание уделяется общественной активности и инициативам сибирского купечества в становлении городского самоуправления.

Первоначально интересы посадской части города представлял земский староста. Избираемый посадом, он ведал сбором податей, следил за выполнением распоряжений воеводской приказной избы. Реформа 1699 г., впервые вводящая в России органы городского самоуправления, на Сибирь не была распространена. И только с введением в 1721 г. Главного магистрата на правах коллегии в России была создана система городского управления.

В городах создавались городские магистраты и ратуши. В Иркутске городская ратуша была открыта в 1722 г. Первыми бургомистрами были избраны купцы И. Гранин и М. Сухой, а ратманами П. Верховцев, И. Толмачев и С. Котов. На первых порах иркутская ратуша была подведомственна Тобольскому магистрату, но уже через год в Иркутске учреждается свой магистрат, а ратуша упраздняется. После ликвидации в 1728 г. Главного магистрата были закрыты и подчиненные ему городские магистраты. В Иркутске вновь открыли ратушу во главе с бургомистром – купцом Трифоном Бречаловым. Бесправное положение ратуш, их полная зависимость от воеводской власти тормозили развитие городского общества, вызывали социальные конфликты. В 1730-х гг. от купечества различных сибирских городов неоднократно поступали прошения восстановить в полном объеме органы городского самоуправления. Тобольский купец Я. Маслов в

1734 г. писал, что сибирское купечество «от губернаторов и воевод имеет без заступления многие обиды., отчего пришло в немалый упадок и истощение» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 13, кн. 761. Л. 34–34 об.].

Указом 21 мая 1743 г. был восстановлен в прежнем основании Главный магистрат, а уже на следующий год были воссозданы магистраты в Тобольске, Томске, Тюмени. В 1745 г. вновь открыт губернский магистрат в Иркутске.

Количественный состав городских органов управления зависел от величины города и количества «купеческих дворов». Так, в Тобольске магистрат состоял из 7, в Томске из 4, в Тюмени из 3 человек. Иркутский магистрат занимал второе место в Сибири по численности членов, которых насчитывалось 5 человек: президент, два бургомистра и два ратмана [1, с. 116]. В ратушах состав руководства был значительно меньше. Например, в Илимске ее членов насчитывалось всего 3 человека.

Иркутский магистрат ведал городскими ратушами на территории края, которые были открыты в Илимске, Селенгинске и Нерчинске. Развитие городских поселений, значительные расстояния между ними, отягощения различными службами вызывали желание горожан приблизить органы городской власти к своей территории. Так, жители кяхтинского форпоста в своем «наказе» в Уложенную комиссию настаивали на учреждении пограничного магистрата в Кяхте под контролем иркутского, «а селенгинской ратуше ничем не ведать». В данном случае кяхтинские жители просто стремились восстановить историческую справедливость. Еще в 1857 г. был издан указ о создании в форпосте ратуши, подконтрольной кяхтинской таможне. Она просуществовала до 1766 г., после чего была переведена в Селенгинск.

Одной из основных функций магистратов была фискальная. Создавая эти органы, правительство стремилось сформировать более или менее стройную систему сбора податей с городского населения. На магистраты была возложена обязанность контроля за правильной раскладкой и сбором государственных податей. Основным сбором с городского населения был подушный оклад, введенный в 1724 г. Посадские платили ежегодно по 1 руб. 20 коп. с души мужского пола. Представители городской власти персонально отвечали за своевременность платежей. Если их сбор задерживался или

поступал не в полном объеме, губернатор или воевода мог держать бургомистра под караулом или даже взыскивать недоимки с членов магистрата [2, с. 46].

Большой удельный вес среди городских служб принадлежал повинностям, связанным с казенной продажей вина и питейными сборами, а также соляной продажей. В этой связи из числа посадских ежегодно избирали большое число выборных голов, целовальников, счетчиков, надсмотрщиков. Они обеспечивали казенные интересы не только в Иркутске, но и по всей территории региона.

Не меньшее значение уделялось полицейскому надзору над населением. Магистратам предписывалась строгая регистрация прибывающих и отъезжающих, запрещалось принимать на ночлег беглых и беспаспортных. С целью охраны города от «воров» на улицах ставились рогатки, и горожане по очереди несли караульную службу. Городским властям поручалось размещение войск в городах. Для этого выбирались квартирмистры, которые по очереди отводили обывательские дома под постой. Горожане часто жаловались на обиды и притеснения, которые они терпели от военных и курьеров. Особенно тяжело приходилось жителям тех городов, где на постоянной основе были размещены военные подразделения. Так, в Селенгинск, где находился карабинерный полк, в 1767 г. был направлен еще и пехотный. При норме не более 3 солдат на избу здесь приходилось определять в один покой до 10 чел. и более.

В обязанности городского самоуправления входила и организация противопожарных мероприятий. Устанавливался строгий порядок действий на случай пожара, которые были частыми явлениями в сибирских городах. На каждую улицу определялся староста, на 10 дворов – десятский, на 50 – пятидесятник, на 100 – сотский.

Магистраты должны были наблюдать за санитарным состоянием города – чистотой на улицах и в торговых рядах, а также за исправностью мостов. Главная полицмейстерская контора вновь подтвердила это требование в 1750 г., указывая, чтобы «каждый обыватель против своих дворов и в рядах, и в рынках, и в прочих местах имели чистоту и всякий помет и сор чистили и возили в удобные места далее от жилья и закапывали в землю, и мосты, где были старые и обветшалые, то починять, а где мостов не было, а быть над-

лежит, те построить обывателям, каждому против своего двора» [2, с. 48].

Надо отметить, что в это время в сибирских городах параллельно существовало два полицейских ведомства. С одной стороны, полицейские функции возлагались на магистраты, с другой – часть из них осуществляла местная администрация. Напомним, что в сибирских городах еще в XVII в. из казаков назначались городничие, которые следили за ремонтом и возведением казенных зданий, сбором налогов и поддержанием порядка. В 1733 г. была учреждена полиция в 10 губерниях и 13 провинциальных городах России. Тогда же были открыты полицмейстерские конторы в Тобольске и Иркутске. В 1740-х гг. полицмейстером в Иркутске был поручик Иван Замощиков. В 1749 г. на него была подана жалоба в местный магистрат за незаконный арест и избивание сыновей иркутского купца П. Кузнецова. Иркутский магистрат обратился в вышестоящий орган с просьбой «запретить брать купечество за малые вины под арест и подвергать наказанию, чтобы полицмейстерская контора ведала только рогаточным караулом и пожарными случаями и больше ничем, и в то, что касается купечества не вступать и никаких наказаний кроме магистрата не чинить» [2, с. 49]. Вероятно, вследствие этих событий полицмейстерская контора в Иркутске была закрыта, но ненадолго. В 1757 г. состоялся указ Сената об учреждении в Иркутске полиции и назначении полицмейстера. Им оказался все тот же И. Замощиков, но уже в чине секунд-майора. В дальнейшем четко прослеживается тенденция сосредоточения полицейских функций в руках коронной администрации. Логическим завершением стал указ 1762 г. об упразднении в городах должности полицмейстера и о передаче городской полиции в ведение губернских, провинциальных и воеводских канцелярий.

Еще одной важной сферой деятельности городских органов власти были судебные дела. На протяжении всего периода существования магистратов посадское население особенно упорно отстаивало свое право судиться в них. Регламентом главного магистрата было определено городским магистратам ведать «судом и расправою» над купцами и ремесленниками. В их компетенции были гражданские и уголовные дела, за исключением государственных преступлений. Но, как и воеводский, городской суд был неповоротливым, стра-

дал от судебной волокиты. В 1750-х гг. следственная комиссия подполковника И. Вульфа отмечала беспорядки, царящие в иркутском магистрате. Среди них и то, что посадские люди «в тех судах, особливо же в иркутском магистрате, по их прошениям не удовлетворены и продолжают без решения долговременно, а другие на решения того магистрата показывают подозрение, и затем оные за дальностью главных над тем магистратом команд остаются без всякого рассмотрения» [2, с. 55].

Кроме гражданского и уголовного суда с 1754 г. магистратам был передан так называемый словесный суд – чисто торговый суд для разбора и решения споров и исков по обязательствам и договорам о торговых сделках.

В обязанности городских властей входила забота об экономическом развитии города, умножении его товаров и ярмарок, ограждение купечества от иногородней конкуренции и от лиц других сословий. Иркутский магистрат направил в местную земскую избу свою инструкцию, в которой предписывал строго следить, чтобы иногородние торговцы и разночинцы не торговали из своих домов – ни тайно, ни явно под угрозой потери товаров.

Магистраты были и своеобразным статистическим органом. Им предписывалось собирать сведения о численности городского населения, состоянии торговли и ремесла, размерах капиталов, состоянии цен на городском рынке и т. п.

Полученные сверх установленного оклада суммы, так называемые «приборные деньги», оставались в ведении магистрата или ратуши. Они могли быть потрачены на содержание аппарата управления, градостроительство и благоустройство, а также другие городские нужды. Но по указу 1745 г. городские магистраты могли ими пользоваться только по согласованию с главным магистратом. Кроме «приборных денег», с посадских собиралась специальная сумма на магистратские расходы, раскладка которых производилась с общего согласия горожан. Иркутская земская изба, отвечая на запрос Комиссии о коммерции, сообщала в 1761 г., что иркутское купечество, помимо подушных и пошлинных денег, ежегодно собирает деньги на магистратские расходы: с каждого купца первой статьи – от 8 до 15 руб., второй – от 2 до 5 руб., третьей – от 1,5 руб., а остальные, бедные, граждане платили по 20 копеек. Размеры сборов не были постоянны-

ми и нередко становились обременительными для немущих. Так, в 1785 г. на общем посадском сходе был составлен приговор о новом «магистратском трактаменте» в размере 3 459 руб., или по 1 руб. 68 коп. с каждого домовладельца. Иркутское купечество и мещане подписали документ, а цеховые отказались, считая его для себя непосильным. Губернский магистрат назвал их действия «явным непокорством» и отменил их общественный приговор, «дабы оные несогласными оговорками не могли наводить в переписках правительств затруднений» [3, с. 5].

В целом деятельность городских магистратов была своеобразной уступкой усиливающейся роли городов. С одной стороны, они не обладали необходимой самостоятельностью и зависели от центральных и местных органов; при этом не только не могли самостоятельно распоряжаться своим бюджетом, но даже запись в цех и купечество должна была утверждаться в Главном магистрате. Он же решал все дела, касающиеся перевода купцов из одного города в другой. С другой стороны, создание структуры городского управления выделяло торгово-промышленное население городов из общего звена местной власти и ограждало в какой-то мере от произвола и притеснений. Главный магистрат по мере возможностей пытался отстаивать независимость вверенной ему структуры, требуя, чтобы городские власти сообщали, «нет ли от губернских и воеводских канцелярий и протчих команд купцам обид и налогов». Зачастую он был единственной преградой на пути чиновничьего самовластия. Так, иркутский магистрат просил защиты от вмешательства провинциальной канцелярии, которая требовала, чтобы «купечество выбирало для нее счетчиков, целовальников и других служащих к винокуренным заводам, всего ежегодно 8 человек». Губернский магистрат возражал против этого, ссылаясь на то, что купечество не обязано нести эти службы [2, с. 64].

Первоначально все члены магистратов были несменяемы. Их могли заменить только в случае смерти или болезни. Естественно, это вызывало недовольство крупного купечества, которое обычно и назначалось на эти должности. Главный магистрат специально разъяснял, что трехлетний срок службы приемлем лишь для ратуш, находящихся в ведении губернаторов и воевод [1, с. 114]. Однако со временем власти были вынуждены пойти на более регулярную ротацию ка-

дров городского самоуправления. С 1773 г. выборы стали проходить тайным голосованием, особыми шарами. Как правило, бургомистрами и президентами магистрата избирались наиболее уважаемые и богатые жители города. К примеру, иркутский магистрат возглавляли первостатейные купцы и заводчики М. Глазунов (1744–1755), И. Ворошилов (1759–1760), С. Самойлов (1764–1766), М.В. Сибиряков (1779–1780). Бургомистрами и ратманами в эти годы служили М. Мясников, И. Елезов, Н. Бречалов, Ф. Дудоровский, З. Щегорин и др. [1, с. 116–117]. Доверие сограждан и определенная материальная независимость позволяли им выступать против несправедливых действий губернских властей. Один из первых конфликтов между представителями города и коренными властями в Иркутске произошел в 1724 г. В основе его лежали действия иркутского бургомистра М. Сухого, записавшего в купечество казацкого пятидесятника М. Кудрявцева без ведома воеводы Измайлова. Этот поступок главы города вызвал неудовольствие воеводы, начались взаимные упреки и обиды. М. Сухой публично упрекал Измайлова в воровстве, а начальника военной команды – полковника Лисовского называл бунтовщиком. Последние обратились с жалобой к фискалу Лазареву, началось следствие. Дело закончилось тем, что бургомистр был выслан в Тобольск, а там по определению губернского суда наказан плетью и к тому же заплатил за бесчестие официальных лиц денежный штраф [4, с. 233].

В связи с подготовкой деятельности Комиссии об Уложении правительство провело реорганизацию городского управления. Города получили право для составления своего наказа в Комиссию, а также выбора депутата, представляющего их интерес. В соответствии с «обрядом выбора жителям городским» право посылать депутата получили те города, где имелось более 50 дворов, остальные – по желанию. Для подготовки наказа и выборов депутата в городах создавалась новая должность городского головы, избираемого всеми домовладельцами из своей среды. Кандидату надлежало быть не моложе 30 лет, иметь недвижимость и пользоваться доверием общества. В Иркутске первым городским головой был избран Михаил Афанасьевич Сибиряков (ок. 1726–1795). Он имел рудники и завод в Нерчинском горном округе, чин берггешворена, а в 1767 г. получил личное дворянство. Именно при его непосредственном участии составлялся наказ от

Иркутска и проводились мероприятия по его подписанию и выбору депутата. В дальнейшем на должность городского головы также избирали богатейших иркутских купцов. В 1781–1784 гг. городским головой служил И.Н. Саватеев, при открытии наместничества в должность городского головы был выбран Н.П. Мыльников, а ратманами при нем – А. Калмынин, И. Зонов и И. Чеченев. В других городах региона городскими головами были выбраны также представители купечества: в Селенгинске – Т. Поламошный, Кяхте – П. Дернякин, Нерчинске – А. Тайшин. Только в отдаленном Якутске, где сильны были позиции служилого населения, на пост городского головы выбрали сибирского дворянина А. Новгородова.

Для усиления административного аппарата на местах в 1775 г. были изданы «Учреждения для управления губернией». Для суда и управления городским населением учреждались губернские и городские магистраты. Губернские магистраты становились правительственными органами и подчинялись наместническому правлению. В их структуру входили два департамента: уголовный и гражданский. Функции магистрата охватывали все вопросы правительственной политики по отношению к городам. Магистрат наблюдал за выполнением указов вышестоящих властей, контролировал органы городского самоуправления, выполнял роль второй, высшей после городских магистратов, судебной инстанции, представлял интересы государства в раскладке и сборе налогов, занимался учетом городских сословий и т.д. В соответствии с этим в Иркутске был учрежден губернский магистрат, которому были подведомственны городские магистраты в Нерчинске и Верхнеудинске. В остальных городах региона в силу малочисленности посада действовали ратуши. Но в целом губернские магистраты просуществовали недолго и в 1797 г. были упразднены [5, с. 157]. В дальнейшем правительство отказалось от попыток бюрократизации городского управления, оставив за собой лишь функции контроля за выборными городскими органами. Они ложились на губернское правление и губернатора. Были предприняты попытки поднять престиж руководителей городской администрации, выделив их из общей массы податного населения и приравняв к нижнему чиновничьему звену. В начале 1780-х гг. должности городского головы и ратмана была приравне-

ны к XIII классу чинов, а жалованье составило 140 руб. в год. В уездных и губернских центрах бургомистры и ратманы стали соответствовать XII классу и получали соответственно 180 и 140 руб. Земский староста и словесный судья оказались на должности XIV класса, равного чину прапорщика или коллежского регистратора [6, с. 79]. Однако правами классных чинов они пользовались недолго. С 1787 г. их сняли с казенного жалованья и перевели на содержание городского общества.

С преобразованием в 1783 г. Верхнеудинска в уездный город Иркутской губернии в нем было учреждено магистратское управление. По административной линии Верхнеудинскому магистрату подчинялись Ильинская, Кабанская, Селенгинская и Кяхтинская земские избы. Интересно отметить, что некоторым другим уездным городам Иркутского наместничества (Киренск, Нижнеудинск) в такой привилегии было отказано. В решении Иркутского наместничества на этот счет говорилось так: «...пока купечеством не обзаведется, городской магистрат не утверждать».

Верхнеудинский магистрат ведал городскими доходами, содействовал развитию ремесел и торговли, заботился о городском благоустройстве и порядке, способствовал организации школ. При нем существовал сословный орган по опеке – сиротский суд. По торговым делам суду магистрата подлежали иногородние и местные купцы, мещане, записанные в гильдию, и крестьяне, промышленяющие торговлей. Таким образом, несмотря на сословное деление, вплоть до создания специальных коммерческих судов магистраты исполняли роль общественных, сословных инстанций по торговым тяжбам. Это был один из путей преодоления корпоративности, стесняющей экономическую жизнь торгово-ремесленных городов Сибири.

Крупной вехой в реформах местного управления было утверждение 8 апреля 1782 г. «Устава благочиния или полицейского», определившего устройство полицейского аппарата городов. На основе этого устава вместо магистратов на местах стали появляться городские управы, во главе которых стояли городничий и думы. Бургомистра сменил городской голова из «именитого купечества». На управу возлагались полицейские и административно-хозяйственные задачи на территории города. Управа охраняла порядок в городе, при-

нуждала жителей к исполнению законов и постановлений, ведала городским благоустройством. В ее ведении находились школы, городская торговля, кредит, попечительство и опека. Она выполняла также судебные функции: рассматривала гражданские дела и мелкие уголовные.

«Жалованная грамота городам» 1785 г. еще более усложнила сословное деление горожан и систему городского самоуправления. Официально все домовладельцы получили статус горожан, в том числе из неподатных сословий. Аппарат самоуправления усложнился за счет вновь созданных органов: «собрания общества градского», общей градской и шестигласной думы. При этом магистраты и ратуши не отменялись. Собрания, или сходы, созывались раз в три года для проведения выборов на основные должности общегородского управления. Уточнялась и проверялась обывательская книга, т.е. собрание решало дела о приеме и исключении из состава обывателей. Здесь же выслушивались предложения губернатора по городским вопросам. Кроме того, сами горожане могли делать «представления» о своих общественных нуждах.

Право голоса на собрании, выбирать и быть избранным предоставлялось формально всем сословным группам города. Для этого нужно было достичь 25-летнего возраста и быть записанным в обывательскую книгу, т.е. иметь недвижимость и капитал не ниже 5 тыс. руб. Всем этим требованиям удовлетворяло только купечество, да и то не ниже второй гильдии. Словом, в решении наиболее значительных вопросов и замещении высших должностей могла участвовать только купеческая верхушка. Так как в сибирских городах купечество первой и второй гильдий было немногочисленно и имелись города, где его не было вообще, приходилось пользоваться оговоркой к Положению, которая гласила, что при отсутствии крупных капиталов голос мог присваиваться и менее состоятельным горожанам «доброй совести и не бывшим в пороках» [5, с. 164].

Общая градская дума задумывалась как совет представителей граждан, избранных от каждого разряда населения. Ей отводилась распорядительная функция в управлении городом. Решение этих же вопросов было возложено и на шестигласную думу, которая рассматривалась как исполнительный орган общей думы и избиралась из ее состава.

Столь сложная иерархия городского управления на практике зачастую упрощалась. Обычно постоянно действовала только шестигласная дума в составе городского головы, двух ратманов и шести гласных (по одному от всех шести разрядов горожан).

С разделением граждан на шесть частей в Сибири, и в Иркутске в частности, также было не всё просто. «Жалованная грамота» выделяла «настоящих городских обывателей», т.е. лиц, имевших в городах недвижимость, купечество всех трех гильдий, цеховых ремесленников, иногородних купцов и иностранцев. К пятой категории относились именитые граждане – крупные предприниматели с капиталом свыше 50 тыс. руб. и люди свободных профессий, получившие высшее образование (ученые, художники, писатели и т.п.). Шестую категорию образовывали посадские – «старожилы, или поселившиеся, или родившиеся, как в других частях городской обывательской книги не внесены, промыслом, рукоделием или работой кормятся в том городе». В Иркутске из перечисленных выше разрядов отсутствовало дворянство и в очень ограниченном виде были представлены именитые граждане. Основные податные сословия – купечество, мещанское и цеховое общества сохранили корпоративную структуру и действовали через своих выборных представителей – старост. Такая структура отделяла податные слои от остальной части города, разделяла население на сравнительно замкнутые категории, предоставляя им разный объем прав.

Судебные дела оставались в ведении городского магистрата, в состав которого выбирали бургомистра, двух ратманов и четырех заседателей. Помимо прежнего словесного суда был учрежден еще сиротский суд, который разрешал вопросы, связанные с опекой, наследованием имущества и усыновлением.

Функции магистрата и думы не были четко разграничены, что приводило к дублированию административно-хозяйственных и фискальных задач. К тому же эти органы власти полностью подчинялись государственным учреждениям. Рядом с «всесословной» думой с 1782 г. была поставлена «управа благочиния», возглавляемая городничим. Обоим учреждениям законом поручалось выполнение одних и тех же задач. Городское хозяйство было подчинено как управе

благочиния, так и думе. На практике выходило, что городская дума собирала сборы и платежи с горожан, а распоряжалось денежными суммами губернское начальство. Стоящая над всеми ними власть губернатора и других начальников края сводила на нет всю систему местного самоуправления и определяла границы самостоятельности всех органов.

В 1788–1790 гг. общие городские думы были образованы в четырех областных городах Иркутского наместничества: Иркутске, Нерчинске, Якутске и Охотске, а шестигласные думы во главе с городским головой создавались там, где уже действовали городские магистраты. Состав их формировался с учетом местных особенностей [7, с. 314–315]; на территории Байкальской Сибири таковые были только в Иркутске, Верхнеудинске и Нерчинске.

Как и в целом по стране, во главе городского самоуправления в основном находились представители крупного капитала. В дальнейшем государство более четко ранжировало замещение руководящих должностей в органах городской власти в зависимости от гильдейской принадлежности. Так, только купцы первой гильдии могли исполнять должности городского головы, заседателей палат, совестных судов, приказов общественного призрения, депутатов торговли, директоров банков и их контор, церковных старост. От иных должностей они были вправе отказаться. Купцы второй гильдии могли выбираться на должности бургомистров, ратманов, гласных. Также гласными городских дум и городскими старостами могли быть купцы третьей гильдии. Так, в конце XVIII – первой половине XIX в. в органах городского управления Верхнеудинска практически все должности занимали представители местного купечества: М. Курбатов, Д. Пахолков, В. Гирченко, Ф. Сотников, Д. Лосев, Налетов, Мордовский и др.

Торжественное открытие Иркутской городской думы нового образца состоялось 1 января 1787 г. Церемония была обставлена весьма торжественно. По свидетельству «Иркутской летописи», купечество дало «великолепный обед для всех чинов города и граждан, а к вечеру был бал с маскарадом и пушечной пальбой» [8, с. 116]. Вскоре выяснилось, что при выборах была допущена серьезная ошибка. Вместо шести гласных было избрано 20: по два человека от купцов, находящихся обывателей и посадских, 14 человек от цеховых (по

одному от каждого цеха). В феврале состоялись перевыборы, и дума приступила к работе.

В первый состав городской думы вошли: Андрей Шалев – от настоящих городских обывателей; Григорий Трушков – от иркутских мещан; Петр Попов – от городских обывателей; Андрей Саватеев – купец второй гильдии; Михаил Родионов и Андрей Фереферов – от цеховых. Иркутским городским головой был избран купец первой гильдии Михаил Васильевич Сибиряков (1744–1814). За свою обширную торгово-промышленную и общественную деятельность он первым и единственным из иркутян был удостоен звания «именитый гражданин». На первом заседании общего присутствия думы гласные приняли из губернского магистрата большую серебряную печать городского общества. Для ведения делопроизводства, за отсутствием другой кандидатуры, был определен по совместительству писарь сиротского суда – отставной солдат С. Беляев. Ему в помощь были наняты два писца.

Городское самоуправление в Сибири со временем упрощалось. Так, в 1804 г. магистраты с полным штатом остались только в наиболее крупных городах, а в остальных, «по малости оных», надлежало быть ратушам. Поскольку посадское население Илимска было более многочисленно, то даже после переноса в Киренск уездного управления в бывшем воеводском центре была сохранена ратуша, подчинявшаяся иркутскому магистрату. Киренские купцы и мещане были подведомственны илимской городской ратуше. Текущие дела возлагались на земского старосту, назначаемого ратушей. Подобное положение дел оставалось неизменным до начала XIX в., несмотря на то что илимское мещанское общество приходило в упадок, а киренское, напротив, неуклонно росло. В 1806 г. по представлению илимского частного комиссара Петухова было возбуждено дело против бургомистра Ф.Я. Прейна и других членов илимской ратуши, которые обвинялись в злоупотреблении властью, произволе, неисполнении повелений уездного начальства. Обнаружилась масса недостатков в ведении дел в ратуше, что явилось одним из поводов для решения о ее переносе в Киренск. Об этом, кстати, просило и само илимское общество, для которого содержание ратуши было обременительно [ГАИО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 5.

Л. 12]. К этому времени в Илимске осталось всего два купца, остальное общество составляли мещане.

Следующий шаг в упрощении городского самоуправления сделала реформа М.М. Сперанского. Согласно Уставу 1822 г. сибирские города разделялись на три разряда в соответствии с количеством проживающего в них населения: многолюдные, средние и малолюдные. Иркутск был отнесен к числу многолюдных, где общественное управление определялось по полной схеме. В состав городского управления входили полицейское и хозяйственное управления, а также городской суд (вместо магистрата). Полицейское управление подразделялось на общую управу, куда входили городничий и частные пристава (по числу частей города). Ограниченная роль городской думы подчеркивалась ее новым названием – хозяйственное управление. Она состояла из городского головы и четырех гласных. Делопроизводство осуществляла канцелярия. В ведении городской думы было управление городскими доходами и расходами, раскладка и сбор налогов, рекрутский набор, содержание городских и сиротских судов и опека, выдача гражданам паспортов для отлучек по торговле и промыслам, содержание и исправление общественных зданий, мостов, площадей и улиц, городское благоустройство и санитарное состояние, надзор за производством торговли, деятельностью мещанской и цеховой управ и т.п. [9, с. 131].

Первые выборы по новому «Учреждению» прошли 2 декабря 1822 г. Городским головой на новый трехлетний срок был избран Ксенофонт Михайлович Сибиряков. В помощь ему было выбрано пять гласных: по двое от купечества и мещан, один от цеховых. Следует отметить, что в документе речь шла только о городской шестигласной думе – «общая градская дума» была официально отменена еще в 1819 г.

Управление средними городами: Нерчинском, Якутском, Верхнеудинском и Троицкосавском – заключалось лишь в полицейском контроле во главе с городничим. Сюда же входила частная управа – городничий и квартальные надзиратели, а также медицинская часть. Хозяйственным управлением и судом в таких городах ведала ратуша в составе городского судьи и двух заседателей. В малолюдных городах: Нижнеудинске, Киренске, Селенгинске, Баргузине – управление осуществляли только городничий (полиция), а также

городские старосты (хозяйственное управление) и словесный суд. Данная система органов самоуправления просуществовала вплоть до городской реформы 1870 г.

Большинство иркутских градоначальников старались оправдать доверие избирателей. Среди них встречались не только крупные предприниматели, но прежде всего ревнители просвещения и культуры, чья деятельность была социально ориентирована. В памяти иркутян надолго остались имена Е.А. Кузнецова, В.Н. Баснина, И.С. Хаминова, Д.Д. Демидова и др., на личные средства которых строились учебные заведения, приюты, больницы, открывались библиотеки, научные общества, театр, менялся в лучшую сторону внешний облик города. Яркими личностями среди градоначальников Байкальской Сибири были верхнеудинские купцы П.Т. Трунев, И.Г. Федченко, И.П. Фролов, А.В. Овсянкин, первый нерчинский глава П. Першин, читинские купцы И. Замошников, Ф. Шульгин, И. Колеш и др.

Становление городского самоуправления в России содействовало общественному развитию и выработке общесловесных ценностей и интересов. Наиболее активной и общественно зрелой силой городского общества выступало купечество. Свое экономическое положение оно подкрепляло ведущей ролью в городском управлении. Наиболее активные и успешные представители купеческой элиты, выделяясь из основной массы, становились признанными лидерами посадского мира, приобретая авторитет и в глазах власти. Государство старалось найти формы дополнительного поощрения крупного купечества, проявившего себя в делах коммерции и на общественном поприще. Еще «Жалованная грамота городам» учреждала почетное звание «именитый гражданин». Первым в Сибири это звание получил М.В. Сибиряков. В своем прошении в наместническое правление в сентябре 1790 г. он подробно перечислил все свои общественные службы, включающие должности гражданского старосты (1766), словесного судьи (1771), президента магистрата (1777–1780), городского головы (1787–1789). «Беспорочность моя в отпращении вышеобъявленной службы, – писал он, – тем доказательна, что общество при новом выборе никак не унижало, но преимущественно других большинством баллов перевес мне давало» [ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 78. Л. 5]. За свою

общественную службу М.В. Сибиряков получил от городского общества «похвальный аттестат» и благодарность.

Кроме М.В. Сибирякова, в Иркутске звание «именитого гражданина» имел только Г.И. Шелихов, удостоенный его по ходатайству Рыльского городского общества. В 1807 г. указом Александра I категория «именитых граждан» упразднена, а вместо нее было учреждено звание «первостатейное» купечество, которое вносилось в особую «бархатную» книгу [РГИА. Ф. 1405. Оп. 65. Д. 90], в которую вписывалось исключительно российское потомственное купечество христианского происхождения высшей гильдии. Первостатейному купечеству позволялось приезжать к императорскому двору, носить шпагу, а первой гильдии – ездить в карете, запряженной парюю или четвернею. Права не распространялись на детей купца и принадлежали купцу, пока он относился к категории первостатейных. На практике, однако, далеко не все положения указа были реализованы. Когда, например, иркутский купец первой гильдии Константин Трапезников обратился в 1848 г. в городскую думу с просьбой внести его со всем семейством в «бархатную» книгу, оказалось, что таковую в Иркутске вообще не заводили. Губернские власти обратились в министерство финансов с просьбой разрешить учредить ее в Иркутске. Ответ последовал более чем любопытный. В соответствии с указом подобная книга должна быть открыта в одном месте, а именно в одной из столиц. Но поскольку таковой так и не было заведено, то и ходатайство из Иркутска не было удовлетворено. Вместо этого иркутским властям сообщили, что для отличия купечества есть другая возможность – звание почетного гражданина [РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 646. Л. 23–23 об.].

Звание это было введено манифестом Николая I в апреле 1832 г. «Почетные граждане» составляли привилегированную сословную группу, отличавшуюся от остальной массы купечества освобождением от податного обложения. Для купечества привилегии, даваемые почетным гражданством, не связывались с членством в гильдии, что устраняло опасность понизить свой статус в социальной иерархии в случае невозможности по каким-либо причинам приобрести гильдейское свидетельство на очередной год. Тем самым купеческой верхушке обеспечивалось стабильное общественное положение, не зависящее от возможных неудач в делах.

«Почетное гражданство» было как личное, так и потомственное, распространяющееся на наследников. Уже в 1830-х гг. звание потомственных почетных граждан получили иркутские купцы Баснины, Сибирияковы, Медведниковы, Трапезниковы и мн. др.

Для поощрения купцов, отличившихся в торговой деятельности, 27 марта 1800 г. было учреждено звание коммерции советника, приравненное к 8-му классу гражданской службы «Табели о рангах», а затем мануфактур советника с аналогичными правами. Среди иркутских купцов звание коммерции советника первыми получили купцы Мыльниковы, впоследствии братья Баснины, Н.П. Трапезников, П.Ф. Медведников, кяхтинский купец Н. Игумнов и некоторые другие. За выборную общественную службу и благотворительную деятельность купцы награждались золотой медалью «За заслуги» и серебряной, на алой ленте – для ношения на шее. Кроме того, они нередко получали и государственные знаки отличия. В частности орденами святого Владимира были награждены купцы Е.А. Кузнецов (III и IV степени), П.Т. Баснин (III степени); святого Станислава III степени – Д.Ф. Игнатьев, И.Ф. Голдобин; III и II степени – М.Д. Бутин; святой Анны III степени: М.Д. Бутин, Н.А. Полевой, Ю.И. Базанова, Е.А. Кузнецов, И.Ф. Голдобин и др. На этом поприще всех превзошел иркутский купец и городской голова И.С. Хаминов, обладавший орденами св. Станислава III, II и I степени, св. Анны II и I степени, св. Владимира IV и III степени, а также имевший высокий чин тайного советника.

Наиболее активными были представители иркутской купеческой верхушки. Не случайно, Г.Н. Потанин выделял руководителей иркутского городского самоуправления, которые могли иногда говорить даже с губернатором, в то время как в Томске, например, городские головы находились в полном его подчинении, «не смея» себе этого позволить [10, с. 248].

Следует сказать, что наиболее дальновидные иркутские губернаторы не считали зазорным прислушиваться к мнению авторитетных горожан из числа купечества. Так, иркутский губернатор Ф.Н. Кличка смог объединить городское общество, направив его усилия на решение задач развития просвещения и гражданственности. Заметную роль в консолидации городской элиты сыграл созданный им совет из

лучших граждан города, который собирался раз в неделю, а в экстренных случаях и чаще. Среди прочих дел губернатор «совету поручал ссорившихся граждан примирять, поэтому в городском магистрате не было дел» [11, с. 185]. Эти начинания Ф.Н. Клички его преемниками были упразднены, хотя не считаться с возросшей ролью купечества власть уже не могла. В начале XIX в. иркутский губернатор А.М. Корнилов предложил для координации действий местных властей создать «комитет из чиновников каждого звания, опытных и при том об общем благе мыслящих». Кроме начальников гражданских и военных учреждений членом комитета он предложил сделать авторитетного иркутского купца Н.П. Мыльников. Планировалось, что комитет будет регулярно (один или два раза в неделю) собираться по вечерам в доме губернатора и обсуждать вопросы о распределении ссыльных, заготовке хлеба, земледелии, торговле, об устройстве дорог, судебных делах. Исполняя совещательные функции при генерал-губернаторе, полагал А.М. Корнилов, комитет поможет привести управление в должный порядок. Однако сибирский генерал-губернатор И.О. Селифонтов не поддержал эту идею, сославшись на то, что без разрешения верховной власти образовать такой комитет нельзя.

Таким образом, в рассматриваемое время в Байкальской Сибири происходило формирование системы городского самоуправления. Создание городских магистратов и ратуш, а затем городских дум и управ при всей их громоздкости, подконтрольности коронной власти всё же значительно изменило структуру и характер городского общества.

Конечно, городские органы того времени были неповоротливы. Функции их не были четко определены и часто дублировались. Зависимость от государственной власти часто сводила на нет самостоятельность органов самоуправления. Но в то же время они достаточно успешно решали вопросы городского хозяйства и обустройства, содействовали экономическому развитию городов, осуществляя контроль и поддержку местных рыночных отношений и капиталов. Выборность органов городской власти, многочисленные общественные службы содействовали социализации и сплочению городского социума, выдвигали лидеров и подвижников общественного служения.

Примечания

1. Рафиенко Л.С. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2006.
2. Рафиенко Л.С. Функции и деятельность сибирских магистратов в 40–70-х гг. XVIII в. // Бахрушинские чтения – 1966. Новосибирск, 1968. Вып. 2.
3. Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск, 1958.
4. Лосев А.И. Географическо-статистическое описание Иркутской губернии // Весь Иркутск. Иркутск, 1992.
5. Рабцевич В.В. Управление городами в Сибири последней четверти XVIII – первой половины XIX в. // Сибирские города XVIII – начала XX века. Новосибирск, 1981.
6. Быконя Г.Ф., Федорова В.Н., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом. XVII–XIX века. Красноярск, 1990.
7. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибирью XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003.
8. Иркутская летопись (летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Иркутск, 1911.
9. Шахеров В.П. Города Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX в.: очерки социально-экономической и культурной жизни. Иркутск, 2001.
10. Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908.
11. Штейнгейль В.И. К иркутскому летописцу пояснение. Записка о Сибири // Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Т. 2. Записки и статьи. Иркутск, 1992.

Г.Ф. Быконя,
доктор исторических наук,
профессор КГПУ

Новая версия происхождения предков Андрея Дубенского – основателя Красноярска

Выявить родословную Андрея А(О)нуфриевича Дубенского (произносить следует Дубенской) оказалось очень сложно. Ни книг, ни даже статей о нем не было, что, конечно, несправедливо по отношению к основателю самого крупного в Восточной Сибири индустриального и культурного города с миллионным населением. Дореволюционные и советские авторы – от Г.Ф. Миллера до С.В. Бахрушина – в лучшем случае писали об обстоятельствах строительства Красноярского острога, о происхождении же его «городчика» упоминалось мельком и со множеством несоответствий. Основателя Красноярска именовали по-разному: А. Дубенский – «приказной человек» (Н.Н. Оглоблин), «дворянин» – порученец при енисейском воеводе Я.И. Хрипунове (С.В. Бахрушин), «сын боярский» (В.А. Александров), наконец в краеведческой литературе безапелляционно утверждали, что он «московский дворянин», коль прибыл из столицы. О предках Андрея Ануфриевича вообще не писалось. Польские же авторы и отдельные отечественные историки (Б.П. Полевой) вообще считают Дубенского и Хрипунова выходцами из Польши, прямо называя Андрея Анджеем.

У автора этих строк на выявление его родословной ушло более 40 лет, и поиск продолжается, хотя небольшая книжка об Андрее Дубенском вышла еще в 1998 г. и спустя 10 лет была переиздана в основательно дополненном и переработанном виде [1]. Виноваты в подобной неполноте прежде всего крайняя скудость источников при разветвленности и многочисленности Дубенских. В Государственном историческом архиве, находящемся Санкт-Петербурге, сохранилось 10 родословных из губерний: Владимирской (2), Московской (3), Пензенской с Саратовской, Рязанской, Тульской, Смоленской и Таврической. Всего по литературе и источникам

на конец XVII в. было до тысячи дворян Дубенских, которые служили или имели населенные земли в большинстве уездов России. Сказывалась и отдаленность эпохи – след возможных предков приводил в XIV–XV века. Сложно было устанавливать последовательность поколений из-за бедности состава имен и отсутствия отчеств. Ведь из каждых 100 имен 80 % были одинаковыми, а имена родителей начали указывать массовом порядке только в переписях XVII–XVIII вв. Исследовательский поиск, естественно, затягивался и из-за удаленности центральных архивов и библиотек. В условиях перестроечного времени были и другие технические, организационные и материальные обстоятельства, мешавшие полному решению этой задачи.

В постперестроечные годы условия для работы несколько улучшились. Архивы в частности стали публиковать и переиздавать целые комплексы документов феодального времени, например писцовые книги Новгородской земли, материалы Поместного приказа, грамоты Коллегии экономии и т.д. Появились новые специальные журналы по источниковедению и генеалогии, статьи и исследования по истории российского дворянства. Оказался полезен и Интернет.

Для данной темы крайне важными оказались работа столичного историка-архивиста С.Н. Кистерева о времени появления первой полной холопией грамоты, составленной при Иване Михайловиче Дубенском, и публикация «данной» 1587/88 года о передаче по завещанию владельца пустоши Романовой Ануфрия Дубенского его братьями и вдовой земли Владимирскому Рождественскому монастырю [2]. Ученого документ заинтересовал только в связи с датировкой холопией грамоты, нам же было важно, что в нем идет речь о родителях и ближнем круге родственников Андрея Ануфриевича Дубенского. Еще раз подтвердилось предположение, что основатель Красноярска не был выходцем из Польши и не назывался Анджеем Дубенским. Он был – минимум в третьем поколении – потомственным дворянином Владимирского уезда. Жёны его деда Пимена и отца А(О)нуфрия – Аграфена Ивановна Симанова и Анна Никитична («Микина дочь») Мартюшева – были дочерьми соседних владимирских дворян. Это прямо сказано в «данной» – дарственной на запустелую деревню Романову в Колпском стане Владимирского уезда (ее в свое время в качестве приданого при-

несла Аграфена Ивановна своему мужу Пимену «по «прозвищу Комак»). Было это явно до опричнины, и деревня еще не запустела. Сын же О(А)нуфрий в помин души родителей, своей и брата Федора завещал эту землю «в монастырь в дом Рождества Пречистые Богородицы святого чудотворца благоверного и великого князя Олександра Невского ... с пашнею, с луг(ами. – Г. Б.) и со всяким угодьем, куда ходила соха и топор исстари по тяглу». Вотчинная земля отдавалась «впрок без выкупу» родственниками. Поэтому с этим дарением за помин души должны были согласиться все прямые и потенциальные наследники: три двоюродных брата завещателя – Василий, Владимир и Иван О(А)фонасьевичи и его вдова «Анна, ... а прозвище Комакина ... со своими детьми Иваном Большим да с Ываном Меньшим». Андрей не назван, поскольку мать была им беременна и еще не могла из-за раннего срока определить пол ребенка. За «ту вотчину» монастырских старцев обязывали поминаемых Дубенских «написать в литейный и субботный сенаник (поминальники. – Г. Б.), и братью кормити однава в году на память преподобного отца Пимина (св. Пимен жил в III веке на Ближнем Востоке. – Г.Б.) августа в 26 день».

Так феодальная практика наследования дала счастливую возможность определить и время рождения Андрея, и что он был третьим, последним, сыном в семье, которому не суждено было увидеть отца, и даже его фамильное прозвище «комак».

Судя по времени данной, дед, отец и дядя не погибли в годы опричнины – с поминовением душ вряд ли могли тянуть 15 лет. Возможно, они с князьями Ряполовскими-Хрипуновыми, своими родственниками-свойственниками, активно участвовали в политической борьбе за власть опекунов царя Федора Иоанновича, в частности между князьями Шуйскими и Борисом Годуновым, и погибли осенью 1586 – в середине 1587 г. во время кровавой расправы Годунова со сторонниками Петра Ивановича Шуйского [3].

Эта новая информация не противоречит тому, что писалось ранее. По писцовым книгам за 1636–1643 и 1647 гг. Андрей после брата Ивана владел третью вотчины в Колпском стане Владимирского уезда. Судя по тому что остальные две трети принадлежали потомкам двух родных братьев его деда Пимена Никифоровича (Афанасия

и Ивана), эту вотчину имел в наследственном владении прадед Андрея Никифор Дубенский, который с братьями Иваном и Андреем впервые упоминается в составленном до 2 декабря 1513 г. завещании князя Ивана Ивановича Кривоборского из рода Ряполовских–Стародубских среди ближнего его окружения. Князь, в частности, упоминал: «... а Ивану Дубенскому, да брату его Микифору, да брату ж их Андрею дадут по ковшику по серебряному по питьевому» [4]. Скромный сравнительно дар наводит на мысль, что братья были малолетними или относились, скорее всего, к дальним родственникам или близким. Поверстаный в службу в «дети боярские» (низший разряд «служилых людей по отечеству», как назывались тогда русские бояре и дворяне), Никифор в 1525 г. был среди почетного караула на подворье московского Кремля во время свадьбы Василия III с «литвинкой» Еленой Глинской. Но был ли это наш Никифор или же Никифор из другой московской ветви Дубенских, трудно пока судить. Вряд ли Никифор с братьями стали «людьми дворскими» и «послужильцами» князей Кривоборских и маловероятно, что от них Никифор получил небольшую вотчину, то есть что они, по терминологии историков, были вассалами – арьерфеодалами. Княжество Стародубское в XV в. уже потеряло свою независимость, а значительная часть многочисленных его князей стала к XVI в. средними и даже мелкими вотчинниками со статусом бояр и дворян, как, например, Хрипуновы [5].

Полное отсутствие упоминаний о ратных казенных службах деда и отца Андрея, хороший почерк Ивана Ивановича Дубенского, написавшего родственникам данную монастырю, гражданская служба в приказах Якова Игнатьевича и самого Андрея, наконец владение грамотой Владимира и Ивана Афанасьевичей Дубенских, а позже и самого Андрея – всё это свидетельствует в пользу предположения, что приказная служба, то есть занятие делопроизводством, была наследственным делом Дубенских в казенных приказах. Не исключено, что физическая непригодность к ратной службе деда Пимена (его прозвище «комак» в северодвинских и поморских говорах означало «рыхлый комок», то есть грузный, неповоротливый человек [6]) определила, как часто это бывало в традиционном обществе, приказной род службы его потомства. Владение же грамотой, столь редкое среди бояр и

дворянства, давало реальную возможность обойти знатных и богатых в карьере и материальном положении.

Поиск родословной Андрея Ануфриевича Дубенского шел, естественно, в среде дворянства – срабатывала глубокая историографическая колея. Логически это было обоснованно для выявления ближних звеньев родословной, но, как оказалось, это ограничивало сферу поиска ее истоков, хотя в составленной в 1682 году знаменитой Бархатной книге российского дворянства, опубликованной Н.И. Новиковым, Дубенские отмечены среди вышедших из Польши 113 родов [7], да и потомки Никифора в конце XVIII в. конкретизировали эту информацию, выводя свой род из польско-литовских земель – выходцев Семена с бездетным братом Астафием, которые перешли на службу к московскому великому князю Василию II в 1425 г. Так значилось в родословной 1788 г., которую составили троюродные братья — отставные гвардии прапорщик Григорий Львович и премьер-майоры Порфирий и Ксенофонт Гаврилович Дубенские для Департамента герольдии Сената с целью получить дворянский герб. Состоящая из 140 лиц, эта родословная выглядела, несмотря на десяток неточностей, в целом достоверной. Ее в основном принял и С.Н. Кистерев, обстоятельно выясняя время появления первой известной полной холопией грамоты, принадлежавшей Ивану Михайловичу Дубенскому, по родословной – внуку Семена и отцу Никифора, то есть прапрадеду Андрея Ануфриевича. Однако выдачу грамоты ученый датирует 1399–1428 гг., то есть Ивана и Никифора разделяет почти столетие.

Сомнение в достоверности начального звена родословной об отце и деде Никифора перешло у меня в уверенность после тщательного анализа Тысячной книги 1550 г. и составленной после нее к 152 году Дворцовой тетради [8]. Эти уникальные источники появились, как известно, в связи с желанием молодого царя иметь всегда под рукой отряд преданных дворян, для чего стали испомещать помимо из прежних владений 1000 человек в Московском уезде из ближних к нему уездов. Среди 22 выбранных «дворовых детей боярских третьей статьи» по Можайску были родные братья Никифора «Ондрей да Иван Репехова дети Дубенскова» и два из четырех его сыновей — «Иван да Илья Никифоровы дети Репехова-Дубенскова». Автор комментария, А.И. Ав-

тократов, в «Указателях» в отношении Репеховых детей пометил, что в двух других списках-копиях этих документов стоит уточнение «Ряполовы». Он никак не объяснил оба эти упоминания, посчитав, что писцы уточнили, о ком идет речь, ибо в списках были еще четыре московских Дубенских – «Микитиных детей». Сам Никифор, как и его сын Пимен, в этих списках, на основе которых позже формировали «Государев двор» и опричников, отсутствуют. Они не вошли туда либо по причине старости, либо же находились в приказной службе. Стало ясно, что Никифор с братьями имели вторую фамилию – Репеховы. Подтвердилось и место их прежнего пребывания в самом начале XVI в. в Стародубских землях, центром которых был стан Стародуб-Ряполовский и старинный город Ряполов Стародубский (ныне селение Клязьминский городок) во Владимирщине (его Иван Грозный в годы опричнины отдал вместо г. Одоева князю Ивану Михайловичу Воротынскому).

Почему все потомки, начиная с Никифора и его братьев, предпочитали не упоминать о другой своей фамилии? Оказывается, Репеховы были «жизьными людьми» в Новгородской земле в XV в. Один из них, Юрий Репехов, как и некоторые крупные бояре и купцы, выступал за вхождение Новгородской земли в Польско-Литовское государство, а не в Московскую Русь. После окончательного подчинения Новгорода в 1478 г. Иван III казнил пять наиболее опасных политических противников во главе с посадником Дмитрием Исааковичем Борецким. Посадницу же Марфу, жену казненного после сражения при Шелони в 1471 г. посадника Исаака, с внуком и ближними людьми, всего восемь человек, в числе которых был «новгородский житый человек Юрка Репех», «взяли к Москве», а их имущество «отписали на государя». Вслед за этим Иван III стал методично разрушать крупное вотчинное землевладение новгородцев. Сначала конфисковали земли у 30 крупнейших бояр, а затем начались массовые перекрестные переселения в 1483–1484, 1487–1489 и 1490-х гг. Более тысячи семей с семью тысячами новгородских бояр и их послужильцами-арьерфеодалами получили вотчины и поместья русских феодалов, а те, в свою очередь, их земли, но, как правило, на поместном праве [9]. Как видим, Иван IV Грозный был неоригинален, занимаясь в опричнине «пере-

бором людишек» у двоюродного брата князя Владимира Старицкого и других бояр, чтобы упрочить свою власть.

Юрию Репехову сначала удалось избежать высылки. По крайней мере, в новгородских писцовых книгах за 1493–1496 и 1497/1498 гг. он назван среди шести Репеховых, новгородских вотчинников. Историк В.Н. Бернадский считает его в «околорусских», то есть в ближних погостах около города Старая Русса, «хотя и не из самых крупных, но все же среди известных бояр и житых людей» (последних московские переписчики называли «бояришками» [10]).

Новгородский след Дубенских привел к новой, наиболее вероятной версии происхождения их рода и объясняет подоплеку политических симпатий Юрия. Оказывается, Ю. Репехов происходил из Старой Руссы, самого крупного, до 1500 дворов, пригорода Новгорода – и старинного центра солеварения, где до опричнины насчитывалось более 600 солеварен. Он явно нажил свое богатство не столько землевладением, сколько солеварением и торговлей дорогой солью, которая шла и в соседние Литву, Польшу и Швецию [11]. Таким образом «Юрка Репех», уничижительно так названный в известии о его опале, происходил из посадских людей – солепромышленников, а разбогатев, обзавелся землей с крестьянами. Однако ни богатство, ни феодального типа землевладение не давали ему престижного статуса. Богатый и авторитетный, вхожий даже в новгородские верхи, он оставался просто «житым человеком», а не боярином. Не случайно в справочнике прозвищ посадских людей русских городов XVI в. есть и Репехов [12].

Когда Юрия Репехова после 1499 г., судя по отсутствию в писцовых новгородских книгах, всё же выслали с семьей, то, возможно, часть утаенных средств, сохранившиеся торговые и политические связи со знатными собратьями по несчастью – той же Борецкой, хорошее владение грамотой помогло семейству Репеха начать новую, уже официально дворянскую, жизнь. Ведь по московским меркам детей Юрия, видного бывшего землевладельца и лидера целого клана, могли поверстать в «государеву службу». Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Тем более что статус посадского был выше крестьянского, и не всех посадских вотчинников постигла участь крестьян-вотчинников (своеземцев) вроде Амосовых, у которых земли конфисковали,

а самих положили в тягло. Ведь и балахнинский посадский Мина Анкудинов, дед Козьмы Минина, был мелким вотчинником и владельцем пая солеварни. Возможно, помог и брак с кем-то из младших «недостаточных» Хрипуновых, а они, как уже отмечалось, относились к клану князей Стародубских-Ряполовских-Хрипуновых, имевших давние связи с Новгородом. Так, князь Иван Иванович Кривоборский, некогда с братьями бывший боярином у новгородского владыки, получил из его конфискованных земель небольшое поместье в 16 дворов в трех деревеньках Устьянского погоста Деревской пятины Курского уезда. Князь Семен Ряполовский, участвовавший в покорении Новгорода, по собственному выбору в 1484 г. заимел обширные новгородские земли [13]. Иван Иванович, как выше отмечалось, принял еще до 1513 г. к себе грамотных и смысленых трех отроков – Ивана, Никифора и Андрея, вероятно, сыновей Юрия Репехова, и со временем помог определиться им в приказную службу к Аничковым-Хрипуновым. Став землевладельцами после покупки отцом населенной земли, братья взяли новую фамилию, как обычно, образовав ее по общему местоположению вотчины в бассейне реки Дубна, к которому относилась речка Колпа, правый приток Суды, впадавшей в верховья Шексны, вытекающей из озера Белое. Подобная практика была обычной в тогдaшнее время. К тому же братьям, да и потомкам, было совсем не с руки напоминать, что их род шел от человека непрестижного происхождения с активной антимосковской ориентацией. Но фамильная память об этом была жива, и не случайно сначала Андрей Иванович Дубенский, а в 1598 году семья Дубенских-Хрипуновых из четырех человек «отъехали» в Литву: как они сами показали, «убоясь окрутенства» со стороны царя Бориса Годунова.

То, что Никифор Дубенский был приказным человеком, подтверждается фактом выдачи его дочери Анастасии замуж за дьяка Григория Лукина. Интересно, что Анастасия воспитала родную внучку Устинью, ставшую впоследствии даже месточтимой святой Юлианией (Ульяной) Лазаревской (Муромской). Ульяна была правнучкой Никифору и приходилась четверюродной сестрой Андрею. Она вышла замуж за муромского помещика Осорбина (Осоргина) и в страшный голод 1601–1603 гг. кормила всех голодающих, пока были средства, а потом ушла в монастырь и умерла от голода в

1604 г. 69 лет от роду. Ее сын Дружина (Каллистрат Георгиевич) через несколько лет написал «Житие» своей матери, что дало основание впоследствии ее канонизировать. Вполне вероятно, что 13-летний Андрей мог встречаться или, безусловно, знал о своей высоконравственной сестре, которая искренне следовала заповедям добра, милосердия, гуманизма, невзирая на сословное неравенство людей [14]. Знаменитый историк В.О. Ключевский и Д.С. Лихачев даже считали ее примером истинного православного старинного человека [15]. Дед Ульяны по матери, Иван Никифорович Одинец (погиб в 1571 г.), сделал заметную карьеру. На приказной службе в столице он дошел до высшего чина в этом ведомстве: в 1539 г. Иван был подьячим, а в 1540, 1556–1566 гг. (с перерывом) – дьяком, возглавлявшим разные приказы, в том числе Казанский. Можно сделать вывод, что Андрей Дубенский рос среди людей книжных и глубоко верующих. Он, как отмечалось, был третьим и последним сыном в семье. Возможно, треть прадедовской вотчины в с. Заболотье–Зяблово была унаследована им от бездетного старшего брата Ивана только в 1636 г. Не исключено, что до этого он жил и рос у московских родственников Хрипуновых, побывав в детстве даже в Сибири. Как выше отмечалось, сепаратистски настроенные бывшие бояре-княжата Хрипуновы–Ряполовские в борьбе за власть в опекунском совете при болезненном царе Федоре поддерживали Шуйских, а не Бориса Годунова. Последний, взяв верх, некоторых незнатных и из верхов московского посада казнил, а других своих противников, познатнее, разослал по окраинам страны. Среди них был стольник Игнатий Лаврентьевич Хрипунов, отец Якова, который позже организовал посылку Андрея Дубенского в Сибирь для строительства Красноярска. В 1592 г. Игнатия со всей семьей из Ржева отправили в Вологду, а оттуда с князем П. Горчаковым, посланным строить Пелымский острог, велено было доставить в новый городок Таборы на «житье до указа» [16].

В смутное время Яков с Андреем были уже взрослыми и оставались верны фамильным политическим предпочтениям. В 1611 г. Яков Игнатьевич как сторонник семибоярщины – так называли группу знатнейших бояр, которая пришла к власти и пригласила на московский престол католика, польского королевича Станислава, – получил от последнего значительное поместье в Бельском уезде. Вместе с 200 четями

(100 десятинами) надела в Вяземском уезде у Якова Игнатъевича оказалось 650 четей, что делало этого провинциального дворянина уже дворянином по выбору, то есть периодически служащим в Москве.

Первый царь из Романовых, Михаил, и его отец, патриарх Федор, взяли в столицу представителя пострадавшей от Бориса Годунова фамилии Хрипуновых и, как знающего не понаслышке Сибирь, определили в Казанский приказ. Хрипуновы участвовали в основании Мангазеи, были воеводами в Томске, Кузнецке, Туринске и других городах. Якову Игнатъевичу вернули фамильный статус столичного дворянина и стольника. В этом качестве в 1622 г. он был послан первым воеводой в новый Енисейский острог, который называли сначала Кетским и Тунгусским. Вернувшись в 1625 г. в Москву, он продолжил службу в приказе. Скорее всего Андрей тоже служил там, ведь недаром Н.Н. Оглоблин, крупный знаток истории Сибири, описывавший десятилетиями дела Сибирского приказа, называл Андрея «приказным человеком». Это помогло будущему основателю Красноярска с помощью родича получить престижное поручение и поднять свой невысокий статус. После Сибири его записали в число дворян Курмышского уезда (Среднее Поволжье). Он сразу занял видное положение как бывалый человек, знающий московские порядки. Так, он подписал от имени группы уездных дворян жалобу в Посольский приказ о бесчинствах расквартированных в Курмыше солдат.

Пока не стоит отбрасывать и другую гипотезу: что Андрей после смерти матери жил с оставшимся в живых старшим братом Иваном, которого, судя по частично сохранившейся писцовой книге 1624/1625 г., испоместили в 1616–1618 гг. в Курмышском уезде, где после смуты начала XVII в. на свободных приграничных землях селили многих дворян из разоренных в результате польско-шведской интервенции центральных и западных уездов. Земли Дубенских лежали по левому берегу Суры, у дороги между с. Лысково и с. Мурашково, и числились в «Завоцком стане по селу Вравскому и пустошам Бурцевой да Сазоновской». Если следовать этой гипотезе, то Андрей Дубенский уже смолоду мог пройти богатую жизненную школу в условиях приграничья, постоянной угрозы внезапного набега из-за Суры крымских татар,

регулярного общения с поселенными здесь литовцами, поляками, татарами и особенно с «черемисами» (территория Курмышского уезда входит ныне в современную Чувашию). Когда же его взял с собой в Сибирь Яков Хрипунов, то он, скорее всего, обзавелся своей семьей (сын Иван служил с поместья отца в 1650-х гг.).

В целом красноярская служба Андрея Дубенского была типичной попыткой представителя родовитого, но по политическим мотивам захудавшего дворянского рода или же недавно ставшего из верхушки посада дворянским, улучшить свой должностной и сословный статус через полученную с помощью своих родственников престижную службу. Однако эта цель не по его вине не была полностью достигнута, хотя Андрей Ануфриевич, этот явно незаурядный и разнообразно одаренный человек, проявил большую выдержку и терпение, решительность и целеустремленность, твердость и мужество, воинские и дипломатические способности. За свою службу в Сибири Дубенский вначале не получил ни нового почетного назначения, ни вотчин, ни прибавки к поместью. Мало того, его оклеветали и вызвали для суда и следствия в Москву в конце 1629 г. Новый енисейский воевода Аргамаков, не желая делить с красноярцами доходы от обьясачивания обитателей среднего Енисея, очернил Дубенского и поставил под сомнение даже целесообразность основания Красноярска. 1 августа 1630 г. в Москве поспешили издать указ, которым разрешалось ликвидировать Красноярск. В указе в частности было сказано: «...впредь в том остроге воеводам и служилым людям быть не велено, потому что Андрей Дубенский тот острог поставил сам, назвався сам и сказал, как на Красном Яру острог поставит, и в том ... государю будет прибыль великая...» Хотя с помощью Томска и Кузнецка и усилиями Я.И. Хрипунова истина довольно быстро была установлена, но царь Михаил Романов и боярская дума остались недовольны незначительным количеством ясака, поступавшего в первые годы из Красноярска. Поэтому Дубенский, получив звание дворянина оказался в Курмыше, где до 1635 г. унаследовал от бездетного брата Ивана его поместье. Кроме того, согласно писцовым книгам Владимирского уезда 1636–1643 гг., он являлся мелким вотчинником Владимирского уезда, владея третью родового села Заболово (Заболотье). Его доля состояла всего из че-

тырех дворов с 16 крестьянами и бобылями и 100 четей (50 десятин) земли, в том числе «живущей», то есть засеваемой пашни имелось «полосьмины с получетвериком», что составляло около 13 соток.

Опытный и много повидавший бывший красноярский воевода сразу занял видное место среди местных дворян. Так, уже летом 1631 г. он выступил от их имени против бесчинств, которые творили расквартированные в Курмыше для пограничной охраны «солдаты» частей «иноземного строя». Сохранилось подлинное заявление, а точнее «явка», об этом от 18 июля 1631 г., поданная им самим через три дня курмышскому воеводе на имя царя Михаила Федоровича. В частности он писал, выступая против, кажется, извечных наших российских болячек: «...похваляются, государь, нас, холопей твоих, солдаты убийством и грабежом, и татьбою и поджогами, и всякими лихими делами., и на улице нам и людишкам нашим проходу нет. По улицам и гумнам (солдаты. – Г. Б.) зернью (в азартную игру. – Г. Б.) играют, и пьют, и табак тянут, и лают, государь, нас матерным и всяким неподобным лаем».

По выбору Андрей Дубенский продолжал периодически служить в столице. Его последняя, известная по источникам служба – защита в 1633 г. Москвы. В случае набега крымских татар этот уже не взятый в полевую походную службу под Смоленск, а значит, пожилой потомственный служилый человек отвечал за оборону одной из башен между Покровскими и Яузскими воротами, имея под своим началом отряд стрельцов и народных ополченцев.

Судя по тому что в конце 1650-х – начале 1660-х гг. поместье его умершего до 1636 г. родного брата Ивана в разных налоговых документах Курмышской приказной избы уже было закреплено за единственным сыном Андрея Иваном, основатель Красноярска умер где-то до конца 1650-х гг. Его два внука, Богдан и Любим, по косвенным данным, с тех же курмышских земель деда служили в пешем полку «иноземного строя». К 1679 г. каждый из них носил офицерский чин поручика. Любим умер бездетным, а от старшего, Богдана, осталось два сына – Иван да Александр. Сам Богдан в петровское время (1704–1709 гг.) служил воеводой г. Валуйки и Хатмыжска. Воеводские должности во времена Елизаветы Петровны занимал и его сын Александр. По прямой мужской

линии род Андрея Дубенского пресекался в конце XVIII в., т.к. сыновья Ивана и Александра – соответственно Николай и Иван – умерли бездетными. В XIX в. среди потомков Афанасия Никифоровича были и генерал, член Государственного Совета, и ученый, первым исследовавший «Слово о полку Игореве», эту жемчужину литературы Древней Руси конца XII в.

История Дубенского – это типичная для той эпохи судьба человека, чей род пережил взлеты и падения, который пытался преодолеть узкосословные местнические ограничения и препятствия, мешавшие занять достойное место в обществе талантливым и энергичным, но недостаточно знатным и богатым людям.

Примечания

1. Быконя Г.Ф. Андрей Дубенский — основатель Красноярск / Г.Ф. Быконя. Красноярск, 1998 (второе, исправленное и дополненное издание вышло в 2008). 158 с.; прил., 6 схем, ил.; См. также: Быконя Г.Ф. Острог у Красного яра // Г.Ф. Быконя, В.И. Федорова, Л.П. Бердников. Красноярск в дореволюционном прошлом. XVII–XIX века / Г.Ф. Быконя, В.И. Федорова, Л.П. Бердников. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. С. 12–25; Быконя Г.Ф. История Красноярск: Документы и материалы XVII — первой половины XIX века. 2-е изд., доп. и перераб. / Сост. и автор ком. Г.Ф. Быконя. Красноярск: Офсет, 2000. С. 40–70.

2. Кистерев С.Н. Полная грамота Ивана Михайловича Дубенского // Русский дипломатий. Вып. 1. М., 1997. С. 5–24; Он же. Данная Василия Ивана Волода Афонасьевых детей Дубенского и Анны Никитиной дочери Мартюшова, вдовы Онуфрия Пиминова сына Дубенского, с детьми Иваном Большим и Иваном Меньшим архимандриту Рождественского монастыря Ионе с братъею на д. Романову в Колпском стане Владимирского уезда // Русский дипломатий. Вып. 6. М., 2001. С.129; РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии). Владимир. № 90 (1867).

3. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. / С.М. Соловьев. М.: Мысль, 1989. С. 188–190.

4. Гейман А.Н. Несколько новых данных, касающихся истории «дворных людей»: сб. ст. по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову / А.Н. Гейман. Пг., 1922. С. 46.

5. Кучкин В.А. Стародубское княжество и его уделы до конца XV в. // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 245–252.

6. Вальтер Х. Большой словарь русских прозвищ / Х. Вальтер, В.М. Мытенко. М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2007.

7. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. 1–11. С. 310, 366.

8. Тысячная книга и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подг. к печати А.А. Зимин. М.–Л., 1950. С. 77, 185.

9. Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода / Р.Г. Скрынников. М.: Изд-во им. Сабашникова, 1996. С. 21–24.

10. Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке / В.Н. Бернадский. Л., 1961 / Уч. зап. Ленинград. гос. пед. ун-та. Т. 138. 1958. С. 122; Сергеевич В. Древности русского права / В. Сергеевич. Т. 3. Землевладение. Тягло. Порядок обложения. Изд. 2-е. СПб., 1911. С. 2–4; copyright@Pro Town.ru. 2008. 2011.

11. Рабинович Г.С. Город соли – Старая Русса в конце XVI – середине XVIII веков / Г.С. Рабинович. Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1973. С. 7, 68.

12. Прозвища посадских людей по писцовым книгам русских городов XVI в.: Справочник / Сост. М.Б. Оленева. Л., 2004–2005.

13. Писцовые книги Новгородской земли. Вып. 2. Памятники исторической мысли. М., 2004. С. 359. Табл. II. Владение № 1056; Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода... / Р.Г. Скрынников. С. 21.

14. Лихачев Н.П. Грамоты рода Осоргиныхъ // Известия Русского генеалогического общества. Вып. I. СПб., 1900. С. 14–40; Рудь Т.Р. Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осорьиной) / Т.Р. Рудь. СПб., 1997; Рудь Т.Р. Праведные жены Древней Руси (к вопросу о типологии святости) / Рудь Т.Р. // Русская литература. 2001. № 3. С. 84–92.

15. Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси // Милостливая праведная Иулания Муромская (Лазаревская). Муром, 2004; Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С.104–105.

16. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Вост. лит-ра, 1999. Т. 1. С. 234.

*Н.П. Матханова,
доктор исторических наук,
профессор ИИ СО РАН*

С.С. Лаврова – анархистка и родственница двух генерал-губернаторов Восточной Сибири

Большая часть работ Л.М. Дамешека посвящена истории управления в Сибири. В сфере его научного внимания неизменно находились и генерал-губернаторы Восточной Сибири [1, 2, 3 и др.]. В этом наши интересы совпадают. В последнее время исследователи всё активнее занимаются историей повседневности, биографиями или исследованием жизненного пути, что позволяет высветить неожиданные аспекты, казалось бы, хорошо известных и изученных тем. Так, о знаменитом генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьеве-Амурском написано очень много. Известно, что он, как и его двоюродный брат и преемник М.С. Корсаков, были близки к группе «либеральных бюрократов». Порой Муравьев-Амурский заходил довольно далеко в своем фрондерстве: помогал ссыльным декабристам и петрашевцам, позволял читать герценовские издания и даже писать в них и т. д. Но при этом он, как и Корсаков, оставался монархистом, искренне преданным императору. Однако в числе близких и к нему, и к Корсакову людей была Софья Себастьяновна Лаврова (урожденная Беринда-Чайковская). Иногда ее даже называли приемной дочерью Муравьева и указывали отчество Николаевна¹⁵⁹ [4, с. 162], хотя официального удочерения не было; впоследствии она стала известной анархисткой, участницей народнического движения.

Эпистолярное наследие С.С. Лавровой и воспоминания ее дочери, М.Н. Слепцовой, позволяют по-новому подойти к изучению взглядов и повседневной жизни Муравьева и Корсакова.

С.С. Беринда-Чайковская (обычно употреблялась только вторая часть фамилии – Чайковская) попала в семью генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева в 1857 г. при следующих обстоятельствах. М.Н. Слепцова, оче-

¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. 102, Департамент полиции, 3 делопроизводство. Оп. 1887 г. Д. 853. Л. 1.

видно, опираясь на рассказы матери, писала в своих воспоминаниях, что Софья должна была по окончании Девичьего института Восточной Сибири остаться в нем «пепиньеркой» (в пепиньерских классах готовили будущих классных дам и «домашних учительниц»). Девушка категорически отказалась от такой перспективы, т.к. мечтала как можно скорее покинуть учебное заведение, и пригрозила, что убежит из института. Этому предшествовал конфликт с новой начальницей – Е.П. Липранди, по мнению которой «в Девичий институт Восточной Сибири поступают воспитанницы, не привыкшие к учению, и хотя они с умственными способностями нередко отличными, но способности их развиваются медленно и обнаруживается притом недостаток соображения» [5, с. 21].

Управление Е.П. Липранди ознаменовалось тем, что «были приняты меры для некоторого ознакомления воспитанниц с практикой домашнего хозяйства» [5, с. 23] и сокращения программы обучения наукам. Кроме того, Липранди отличалась строгостью и требовательностью. С.С. Чайковская вспоминала о ней, – впрочем, может быть, не вполне справедливо, – как о злом и бессердечном человеке¹⁶⁰. По словам М.Н. Слепцовой, в конфликт вмешалась супруга генерал-губернатора, являвшаяся по статусу покровительницей учебного заведения. Е.Н. Муравьева предложила отпускать девочку к ней домой и даже написала ее отцу, С.О. Чайковскому, «чтобы он хоть на год поручил ей свою дочку»¹⁶¹. Сама Софья говорила, что у нее было две семьи: «Чайковские дали мне жизнь, Муравьевы возвратили ее, вырывая из-под злости Липранди»¹⁶². Но важно еще одно обстоятельство: всё это происходило после того, как в 1852 г. отец Софьи, С.О. Чайковский (по данным формулярного списка¹⁶³ – «по расстройству здоровья», а по формулировке в отчете иркутского губернатора «за медленность и упущения»¹⁶⁴), был отстранен от должности и уехал из Сибири. Подлинной же причиной

¹⁶⁰ РГА.ЛИ. Ф. 462 (А.А. и М.Н. Слепцовы). Оп. 1. Д. 323. Л. 15–15 об.: Письмо С.С. Чайковской к матери, 27 ноября 1858 г.

¹⁶¹ РГА.ЛИ. Ф. 462. Оп. 1. Д.80: Слепцова М.Н. Воспоминания. Л. 43.

¹⁶² РГА.ЛИ. Ф. 462. Оп. 1. Д. 323. Л. 24 об.: Письмо С.С. Чайковской к матери, 21 марта 1858 г.

¹⁶³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 1, карт. 1629. Д. 11. Л.114: Формулярный список С.О. Беринда-Чайковского.

¹⁶⁴ РГИА. Ф.1265. Оп.2. Д.93. Л.6, 23 об. Копия отчета иркутского губернатора за 1852 год.

отставки стал конфликт с генерал-губернатором: вспыльчивый и безудержный в гневе Муравьев накричал на подчиненного – «человека добросовестного и гордого сознанием своего достоинства»¹⁶⁵.

Сохранились многочисленные письма С.С. Чайковской к матери из Франции, куда она ездила вместе с Е.Н. Муравьевой по окончании института и где провела около двух лет – с осени 1857 до весны или лета 1859 г. Екатерина Николаевна, француженка по происхождению (урожденная де Ришмон), после нескольких лет жизни с мужем в Сибири уехала на родину для лечения. Судя по этим письмам, в домашнем обиходе Н.Н. Муравьев называл Софью «дочерью», а она его – «пап». Ситуация, в которой она находилась, оказалась довольно двусмысленной, и девушка осознавала это – она так и писала матери: «Настоящее положение мое весьма завидное снаружи, вовсе не выгодно для морали»¹⁶⁶. Официально Муравьевы ее не удочерили, да это было и невозможно, в том числе из-за категорических возражений родного отца. Родственники Муравьевых относились к ней с опасением и ревностью. Племянница Екатерины Николаевны считала, что Софья заняла ее место нареченной дочери. То же чувствовала, вероятно, и младшая сестра Николая Николаевича Ольга¹⁶⁷.

Отношения Муравьевой с Софьей были довольно сложными. Она много раз твердила «дочери» о своей любви к ней, но «она деспот, – писала девушка родной матери, – она любит меня, потому что я покоряюсь ей, удерживая свою независимость». Говоря о своем отношении к ней, Софья писала: «Я люблю Кат[ерину] Ник[олаевну], но не потому, что она дает мне возможность называться генеральской дочкой»¹⁶⁸. Иногда Муравьева ревновала ее к мужу, иногда видела в ней соглядатая, шпионку, доносившую через мать Николаю Николаевичу о жизни его жены во Франции.

Иначе относился к девушке Н.Н. Муравьев: «...когда говорит он со мной, видно, что он забывает всё постороннее,

¹⁶⁵ ОР РГБ. Ф.137 (Корсаковы). Карт. 121. Д.1. Л.2 об. Письмо Т.Ф. Чайковской к М.С. Корсакову(без даты).

¹⁶⁶ РГА.ЛИ. Ф. 462. Оп. 1. Д. 323. Л. 15: Письмо С.С. Чайковской к матери, 7 ноября 1858 г.

¹⁶⁷ РГА.ЛИ. Ф. 462. Оп. 1. Д. 323. Л. 35–35 об.: Письмо С.С. Чайковской к матери, май 1859 г.

¹⁶⁸ РГА.ЛИ. Ф. 462. Оп. 1. Д.323. Л. 12 об.: Письмо С.С. Чайковской к матери, без даты.

глаза его выражают столько нежности, столько любви. Я люблю его, люблю как друга, почти то есть в таком роде, как Вас», – в этих словах Софьи, обращенных к матери, чувствуется стремление оправдаться, опровергнуть ложные представления о ее роли в жизни Муравьева¹⁶⁹. О ревности Е.Н. Муравьевой к Sophie в 1860 г. писал М.С. Корсакову муж Софьи Н.С. Лавров, замечая, что «это странная для меня ревность»¹⁷⁰. Об отношении Муравьева к С. Чайковской свидетельствуют переписанные ею для матери два отрывка из его писем. «Милая дочь моя, – писал Николай Николаевич 24 июня 1858 г. из Софийска-на-Амуре, – пишу тебе из будущего города твоего имени, где мы заложили сегодня храм во имя Софии Премудрости Божией... Вот тебе мой подарок, милая Сонюшка». И через несколько месяцев, 1 октября 1858 г., из Иркутска: «Я знал, что ты очень любишь Амур, а потому и городок назвал там твоим именем. Ты довольна этим? Напиши»¹⁷¹. Надо заметить, что многие населенные пункты на Амуре назывались в первые годы именами участников освоения или просто близких к Н.Н. Муравьеву людей: станции Екатерино-Никольская (в честь Е.Н. Муравьевой), Михайло-Семеновская (в честь М.С. Корсакова) и т. д. В конце пребывания Софьи во Франции Муравьев, по-видимому, за что-то рассердился на нее. В письме к матери С. Чайковская жаловалась: «Плачу, что не буду больше дочерью Николая Николаевича, Софьей Николаевной. Мысль, что он может разлюбить меня, поверить клевете, раздирает душу»¹⁷². Однако недоразумение рассеялось. Впоследствии Софья часто выступала просительницей перед Муравьевым, передавая ему просьбы своих родителей и знакомых.

В декабре 1859 г. С.С. Чайковская вышла замуж за Николая Степановича Лаврова – двоюродного брата Н.Н. Муравьева и М.С. Корсакова, став, таким образом, уже не названной, а настоящей их родственницей. Вот как писал об этом нареченный отец 16 января 1860 г. губернатору Приморской

¹⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 462. Оп. 1. Д. 323. Л. 4 об.: Письмо С.С. Чайковской к матери, 15 октября 1857 г.

¹⁷⁰ ЦИАМ (Центральный исторический архив г. Москвы). Ф. 864 (М.С. Корсаков). Оп. 1. Д. 23. Л. 360: Письмо Н.С. Лаврова к М.С. Корсакову. Париж, 1860 г.

¹⁷¹ РГАЛИ. Ф. 462. Оп. 1. Д. 323. Л. 108 об.: Письмо С.С. Чайковской к матери, без даты.

¹⁷² РГАЛИ. Ф. 462. Оп. 1. Д. 323. Л. 34 об.: Письмо С.С. Чайковской к матери, май 1859 г.

области П.В. Казакевичу: «Дочь моя Софья Чайковская вернулась из-за границы в сентябре и 8 числа с[его] м[есяца] вышла замуж за двоюродного брата моего Лаврова, который едет командовать в Стретенск... Итак, девочка с ямочками поступила под Ваше начальство»¹⁷³. Н.Н. Муравьев дал ей в приданое 10 тыс. руб. с условием не тратить их, а беречь «на случай нужды»¹⁷⁴. Молодые недолго прожили в Стретенске, где Лавров командовал батальоном, затем несколько лет на Урале – там он служил мировым исправником, в 1869 г. он был прикомандирован к штабу войск Петербургского военного округа¹⁷⁵.

В 1867 г. Софья Себастьяновна ушла от Н.С. Лаврова и поселилась в Петербурге вместе с сестрой и ее мужем, А.А. Кропоткиным. Она хотела работать и жить своим трудом, к чему стремились тогда многие молодые женщины с «передовыми взглядами». С.С. Лаврова, в случае возвращения в Сибирь, надеялась занять место начальницы женской гимназии в Иркутске. Но она получила отказ от генерал-губернатора М.С. Корсакова: «...по его убеждениям, такая молодая женщина начальницей быть не может». Приводился еще один аргумент – она «никогда не находилась в подчинении, а потому, без сомнения, и повелевать не сумеет»¹⁷⁶. Вряд ли Софья Себастьяновна имела право претендовать на руководящую должность, не имея опыта работы в учебном заведении. Единственно реальным было место преподавательницы французского языка в женском училище. Это ее не устраивало – эту должность занимала младшая сестра, Л.С. Павлинова [6, с. 67], и отнять у нее работу было невозможно. Особое возмущение у нее вызвала подлинная причина отказа, о которой она написала матери: «Я неверующая и родственница. Что скажет княгиня Мария Алексеевна?»¹⁷⁷. С точки зрения главы региона, родство с нигилисткой было компрометирующим. Но это не помешало Корсакову впоследствии помогать Лавровой, но вдали от Сибири.

¹⁷³ РГА ВМФ. Ф. 1191 (П.В. Казакевич). Оп. 1. Д. 21. Л. 75 об.: Письмо Н.Н. Муравьева-Амурского к П.В. Казакевичу, 16 января [1860 г.].

¹⁷⁴ ОР РГБ. Ф. 137, карт. 97. Д. 5. Л. 18 об.: Письмо С.С. Лавровой к М.С. Корсакову. Цюрих, 11 февраля 1870 г.

¹⁷⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 620. Л. 194–196: Послужной список Н.С. Лаврова.

¹⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 462. Оп. 1. Д. 323. Л. 4 об. – 5: Письмо С.С. Чайковской к матери, 6 декабря 1860 г.

¹⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 462. Оп. 1. Д. 323. Л. 5.

Не сумев устроиться в женскую гимназию в Сибири, Софья Себастьяновна пыталась найти место в каком-либо учебном или благотворительном заведении в Петербурге¹⁷⁸. Затем, узнав о вакансии классной дамы в Павловском институте, она обратилась к Корсакову с просьбой о рекомендации¹⁷⁹. Предложение Михаила Семеновича «купить ей машинку» (вероятно, швейную) Лаврова встретила, по ее собственным словам, «почти дерзким равнодушием»¹⁸⁰. Очевидно, к этому времени она вернулась к старой мысли о медицине. Идея женского медицинского образования стала в 1860–1870-е гг. чрезвычайно популярной в кругах той молодежи, которую одни называли «прогрессивной», а другие – «нигилистической». Софья Себастьяновна впервые высказала «пламенное желание» стать «сестрой милосердия» еще в 1857–1858 гг. Теперь вместо неопределенной мечты сформировалось упорное и настойчивое намерение.

Ей удалось окончить Калининские акушерские курсы [7, с. 102, 113] и получить диплом повивальной бабки, выданный в 1868 г. Медико-хирургической академией¹⁸¹. Попытка продолжить учебу в академии, чтобы стать врачом, не удалась, и С.С. Лаврова, как и многие другие русские девушки того времени, отправилась за образованием в Цюрих. Там она сначала училась на медицинском факультете университета, а затем на химическом отделении Политехникума [7, с. 109].

Заметим, что стремление Лавровой получить высшее образование поощряли бывший и настоящий генерал-губернаторы Восточной Сибири, двоюродные братья ее мужа. Н.Н. Муравьев-Амурский пытался хлопотать у военного министра Д.А. Милютина о разрешении ей посещать Медико-хирургическую академию и писал Лавровой: «Покойный дядя мой Муравьев-Карский говаривал, что чего твердо пожелаешь, того непременно достигнешь; я вижу, что по этому правилу ты непременно будешь доктором и акушером»¹⁸². М.С. Корсаков платил ей стипендию всё вре-

¹⁷⁸ ОР РГБ. Ф. 137, карт. 97. Д. 4. Л. 17 об.: Письмо С.С. Лавровой к М.С. Корсакову, 1 января 1867 г.

¹⁷⁹ ОР РГБ. Ф. 137, карт. 97. Д. 5. Л.8: Письмо С.С. Лавровой к М.С. Корсакову, 1867 г.

¹⁸⁰ Там же. Л. 10.

¹⁸¹ РГАЛИ. Ф. 462. Оп. 1. Д. 330. Л. 1–1 об.: Дипломы С.С. Лавровой.

¹⁸² ОР РГБ. Ф. 410 (Кропоткины), карт. 13. Д. 41. Л. 1: Письмо Н.Н. Муравьева-Амурского к С.С. Лавровой, 5 сентября 1869 г.

мя ее пребывания в Цюрихе¹⁸³. Как ни странно, именно ему она писала в 1866 г.: «Чересчур уж обуяли меня пресловутые нигилистические идеи, которых вы так не любите... Меня томит бездействие»; с ним делилась своими переживаниями, собираясь расстаться с мужем и жить своим трудом («Меня тяготит бездействие, унижает положение куклы. Свой собственный кусок хлеба, и я бы была довольна»¹⁸⁴). В письмах к Корсакову говорилось: «Очень грандиозная вещь докторство, и очень оно мучает мое воображение»; сообщались сведения об успехах знаменитых женщин-врачей – Н.П. Суловой и В.А. Рудневой-Кашеваровой¹⁸⁵.

Помощь Корсакова не прекратилась даже после его женитьбы в 1869 г., хотя сама Лаврова писала ему: «Теперь как человек семейный, вы должны расчетливее обращаться с деньгами»¹⁸⁶. «Пенсия», как это называлось в переписке, продолжалась вплоть до отставки генерал-губернатора Восточной Сибири, последовавшей в 1870 г. В последнем письме С.С. Лаврова благодарила М.С. Корсакова: «Я вас считаю спасителем моей жизни. Я благодарна вам не только за то, что вы давали мне деньги, но еще больше, что не давали почувствовать, сколь велико делаемое вами одолжение, берегли мою гордость»¹⁸⁷.

Попытки С.С. Лавровой получить высшее образование в России не удались, и она, как уже отмечалось, оказалась в Цюрихе. Там она попала в кружок бакунистов, проявила себя активной участницей народнического движения. М.П. Сажин (Арман Росс) называл ее в числе самых активных и последовательных сторонниц М.А. Бакунина [8, с. 34, 35]. П.А. Кропоткин вспоминал, что именно Лаврова принесла ему «целую кипу книг, брошюр и газет», из которых он и познакомился с социалистическими учениями [4, с. 169]. В своих воспоминаниях дочь привела слова П.А. Кропоткина о ее матери: «Сонечка ... окрестила меня в революцию. Она была последовательница Бакунина, анархист и круп-

¹⁸³ ОР РГБ. Ф. 137, карт. 97. Д. 5. Л. 15 об., 17 об.: Письмо С.С. Лавровой к М.С. Корсакову. Цюрих, 11 февраля [1874 г.].

¹⁸⁴ ОР РГБ. Ф. 137, карт. 97. Д. 4. Л. 10, 15–18 об.: Письмо С.С. Лавровой к М.С. Корсакову, 8 октября 1866 г.

¹⁸⁵ ОР РГБ. Ф. 137, карт. 97. Д. 4. Л. 14 об.: Письмо С.С. Лавровой к М.С. Корсакову, 1869 г.

¹⁸⁶ Там же. Л. 15 об.

¹⁸⁷ ОР РГБ. Ф. 137, карт. 97. Д. 5. Л. 17: Письмо С.С. Лавровой к М.С. Корсакову. Цюрих, 11 февраля [1874 г.].

ная личность»¹⁸⁸. С.С. Лаврова не раз попадала в поле зрения III отделения [9, с. 111–112]. Вернувшись из Цюриха, она участвовала в «хождении в народ», а в 1876 г. сыграла важную роль в организации побега П.А. Кропоткина [10, с. 86]. В 1877 г. уехала в Болгарию, где была сестрой милосердия на русско-турецкой войне. По возвращении осенью 1878 г. Лаврова была арестована и после двух лет заключения в Петропавловской крепости сослана в Нолинск Вятской губернии [9, с. 111].

Однако всё это не отвратило от Лавровой ее названного отца. М.Н. Слепцова описывает в воспоминаниях такой эпизод. «Мне было лет 7, вероятно. Кропоткины и мать моя жили на ныне Бассейной ул. (с 1928 г. – ул. Чернышевского), пустынной, с деревянными одноэтажными домами. На смежные пустыри, обнесенные, однако, забором, мы, ребята, пробирались через дыры в подворотне и устраивали там то крепости из валявшихся камней, то дружеские собеседования, а по деревянным мосткам, окружавшим пустыри, гонялись за прохожими с глупейшими песнями... Мать ходила на курсы, и призора за мною не было. И вот в наш захудалый деревянный домишко, когда снег уж лежал на улицах, приезжает бывший генерал-губернатор Восточной Сибири граф Муравьев-Амурский. Он очень любил мою мать. Она платила ему, кроме любви, еще и глубоким уважением»¹⁸⁹.

Через много лет, попав в ссылку в Вятской губернии, С.С. Лаврова просила помощи у своего бывшего нареченного отца. «Пожалуйста, съезди к нему ты или мамаша с Маней, – писала она сестре Л.С. Павлиновой. – Покажите ему бывшую внучку и напомните обо мне как можно более усиленно»¹⁹⁰. Не в этот раз, но несколькими годами ранее Муравьев-Амурский, действительно, ходатайствовал о Лавровой. Ее дочь писала, что после ареста матери «Николай Николаевич в третьем отделении спрашивал: “Что вы сделали с моей дочерью?” И при ее освобождении третье отделение вписало уже официально в ее паспорт Софья Николаевна вместо Софья Севастьяновна»¹⁹¹. Несколькими строками выше в вос-

¹⁸⁸ РГАЛИ. Ф. 462. Оп. 1. Д. 75: Слепцова М.Н. О Софье Николаевне Лавровой. Биографический очерк. Л. 1 об.

¹⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 462. Оп. 1. Д. 80. Л. 41.

¹⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 462. Оп. 1. Д. 326. Л. 17 об.: Письмо С.С. Лавровой к Л.С. Павлиновой, без даты.

¹⁹¹ РГАЛИ. Ф. 462. Оп. 1. Д. 80. Л. 43.

поминаниях Слепцовой приводится еще одно объяснение этой путаницы, возникшей в Сибири: «Николай Николаевич так привязался к молодой девушке, что многие приближенные, чтобы ему сделать удовольствие, как бы невзначай ошибались отчеством и вместо Себастьяновны ... величали ее Николаевной»¹⁹².

Хлопоты об арестованной «нигилистке» свидетельствуют и об искренней привязанности Н.Н. Муравьева-Амурского к своей названной дочери, и о степени его фрондерства и даже некоторой оппозиционности – если не к власти вообще, то к отдельным ее представителям. С третьим же отделением он не ладил еще в бытность свою генерал-губернатором [11, с. 209–210].

М.С. Корсаков не ограничивался дружеским и покровительственным отношением к С.С. Лавровой. Младшие сестры, Людмила и Вера, в бытность свою ученицами Девичьего института именовали его пап¹⁹³ – вероятно, как попечителя института. С большой нежностью он писал с Амура младшей из сестер, Вере Себастьяновне, уже взрослой и замужней даме: «Дорогая ты моя белочка (Белочка – семейное прозвище В.С. Чайковской. – Н. М.), сердечно благодарю и целую тебя, что вспомнила обо мне в Светлый Праздник. Умница, что дала о себе весточку, ты знаешь сама, что я тебя очень люблю, и потому понимаешь, что письмецо твое сделало мне большое удовольствие». В том же письме Корсаков советовал ее мужу А.А. Кропоткину вернуться в Сибирь после окончания Военно-Юридической академии¹⁹⁴. Он был посаженным отцом на свадьбе средней из сестер – Людмилы с Н.М. Павлиновым¹⁹⁵.

Более того, генерал-губернатор даже снисходительно относился к тому, что их мать, Т.Ф. Чайковская, помогала ссыльным полякам. Вопреки утверждению В.А. Миклашевской¹⁹⁶ (дочери Веры Себастьяновны Чайковской и Алек-

¹⁹² РГАЛИ. Ф. 462. Оп. 1. Д. 80. Л. 43.

¹⁹³ ОР РГБ. Ф. 137, карт. 121. Д. 13. Л.1: Письмо Л.С. и В.С. Чайковских к М.С. Корсакову, 1865 г.

¹⁹⁴ ОР РГБ. Ф. 410, карт. 12. Д. 22. Л. 1 – 1 об.: Письмо М.С. Корсакова к В.С. Кропоткиной, 16 июля 1868 г.

¹⁹⁵ ОР РГБ. Ф. 137, карт. 114. Д. 2. Л. 3 об.: Письмо Н.М. Павлинова к М.С. Корсакову, 13 октября 1866 г.

¹⁹⁶ ОР РГБ. Ф. 410, карт. 11. Д. 14: Миклашевская (урожд. Кропоткина) В.А. Родословная князей Кропоткиных и сведения об отдельных представителях семей Булатовых и Сулима. Л.27 об., 29.

сандра Алексеевича Кропоткина), воспроизводимую в авторитетных справочниках [12, стб. 734; 13, с. 301], С.О. Чайковский вовсе не участвовал в польском национально-освободительном движении. Инициатива в деле помощи полякам исходила не от него, а от его жены. Умная, просвещенная и активная женщина, она сочувствовала идеям своего зятя и его брата, знаменитого анархиста и ученого П.А. Кропоткина, в 1873 г. содействовала побегу ссыльного Германа Лопатина [14].

В 1860-е годы, как писала М.Н. Слепцова, основывавшаяся на рассказах тети, А.С. Святловской, и бабушки, «через нее шла, между прочим, переписка сосланных поляков с их родными, оставшимися в Польше. Через нее получались и деньги. Но полиция в конце концов косо стала смотреть на эти беспрестанные полочки. О настороженности полиции узнала Татьяна Флорентьевна. Как выйти из этого положения, не прекращая помощи ссыльным? Действительно, с чего русская дама получает деньги и письма из Польши?» Выходом стало приглашение младшей дочери в гувернантки польки, на чье имя и стали поступать письма. «Но вот однажды к Татьяне Флор[ентьевне] приезжает генерал-губернатор Михаил Семенович Корсаков, связанный с нею и личным его уважением, да и родством (он был двоюродный брат ее зятя). «Татьяна Флорентьевна; полицмейстер мне донес, что, ввиду беспрестанного Вашего сношения с Польшей, необходимо сделать у Вас обыск. Был донос, что готовится чей-то побег. Полиция прекрасно знает, что Ниночкина гувернантка – подставное лицо, и только временно смотрела сквозь пальцы. Не сегодня-завтра у Вас будет обыск, который я, как ответственное лицо, предотвратить не имею оснований». Бабушка, конечно, поблагодарила за предупреждение»¹⁹⁷. Далее в еще более беллетризованной форме рассказывалось о том, как гувернантка вместе с хозяйкой прятали какие-то бумаги за стенным зеркалом. «Польские письма были спрятаны. Полиция, действительно, пришла, но это была, скорее, простая форма, а не обыск. Да и обыск не дал бы ничего. Тогда времена были не теперешние, когда поднимают даже половицы и распарывают мебель»¹⁹⁸. Текст написан, судя по помете, в 1931 г., так что «теперешние обыски» – это обыски ОГПУ, о

¹⁹⁷ РГАЛИ. Ф. 462. Оп. 1. Д. 80. Л. 38 об.

¹⁹⁸ Там же. Л. 39.

которых М.Н. Слепцова была, конечно, наслышана от близких знакомых и родных.

Несмотря на беллетристический характер изложения, этот рассказ вполне правдоподобен. Сохранилось письмо Т.Ф. Чайковской к М.С. Корсакову от 5 февраля 1865 г., в котором говорится об аналогичном факте. Письмо было передано находившемуся тогда в Петербурге генерал-губернатору с надеждой оказией – чиновником для особых поручений П.А. Сиверсом. Называя себя «личностью подозрительной и опальной», Т.Ф. Чайковская разъясняет причину такой репутации и пытается оправдаться перед могущественным покровителем. Татьяна Флорентьевна рассказывает о визите к ней иркутского губернатора К.Н. Шелашникова, временно заменявшего отсутствовавшего генерал-губернатора, и о своих объяснениях с ним по поводу неких писем. «Вы уже, конечно, знаете, – продолжает она, – что на имя мое было письмо от Чернышевского, где он просил выслать ему деньги, находящиеся в Приказе [общественного призрения] у известного лица. Я не знала бы даже, что письмо от Чернышевского, если бы мне этого не сказал сам К.Н. [Шелашников]. Он сказал мне: “Я пришел попросить у вас позволения воспользоваться вашим именем”, и на вопрос мой сказал, что оно нужно для того, чтобы от моего имени сказать Чернышевскому, чтобы он написал к некоторым личностям, чтобы они прекратили переписку»¹⁹⁹. Далее подробно характеризуются те политические ссыльные – поляки, которые дали ее адрес «лицу опасному, не имея на то права и рассчитывая на мою доброту»²⁰⁰. Т.Ф. Чайковская понимала и откровенно писала Корсакову: «Конечно, если бы не Ваше покровительство и доброта К.Н. [Шелашникова], то верно пришлось бы поплатиться мне недешево... Несчастье другого заставляет нас забывать свою личную безопасность, хоть бы мы и не разделяли его идей и воззрений»²⁰¹.

Значение приведенного отрывка не сводится к получению новой информации о пребывании в ссылке Н.Г. Чернышевского, хотя и она может быть весьма полезна. Описанное внучкой поведение Т.Ф. Чайковской могло быть возможно только при открытом покровительстве и даже попусти-

¹⁹⁹ ОР РГБ. Ф. 137, карт. 121. Д. 4. Л. 5, 8 об.

²⁰⁰ Там же. Л. 6.

²⁰¹ Там же. Л. 6 об.

тельстве со стороны генерал-губернатора. Если принять во внимание уже известные факты неоднозначного отношения М.С. Корсакова и некоторых его подчиненных (например Б.К. Кукеля) к бежавшему из ссылки М.А. Бакунину и даже областникам (известно, что генерал-губернатор Восточной Сибири пытался смягчить участь А.П. Щапова, М.В. Загоскина и вообще ограничить «Дело об отделении Сибири от России» территориальными границами Западной Сибири [11, с. 328]), историю побега Г.А. Лопатина, описанную в воспоминаниях Слепцовой, – а Лопатину по просьбе той же Т.Ф. Чайковской помогли иркутские полицейские и судебные чиновники [14, с. 6], – следует признать, что социокультурный облик Корсакова выглядит несколько иначе, чем это представлялось.

Приведенные примеры помощи «подозрительным и опальным» людям заставляют задуматься о причинах подобного поведения высокопоставленных и вполне преданных престолу сановников. В первую очередь оно может объясняться традициями: помощь родственникам и вообще близким людям всегда в России считалась нормой. И при Н.Н. Муравьеве, и при М.С. Корсакове, как и при других генерал-губернаторах и прочих администраторах высокого ранга, служили их родственники, знакомые родственников и т.д. Дело было не только в желании «порадеть родному человечку», но и в стремлении иметь среди ближайших подчиненных людей, на которых можно положиться. Но одним следованием традиции объяснить подобное поведение вряд ли возможно. Вероятно, сказывалось и характерное для Сибири как далекой окраины преувеличенное представление генерал-губернаторов о пределах собственной самостоятельности, доходившей порой до самоуправства. Сказывалось, наверное, и общее настроение некоего фрондерства, объяснявшегося частично недовольством теми или иными решениями центра, шедшими вразрез с планами глав региона или ущемлявшими их права. Иногда можно говорить о прямом несогласии с позицией руководителей отдельных центральных ведомств (как, например, в случае с отношением к женскому образованию). Можно предполагать также, что некоторые опасения центра казались (справедливо или нет) чрезмерными – как, например, страх перед «сибирским сепаратизмом». И, наконец, нельзя не учитывать обыч-

ные, простые человеческие чувства любви, привязанности, дружбы, симпатии.

Примечания

1. Дамешек Л.М., Ремнев А.В. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.

2. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск, 2009: Гл. 4. Сибирские генерал-губернаторы.

3. Дамешек Л.М. Институт генерал-губернаторской власти в Сибири // Материалы Всероссийской научной конференции «Сибирское общество в контексте мировой и российской истории (XIX–XX в.)», посвященной 200-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского. Иркутск, 2010. С. 24–33.

4. Кропоткин П.А. Записки революционера. М.–Л., 1933.

5. Исторический очерк деятельности Иркутского института императора Николая I. Первое пятидесятилетие. 1845–1895.

6. Иркутск, 1896. Личный состав гражданского, военного и духовного ведомств Иркутской губернии. Иркутск, 1867.

7. Кропоткина В.С. Воспоминания // Мемуары сибиряков / сер. «История Сибири. Первоисточники» [изд. подг. Н.П. Матхановой]. Новосибирск, 2003.

8. Сажин М.П. (Арман Росс). Русские в Цюрихе (1870–1873 гг.) // Ка-торга и ссылка. 1832. № 10.

9. [Голицын Н.Н.] История социально-революционного движения. Гл. 10 (1861–1881). СПб., 1887.

10. Пирумова Н.М. Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972.

11. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998.

12. Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. 2. 70-е годы. М., 1930. Вып. 2.

13. Деятели революционного движения в России. Справочник и электронная база данных. Вторая половина 1850-х – 1890-е гг. Т. 2. 1870-е гг. М., 2009.

14. Слепцова М.Н. Побег // Неделя. 1963. № 14.

---

*М.В. Константинов,
доктор исторических наук,
профессор ЗГУ;
Т.А. Константинова,
кандидат исторических наук, ГАЗК*

Портрет ученого на фоне губернии, или Молодые годы Ивана Полякова

Иван Семенович Поляков, по рождению сибиряк, был замечательным ученым-путешественником, побывавшим во многих регионах России и странах мира. Им изданы достойные труды по зоологии, географии, этнографии, археологии. При жизни И.С. Полякова признавали и ценили, но потом почти совсем забыли. Образ его стерт, фрагментирован и закрыт для общественности. Имя его осталось в XIX в. На самом же деле этого человека вполне можно назвать сибирским Ломоносовым и признать за ним право на достойное место в истории науки.

Те, кто знаком с биографией Ивана Семеновича Полякова, непременно отмечают, что дата его рождения в публикациях представлена в трех вариантах – 1845, 1846, 1847 гг. Некоторые исследователи объясняли это тем, что в юности Поляков мог прибавить себе год-два для того, чтобы поступить в учебное заведение. Нам удалось найти документ, точно указывающий на дату рождения ученого. Для этого надо было перелистать страницы метрических книг Нерчинского административного округа за указанные годы, хранящихся в Госархиве Забайкальского края. В книге за 1845 г. в разделе, обозначенном как «Часть первая, о родившихся», представлена таблица. Она расположена на двух сопряженных в развороте больших белых листах с серией граф, заполненных деловой скорописью с использованием черных чернил. Записи в графах воспроизводятся нами с сохранением старой орфографии [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 869. Л. 17–18]. В графе «мужской полъ» под номером 55 указано, что 12 июня родился Иоаннъ. В графе «Звание, имя, отчество і фамилія родителей и какого вероисповеданія» указано: «1-й сотни казакъ Семень Григорьевъ Поляковъ и законная жена его Зеновъя Иванова,

оба православнаго вероисповеданія». В графе «Крещение» указано – 22 июня. В графе «Звание, имя і отчество и фамилія воспріемников» (иначе крестных) записано: «Священникъ Іоанн Паргичевскій (возможно, далее пропущено «сын». – М. В.) умершего священника (это сочетание взято в прямоугольную траурную рамку. – М.В.) Сотника Романа Федосеева дочь девица Агафья». В графе «Кто совершил таинство крещения» вновь указано «Іоанн Паргичевскій». Графа «рукоприкладство (т. е. подпись. – М. В.) свидетелей запись по желанию» осталась незаполненной. Ниже этих записей еще раз крупно, размашисто, тем же почерком – «Совершил священник Іоанн Паргичевскій». На этих же страницах сообщается о рождении и крещении в июне детей в других семьях, названных Феодоръ, Агрипина, Глаперія. В нижней части таблицы запись: «В июне месяце родилось мужского пола семъ. 7. женска пола четыре. 4. Обращено изъ язычества мужского пола четыре 4, женска два 2.» и подписи – того же священника, а также священника Платона Никольского и пономаря Платона Громова. Из этих записей становится понятно, что церковная метрическая книга с полной достоверностью зафиксировала факт рождения Іоанна Семеновича Полякова 12 июня 1845 г. Понятно, что в просторечии Іоанна именовали Иваном. Его родителями были Семен Григорьевич и Зеновья Ивановна Поляковы. Известно письмо, датированное январем 1878 г., направленное И.С. Поляковым, к тому времени известным ученым, своему отцу, которое начинается со слов: «Дорогой мой батюшка, Семен Григорьевич!» Далее в этом письме находим строки: «От вас, глубокоуважаемый мною отец, и от покойной моей матери я получил в наследство здоровое тело и честное ваше имя. Имя мое и ваше знают теперь во многих местах, не только у нас в России и Сибири, но даже в иностранных землях...» (цит. по: Петряев, 1954, с. 182, 183). Имя отца в метрической книге и в письме И.С. Полякова совпадает. Благодаря записям в метрической книге впервые становится известно имя матери Ивана Полякова – Зеновья Ивановна. Все биографы И.С. Полякова отмечают, что она происходила из бурят. Ее русское имя свидетельствует о том, что она была обращена в православие. Судя по приведенному документу, обращение в православие являлось для тех мест обычным делом. Состав населения на Аргуни был полиэтническим, включающим в себя русских, бурят и тунгусов. Отец Ивана

Полякова был русским; он принадлежал к числу бедных казаков [там же]. Но бедность русского казака – это не нищета. У Семена Григорьевича была изба, двор со скотом и служба, за которую такие, как он, получали по 6 руб. 16,5 коп. в год; к этому добавлялся ежемесячно провиант по 1 пуду 32,5 фун. муки и 7,5 фун. крупы. На самого Ивана Полякова как казачьего сына, чей возраст не достиг 16 лет, отпускался половинный паек провианта. Были в таких семьях и пахотная земля и пастбища [Васильев, 1916–1918, т. 2: прил. с. 10–16].

Если дату рождения И.С. Полякова пришлось документально подтверждать, то место его рождения сомнения не вызывало – в том плане, что он родился в Забайкалье, на реке Аргунь. Но и здесь требуются некоторые уточнения. Так, в некрологе на смерть И.С. Полякова, написанном видным русским ученым, академиком, профессором Московского университета Д.Н. Анучиным и опубликованном в «Русских ведомостях» [1887 г., № 99], отмечено, что «И.С. родился в Забайкальской области» [Анучин, 1950, с. 96]. Однако в 1845 г. (и в 1847 г. – эту дату рождения называет Д.Н. Анучин) Забайкальской области еще не существовало; она была создана по императорскому указу Николая I в 1851 г., т.е. через 6 лет после рождения Полякова. Забайкальский краевед Е.Д. Петряев считает, что И.С. Поляков родился в станице Ново-Цурухайтуевской [Петряев, 1954, с. 179]. В связи с этим отметим, что регистрация факта рождения Иоанна Полякова и его крещение проводилось в Цурухайтуевской Николаевской церкви. Цурухайту, а точнее Цурухайтуевская слобода и Новый Цурухайту, или станица Новоцурухайтуевская, – это разные поселения и находились они примерно в 27 верстах друг от друга. Изначальной была Цурухайтуевская слобода. Она возникла после подписания Кяхтинского договора и Буринского трактата с Китаем (1727 г.). Название происходит от урочища Цурухайту, где в 1731 г. построили несколько изб. Но выбранное место оказалось неудачным, поскольку рядом не было строевого леса, к тому же и китайская сторона не собиралась ничего строить напротив, а это не позволяло вести торговлю. В связи с этим было найдено другое место, там, где р. Нижняя Борзя впадает в р. Аргунь. Напротив его, на правом, китайском, берегу Аргуни, проходила караванная дорога из Цицикара в Нерчинск [Васильев, 1916, т. 2, с. 48–49]. В 1735 г. Цурухайту посетил Г.Ф. Миллер, тем самым удостоверив наличие слободы [Миллер, 2005, т. 1,

с. 507–509]. Новый Цурухайту существует как казачья станица с 1851 г. [Новикова, 2006, с. 352]. В этом поселении находился штаб Цурурухайтуевского отделения, обеспечивавшего охрану границы [Васильев, 1916, т. 2, с. 304]. В 1895 г. Николаевская церковь в с. Цурухайту сгорела, а спасенные метрические книги передали в Новоцурухайтуевскую церковь [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 939]. Отсюда и возникла ошибка в определении места рождения И.С. Полякова. Фактически он родился в слободе Цурухайту, о чем сделана запись в метрической книге местной церкви. В год рождения И.С. Полякова слобода Цурухайту относилась к Нерчинскому округу Иркутской губернии. Первоначально в Цурухайту планировалось соорудить крепостные сооружения, т.е. «укрепить квадратным в плане палисадом в виде тына угловые бастионы с небольшими бастионами по углам и рвом» [Артемьев, 1999, с. 93], поэтому в некоторых документах его называли Цурухайтуевской крепостью, но этот план не был реализован.

В итоге мы выяснили, что Иван (Иоанн) Семенович Поляков родился 12 июня 1845 г. в слободе Цурухайту Нерчинского округа Иркутской губернии. В современных метриках эта запись выглядела бы так: 24 июня 1845 г., с. Староцурухайтуй, Приаргунский район, Забайкальский край (до 2008 г. – Читинская область). Напомним, что разница в датах в григорианском календаре в сравнении с юлианским календарем для XIX века составляет 12 дней.

По данным краеведа Е.Д. Петряева, Иван Поляков «в 8–9 лет выучился грамоте у казачьего урядника, ... затем обучался в местной школе» [Петряев, 1954, с. 179]. Сведения о казачьем образовании приводятся А.П. Васильевым, автором трехтомного труда «Забайкальские казаки» [Васильев, 1916–1918, т. 1–3]. По отношению к середине XIX в. А.П. Васильев писал, что «народное образование у пограничных казаков находилось в жалком состоянии. Удаленные от культурных центров и пришитые к границе казаки не имели ни школ, ни учителей. Ближайшая гимназия была в Иркутске» [Васильев, 1916–1918, т. 2, с. 298]. По инициативе пограничного начальника майора Евграфа Ивановича Разгильдеева в Цурухайтуе, а также в Чинданте и Акше были созданы казачьи школы. Назывались они, в соответствии с подразделениями казачьего войска, сотенными. Учителями в них были грамотные урядники. Программа в этих школах была обширнее, чем в при-

ходских. Она включала в себя русскую историю, географию и почти полный курс арифметики. В школе обучалось до 70 мальчиков» [там же]. А.П. Васильев сообщает также о том, что «Разгильдеев посылал способных казачат учиться в Иркутск, и из них вышли впоследствии полезные деятели» [там же]. В 1859 г. пришел вызов, позволяющий направить грамотных детей в Иркутское военное училище [Петряев, 1954, с. 179]. Судя по всему, речь шла об училище военного ведомства. Такие училища создавались Военным ведомством в некоторых городах России с 1858 г. [Рос. гос. военно-ист. архив, 2008, с. 218].

В Цурухайтуе выбрали для учебы в Иркутске Ивана Полякова. Е.И. Разгильдеев мог к этому выбору иметь прямое отношение, поскольку отец Ивана – Семен Григорьевич – служил под его непосредственным началом. Известно также, что по приказанию Е.И. Разгильдеева для семьи Поляковых была построена бревенчатая изба [Петряев, 1954, с. 179]. Думается, что казачий круг поддержал этот выбор, поскольку Иван Поляков проявлял заметный интерес к наукам. Так, еще в 10-летнем возрасте он добровольно помогал Николаю Ивановичу Кашину (в 1855–1856 гг.) собирать гербарии и коллекции насекомых для Иркутского музея (там же). Общение с ученым человеком могло многое дать школьнику-казачонку. Н.И. Кашин закончил медицинский факультет Московского университета и работал лекарем 1-й бригады Забайкальского казачьего войска в с. Олочи, расположенном вниз по Аргуни, в 20 верстах от Нерчинского завода. Он увлеченно занимался местной этнографией, ботаникой, изучением местных болезней, включая урвскую [Левашов, 2006, с. 73]. Да и сам Е.И. Разгильдеев знал и видел немало. Потомственный казак, он в 1830-е гг. был приставом Цурухайтуевской пограничной дистанции, дважды сопровождал русскую духовную миссию в Пекин, получил права на потомственное дворянство, общался в Акше с декабристом В.К. Кюхельбекером, который обучал детей его брата – А.И. Разгильдеева [Разгильдеев, 2006, с. 502–503]. Так, получив поддержку умных и добрых людей и благословение родителей, 14-летний казак отбыл из дома, с тем чтобы больше, волею судьбы, никогда в него не вернуться. На дорогу и жизнь отец ему выдал 7 руб. т. е. сумму, превышавшую его годовичное жалование. Не исключено, что при этом подросток получил помощь от казачьей станицы. Наверное, его отправили в Иркутск с кем-то из старших, потому что

путь был неблизкий. В любом случае он вывел его сначала к Читинску, а затем Верхнеудинску, потом к Байкалу, который надо было пересечь, и, наконец, вдоль Ангары к губернскому городу. Иркутское военное училище, в которое был зачислен Иван Поляков, вело подготовку писарей для воинских частей. Писарь должен был грамотно писать и обладать красивым, разборчивым почерком, поскольку все делопроизводство велось вручную.

Учился Поляков хорошо. Об этом свидетельствует тот факт, что его оставили на работу учителем в том же училище, к тому же пригласили надзирателем в Иркутскую губернскую классическую гимназию (Анучин, 1950, с. 96), которая пользовалась большим почетом у иркутян за высокий уровень образования [Паньчев, 1959, с. 52–72]. Но элементарной учебной Иван Поляков не ограничивался. Он стремился познать глубинные тайны разных наук и особенно интересовался зоологией. Своими познаниями в этой области он с радостью делился с подопечными гимназистами. Декабрист П.А. Муханов, оказавшийся в апреле 1842 г. на поселении в Усть-Куде Иркутского округа, в сочинении «Просвещение и образованность» сообщал: «Во всей Восточной Сибири только одна гимназия. В ней, в особенности, учатся люди высших сословий в Сибири...» [Муханов, 1991, с. 168]. Также он отметил, что учится в этой гимназии всего 45 человек, и предложил присоединить к нему военное училище, с тем чтобы готовить не просто писцов, а чиновников для губернских и окружных присутственных мест [там же, с. 169]. Если бы такое присоединение вдруг состоялось, то Иван Поляков и такие, как он, несомненно, выиграли бы, поскольку получили бы гимназическое образование, столь важное для стремящихся к солидным знаниям. Впрочем, Иван Поляков сумел пополнить свои знания, используя возможности интеллектуального общения, которые предоставлял Иркутск как губернский город. Оценив таланты и трудолюбие Полякова, ему стал покровительствовать начальник военного училища полковник О.Ф. Рейнгольд, закончивший Лесной институт и занимавшийся естественными науками. Инспектором училища был М.В. Загоскин, известный сибирский публицист, рекомендовавший Полякова на учительское поприще [Петряев, 1954, с. 179]. В гимназии преподавал медицину и французский язык уже знакомый ему врач и ботаник Н.И. Кашин, переехавший в Иркутск в 1857 г.

Но главным учителем для Ивана Полякова стал Петр Алексеевич Крopotкин. Исследователи обращали на этот факт внимание, но Ивана Полякова считали то денщиком Крopotкина [Анучин, 1950, с. 96], то представляли дело так, будто Крopotкин к тому времени уже был известным географом и революционером [Формозов, 1983, с. 48]. На самом деле всё было иначе: Петр Крopotкин был старше Ивана Полякова всего на два с половиной года и был молодым офицером, закончившим Пажеский корпус в Петербурге и добровольно выбравшим службу в Сибири. Крopotкин прибыл в Иркутск 5 сентября 1862 г. и через месяц был определен на службу в Читту адъютантом Б.К. Кукеля, исполняющего обязанности военного губернатора Забайкальской области и наказного атамана Забайкальского казачьего войска. Через год Крopotкин был переведен на службу в Иркутск, в Главное управление Восточной Сибири. Пути Крopotкина и Полякова пересеклись, скорее всего, на заседаниях Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества (ВСОИРГО), действовавшего с 1851 г. Они могли заинтересоваться друг другом, например, в связи с Цурухайтуем. Для Петра Крopotкина это был отправной пункт его путешествия по Маньчжурии, совершенного в апреле – июне 1864 г. Иван Поляков, как уже сказано, родился в Цурухайту, на пограничной Аргуни. Он вырос, так сказать, «ввиду Китая» и нередко встречал китайцев на российской стороне на торговых ярмарках и по другим случаям и мог немало рассказать об этих местах путешественнику, собиравшемуся в новый сложный путь с тайной целью военной разведки под видом торгового каравана. Оказавшись на Аргуни, Петр Крopotкин сделал пометку в дневнике: «Воскресенье, 17 мая. Старо Цурухантуевский караул», а затем на нескольких страницах изложил наблюдения о природе, занятиях населения и его обычаях. Внешний тип людей из этих мест он определил так: «...они все черноволосые, с бурятским типом» [Дневник., 1925, с. 160]. Таким был по облику и его иркутский знакомый, аргунский казак Иван Поляков – в его облике явно просматривались азиатские черты, унаследованные от матери-бурятки. Вообще, и внешне, и по происхождению, и по образованию Поляков и Крopotкин были антиподами. Первый – сын степей, забайкальский гуран, из казачьих низов, писарь; второй – княжеская кровь, рюрикович, москвич, выпускник элитного Пажеского корпуса, есаул.

Но они сошлись, стали взаимноинтересны и взаимополезны. Вероятно, они открывали друг другу совершенно разные социальные и ментальные миры: азиатский и европейский, казачий и княжеский, провинциальный и столичный. Им обоим был глубоко интересен мир природы, но и тут они дополняли друг друга: Полякова больше интересовала живая природа, а Кропоткина – геологическая основа.

В 1866 г. ВСОИРГО поручило Кропоткину организовать большую экспедицию, куда тот пригласил Полякова [Маркин, 2002, с. 101]. К началу экспедиции Кропоткину исполнилось 23 года, Полякову – 19 лет, в ней он встретил свое 20-летие. Экспедиция продолжалась 4 месяца. Она стартовала 9 мая в Иркутске, двигаясь в сторону Бодайбо и огибая Байкал с севера, а затем пошла на юг, пересекая Патомское и Витимо-Олекминское нагорья, завершившись 8 сентября в Чите. В составе экспедиции были: топограф В.И. Машинский, казаки, поначалу тунгусы-проводники, вернувшиеся назад уже в июле, и более 50 лошадей. В экспедиции Кропоткин выявил следы древнего материкового оледенения и выяснил характер орографии, а Поляков собрал зоологические и ботанические коллекции [Маркин, 2009, с. 59–67]. В этом путешествии окрепла дружба Кропоткина и Полякова. Спустя почти 40 лет (в 1904 г.) П.А. Кропоткин вспоминал: «Мой друг Поляков, известный своим особенным даром отыскивать повсюду в Сибири каменные орудия в огромных количествах...» [Кропоткин П.А., 1998, с. 216]. Судя по всему, этот дар в Полякове впервые раскрылся во время Витимо-Олекминской экспедиции, и у истоков его, несомненно, стояли те расчистки обнажений на золотых приисках и по берегам рек, что выполняли они совместно с Кропоткиным, нередко находя при этом кости древних животных или какие-то особенные предметы. С этого, по сути дела, и начиналась отечественная первобытная археология, причем в тесной увязке с поиском следов древнего оледенения. Именно так эти открытия оценил граф А.С. Уваров в замечательном труде «Археология России. Каменный период». Он указывал «на те находки отбивных орудий из сибирских местностей, которые могут принадлежать палеолитической эпохе... Они в особенности часто попадают на золотых промыслах; следовательно, может быть, и в таких слоях, в которых прежде всего открыты мамонты или другие остатки мамонтовой фауны» [Уваров, 1881, с. 161–162]. При

этом А.С. Уваров прежде всего обращался к каменным орудиям, найденным И.С. Поляковым на золотых приисках в Баргузинском округе.

Пройдя школу столь сложной экспедиции, Иван Поляков на следующий, 1867, год уже самостоятельно, без занятого другими делами Петра Кропоткина, проведет в Тунке (Восточный Саян) комплексные природно-исторические исследования и откроет серию стоянок с прекрасным каменным инвентарем, включая наконечники стрел. Исследователь приложит усилия для их системного морфологического описания, наметив путь к развитию важного направления в археологии [Константинов, 2008, с. 31–36].

Фактически И.С. Поляков стал первооткрывателем каменного века Восточной Сибири. Совместно с Кропоткиным по результатам экспедиций им были составлены и опубликованы развернутые научные отчеты, которые затем в форме докладов были заслушаны на заседаниях ВСОИРГО [Константинов, 2008, с. 19–37, 43–45]. Результаты этих исследований также отразил в своем труде А.С. Уваров, посчитав, что открытые И.С. Поляковым стоянки относятся к «переходному периоду», для которого характерно появление шлифованных орудий [Уваров, 1881, с. 251–274]. Важно подчеркнуть значимость этих открытий, поскольку исследования И.С. Полякова в Восточной Сибири, в дальнейшем подчас не замечались историографами (см., например: [Лебедев, 1992, с. 130–142]) или же о самом ученом вспоминали лишь как о некоем случайном собирателе древностей, происходившем из «тункинских казаков» [Окладников, 1950, с. 28–29].

В 1868 г. судьба Ивана Полякова резко переменялась; вслед за Кропоткиным он отбыл в Петербург для учебы и дальнейших научных занятий. Не излагая подробно всех перипетий его жизни, известных благодаря Д.Н. Анучину (1950) и Е.Д. Петряеву (1954), отметим, что Полякову удалось сначала сдать экстерном экзамены за гимназию, а затем успешно пройти обучение в Петербургском университете, защитить магистерскую диссертацию по зоологии, стать научным сотрудником Зоологического музея Академии наук. Он продолжал сотрудничать с ИРГО. Ему поручались весьма сложные научные путешествия по многим регионам страны, включая Западную Сибирь, Алтай, Уссурийский край, Сахалин, Японию. Опираясь на сибирский опыт, он открыл на Дону палео-

литическое поселение в Костенках, установив совместное залегание каменных орудий и костей мамонта. Географическое общество систематически публиковало труды И.С. Полякова. С большим вдохновением он писал большие разделы для многотомного издания «Живописная Россия». И.С. Поляков был весьма известен в кругах столичной интеллигенции. Его сравнивали с Е. Базаровым из тургеневских «Отцов и детей» [Петряев, 1954, с. 181–182].

Особенно важно, что в эти годы продолжалась дружба Петра Кропоткина и Ивана Полякова. Князь Петр Кропоткин за участие в пропаганде социалистических идей в апреле 1874 г. был арестован. Тогда же арестовали и разночинца Ивана Полякова, но доказать его вину не смогли и через несколько недель, благодаря ходатайству друзей-ученых, отпустили [Кропоткин, 1907, с. 230–232]. Заточенный в Петропавловскую крепость, Петр Кропоткин нашел в себе силы работать над книгой «Исследование о ледниковом периоде». В этом ему помогали товарищи с воли. Вера Себастьяновна Кропоткина, жена Александра Алексеевича Кропоткина, брата Петра Кропоткина, вспоминала, как Иван Поляков добывал книги, а она доставляла их Кропоткину в Петропавловку [Кропоткина, 2003, с. 118]. Петр Кропоткин передавал ей исписанные листы, а Поляков их обрабатывал и готовил к изданию [Кропоткин, 1907, с. 238–242]. Как известно, 12 июля 1876 г. Кропоткин сумел бежать из Николаевского тюремного госпиталя, а затем тайно эмигрировать в Западную Европу. В том же 1876 г. Поляков довел дело с подготовкой книги Кропоткина до издания; он обозначен в ней как редактор [Кропоткин, 1876]. В октябре 1878 г. Иван Поляков и Петр Кропоткин встретились в последний раз. Встреча состоялась в Швейцарии; они обсудили всё, что произошло с ними, начиная с ареста, вспоминали Сибирь, а затем Петербург, включая тот год, когда они, ради экономии средств, жили вместе на одной квартире [Кропоткин, 1907, с. 230; Кропоткина, 2003, с. 118]. Дружба двух столь разных по происхождению, но весьма близких по научным и демократическим взглядам ученых заслуживает внимания общественности, дальнейшего научного освещения и художественного воплощения.

И.С. Поляков умер от тяжелой болезни на сорок втором году жизни, 5 апреля 1887 г., в Мариинской больнице, в Петербурге [Петряев, 1954, с. 183–184]. Первая реакция научной

общественности на смерть ученого была остро болезненной. На его похоронах произнес проникновенную речь известный общественный деятель, этнограф Н.М. Ядринцев. Были опубликованы некрологи, подписанные Д.Н. Анучиным [Русские ведомости, 1887, № 99] и М.В. Загоскиным [Сибирь, 1887, № 21, с. 7–8]. Однако с течением времени об Иване Семеновиче Полякове надолго забыли, а вспоминая, не могли по достоинству оценить его роль и вклад в отечественную науку. В лучшем случае его называли «замечательным полевым исследователем» [Формозов, 1983, с. 57]. Показательно, что материалов о Полякове в подавляющем большинстве сибирских музеев нет, хотя он проводил исследования на многих территориях – от Урала до Тихого океана. Его имя не отражают общероссийские энциклопедии. Не отмечаются в отечественном масштабе его юбилейные даты. Однако следует признать, что он был первооткрывателем палеолита в Восточной Европе и каменного века в Сибири, одним из основоположников первобытной археологии в России. Весьма значителен его вклад в зоологию, ботанику, палеонтологию, географию, этнографию. Достоин восхищения его героический прорыв, сравнимый с ломоносовским, из низов общества, из отдаленного забайкальского пограничья – в большую российскую науку. Сам того не подозревая, Иван Поляков показал пример будущим поколениям в стремлении к знанию, интеллектуальному общению, систематическому образованию – вопреки неблагоприятным жизненным условиям. Фактически своей жизнью Иван Поляков определил направления научного творчества настоящего ученого: масштабные комплексные полевые исследования местности, объектов и памятников, камеральная обработка материалов, музейное хранение материалов и представление их в экспозициях музеев, научные отчеты и публикации, освещение открытий в популярных изданиях, участие в выставках, педагогическая работа. Наверное, придет время и будет издано собрание сочинений Ивана Семеновича Полякова, сопровождаемое пространным очерком о его жизни и научном творчестве. Наше исследование – это маленький вклад в это большое дело.

Примечания

1. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 869. Л. 17–18.
2. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 939.
3. Библиография.

4. Анучин Д.Н. О людях русской науки и культуры. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1950. 335 с.
5. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приморья во второй половине 17–18 вв. Владивосток: Приморский полиграф. комбинат, 1999. 336 с.
6. Васильев А.П. Забайкальские казаки. В 3-х т. Чита: Типография Войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска, 1916–1918. Т. 1. 307 с.; Т.2. 368 с.; Т.3. 348 с.
7. Дневник П.А. Кропоткина. М.–П.: Госиздат, 1923. 294 с.
8. Константинов М.В. Провинциальная археология. Чита: Забайк. гос. гум.-пед. университет, 2008. 296 с.
9. Кропоткин П.А. Исследование о ледниковом периоде. СПб.: Типография Стасюлевича, 1876. Вып. 1. 839 с.
10. Кропоткин П.А. Записки революционера. СПб.: Электронпечатня К.А. Четверикова, 1907. – 345 с.
11. Кропоткина В.С. Воспоминания // Мемуары сибиряков. XIX. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. С. 88–156.
12. Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 464 с.
13. Левашов В.С. Кашин Николай Иванович // Энциклопедия Забайкалья.
14. Читинская область. В 4 т. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 3. С. 73.
15. Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М.: Олма-Пресс, 2002. 446 с.
16. Маркин В.А. Кропоткин. М.: Мол. гвардия, 2009. 334 с. (ЖЗЛ. Вып. 1158).
17. Миллер Г.Ф. История Сибири. В 3 т. Изд. 3-е. М.: Вост. лит-ра РАН, 2005. Т. 1. 360 с.
18. Муханов П.А. Сочинения, письма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. 495 с.
19. Новикова М.С. Новоцурухайтуй // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. В 4-х т. Новосибирск: Наука, 2006. Т.3. С. 352.
20. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. 1–2. 412 с. (МИА № 18).
21. Петр Алексеевич Кропоткин. Естественно-научные работы. М.: Наука, 1998. 270 с. (Научное наследство. Т. 25.)
22. Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Очерки из истории культуры края. Чита: Читин. кн. изд-во, 1954. 259 с.
23. Паньчев А.П. История начальной и средней школы Восточной Сибири. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 511 с.
24. Разгильдеев А.Г. Разгильдеев Ефграф Иванович // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. В 4 т. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 3. С. 502–503.
25. Российский государственный военно-исторический архив. Путеводитель. В 4 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. Т. 3. 535 с.
26. Уваров А.С. Археология России. Каменный период. М.: Синодальная типография на Никольской улице, 1881. 439 с.
27. Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М.: Наука, 1983. 129 с.

А.С. Зуев,
доктор исторических наук,
профессор НГУ

Гантимур и русские землепроходцы: из истории русско-тунгусских отношений в Забайкалье в середине XVII в.²⁰²

В середине XVII в. русские землепроходцы вышли на Амур и в Забайкалье. Перспективы установления в этих регионах русской власти оказались тесно связаны с урегулированием отношений с маньчжурами, которые рассматривали Приамурье подконтрольной им территорией. В свою очередь в русско-маньчжурских отношениях до Нерчинского договора 1689 г. и в закреплении в русском подданстве тунгусов Юго-Восточного Забайкалья (районы рек Нерчи, Шилки и Аргуни) значимую роль сыграл Гантимур – один из местных тунгусских вождей. В связи с этим к его личности и поведению в исторической и историко-этнографической литературе проявлялся и проявляется повышенный интерес²⁰³. Пожалуй, за исключением хана Кучума, никто больше из представителей властной элиты сибирских народов не оказывался главным героем такого большого количества специальных публикаций, как это случилось с Гантимуром²⁰⁴.

²⁰² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00027.

²⁰³ Во всех исследованиях, посвященных русско-маньчжурским отношениям второй половины XVII в., неизменно упоминается дискуссия, развернувшаяся между русской и маньчжурской дипломатией по поводу Гантимура, которого каждая из сторон считала своим подданным. В русско-маньчжурских переговорах 1660–1680-х гг. «проблеме Гантимура» уделялось очень много внимания.

²⁰⁴ См. новейшие публикации: Элерт А.Х. Новые материалы к биографии тунгусского князя Гантимура // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000; Болонев Ф.Ф. «Не жесточью, а ласкою»: отношение русских властей к эвенкийскому роду Гантимурова в XVII–XIX вв. // Этнокультурное взаимодействие народов Евразии. Новосибирск, 2002; Алинчина Т.М. Древний эвенкийский род Гантимуровых // Забайкальское казачество на службе Отечеству: история и современность. Улан-Удэ, 2006; Хартанович М.Ф., Хартанович М.В. Тунгусские князья Гантимуровы // Наука из первых рук. 2011. № 3; Соломин А. В. Новые данные о роде князей Гантимуровых // Генеалогический вестник. СПб., 2011. № 40; Зуев А.С. О властном статусе тунгусского князя Гантимура // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. Новосибирск, 2012. Т. 18.

Однако внимательное прочтение сохранившихся источников, представленных донесениями русских землепроходцев и администраторов, а также дипломатическими документами, показывает, что в историографии, в большей или меньшей степени освещающей биографию Гантимура, содержатся противоречивые интерпретации, неточности и ошибки. Это касается почти всех известных фактов из жизни Гантимура и его контактов с русской стороной. В частности, называется несколько дат принятия Гантимуром и его родом русского подданства, предложено несколько версий поведения Гантимура в отношении русских, обстоятельств его ухода из Забайкалья на территорию, подконтрольную маньчжурам, и возвращения назад, «под государеву высокую руку». Такая многовариантность изложения и трактовки фактов является следствием как скудости и противоречивости тех сведений, которые отражены в источниках, так и некритического восприятия этих сведений историками, этнографами, а также краеведами. Всё это заставляет еще раз, но уже на основе внимательного анализа всей совокупности дошедших на нас сведений и критической оценки историографии обратиться к выяснению обстоятельств и характера первых контактов Гантимура с русскими землепроходцами.

Гантимур был предводителем нелюдов (одного из родов конных тунгусов (эвенков)) – охотников, животноводов и коневодов Восточного Забайкалья²⁰⁵. В русских документах 1650-х – начала 1680-х гг. Гантимур изредка титуловался князем, но чаще – князцом. В историографии господствует мнение, что во время появления в Забайкалье русских Гантимур являлся главой крупного объединения конных тунгусов и ему якобы даже подчинялись несколько монгольских родов и отдельные группы дауров верховьев Амура. Однако это мнение лишено всяких оснований. Анализ сохранившихся источников показывает, что в конце 1640-х – первой половине 1650-х гг. Гантимур был лишь одним из многих местных (тунгусских и даурских) князцов²⁰⁶. В начале 1650-х гг. он и его Нелюдцкый род обитали в Восточном Забайкалье. Донесения и показания русских землепроходцев и расспросы «языков-иноземцев» позволяют

²⁰⁵ Туголуков В.А. Конные тунгусы (этническая история и этногенез) // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975.

²⁰⁶ Зуев А.С. О властном статусе тунгусского князя Гантимура.

вполне уверенно локализовать место расселения нелюдов в верховьях р. Шилки между устьями рек Онона и Нерчи.

Продвижение отрядов русских землепроходцев в район р. Шилки привело к их первому знакомству с Гантимуром. 18 декабря 1653 г. казаки-хабаровцы подали челобитную первому даурскому воеводе Д.И. Зиновьеву. В ней сообщалось, что 18 декабря 1650 г. Е.П. Хабаров с Амура из Албазинского городка отправился в поход «на Дасаула князьца и на иных улусных людей на даурских. И не дошед Дасаула князьца, он, Ярофей, послал по реке Ширилке (Шилке. – А. З.) служилого человека Третьяка Ермолаева Чечигина, да ясаула Стеньку Полякова, да толмача Костьку Иванова, да с ними шездесят человек служилых охочих людей казаков на сторонних мужиков, на даурских и на тунгусских мужиков. И те мужики стояли на(д) сторонною рекою Ширилке в пяти юртах». Когда именно произошла встреча казаков с даурами и тунгусами, челобитчики не уточнили. Можно только предположить, учитывая расстояние от Албазинского городка до Шилки и движение отряда в условиях зимы, что это случилось либо в самом конце декабря 1650 г., либо в начале 1651 г. Казаки «тех даурских тунгусских мужиков взяли на роте (по устной договоренности. – А.З.) без бою». Во время переговоров «мужики», помимо прочего, заверили казаков, что «с верх Шилки Гантимур князь будет же де он давать ясак с нелюдов, своих родников. А он де нам, Гантимур, зять. Мы де ево призовем, Гантимура. А в том де наши голвы будут сидеть у вас (казаков. – А. З.) в аманатех»²⁰⁷.

Хабаров в своей отписке от 29 мая 1651 г. якутскому воеводе Д.А. Францбекову утверждал, что сам ходил к устью р. Шилки и оставил там 30 казаков, которые «поимали» «на боях» в плен нескольких «даурских языков», в том числе «Гантимура улана князя шурина ево Тыгичея»²⁰⁸. Когда и с кем именно воевали казаки, он не уточнил. Зато приложил к отписке «распросные речи» пленных. Один из них, упомянутый Тыгичей, поведал, что «в верх де Шилки реки есть неясачной князь Гантимур улан», и заверил Хабарова, что «тот де князь Гантимур улан

²⁰⁷ Красноштанов Г.Б. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, 2008. С. 263. См. также: Полевой Б.П. Изветная челобитная С.В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке (ист.-археол. исслед.). Владивосток, 1995. Т. 2. С. 33–34.

²⁰⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 20–21. См. также: Акты исторические. СПб., 1842. Т. 4. С. 75; Исторические акты о подвигах Ерофея Хабарова на Амуре в 1649–1651 гг. // Сын Отечества. СПб., 1840. Т. 1. С. 117, 118.

с рускими людьми драться не станет и ясак де с себя и с улусных людей платить учнет»²⁰⁹. Эту информацию Францбеков переправил в Сибирский приказ, и она попала в наказ 1655 г. А.Ф. Пашкову, отправленному на воеводство в Даурскую землю²¹⁰.

Сопоставление челобитной казаков и отписки Хабарова позволяет утверждать, что в них описывается один и тот же поход на Шилку. Правда, казаки и Хабаров принципиально по-разному квалифицировали взаимодействие с иноземцами: первые сообщили о переговорах и аманатах, второй – о вооруженных столкновениях и пленных «языках». Но в обоих случаях почти одинаково изложены заявления даурских и тунгусских «мужиков» о готовности Гантимура давать русским ясак. Эти заявления дают основание предположить, что «мужики» имели представление о том, какую линию поведения готов выстраивать Гантимур в отношении русских, о появлении которых в Восточном Забайкалье и на Амуре он, разумеется, уже знал.

Показания «мужиков» о планах Гантимура полностью подтвердились. В то же самое время, когда хабаровцы ходили на Шилку, к объясачиванию тунгусов, обитавших в районе Шилки и Нерчи, приступили казаки из Баргузинского острога. Об этом мы узнаём из отписок енисейского воеводы А.Ф. Пашкова (август 1651 г. и апрель 1652 г.), отписки енисейского сына боярского П.И. Бекетова (июль 1653 г.) и челобитной енисейского сына боярского В.И. Колесникова (апрель 1653 г.). Последний, расписывая в челобитной свои заслуги, сообщил, что «в прошлых ... годех взял ... з Гонтамура князцы и с ево с улусных людей да с Ыжевцы и с ево улусных людей вновь ... на прошлой на 159 (1650/51) год семдесят два соболя»²¹¹. Но взял он ясак не лично сам: это сделали, как следует из отписок Пашкова и Бекетова, посланные им казаки Я. Софонов, И. Чебычачков, М. Уразов, К. Емельянов и М. Сауров²¹². В отписке Пашкова 1651 г. указана и другая величина ясака: «семдесят три собо-

²⁰⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 29, 30.

²¹⁰ Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле. 1655 // Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. С. 2.

²¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 343. Л. 95.

²¹² Там же. Стб. 422. Л. 159; Дополнения к Актам историческим. СПб., 1848. Т. 3. С. 344; Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 191–192.

ли да три лисицы»²¹³. Ясак с Гантимура, а также с Ыжевцы, по утверждению Колесникова, был взят и на «160 (1651/52) год»: «четыре сорока соболей четыре соболя»²¹⁴.

В 1652 г. задача подчинения «новых немирных земель» в Восточном Забайкалье была поставлена Пашковым перед сыном боярским Бекетовым²¹⁵. Последний по пути в Забайкалье отправил из Братского острога за Байкал в Баргузинский острог небольшой отряд во главе с пятидесятником И.М. Перфирьевым (Перфильевым), который зимой-весной 1653 г. собирал ясак с тунгусов. В отделе редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН в Тихомировском собрании в коллекции «Сибирские столбцы XVII века. Документы иркутского служилого человека И.М. Перфирьева» хранится отрывок документа, который, судя по содержанию, представляет собой челобитную одного из внуков И.М. Перфирьева с описанием службы предков. Автор этой челобитной, среди прочего, сообщил следующее: «... деда моего Ивана Перфирьева службы: во 161-м (1652/53) году на великой реке Шилке призвал князца Гантимура с родом и иных родов в ясашной платеж и взял с них ясаку 7 сороков 5 соболей»²¹⁶. Внук И.М. Перфирьева, расписывая заслуги деда, приписал ему «призыв» Гантимура в ясачный платеж. «Призыв», как показано выше, произошел ранее. Но факт очередного сбора ясака с Гантимура и его рода на 1652/53 г., несомненно, имел место.

Вышеизложенные сведения об объясачивании Гантимура в начале 1650-х гг. подтверждаются показаниями, данными в феврале 1686 г. в Сибирском приказе нерчинским сыном боярским И.М. Миловановым, начавшим свою службу в Забайкалье

²¹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 422. Л. 159. Следует отметить, что ранее исследователи, опираясь на отдельные документы, допускали ошибки, правда, незначительные, в описании объясачивания Гантимура. В.С. Мясников и А.Н. Копылов, оперируя лишь челобитной В.И. Колесникова, полагали, что тот лично взял ясак с Гантимура (Копылов А.Н., Мясников В.С. Рец. на кн.: П.Т. Яковлева. Первый русско-китайский договор 1689 года // История СССР. 1959. № 4. С. 179). Г.А. Леонтьева, ссылаясь на отписку Пашкова, утверждала, что Гантимур «в 1651 г. ... впервые совершенно добровольно заплатил ясак ... ясачному сборщику Якуну Сафонову» (Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991. С. 65). Однако в этой отписке имена объясаченных тунгусских князцов вообще не названы (!), там говорится лишь о взятии ясака «с новые реки Шилки».

²¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 343. Л. 95.

²¹⁵ Вершинин Е.В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 41.

²¹⁶ ГПНТБ СО РАН. Тих. ДП XXVI, 8, без пагинации. Документ опубликован: Бродников А.А. Енисейский острог. Енисейск в XVII веке: Очерки из истории города и уезда. Красноярск, 1994. С. 139–140.

с 1657 г.²¹⁷ Милованов поведал о нелюдском князце следующее: «В прошлых годах из давних лет, как даурские остроги за великими государи и не были, и в то де время з Байкала из Баргузинского острогу ходили в Даурскую землю на Нерчу реку служилые люди в улусы к нему, князцу Гантимуру, для збору ясачные соболиные казны, и он де, Гантимур, тем служилым людем давал с себя и с роду своего и со всех своих улусных людей в Байкаловской Баргузинской острог волею своею без аманатов соболиной ясачной казны по 5 и по 3 и по 2 и по соболу с человека»²¹⁸.

Сам Гантимур, будучи в 1685 г. проездом в Енисейске²¹⁹, в беседе с местным воеводой К.О. Щербатовым утверждал, что «в прошлых де годах тому ныне лет с *тритцать и больши* призвал де ево ... под вашу великих государей самодержавную высокую руку в вечное холопство и в ясачной платеж енисейской десятник казачей *Козма Федоров* и в тех де в прошлых годах платил он ... з детьми своими и со всем своим родом ... ясак в Баргузинской и в *Нерчинской* острогах по вся годы»²²⁰ (курсив наш. – А. З.).

Апеллируя к этим воспоминаниям Гантимура, П.Т. Яковлева полагала, что тот «признал себя ясачным подданным России» в 1653–1654 гг. или «около 1655 г.», хотя при этом считала (непонятно, на основании каких источников), что ясак русским он давал «еще до того, как Даурская земля стала русской, т.е. до 1650–1655 гг.»²²¹. Эту же дату «призыва» Гантимура в ясачный платеж – «около 1655 г.», опираясь на те же воспоминания, называл В.А. Туголуков, считая при этом, что объясачивание нелюдов произошло во второй половине 1650-х гг.²²²

²¹⁷ И.М. Милованов, будучи томским пешим казаком, прибыл в Забайкалье в составе отряда А.Ф. Пашкова. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 924. Л. 36; Стб. 508. Л. 181; Мясников В.С. Землепроходец и дипломат. Документальный портрет русского дальневосточника XVII в. (Игнатий Милованов) // Мясников В.С. Квадратура китайского круга: избранные статьи. М., 2006. Кн. 1. С. 291.

²¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 133.

²¹⁹ Гантимур, его сын Катанай и внук Чекулай направлялись в Москву для аудиенции у царей Ивана и Петра.

²²⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 60–61.

²²¹ Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958. С. 34–36.

²²² Туголуков В.А. Конные тунгусы... С. 79–80, 99. Следует отметить, что В.А. Туголукову была неизвестна опубликованная в 1959 г. рецензия В.С. Мясникова и А.Н. Копылова на книгу П.Т. Яковлевой. В рецензии авторы указали на упоминавшуюся выше челобитную В.И. Колесникова, в которой называлась более ранняя дата взятия ясака с Гантимура.

Три факта в показаниях Гантимура (выделены нами курсивом), казалось бы, противоречат вышеприведенным сведениям о взятии с него ясака в начале 1650-х гг. Однако эти противоречия можно снять. Гантимур давал свои показания в 1685 г. и вряд ли мог вспомнить все детали событий начала 1650-х гг. Поэтому он и дал не совсем точную хронологическую привязку: «...тому ныне лет с тритцать и больши»²²³, т.е. до 1655 г. Имена тех русских землепроходцев, кто собирал с него ясак в первой половине 1650-х гг., приходя из Баргузинского острога, он просто не вспомнил, а возможно, даже и не знал. Упомянутые же Козьмы Федорова вполне объяснимо. Последний, имея два прозвища – Борзунов и Байкаловский, будучи енисейским служилым человеком, участвовал в походе Хабарова на Амур. Его подпись стоит под той казачьей челобитной, в которой повествуется о походе Т. Чечигина и С. Полякова «на даурских и на тунгуских мужиков» в конце 1650 г.²²⁴ Известно, что после этого похода, получив информацию о готовности Гантимура «давать ясак», Хабаров предпринял попытку его объясачивания. Он послал «своих дватцать человек покручеников ... на усть реки Урки для поселенья. И, поселясь, велел де им идти вверх по реке Шилке к Гантимуру князю для ясаку»²²⁵. Поселенье организовано не было, но ясак с Гантимура, если верить показаниям последнего, взяли, и сделал это К. Федоров, стоявший, надо полагать, во главе отряда ясачных сборщиков. Произошло это до августа 1653 г., видимо, в 1651–1652 гг.

В августе 1653 г. на Амур прибыл московский дворянин Д.И. Зиновьев, который приступил к опросу хабаровцев о результатах деятельности Хабарова. Среди опрошенных был и К. Федоров. А в сентябре того же года Федоров, Поляков, Хабаров и еще несколько казаков отправились с Зиновьевым в Москву²²⁶. В 1682/83–1683/84 гг. Федоров, уже имея прозвище Усов, в чине пятидесятника (по иркутскому списку) исполнял обязанности приказчика Баргузинского острога²²⁷. Его имя должно было быть на слуху у окрестного населения, обязанного платить ясак, а уж в Нерчинске о Федорове знали наверняка.

²²³ Русскую хронологию Гантимур мог освоить за время общения с русскими в конце 1660-х – начале 1680-х гг.

²²⁴ Красноштанов Г.В. Ерофей Павлович Хабаров. С. 319, 410, 413; Полевой Б.П. Изветная челобитная С.В. Полякова... С. 50.

²²⁵ Красноштанов Г.В. Ерофей Павлович Хабаров. С. 267.

²²⁶ Там же. С. 410, 427, 439, 474.

²²⁷ Сборник документов по истории Бурятии... С. 265, 270.

Гантимур же в эти годы проживал в окрестностях Нерчинска и активно общался с представителями русской администрации (в июне 1684 г. он и его сын Катанай подали нерчинскому воеводе И.Е. Власову челобитную с просьбой о крещении в «православную христианскую веру»²²⁸), так что напрягать память, чтобы вспомнить Федорова, Гантимуру не пришлось.

Что касается упомянутого в показаниях Нерчинского острога, основанного только в 1658 г. на р. Нерче, то Гантимур просто спутал с ним другой русский острог – Шилский, стоявший в 1653–1658 гг. на р. Шилке (см. ниже). Вряд ли для него, как равно и для его слушателя Щербатова, имело какое-либо значение точное наименование острога, откуда к нелюдам за ясаком приходили казаки. Баргузинский же острог с момента своего появления в 1648 г. не менял ни местоположения, ни названия, так что спутать его с каким-либо другим было сложно.

Таким образом, вышеизложенное дает основание констатировать, что первый контакт Гантимура и русских землепроходцев относится либо к самому концу 1650 г., либо к началу 1651 г. С этого же времени с Гантимура и его улусных людей казаки стали брать ясак. Причем по крайней мере один раз это сделали хабаровцы (К. Федоров).

Факт взятия ясака с Гантимура в исторической литературе обычно квалифицируется как добровольное принятие им русского подданства²²⁹. Данное утверждение, однако, нуждается в корректировке; его вряд ли следует формулировать столь категорично и однозначно.

С одной стороны, мы точно знаем, что Гантимур не намеревался вступать в конфронтацию с русскими землепроходцами и первые контакты между ними носили исключительно мирный характер. В связи с этим заметим, что казаки не брали у нелюдов аманатов–заложников. Хотя из упомянутой выше челобитной Колесникова известно, что у других тунгусских ро-

²²⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 66–66 об.

²²⁹ Копылов А.Н., Мясников В.С. Рец. на кн.: П.Т. Яковлева. Первый русско-китайский договор 1689 года. С. 179; Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. С. 114; Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984. С. 86; Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. С. 85; Artemyev A.R. The Gantimurov princes in russian service // Journal de la Societe Finn-Ougrienne. Helsinki, 1992. Vol. 84. P. 7; Артемьев А.Р. Эвенкийские князья Гантимуровы на службе России // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным этнографии): Материалы Всерос. конф. Омск, 1992. С. 8; Уварова Т.Б. Нерчинские звенки в XVIII–XX веках. М., 2004. С. 48; Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., 2004. С. 71.

дов аманаты были взяты. О том, что Гантимур давал ясак «волею своему без аманатов», говорил и Милованов.

С другой стороны, весьма скудная и отрывочная информация, отраженная в источниках, совершенно не позволяет выяснить обстоятельства первых контактов землепроходцев и нелюдов и самое главное – мотивы, которыми руководствовался Гантимур, мирно давая ясак казакам. И нет никаких оснований полагать, что сам Гантимур имел представление о том, что вступает в русское подданство. Практика первичного взаимодействия представителей русской власти и сибирских иноземцев в XVII в. показывает, что далеко не каждый случай выдачи иноземцами пушнины землепроходцам свидетельствовал о признании ими русской власти и русского подданства. Нередко та пушнина, которая землепроходцами объявлялась ясаком-данью, реально являлась либо дарами (в рамках дарообмена, демонстрировавшего мирные намерения контактировавших сторон), либо элементом менового товарообмена, либо откупом от грабежа. Эта же практика обычно включала в себя и приведение землепроходцами иноземцев к шерти – клятве на верность русскому монарху. Но о шертовании Гантимура ничего не известно.

В своих показаниях 1685 г. Гантимур утверждал, что пришел под «самодержавную высокую руку в вечное холопство и в ясачной платеж». Но эти показания зафиксированы в пересказе Щербатова и являются калькой с распространенной в то время официальной трафаретной формулировки: «привести» (в правительственных наказах) либо «привели» (в отписках землепроходцев и местной администрации) «под великого государя высокую самодержавную руку в вечное холопство в ясачной платеж». С этой формулировкой Гантимур мог быть согласен в 1685 г., когда уже давно реально являлся подданным царя. Но вряд ли во время первых контактов с русскими он предполагал, что выдача пушнины будет квалифицирована ими как «вечное холопство».

В 1653 г. в Забайкалье с отрядом казаков прибыл Бекетов. В октябре того же года он построил Иргенский острожек на р. Хилок, в конце октября или начале ноября – зимовье на р. Ингоде, а посланный им отряд под командой М. Уразова в конце 1653 г. – «малый острожек» на правом берегу р. Шилки «про-

тив устья Нерчи реки»²³⁰. Шилкский острожек был поставлен на территории нелюдов. Реакция последних и их предводителя Гантимура на очередное появление русских с трудом, но прослеживается по отпискам и челобитным Бекетова и показаниям казаков – участников похода.

В одной из отписок Пашкову с информацией о первых результатах пребывания в Восточном Забайкалье Бекетов сообщил, что послал на Шилку «десять человек десятника казачьего Максимка Уразова с товарищи к нелюдскому князю Гентамуру на усть Нерчи реки для заимки острожного поставленья»²³¹. Это позволяет определенно говорить о том, что Бекетов рассчитывал на миролюбивый прием со стороны Гантимура, поэтому и послал к нему Уразова, с которым нелюды и Гантимур познакомились в 1650/51 г. Надежды оправдались: нелюдский князец не только не воспрепятствовал строительству острожка, но даже дал русским пушнину – «два сорока соболей», что позволило Бекетову считать его обьясаченным²³². Собрать ясак казакам Бекетова удалось и со многих других тунгусских князцов и их родов²³³.

Получив отписку Бекетова и расспросив доставивших ее казаков, в том числе Уразова, Пашков в 1655 г. сообщил в Сибирский приказ о приведении в подданство 16 тунгусских «землиц» (родов) на Иргене, Шилке и Нерчи и о взятии с них ясака «на нынешней на 162 г. (1653/54 г.)». При этом Гантимура он отнес к числу «*прежних* новоприводных землиц князцов»²³⁴ (курсив наш. – А. З.).

²³⁰ Крадин Н.П., Тимофеева М.Ю. О дате основания Нерчинского острога // *Вопр. истории*. 1988. № 1. С. 172–173; Вершинин Е.В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов. С. 42. В исторической литературе встречаются и другие даты (но в пределах второй половины 1653 г.) основания названных острогов (Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 43, 47).

²³¹ Крадин Н.П., Тимофеева М.Ю. О дате основания Нерчинского острога. С. 172.

²³² Фишер И.Э. Сибирская история. СПб., 1774. С. 567. Автор не указал источники, которыми пользовался, но описание им пребывания отряда Бекетова в Забайкалье соответствует содержанию тех отписок землепроходца, которые ныне хранятся в Петербургском филиале архива РАН (Ф. 21: Портфели Г.Ф. Миллера. Оп. 4. Д. 22 – Списки Енисейской Архивы. Ч. 1. Л. 322–336). Эти же сведения использовали в своей статье Н.П. Крадин и М.Ю. Тимофеева.

²³³ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 336.

²³⁴ Сборник документов по истории Бурятии. С. 205. См. также: Изгачев В.Г. Русский землепроходец Петр Иванович Бекетов // *Учен. записки Читин. гос. пед. ин-та*. Чита, 1959. Вып. 4. С. 93–94.

В 1654 г. Гантимур со своим родом ушел на юг, за реку Аргунь, и обосновался в районе рек Гана и Хайлара. Сначала Уразов, затем Бекетов посылали к нему казаков, надеясь уговорить вернуться назад. Но их усилия оказались тщетными²³⁵. О причинах ухода можно только догадываться, выдвигая разные версии, но все они, не подкрепленные источниками, останутся гипотетическими. Определенно можно говорить лишь о том, что Гантимур прервал контакты с русскими и отказался давать им ясак.

Вскоре после того как весной 1654 г. Бекетов с основной частью своего отряда прибыл на Шилку и приступил к строительству там более основательного острога, к русским приехали «изгоном многие тунгусские люди войною». Казакам пришлось сесть в осаду, видимо, в острожке, построенном Уразовым. В своей челобитной, составленной в апреле 1655 г., Бекетов писал, что тунгусы к острожку «приступали и по нас стреляли и ... государевы пашенные лошади и мои Петрушкины и наши казачьи отгонили и твой государев на сеяной хлеб яровой и наш весь вытоптали. И божиею милостию и твоим государским счастьем, прося у бога милости, я ... с служилыми людьми от тех ... изменников отбился. И держали нас ... те изменники в осаде многое время и ... морили ... голодную смертью, видя нас ... немногочисленных». Среди нападавших Бекетов опознал тех, кто еще недавно давал ему ясак («а прежде тово те изменники ... с себя и с своих улусных людей твой ... ясак платили»), в том числе и Гантимура²³⁶. Последнее свидетельствует о том, что Гантимур вернулся в район Нерчи. Но когда это произошло и какую роль он сыграл в организации вооруженного выступления тунгусов против казаков, неизвестно.

Отбив нападение тунгусов и оставив в острожках на Иргене и Шилке небольшие гарнизоны, Бекетов с большей частью казаков в том же 1654 г. ушел на Амур²³⁷. Через год, к осени 1655 г., в Иргенский острожек прибыл с отрядом сын боярский Н. Кольцов, посланный Пашковым на смену Бекетову. В конце

²³⁵ Фишер И.Э. Сибирская история. С. 567–568.

²³⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 556. Л. 44, 45; Фишер И.Э. Сибирская история. С. 568; Изгачев В.Г. Русский землепроходец Петр Иванович Бекетов. С. 94, 97–98; Красноштанов Г.Б. Ерофей Павлович Хабаров. С. 493.

²³⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 556. Л. 45; Вершинин Е.В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов. С. 43.

марта 1656 г. он отправился назад в Енисейск, оставив в двух острожках 26 казаков²³⁸.

О том, как после ухода Бекетова выстраивались отношения между казаками и тунгусами, в источниках удалось обнаружить весьма скудную информацию. Но она дает основание уверенно предполагать, что военные действия прекратились, а контакты землепроходцев с местным населением стали переходить в мирное русло.

Осенью 1656 г. Пашков, который сам выступил в забайкальский поход, будучи на р. Тунгуске (Ангаре), «сыскал» у возвращавшегося из Забайкалья Н. Кольцова «по извету енисейсково пятидесятника ... казачья Олешки Оленя ... государевых девяносто шесть соболей, а те ... соболи он, сын боярской Микифор Кольцов, менял с тунгусами на великой реке Шилке и в Ыргенском острогах...» на «государеву казну» – олово, сукно, медь²³⁹. Данный обмен свидетельствует, что Кольцову удалось восстановить мирные отношения с тунгусами, но только с какой-то их частью.

Оставленный Кольцовым в Шилском острожке начальным человеком казачий десятник Калина Иванов Полтинин в своей отписке от 18 декабря 1656 г. Пашкову поведал, что в 1655 г. и первой половине 1656 г. окрестные тунгусы, в том числе «нелюцкой князец Гантимур», категорически отказывались от каких-либо контактов с русскими и уплаты ясака («тунгусы к нам в острог не ездят и служилым людям к себе в улусы ездить не велят»), хотя и не проявляли агрессии²⁴⁰. 13 июня 1656 г. К. Полтинин отправил к Гантимуру «служилых людей десятника казачья Ивана Болотова с товарищи ... для государева ясачново соболиново збору». «И он, Гантимур, – писал Полтинин, – дал с себя и с своих улусных людей государева ясаку дватцать три соболя, а з достальных людей нелюцких он, Гантимур, сулил

²³⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 269.

²³⁹ Там же. Л. 277.

²⁴⁰ Есть версия, восходящая к челобитной внуков Гантимура Лазаря и Лариона (1710 г.), об участии их деда в 1655 г. в составе маньчжурских войск в осаде Комарского острога, стоявшего на левом берегу р. Комары при впадении ее в Амур (Мазуров И.В., Пастухов А.М. Очерки истории Российского Дальнего Востока. Хабаровск, 2009. Кн. 1 С. 121, 167; Уварова Т.Б. Нерчинские эвенки... С. 48; Элерт А.Х. Новые материалы к биографии тунгусского князя Гантимура. С. 419, 420). Критика этой версии неизбежно выводит на критический анализ распространенного в историографии мнения о службе Гантимура маньчжурам. Последнее же требует развернутой аргументации, что не входит в задачи данной статьи. Поэтому пока ограничимся лишь утверждением, что в осаде Комарского острога Гантимур участия не принимал.

государев ясак, хотел дать в нынешнем во 165-м (1656/57) году. И люникелские, и баликагирские, и челкагирские (тунгусские роды. – А. З.) сулили государев ясак, все, которые в прошлом году не давали, и хотели дать в нынешнем году по два соболя, а Гантимур князец с своими улусными людьми прикочевал к острогу ближе на Нерчу реку»²⁴¹.

Процесс возвращения Гантимура и его рода в ясачный пла-теж был, однако, сорван случайным событием. В конце весны 1656 г. в отряде Колесникова, посланного в Забайкалье всё тем же Пашковым, во время его пребывания на Усть-Прорве (совр. р. Большая Речка, впадающая в Байкал в районе с. Посольско-го) вспыхнул бунт казаков. Большая часть отряда во главе с Ф. Полетаем, ограбив Колесникова и «государеву казну», двинулась на Амур²⁴². По пути туда «воровские» казаки грабили встречавшееся им местное население. В упомянутой выше от-писке Полтинин рассказал об этом следующее: «В нынешнем ... во 165 (1656) году сентября в 14 день плыли с Ынгоды реки беглые воровские казаки Филька Полетай с товарищи пятьде-сят три человека мимо Шилской острог и стояли под Шилским острогом судки... И как оне, вору Филька Полетай с товарищи, плыли по Ингоде реке до Шилсково острогу и ясачных людей розгоняли вдаль на вершины сторонных рек. И как оне, вору, от острогу поплыли на низ по Шилке и я, Калинка, с служи-лыми людьми на низ ясачным людем весть подали – посылали толмача Гришку до Нерчи реки. А ниж Нерчи усть Куенги реки оне, вору Филька Полетай с товарищи, ясачных нелюдцких Гантимуровых людей погромили и скот и ясырь поимали»²⁴³.

Разбойные действия «воровских» казаков вновь карди-нально изменили ход русско-тунгусских отношений. Согласно информации всё того же Полтинина, в конце сентября 1656 г. к Шилскому острожку приехал «нелюдцкой ясачной мужик Шеужил», который «велел» казакам из острожка не выходить. Вслед за этим в начале октября «воровские неведомые люди» отогнали из-под острожка «с лугу» «государевых две лошади да казачьих же две лошади». 10 октября «иноземцы ... шунские и челкагирские, Зюрма да Зюгара шаман с товарищи, ясач-ные государю изменили и Иргенской острог сожгли и государеву казну запасы и товары и порох и свинец взяли и служи-

²⁴¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 341–342.

²⁴² Вершинин Е.В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов. С. 44.

²⁴³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 342.

лых людей ... побили». А от Шилского острожка «все ясачные люди прочь отъехали». В целом, как сообщал Полтинин, среди тунгусов «смута стала большая и задор», вследствие чего он с казаками вынужден сидеть «в осаде» и не выходить из острожка²⁴⁴. Но отсидеться им не удалось. Еще до наступления весны 1657 г. острожек был захвачен и сожжен тунгусами, и все его защитники погибли²⁴⁵.

Сожжение Шилского острожка в историографии, причем без ссылок на источники, приписывается Гантимуру и его нелюдам. Первым, насколько нам известно, об этом написал Д.Я. Резун²⁴⁶. Затем данная версия была тиражирована А.Р. Артемьевым²⁴⁷ и закрепились как аксиома в обобщающих трудах²⁴⁸ и энциклопедиях²⁴⁹. Однако она не соответствует показаниям источников.

Как говорилось выше, один из нелюдов, Шеужил, «велел» казакам сидеть в Шилском острожке, надо полагать, чтобы они не были застигнуты врасплох «воровскими людьми». Не исключено, что это предупреждение передал с Шеужилом Гантимур, поставив по сути гарнизон Шилского острожка в известность о начавшемся выступлении тунгусов против русских. Возможно, эта «любезность» была им проявлена в ответ на попытку Полтинина предупредить нелюдов об опасности со стороны «воровских» казаков (это предупреждение, правда, или не дошло до адресатов, или было получено ими с опозданием).

Из отписки Пашкова, который, уже будучи в Восточном Забайкалье, лично выяснил обстоятельства столкновений тунгусов с казаками, следует, что Иргенский и Шилский острожки были сожжены тунгусами, откочевавшими от Баргузинского острога. Причем были выявлены и пойманы организаторы нападения – «Сажик, да Волосач Боявица, да Ломанейко с

²⁴⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 342–343. См. также: Л. 337–338.

²⁴⁵ Там же. Л. 334; Вершинин Е.В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов. С. 44.

²⁴⁶ Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 211.

²⁴⁷ Artemyev A.R. The Gantimurov princes in russian service. P. 7; Артемьев А.Р. Эвенкийские князья Гантимуровы... С. 8; Артемьев А.Р. России верное служение (Род князей Гантимуровых) // Забытые имена. Владивосток, 1995. Вып. 1. С. 48; Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья... С. 47.

²⁴⁸ История Бурятии. Улан-Удэ, 2011. Т. 2. С. 48.

²⁴⁹ Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. Новосибирск, 2002. Т. 1. С. 205; 2003. Т. 2. С. 224; Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 368; Т. 2. С. 471.

товарищи»²⁵⁰. О нелюдах и их князье в связи с сожжением русских острогов Пашков вообще не упоминал.

В целом на основе информации, изложенной в отписках Полтнина и Пашкова, можно прийти к однозначному выводу: Гантимур и его люди не были причастны к уничтожению острогов, да и вообще не предпринимали активных действий против русских. Единственное, что им можно «инкриминировать», и то предположительно, – это угон от Шилского острожка четырех лошадей. Но в то же время Гантимур не был и союзником казаков, он не оказал им никакой помощи и не воспрепятствовал сожжению Шилского острожка, стоявшего в его владениях.

Прибывший осенью 1657 г. на оз. Иргень, а весной 1658 г. перебравшийся на Шилку воевода Пашков, сообщая в своих отписках о сборе ясака с «послушных» тунгусов, о сражении казаков зимой 1657/58 г. в верховьях Шилки с «многими» тунгусами-«непослушниками» (которые, потерпев поражение, изъявили покорность и «били челом в вечное холопство и ясак»), о строительстве двух новых острогов – на Иргень-озере (Иргенского) и на устье Нерчи «в Нелютцой и в Тунгуской землях» (будущего Нерчинского острога; Пашков называл его то Верхнешилкским, то Нелюдским), о карательных акциях против тунгусов-«изменников», уже совершенно ничего не писал о Гантимуре и нелюдах²⁵¹. Это дает основание считать, что после событий сентября-октября 1656 г. нелюды во главе со своим предводителем, а также еще несколько других родов забайкальских конных тунгусов ушли из Забайкалья с территорий, над которыми русские устанавливали свой контроль. Возможно, это произошло осенью того же года: о том, что «все ясачные люди прочь отъехали» от Шилского острожка Полтнин писал в своей отписке, датированной 18 декабря 1656 г. Но переселение могло случиться и позднее, в 1658 г., вследствие карательных акций, предпринятых Пашковым. По мнению В.А. Туголукова, перекочевка произошла в конце 1650-х гг.²⁵² Не исклю-

²⁵⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 334.

²⁵¹ Там же. Л. 68–69, 144а–144г, 317–334, 345; См. также: Там же. Стб. 1045. Л. 1–2; Оп. 5. Д. 975. Л. 1; Дополнения к Актам историческим. СПб., 1851. Т. 4. С. 260–261.

²⁵² Туголуков В.А. Конные тунгусы. С. 80. А.Р. Артемьев явно ошибался, полагая, что Гантимур и его «клан» ушли сразу после сожжения Шилского острога в 1654 г. (Artemyev A.R. The Gantimurov princes in russian service. P. 8). Эта ошибка затем стала повторяться (Попов И.М. Россия и Китай. С. 71; Мазуров И.В., Пастухов А.М. Очерки истории Российского Дальнего Востока. Кн. 1. С. 121). По утверждению П. Пердю, Гантимур покинул пределы Забайкалья в 1653 г. (Perdue P.C. China marches West. The Qing Conquest of Central Eurasia. 2005. P. 165).

чено, что она, начавшись осенью 1656 г., могла растянуться на несколько лет.

Любопытная, хотя очень краткая и не вполне определенная информация о том, к какому году Гантимур покинул пределы Забайкалья, содержится в семейном предании забайкальских казаков Шестаковых. В 1857 г. военный врач Н.И. Вишняков, будучи проездом в Чиндантском карауле (на русско-китайской границе в Восточном Забайкалье), увидел у местного казака И.П. Шестакова «грамоту», представлявшую «родовое древо». В ее заголовке значилось: «В лето 1569 года ... оселился на реке Ононе близ стойбища “Гантимур” вольный человек... Имя этого человека Ксенофонт Питиримов Шесток»²⁵³. По предположению издателя записок Вишнякова – Н.П. Матхановой, «возможно, автор переставил местами две цифры и речь шла о 1659 г.»²⁵⁴. Соответственно, получается, что к данному году стойбище Гантимура и его людей пустовало.

Точно определить с годом помогла бы идентификация «вольного человека» Шестока, правильно – Шестака²⁵⁵. Но для этого мы пока не располагаем необходимыми данными, хотя можем предположить, что им окажется кто-то либо из отряда Пашкова²⁵⁶, либо из тех казаков, которые появились в Забайкалье после разгрома маньчжурами в 1658 г. на Амуре отряда О. Степанова Кузнеца. Не исключено, что интересующий нас Шестак прибыл и позже. В частности, «в Нерчинских острогах в полку Иллариона Толбузина и Данила Аршинского» служил казак Шестак Афанасьев²⁵⁷. В Восточном Забайкалье он оказался скорее всего в составе отряда Л.Б. Толбузина, прибывшего туда в мае 1662 г.²⁵⁸

²⁵³ Вишняков Н.И. Записки военного врача. Новосибирск, 2011. С. 165.

²⁵⁴ Там же. С. 301.

²⁵⁵ Шестак – не прозвище, а имя, весьма распространенное в XVII в. среди сибирских казаков. Имена же Ксенофонт и Питирим в то время у русских людей не встречались, по крайней мере в Сибири.

²⁵⁶ Сохранились именные списки сибирских служилых людей, зачисленных в отряд Пашкова [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 62–63, 144, 147, 152–153, 157–159, 170–172, 175–176, 179–183, 188–192 об.], но среди них нет человека с именем Шестак. Однако известно, что Пашков в Енисейском и Братском острогах набрал дополнительно 160 добровольцев из числа гулящих людей (Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах... С. 32). Возможно, запись в «родовом древе» о «вольности» Шестока/Шестака указывает на его принадлежность к вольным гулящим людям.

²⁵⁷ Красноштанов Г.Б. Ерофей Павлович Хабаров. С. 582–583.

²⁵⁸ Дополнения... Т. 4. С. 320.

Локализация нового места обитания Гантимура и нелюдов основана на более поздних известиях о том, откуда они вернулись в 1666/67 г. в пределы Забайкалья. В своей челобитной, поданной в июне 1684 г. нерчинскому воеводе Власову, Гантимур сообщил, что «вышел» «з детишками», «с родишками и с улусными людишками» «под великих государей самодержавную высокую руку в вечное холопство ис под Китайского государства с Науна реки»²⁵⁹. Скорее всего она соответствует действительности, поскольку именно в районе реки Наун маньчжуры в 1654–1658 гг. расселяли обитателей Приамурья, спасавшихся от казачьей вольницы и либо ушедших с Амура самостоятельно, либо выведенных оттуда маньчжурами²⁶⁰.

В историографии причины ухода Гантимура из Забайкалья объясняются по-разному. И. Фишер, первым из историков попытавшийся найти ответ, указывал на то, что Гантимур не желал «признать чужую власть над собою»: «...он показывал себя россиянам долгое время благосклонным, пока не начал примечать, что хотели ему накинуть веревку на шею и поступать с ним равно как с другими тунгусами»²⁶¹. Принципиально иная трактовка восходит к самому Гантимуру. Отвечая в сентябре 1685 г. на вопросы енисейского воеводы Щербатова, он поведал следующее: «...жил де он, Гантимур, преж сего в даурской земле по великой реке Шилке, а владел де он многими даурскими пашенными людьми, а ясак де платили и пашню пахали те даурские люди на него, Гантимура. И за малолюдством де ево, Гантимура, тех ево пашенных людей овладел китайской богдокан»²⁶². Признавая эти показания за истину, большинство исследователей полагало и полагает, что Гантимур ушел из русских пределов вслед за своими «подданными», уведенными маньчжурами²⁶³. Данное объяснение дополняется другими предположительными обстоятельствами. Так, по мнению В.А. Александрова, «возможно, его (Гантимура. – А. З.) откочевка была вызвана также боязнью оказаться в районе военных действий между вторгнувшимися на Амур маньчжурами

²⁵⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 66.

²⁶⁰ Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор... С. 31, 32, 35; Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974. С. 99; Мазуров И.В., Пастухов А.М. Очерки истории Российского Дальнего Востока. Кн. 1. С. 159.

²⁶¹ Фишер И.Э. Сибирская история. С. 567.

²⁶² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 61.

²⁶³ В популярной литературе встречается даже утверждение, правда, непонятно, на чем основанное, что Гантимур «был насильно переселен Цинами из родного Приамурья в глубь Маньчжурии» (Попов И.М. Россия и Китай. С. 71).

скими войсками и русскими отрядами»²⁶⁴. А.Р. Артемьев писал, что, «по-видимому, действия Гантимура (уход на р. Наун. – А. З.) были обусловлены крайней жестокостью Е. Хабарова по отношению к аборигенам Приамурья в ходе экспедиции 1649–1653 гг.»²⁶⁵.

Весьма путано и противоречиво по этой проблеме высказывалась П.Т. Яковлева. Из ее интерпретации следует, что Гантимур вообще никуда не уходил, он с середины 1650-х гг. признавал себя «ясачным подданным России», «однако до 1667 г. ..., будучи кочевником, очевидно, не порывал связи также и с теми своими подданными, которые были переселены на Наун; очень вероятно, что он старался не ссориться и с китайскими властями и считался также подданным Китая», т.е. получается, что являлся двоеданцем. Однако далее она пишет, что в 1667 г. Гантимур «ушел с Науна», перейдя исключительно в русское подданство²⁶⁶. Остается непонятно, когда и вследствие каких обстоятельств он оказался в пределах Маньчжурии. В.С. Мясников, не отрицая факт ухода Гантимура, одновременно, как и П.Т. Яковлева, считал, что он оказался в положении двоеданца: «...не желая ссориться с цинскими властями, он некоторое время считал себя и их подданным»²⁶⁷. Встречаются и совсем невнятные высказывания. Так, авторы коллективной монографии «Международные отношения на Дальнем Востоке» писали: «Эвенкийский князь Гантимур со своими улусными людьми держался русского подданства (т. е. получается, что никуда не уходил! – А. З.). В дальнейшем он ушел в Нерчинск (когда и откуда – умалчивается. – А. З.)»²⁶⁸.

В своей первой статье, посвященной Гантимур, мы показали, что, кроме его собственных кратких воспоминаний, нет более никаких данных, позволяющих считать предводителя нелюдов «владельцем» «даурскими пашенными людьми». Донесения русских землепроходцев однозначно свидетельствуют, что в конце 1640-х – первой половине 1650-х гг. в верхнем Приамурье лидирующие и властные позиции занимали со-

²⁶⁴ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах... С. 86; См. также: Уварова Т.Б. Нерчинские эвенки... С. 48.

²⁶⁵ Artemyev A.R. The Gantimurov princes in russian service. P. 8; Артемьев А.Р. Эвенкийские князья Гантимуровы... С. 8; Артемьев А.Р. России верное служение... С. 48.

²⁶⁶ Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор... С. 35–36.

²⁶⁷ Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство... С. 114. См. также: Русско-китайские отношения в XVII веке. М., 1969. Т. 1. С. 557.

²⁶⁸ Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Кн. 1. С. 19.

всем другие люди, в первую очередь даурские вожди Лавкай, Шилгиной и Гильдегу²⁶⁹. Соответственно переселение с Амура «даурских пашенных людей» не могло стать причиной ухода Гантимура, т.к. они не являлись его «подданными».

Изложенные выше сведения о первых контактах нелюдов с русскими землепроходцами в середине XVII в. показывают, что их характер менялся вслед за изменением политической ситуации в Восточном Забайкалье. Гантимур и его «улусные люди» встретили русских, численность которых на первых порах была невелика, миролюбиво и в 1650/51–1656 гг. несколько раз выдали им ясак, возможно, в рамках дарообмена или меновой торговли, но в любом случае преследуя какие-то свои цели, оставшиеся нам неизвестными. Однако появление всё новых и новых ясачных сборщиков, устроенный «воровскими» казаками погром «нелюдцких людей», прибытие на Шилку крупного отряда Пашкова, строительство на «нелюдцкой и тунгусской земляцах» русских острогов – всё это сподвигло Гантимура, а также предводителей еще нескольких родов конных тунгусов, после неудачных попыток сопротивления, покинуть Забайкалье. И ушли они, осознав тот факт, что общение с представителями далекого «великого государя» ведет к обязательной и регулярной выдаче дани-ясака, но последнее не гарантирует от насилия и грабежей с их стороны. Переселение нелюдов произошло, скорее всего, во временном диапазоне, охватывающем 1656–1658 гг. Ушли они на неподконтрольную русским территорию – р. Наун, надеясь, видимо, как дауры и дочки, на защиту маньчжуров.

---

²⁶⁹ Зуев А.С. О властном статусе тунгусского князя Гантимура.

Ч.Г. Андреев,
доктор исторических наук,
профессор Улан-Удэнского
филиала ИРГУПС

Политика царского правительства и степень проникновения мировых религий в среду коренных народов Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в сознании аборигенов почти в неприкосновенности сохранялись многие элементы языческого верования; они знали обряды, поверья и обычаи, связанные с ними, например, продолжали считать, что вся природа одухотворена, что духа-хозяина имеет каждое явление природы, что одни из этих духов добрые, другие злые; добрые духи живут преимущественно на небесах, злые в нижнем мире, средний мир (земля) является обиталищем людей [1]. Люди, по представлениям сибирских аборигенов, связаны с этими духами; средством общения между людьми и духами служат обряды; отсюда всякого рода табу, заклинания, магические действия, жертвоприношения. Наиболее активными посредниками между людьми и духами считались шаманы, во время камлания будто бы совершавшие прямое путешествие в мир духов и общавшиеся с ними [2]. Духи-хозяева (эзэны) были покровителями гор, рек, озер, лесов и т. д.

У всех народов Восточной Сибири существовала система запретов, служившая сохранению окружающей среды и животного мира, регуляции взаимоотношений человека и природы. Могучая и своеобразная природа Сибири с ее бурными и полноводными реками, сияющими горными вершинами исподволь формировала эстетическое чувство, в основе которого лежали почитание и благодарность. Почитанием и различными ритуальными обрядами характеризовалось отношение аборигенов к животным и птицам, в основе которого лежала идея общности мира людей и мира животных.

Шаманизм у коренных народов Восточной Сибири является древнейшей религией. Наибольшего расцвета он достиг

в период господства патриархально-родовых отношений. Шаманизм со всеми его формами и проявлениями представляет собой обширный и сложный пантеон [3]. На самом его верху стоят небесные боги. Они, в представлении шаманистов, являются владыками небесных явлений (грозы, дождя, грома, молнии, снега, бури и др.). На ступень ниже стоят боги, ведающие водными, земными стихиями. Следующий разряд состоит из духов, управляющих отдельными местностями или отдельными событиями в жизни человека. Они являются духами умерших шаманов. В самом низу находятся мелкие, злые духи.

Определенное влияние на эволюцию традиционных религиозных воззрений бурят, хакасов и якутов оказала христианская религия, проникновение которой началось с появлением первых русских землепроходцев в Восточной Сибири. Во второй половине XIX – начале XX вв. усилилась политика царского правительства по христианизации нерусского населения Сибири [4]. Влияние христианства на шаманизм выразилось в появлении в шаманском пантеоне богов христианского происхождения. Особенно в этом отношении повезло святому Николаю-угоднику. Его культ был особенно распространен у тех групп «инородцев», где земледелие получило наибольшее развитие. Исследователь Н. Астырев, посетивший Восточную Сибирь в конце XIX в., отмечал, что у тункинских бурят Иркутской губернии существовало изображение Николая-угодника, на котором он представлен с раскосыми глазами, как у монголов [5]. Другим христианским божеством, почитаемым у шаманистов, был святой Иннокентий. «С распространением хлебопашества и сенокосения изменились функции некоторых шаманских духов: прежние покровители воды и земли были наделены «способностью обеспечивать хороший урожай и травостой» [6]. Претерпели изменения и шаманистские представления о Небе и Земле. Если скотоводам достаточно было знать всё о звездах и ветрах, то земледельцев интересовали и тучи, и солнце.

У крещенных «инородцев» наблюдались элементы синкретизма православия с их старыми верованиями. Так, в древности Умай (душа-зародыш); потом богиня Умай (подательница жизни и прародительница) [7] становятся для хакасов под влиянием церковных вероучений христианской,

точнее библейской, праматерью человечества: Умай-Евой [8]. К началу XX в. нагорные моления стали для некоторых хакасов соединяться с христианско-библейскими представлениями о жертве, «которую отец верующих иудеев принес по повелению божию на горе» [9].

Под влиянием христианства изменились и погребальные обряды шаманистов. Ранее наиболее распространенными способами захоронения были наземное и воздушное, а также кремация. В конце XIX – начале XX вв., как отмечали исследователи, «все крещеные и некрещеные закапывают умерших в земле» [10]. У тех групп бурят, хакасов и якутов, которые проживали по соседству с русским населением, появился обычай устраивать поминки по умершим на девятый и сороковой дни, а также спустя год после смерти.

Влияние христианства на шаманскую религию аборигенов Восточной Сибири сказалось в ее культовой системе, в частности в календарных сроках устройства коллективных, религиозных жертвоприношений (тайлаганов и др.). В конце XIX – начале XX вв. в ведомствах крещеных «инородцев» установилась традиция приурочивать последние к христианским праздникам: в июне – к Петрову дню, в июле – к Ильину дню, осенью – к Покрову [11].

Ц. Жамцарано, посетив иркутских бурят, писал: «Такие праздники, как Никола (9 мая), Успенье и Покров, чтутся всеми бурятами Аларского, Унгинского, Бильчирского, Кахинского, Янгутского и других соседних ведомств. В эти дни буряты обыкновенно не работают, и большинство их едет в ближайшие русские села в церковь к обедне. Церкви в эти дни бывают переполнены бурятами, среди которых немало находится и шаманистов, приехавших поставить свечку русскому бурхану. К этим же дням обыкновенно приурочивают буряты и свои шаманские торжества, среди которых главное место занимает большой родовой или улусный тайлаган» [12].

К христианским знаменательным датам приурочивались различные религиозные обряды шаманистов. Так, накануне Пасхи срезали гривы и хвосты лошадей. Процесс этот сопровождался обрызгиванием вином шаманских богов – покровителей лошадей [13].

Современники отмечали, что крещеные «инородцы» не выдерживали всей церковной службы, часто выходили на

воздух «отдохнуть», а иногда ограничивались тем, что ставили перед иконами свечи и ухаживали [14]. Некоторые не посещали церковь из-за отдаленности (до 700 км) ее от их улусов. Богослужения обычно посещали женщины и дети, но в целом молящихся в церквях аборигенов всегда бывало немного. Например, хакасов в Божьеозерском приходе из двух с лишним тысяч прихожан больше всего бывало на Рождество, и то не более 60 человек [15].

Местные священники жаловались на недостаточность у бурят, хакасов, якутов «усердия» к православной вере и на довольно частые нарушения установленных церковью правил. Так, крестили детей тогда, когда в улус приезжал священник и детям бывало уже по несколько лет, венчались через год, два и больше после заключения брака, и у богатых «инородцев» бывало по две и более жен [16].

Выполнение аборигенами Восточной Сибири главнейших христианских обрядов отражалось в ежегодных миссионерских отчетах. Так, в отчете Синявинского прихода за 1901 г. из 2700 прихожан-хакасов исповедовалось всего 179 человек; для напутствия умирающих призывали священника только 7 раз [17].

Были и среди аборигенов лица, «усердные» к православной вере. В числе членов Енисейского православного миссионерского общества числилось несколько хакасов [18]. Встречались среди местных жителей церковные старосты, псаломщики, священники. Среди них, например, необходимо упомянуть бурята Игнатия Разгильдеева – псаломщика, учителя Ныгдинской миссионерской школы, переводчика и письмоводителя при начальнике Иркутской духовной миссии. Священник Я. Чистохин, бурят по национальности, перевел на бурятский язык более 10 названий христианской литературы [19]. Такие как Разгильдеев и Чистохин несли в среду аборигенного общества не просто другую веру и обрядность, но и ценности христианства и европейской культуры, способствовали развитию духовного мира и умственных способностей как детей, так и взрослого населения. Переводная христианская литература так или иначе распространялась в «инородческих» улусах. Это не проходило бесследно: в сознании шаманистов оставались идеи христианского учения, которые смешивались с шаманистическими.

У иркутских бурят был записан миф, согласно которому Бурхан (Бог) создал с помощью черта Вселенную и человека, а из ребра этого человека – женщину. От этих двоих произошли на земле все люди [20].

Насильственное крещение бурят, хакасов, якутов, постоянное и систематическое насилие над их религиозной совестью не могли пройти бесследно для религиозного сознания аборигенов. Установилось чрезвычайно легкое отношение к обряду крещения: крестились бедняки ради смены белья, из-за нескольких рублей, за чарку водки; богачи крестились из-за значков отличия, выдававшихся «ревнителям» православия; молодежь крестилась, чтобы крепче связать друг друга брачными узами [21].

Аборигены крестились, но оставались на деле прежними шаманистами и в нужных случаях обращались к шаманам. Хотя постепенно под сильнейшим давлением в привычку вошло выполнение религиозных обрядов: «инородцы» стали отмечать церковные праздники, держать дома иконы, носить крест и выполнять другие церемонии [22]. Понятно, что такой поворот в сознании и деятельности не был скоротечным и не имел необратимого характера. Аборигены, освоив православную обрядность, оставались полными невеждами в православной догматике, то есть шаманистами. А. Адрианов в своей книге «Очерки Минусинского края» отмечал, что «хотя минусинские инородцы давно крещены и среди них живут православные священники, но основы христианской религии остаются им чуждыми» [23]. П. Головачев в своем труде «Взаимное влияние русского и инородческого населения в Сибири» писал: «Якуты по-прежнему верят в душу каждого предмета. Каждое дерево, камень, нож, топор имеют свою душу. Верхоянские инородцы после 100 лет крещения в случае болезни гораздо охотнее прибегают к помощи своих шаманов, чем русских врачей» [24].

Наблюдательный священник Орфеев в свое время отметил, что «инородец не может отрешиться от своих вековых преданий и обычаев, которые унаследованы им от своих отдаленных предков-язычников и вошли в плоть и кровь его, а потому и религиозное воззрение инородцев представляет собой двойственность, их верования и обряды нередко представляют смесь христианских понятий с языческими» [25].

Одним из следствий влияния православия на народы Восточной Сибири явилось так называемое двоеверие. Типичного двоеверца описал этнограф И.М. Манжигеев [26]. Иркутский бурят Потап Никитеев, бедняк, 20 лет проработавший у богачей, при вторичной женитьбе венчался в церкви. Он окрестил всех детей. Он и его дети носили кресты, дома имелось пять-шесть икон. Одновременно висели шаманские онгоны и зайны. К нему ежегодно приезжал священник и устраивал богослужение. П. Никитеев заставлял детей после еды молиться богу, стоя перед иконами. Одновременно придерживался шаманства, обращался к шаманам, если кто-либо в семье болел, совершал все обряды по указанию шаманов, а также участвовал во всех тайлаганах.

В то же время перед миссионером в большинстве случаев аборигену приходилось выказывать себя православным, ставить свечки перед образами и скрывать от него принадлежности шаманского культа [27]. Двоеверие, постоянная необходимость скрываться от бдительного миссионерского ока – всё это развращало «инородческую» массу, распатывало ее религиозное сознание, создавало легкое отношение к делам совести и ослабляло нравственное сознание.

Льготы, предоставляемые шаманистам, принявшим православие, например, избавление их от уголовных и иных наказаний после принятия ими православия, отрицательно влияли на окружающих сородичей. При наличии довольно крепких в то время родовых традиций православные миссионеры добивались «амнистии» своим «новокрещеным» от уголовных и иных наказаний, идущих вразрез с местными обычаями [28]. Этих «амнистированных новокрещенцев» аборигены на основе местных обычаев презирали, добиваясь удаления из своего рода. В результате такого отношения сородичей к «новокрещенцам» последние вынуждены были оставлять свой род, а женщины из числа коренного населения считали непристойным для себя выходить за них замуж [29]. Поэтому «новокрещенцы» обычно женились на русских женщинах, образуя постепенно особые населенные пункты так называемых «ясашных».

Христианизация разрушала традиционный образ жизни большинства бурят, хакасов, якутов, подрывала единство. Христианство выступало против всего национального, требовало отказа от своих верований. Оно излагало высшие

догматы, стремясь заставить поверить в них всех, не зная жизни аборигенов, говорило на непонятном для местных жителей языке.

С другой стороны, было бы неправомерным не обращать внимания на позитивные черты в истории крещения коренного населения Восточной Сибири. Крещеные буряты, хакасы, якуты в большей степени, чем некрещеные, приобщались к российской культуре, больше создавали школ европейского типа, быстрее и шире усваивали традиции общественно-го и семейного быта русских. В конце XIX – начале XX вв. школы, книги, журналы, деловые связи с деятелями науки и культуры, одежда европейского покроя, предметы русского домашнего обихода, знание и соблюдение многих правил санитарии и гигиены были уже распространенным явлением у крещеных «инородцев» [30]. В связи с переходом к православию аборигены расширяли и активизировали хозяйственно-экономические и культурные связи с русским населением, овладевали русским языком, усиливались их мобильность и социальная активность.

Наряду с христианством к сибирским аборигенам проникала и другая мировая религия – ламаизм, пустивший глубокие корни в Забайкальской области, где из каждой тысячи бурят 917 были приверженцами данной веры [31]. Это было достигнуто в результате того, что бурятские шаманские культы были включены в ламаистскую систему. Так, например, популярное божество Гуджир тэнгри было объявлено тождественным буддийскому божеству Махакала, и все признаки и функции прежнего шаманского божества были перенесены на соответствующее божество буддийского пантеона [32].

Ламаистская религия оказалась более социально совместимой с традиционным образом жизни аборигенов. Успехи внедрения ламаизма среди забайкальских бурят видели и, видимо, не без основания в том, что «ламство не требует от бурят отречения от своих бытовых привычек, не налагает на его природу никаких нравственных обязанностей... ламы явились среди бурят в качестве лекарей и знахарей, умеющих прогонять всякую нечистую силу: в глазах бурят они выше и сильнее их прежних шаманов; все идолослужение лам вполне приноровлено ко вкусу грубого человека; их дацаны наполнены множеством идолов, один другого страш-

нее; их идолослужения сопровождаются оглушительной музыкой; на бурят она производит потрясающее впечатление; в праздничные дни ... ламы устраивают возле своих дацанов игры и забавы, столь любимые бурятами: конские бега, борьбу бурят между собою, на которых ламы являются главными судьями, распорядителями и раздавателями наград победителям. Они не борются против кочевого быта» [33].

Ламы сами были выходцами из среды кочевников-скотоводов и составляли значительную часть населения, ибо каждая семья считала необходимым одного из сыновей выучить и посвятить служению священному делу. Мальчиков отдавали в дацан в возрасте 7–9 лет. В годы учебы в дацане (с 10 до 20 лет) будущие ламы поддерживали тесные связи с родичами. Каждое лето они приезжали в родное кочевье, чтобы помочь родителям во время сенокоса.

Между ламами и их сородичами складывались особые отношения; ламы пользовались почетом и уважением как приобщенные к высшим знаниям. Вот как описывал положение лам один дореволюционный исследователь: «Несмотря на выдающееся положение улусных лам, в материальном отношении они редко имеют возможность обеспечить свое существование прочно. Богачи среди них редкое исключение. Ламы в редких случаях получают вознаграждение деньгами. Ограничиваются большей частью одним угощением или дешевым подарком. Оплачивается деньгами или скотом только лечение и ворожба. Гонорар и тут невелик» [34].

Ламы имели большое влияние на нравственную сторону жизни верующих. Они старались искоренить различные пороки своих сородичей. Некоторые из лам своей жизнью, насколько позволяли обстоятельства, служили примером для других [35].

Изменения в образе жизни ламаистов выразились в появлении обычая паломничества и монашества. Паломничество в столицу Монголии – Ургу с целью поклонения одному из высших иерархов ламаистской церкви – хутухте особенно развилось у хоринских, агинских и селенгинских бурят Забайкалья. Начиналось оно ранней весной и продолжалось до глубокой осени. Паломники уезжали группами в 10–15 человек и более. Каждая семья приносила в дар «живому» богу, каковым считался хутухта, серебро или лучшую лошадь. Среди паломников почти всегда преобладали женщины-

ны. Некоторые из старух, вернувшись из Урги, посвящали себя в монашество, становились так называемыми шабганцами. При этом они сбрасывали волосы и носили через плечо узкий шарф темно-красного цвета. Многие из них с этого времени не употребляли мяса и вина и не принимали участия в семейных празднествах, посещая только дацан и обоо (культовые ламаистские места) [36]. Через лам и паломников у забайкальских бурят появился обычай иметь различные амулеты, привозимые из Монголии и Тибета, обеспечивавшие, по представлениям верующих, благополучие или излечивавшие болезни.

Вместе с тем нельзя не отметить и некоторые негативные черты проникновения ламаизма в среду забайкальских бурят. Жизнь, согласно ламаизму, представлялась мучительным круговоротом превращений из одного существа в другое. Эта религия проповедовала, что избавление от мучений может принести только отрешение от всех житейских стремлений, погружение в полный покой. Поэтому для большинства ламаистов была характерна слепая вера в религиозные догмы, консерватизм и отрыв от живой действительности. Вместе с тем даже там, где ламаизм утвердился более или менее прочно, древние шаманистические представления, обычаи и традиции продолжали сохраняться [37].

У некоторых бурят (аларских, тункинских), куда проник ламаизм, наблюдалось троеверие. По этому поводу исследователь П.Е. Кулаков писал «... взаимодействие представителей трех разных религий и полнейшая религиозная неустойчивость новокрещенных в очень сильной степени запутали мировоззрение и обряды: ламаисты прибегают к помощи заклинаний и гаданий шаманов, православные закалывают овец и коней в жертву бурхану, покровительствующему скоту, а шаманисты ставят восковые свечи перед образом св. Иннокентия или приносят сметану, творог и прочее в жертву св. Николаю» [38].

Такая ситуация стимулировала «богоискательство» у коренных народов Восточной Сибири. Так, у бурят-буддистов Иркутской губернии в начале XX в. отмечались серьезные попытки возрождения шаманизма, с другой стороны, наблюдалось тяготение бурят-шаманистов к буддизму. Ц. Жамцарано, совершивший поездку к иркутским бурятам, в своем дневнике от 22 сентября 1905 г. писал: «Попытка возрожде-

ния шаманства среди буддистов и тяготение шаманистов к буддизму – два противоположных явления – заслуживают внимания наблюдателя. Психическая подкладка обоих явлений одинакова, именно неудовлетворенность господствующей религией: шаманисты недовольны шаманством и глубоко проникнуты желанием перейти в лучшую религию, чистую и праведную (белую), без кровавых жертвоприношений и т.д., а буддисты недовольны ламами за то, что они игнорируют родной язык (заменяя его тибетским, непонятным для бурят и для местных духов), презирают предания старины, национальные обычаи и т.д.» [39]. Далее, продолжая свою мысль, он отмечал, что шаманисты «буддизм пленит тем, что не требует кровавых и винных средств (выгодно в экономическом отношении), ламы могут расправляться с чертями, домовыми, могут лечить болезни и отучают от пьянства и грубости» [40].

Одновременно среди бурят возникло движение отделения от христианства и перехода в буддизм. Так, в 1907 г. буряты Кударинского и Тункинского ведомств численностью около 20 тыс. человек фактически отмежевались от православия, отказывались содержать миссионерские станы и школы [41]. Случаи отказа от православия наблюдались также у хакасов и якутов [42]. Приведенные факты говорят о том, что шаманизм не всегда удовлетворял требования и желания его приверженцев; не давали счастья и благополучия православие и ламаизм: в глазах «иностранцев» они олицетворяли произвол и насилие, обман и ханжество. Одним из последствий такого положения явилось богоискательство в смысле выбора «лучшей религии», поэтому народы Восточной Сибири легко переходили из одной веры в другую.

В связи с религиозной активностью необходимо отметить деятельность видных представителей общественного движения бурят начала XX в.: Цанит-хамбо ламу А. Доржиева и ученого Ц. Жамцарано. Они стремились духовно объединить бурятский народ на базе одной религии – буддизма. В связи с этим они вместе начиная с 1906 г. предпринимают ряд действий, направленных на обращение иркутских бурят в буддийскую веру. А. Доржиев в январе 1908 г. писал директору департамента иностранных вероисповеданий: «...так как бурятский народ не может обойтись без религии и шаманство психологически отжило свой век, то исторический процесс

народной психологии остановился на буддизме как вполне совершенной и родной им религии их предков и забайкальских бурят, с которыми иркутские буряты находятся в тесном племенном родстве ... чересчур ревностная деятельность миссионеров навсегда отшатнула бурят от христианства и бесповоротно склонила их в другую сторону» [43]. Как бы продолжая эту мысль, Ц. Жамцарано отмечал в одной из своих работ: «Буддизм в глазах бурятского народа стал убежищем для национального духа, а православие – символом обрусения и насилия» [44].

Чтобы облегчить выполнение своей цели, А. Доржиев специально для иркутских бурят изобрел новый монголо-бурятский алфавит по типу монгольской азбуки и развернул широкую агитацию среди бурят Иркутской губернии [45]. А.Ц. Жамцарано в своих многочисленных публикациях требовал от правительства: официально уравнивать в правах ламаистское духовенство с православным; узаконить право преподавания буддийского учения в бурятских школах; разрешить строительство дацанов в неограниченном количестве с широкой сетью дацанских школ и распространение на монгольском и русском языках буддийской религиозной литературы [46].

Считая буддизм одним из главных средств национально-го возрождения бурят, Ц. Жамцарано полагал, что «с восприятием буддизма буряты-шаманисты постепенно усвоят высшие нравственные идеалы, научатся уважать, ценить себя и других, расширится их духовный кругозор, они освоятся с родною монголо-бурятскою письменностью, литературой, и сами будут по примеру забайкальских сородичей писать и читать свои мысли по-бурятски, будут через литературу сноситься со всеми монголами, войдут в идейное общение с ними» [47].

Хотелось бы остановиться на биографии известного бурятского деятеля Агвана Доржиева. Он родился в 1853 г. в местечке Хаара-Шибирь Хоринской степной думы. В 18 лет Агван принимает решение посвятить себя буддийской духовной деятельности и отправляется в Тибет на учебу в знаменитый Гоманский дацан при монастыре Брайбун. Когда ему исполнилось 35 лет, он успешно сдал экзамены и получил ученую степень лхарамба [48]. Вскоре в числе семи

ученых-лам А. Доржиев стал учителем буддийской философии при Далай-ламе XIII, которому в то время было 12 лет.

Оказавшись при дворе тибетского далай-ламы, Агван Доржиев стал играть ведущую роль во внешней политике правительства Тибета в конце XIX – начале XX вв. Его деятельность была направлена на сближение Тибета с Россией [49]. Часто А. Доржиев бывал в России, ее столице Санкт-Петербурге, где поддерживал постоянные контакты с царем Николаем II, главой правительства С.Ю. Витте и другими высшими сановниками.

О религиозной деятельности А. Доржиева было уже сказано выше, хотелось бы только добавить, что он организовал отправку бурятских и калмыцких юношей на учебу в знаменитые монастыри Тибета. Ему принадлежит идея и организация строительства буддийского храма в Санкт-Петербурге, которая была воплощена в 1915 г.

Однако результаты деятельности А. Доржиева и Ц. Жамцарано по обращению иркутских бурят в буддизм имели ограниченный характер, в основном из-за резкого противодействия властей, которые опасались «бурятского сепаратизма» [50]. Буддийская религия утвердилась у части бурят Аларского ведомства. В начале XX в. из каждой тысячи бурят Иркутской губернии только 106 были буддистами [51].

В целом религиозность коренного населения Восточной Сибири (бурят, хакасов, якутов) в конце XIX – начале XX вв. представляла собой сплав различных воззрений. Напластования различных религий имели четкие очертания, грань между ними была подвижна, порой становилась расплывчатой. Вполне можно согласиться с мнением ряда исследователей, что в синкретичной системе верований и культа аборигенов Восточной Сибири доминирующим оставался шаманизм [52].

При сравнении шаманизма у бурят, хакасов, якутов и малых народов Дальнего Востока, а также американских индейцев выявляются такие общие черты, как шаманская наследственность, наличие у шаманов духов-помощников, деление шаманов на категории, определявшиеся силой их духов и др. [53]. У всех отмеченных народов шаманы лечили людей, используя лекарственные травы и различные виды припарок, а также применяя гипнотическое, психотерапевтическое воздействие. Вместе с тем шаманизм в образе жиз-

ни аборигенов Восточной Сибири в изучаемый период приобрел усложненные формы под воздействием христианства и буддизма.

Примечания

1. Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1992. С. 101–152.
2. Там же. С. 153–212.
3. Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск, 1987. С. 9–52.
4. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX века). Иркутск, 1986. С. 138–162.
5. Астырев Н.М. На таежных прогалинах. М., 1891. С. 236.
6. АВИВАН (СПб. О). Ф. 62. Оп. 1. Д. 43. Л. 11 об.
7. Дыренкова Н.П. Умай в культе турецких племен // Культура и письменность Востока. Баку, 1928. Кн. 3. С. 134.
8. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. СПб., 1907. Ч. IX. С. 331.
9. Материалы для истории православного российского миссионерства. М., 1894. Вып. 3. С. 104–105.
10. Косыгин И. Очерки истории распространения христианства тункинскими бурятами на Торской степи за истекшее пятидесятилетие (1827–1877) // Труды православных миссий Иркутской епархии. Иркутск, 1885. Вып. 3. С. 596.
11. АВИВАН (СПб. О). Ф. 62. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.
12. Там же. Л. 17.
13. Манжигеев И.М. Янгутский бурятский род. Улан-Удэ, 1960. С. 201.
14. АРАН (СПб. О). Ф. 135. Оп. 2. Д. 139. Л. 38.
15. ГАРХ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 877. Л. 5.
16. Енисейские епархиальные ведомости. 1884. № 18. С. 252.
17. Там же. 1902. № 7. С. 204–205.
18. ГАРХ. Ф. И–2. Оп. 1. Д. 877. Л. 7.
19. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 394. Л. 33.
20. Записки Вост.-Сиб. Отд. РГО по этнографии. Иркутск, 1890. Т. 1. Вып. 2. С. 84–85.
21. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 394. Л. 35.
22. АРАН (СПб. О). Ф. 135. Оп. 2. Д. 139. Л. 38.
23. Андрианов А.В. Очерки Минусинского края. Томск, 1904. С. 36.
24. Головачев П.М. Экономическая география Сибири. М., 1914. С. 61.
25. Енисейские епархиальные ведомости. 1885. № 23. С. 365.
26. Манжигеев И.М. Янгутский бурятский род. Улан-Удэ, 1960. С. 200.
27. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1249. Л. 14.
28. Там же. Л. 15.
29. Там же.
30. АРАН (СПб. О). Ф. 135. Оп. 2. Д. 258. Л. 61.
31. Сибирские вопросы. 1908. № 37–38. С. 22–23.
32. АВИВАН (СПб. О). Ф. 62. Оп. 1. Д. 43. Л. 14.
33. Двадцатилетие епископского служения высокопреосвященного Вениамина, архиепископа Иркутского и Нерчинского. Иркутск, 1888. С. 7.
34. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1249. Л. 10.
35. Там же.

36. Там же. Ф. 821. Оп. 133. Д. 562. Л. 7.
37. АВИВАН (СПб. О). Ф. 62. Оп. 1. Д. 43. Л. 15 об.
38. Кулаков П.Е. Буряты Иркутской губернии // Известия ВСОРОГ. 1896. Т. 26. № 4–5. С. 120.
39. АВИВАН (СПб. О). Ф. 62. Оп. 1. Д. 43. Л. 11.
40. Там же.
41. Сибирские вопросы. 1907. № 7. С. 9.
42. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2370. Л. 20.
43. Там же. Ф. 821. Оп. 133. Д. 413. Л. 34–34 об.
44. Сибирские вопросы. 1907. № 21. С. 20–21.
45. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 413. Л. 70.
46. Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 173.
47. АВИВАН (СПб. О). Ф. 62. Оп. 1. Д. 43. Л. 18 об.
48. Чимитдоржиев Ш.Б. Бурятские буддийские деятели за рубежом (в Монголии, Тибете, Индии...) // Вестник Международного центра азиатских исследований. Иркутск, 1999. Вып. 2. С. 98.
49. Там же.
50. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 14. Л. 115.
51. Сибирские вопросы. 1908. № 37–38. С. 22–23.
52. Капустин Н.С. Особенности эволюции религии. М., 1984. С. 32.
53. Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение: (Народы Нижнего Амура). М., 1991. С. 132–154; Аверкиева Ю.П. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974. С. 65–69.

Б.Ц. Жалсанова,
доктор исторических наук, ГАРБ

**Подготовительная работа
по проведению волостной реформы
у бурят Забайкальской области
(1897–1904 гг.)**

Политика Российского государства в отношении сибирских инородцев с самого начала процесса присоединения Сибири характеризуется доминированием политики регионализма с учетом этнических особенностей, ярким воплощением которой стал Устав об управлении инородцев 1822 г. М.М. Сперанского. Важнейшие преобразования, происходившие в России на рубеже 1860–1870-х гг., практически не коснулись инородческого вопроса. В конце XIX – начале XX в. наблюдается качественное изменение политики Российского государства в отношении сибирских народов: на смену политике регионализма приходит политика, направленная на унификацию управления инородцами по образцу русских крестьян, а также унификацию их прав и обязанностей с крестьянскими. Правительство предпринимает попытки ликвидации инородческого управления в Сибири, однако это удалось сделать только частично: в Иркутской губернии к 1890 г. были ликвидированы все семь бурятских Степных дум, вместо которых были учреждены инородные управы, по функциональным особенностям более близкие к крестьянским волостным правлениям; в 1892 г. были упразднены хакасские Степные думы в Енисейской губернии, вместо которых также были образованы инородные управы.

Только в начале XX в. правительству удалось провести волостную реформу в Забайкальской области, ликвидировавшую систему этнического самоуправления бурят, учрежденную по Уставу 1822 г. Высочайше утвержденное «Временное положение об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» (23 апреля 1901 г.)²⁷⁰ упразднило органы местного этнического самоуп-

---

²⁷⁰ ПСЗ-3. Ст. 19984. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. С. 253–260.

правления в форме Степных дум, инородных управ и родовых управлений и систему инородческих судов.

Надо отметить, что волостная реформа явилась итогом кропотливой работы высочайше утвержденной под председательством А.Н. Куломзина Комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области, которая в течение нескольких лет занималась исследованием административного, поземельного и судебного устройства кочевых инородцев. Основной целью Комиссии, как пишет А.Н. Куломзин в своем письме приамурскому генерал-губернатору Н.И. Гродекову от 18 июня 1899 г., являлось желание «дать инородцам Забайкальской области одновременно с прочной земельной организацией и административное устройство, тесно связанное с занимаемой ими территорией»²⁷¹. Далее он сообщает о целях разрабатываемого проекта: «Стремясь по отношению к бурятам и тунгусам продолжить твердо усвоенную по отношению ко всем инородцам империи политику сближения их с коренным населением государства, я исходил из мысли о необходимости введения в забайкальских степях устройства, сформированного в главных своих началах с организацией прочего сельского населения империи, но, в частности, столько от нее различного, насколько этого требует характер народа, степень его развития, а также экономические и политические условия, в которые поставлено инородческое население»²⁷².

К своему письму А.Н. Куломзин приложил «Записку об административном и судебном устройстве кочевых инородцев Забайкальской области»²⁷³, в которой рассматривается история административного устройства инородцев Забайкалья с момента их присоединения к Российскому государству. Первым актом, установившим порядок управления «ясажными иноземцами» Забайкалья, были, как считает А.Н. Куломзин, особые «Правила пограничным дозорщикам», изданные С.Л. Владиславичем-Рагузинским в дополнение к инструкции 27 июня 1827 г., предоставившие управление над инородцами родоначальникам и их собраниям. То же родовое начало было положено в основание Устава об управлении инородцев от 22 июля 1822 г., согласно которому судебная и административ-

²⁷¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 1.

²⁷² ГАИО. Ф.29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 1.

²⁷³ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 3–19.

ная власти были поручены родовым управлениям, инородным управам и Степным думам.

С 1822 г. прошло почти 80 лет, произошли глубокие изменения в экономической и социальной сфере жизни инородцев, прежде всего связанные с распадом родового строя, переходом инородцев к оседлому образу жизни. Уже к 1840 г. в Хоринском ведомстве из 219 улусов только 62 были с однородным составом, а в остальных проживали смешанно представители двух, трех, пяти и даже восьми различных родов, причем во всем ведомстве не наблюдалось ни одного рода, который не имел бы своих членов в чужих становищах. В Агинском ведомстве было только девять улусов из 37 с однородным составом.

Огромное количество поступающих прошений и ходатайств о переходах инородцев в другие роды, в разряд оседлых крестьян, о разделении родов по территориальному принципу способствовали появлению высочайше утвержденного положения Сибирского комитета «О порядке разделения инородческих в Сибири родов и перечисления инородцев из одного рода в другой» от 3 июня 1858 г.²⁷⁴, нанесшего, по словам А.Н. Куломзина, «последний удар родовому принципу». Согласно данному положению разделение инородческих родов допускалось с разрешения Главных управлений Сибири по двум причинам: 1) отдаленности кочевий и других местных обстоятельств в видах пользы инородцев; 2) облегчения управления ими. Перечисления кочевых инородцев из одного рода в другой разрешались Казенными палатами по увольнительным и приемным свидетельствам только после уплаты всех податей и недоимок, с перенесением их доли ясака и податей в новый род и при отсутствии претензий на земельные наделы в оставленном роде. Так, в 1856 г. общественными приговорами хоринских бурят были даны разрешения на перечисление крещеных инородцев Барун-Харганатского рода Степана Егоровича Сазонова (Цыван-Зодбо Санжиева), Луки Ефимовича Мостовского (Ирдыни Ламаева) в крестьяне Мухоршибирской волости и т. д., при этом обязательно отмечается, что недоимок за ними не числится²⁷⁵.

С того времени переходы из рода в род, из кочевого в разряд оседлых крестьян, из бурятского рода в тунгусский и из

²⁷⁴ ПСЗ-2. СПб., 1860. Т. 33. Отд. 1. № 33244. С. 707–708.

²⁷⁵ ГАРБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 391. Л. 8–10.

тунгусского в бурятский становятся явлением заурядным и практикующимся в весьма широких размерах. В целом же по Забайкальской области к 1897 г. из 405 зарегистрированных инородческих общин с 30 420 хозяйствами с однородным составом оказались только 74 (18,3 %) с 5137 хозяйствами (16,9 %) ²⁷⁶. Род остается только «податной единицей», но и в этом отношении его роль нельзя было назвать благоприятной: 1) повинности по ремонту дорог, в результате применения родового принципа, отбывались за сотни верст от мест постоянного жительства; 2) сборщики податей родовых управлений целый год проводили в разъездах по Забайкальской области и даже Монголии в поисках своих плательщиков.

Как отмечает А.Н. Куломзин, нельзя не отметить достоинств родового принципа, заключающихся в том, что родовая организация оказывала «благотворное, уравнивающее, нивелирующее в экономическом отношении влияние на хозяйственную жизнь» ²⁷⁷. Несомненно, родовой принцип способствовал сохранению нравственности у инородцев, связанной с родовыми обычаями и традициями, запрещающими употребление алкогольных напитков, оставление без опеки детей-сирот, стариков и бедных сородичей и т. д.

Таким образом, Устав об управлении инородцев 1822 г. с устаревшим и изжившим себя родовым принципом уже не соответствовал требованиям времени, назрела острая необходимость в коренном переустройстве административного и судебного устройства кочевых инородцев.

За основу «Временного положения об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» были положены результаты исследований особой Степной комиссии, направленной в киргизские степи в 1865 г. для изучения быта кочевников. Труды Степной комиссии и ее заключения о необходимости органического слияния населения степей с прочими частями Российской империи и о приближении административного устройства края к формам управления, существующим в России, были высочайше одобрены в журнале Особого совещания об устройстве среднеазиатских владений: «... внутреннее управление туземным населением Туркестанского края по всем делам, не имеющим

²⁷⁶ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 3 об.

²⁷⁷ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 5 об.

политического характера, предоставить выборным из среды самого народа, применяясь к его обычаям и нравам».

Это указание было принято к руководству, и все последующие принятые законы об устройстве инородцев имели цель постепенного введения общего административного устройства.

Административное, судебное, поземельное и податное переустройство по степным областям Туркестанского края и Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей происходило согласно следующим законодательным актам:

1) именному указу, данному Сенату «Об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства в составе двух областей Семиреченской и Сыр-Дарьинской» от 11 июля 1867 г.²⁷⁸;

2) именному указу, данному Сенату «О преобразовании управления киргизскими степями Оренбургского и Сибирского ведомств и Уральскими и Сибирскими казачьими войсками» от 21 октября 1868 г. об управлении областями Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской²⁷⁹;

3) высочайше утвержденному Положению об управлении Туркестанским краем и Правилам о введении поземельно-податного устройства в Туркестанском крае от 12 июня 1886 г.²⁸⁰;

4) высочайше утвержденному Положению об управлении областями Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанским краем от 25 марта 1891 г.²⁸¹

Стремясь к постепенному введению в пределах инородческих кочевий общего строя управления, насколько это допускали местные условия, особенности и обычаи, и пользуясь положениями закона от 19 февраля 1861 г., вышеперечисленные законы выполняли такие важные задачи, как, во-первых, установление выборного начала как основы организации низшей общественно-народной власти, во-вторых, разделение администрации и суда, насколько это было возможно по местным обычаям.

---

²⁷⁸ ПСЗ-2. Ст. 44831. Т. XLII. Отд. 1. СПб., 1871. С. 1150–1151.

²⁷⁹ ПСЗ-2. Ст. 46380. Т. XLIII. Отд. 2. СПб., 1873. С. 364–365.

²⁸⁰ ПСЗ-3. Ст. 3814. Т. 6. СПб., 1888. С. 318.

²⁸¹ ПСЗ-3. Ст. 7574. Т. 11. СПб., 1894. С. 133–147.

А.Н. Куломзин, приняв во внимание то, что Временные правила об управлении Сыр-Дарьинской и Семиреченской областями от 11 июля 1867 г. были экстренно введены на юго-востоке киргизских степей ввиду расширения среднеазиатских владений и что Временное положение об управлении областями Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской от 21 октября 1868 г., объединившее всех киргизов от Урала до Зайсана и Иссык-Куля, совершилось вполне удачно и безо всяких потрясений, решил применить эти же правила для инородцев Забайкальской области, связанных с киргизами объединяющим влиянием степи и степного быта и в то же время по образу жизни и степени хозяйственно-экономического развития стоящих гораздо ближе к оседлому сельскому населению²⁸².

Проект административной и судебной реформы кочевых инородцев Забайкальской области, предложенный А.Н. Куломзиным, преследовал цель заменить родовые органы самоуправления территориальными волостными правлениями, упразднить должности тайшей, заседателей, голов и выборных, установить территориальный принцип судов и отделить судебную власть от административной. Все предполагаемые изменения по проекту были направлены на то, чтобы ввести у кочевых инородцев Забайкальской области устройство по подобию устройства крестьянского населения России, но в то же время с учетом особенностей народа, степени его развития, политических и экономических условий, в которые поставлено инородческое население.

8 сентября 1899 г. Н.И. Гродеков пишет А.Н. Куломзину письмо, в котором, в целом принимая проект закона, выражает беспокойство по поводу того, как примут буряты реформу, в особенности каково будет настроение «бурятских вожаков», справедливо полагая, что именно от их позиции зависит общее состояние бурятского населения. По его мнению, едва ли настроение бурятской верхушки может быть благоприятным, т.к. даже недогадливый человек, не говоря о развитых умственно и образованных бурятах, поймет, «к чему клонится дело и как радикально изменится общественное и имущественное положение родовичей, играющих роль «улусных князьцев», а впоследствии вынужденных подчиниться, а подчас просить, кланяться простым, вовсе не родовым людям,

²⁸² ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 8 об.

избираемым в волостные управители, сельские старшины и народные судьи»²⁸³. Он предлагает военному губернатору Забайкальской области провести секретные исследования настроений выдающихся инородческих родовичей, обратив внимание и на религиозную сторону, потому что даже философски спокойный и безразличный буддизм при благоприятных обстоятельствах и в искусных руках может породить фанатиков на почве религиозно-национальных идей и мечтаний²⁸⁴.

Н.И. Гродеков, подробно изучив проект закона об общественном управлении и суде кочевых народов Забайкальской области, высказал свои замечания по ряду его статей. Так, в 6-й статье проекта А.Н. Куломзина он предложил заменить названия: «волостной управитель» на более привычное «волостной начальник», «сельский старшина» – на «сельский староста»; в 10-й статье ограничиться без упоминания слова «инородческого» в отношении судов. Самой значительной правкой в проект закона стало замечание о том, что все должности, включая и должности судей, должны быть «платными», т.е. всем должностным лицам необходимо назначить жалование из общественных сборов для привлечения в состав туземной администрации лиц из числа тех, кто отличается средней достаточностью и привычкой работать за вознаграждение.

25, 31 августа и 3 сентября 1899 г. состоялись заседания Комиссии, образованной военным губернатором Забайкальской области Е.О. Мациевским, для обсуждения проекта «Положения об административном и судебном устройстве кочевых народов Забайкальской области», на которых обсуждались статьи проекта и вносились замечания. Предлагалось также заменить названия «волостной управитель» на «волостного старшину», «сельский старшина» на «сельского старосту», «волостной съезд» на «волостной сход», «сельский съезд» на «сельский сход». Важным замечанием явилось предложение дополнить четвертую статью, где говорилось о порядке перечисления инородцев из одного общества в другое, примечанием об обязательном сообщении данного факта в Забайкальскую казенную палату.

В шестую статью предлагалось включить пункт об избрании помощников волостных старшин, в десятую – к требо-

---

²⁸³ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 45.

²⁸⁴ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 49.

ваниям для избрания должностных лиц добавить «знающих русскую грамоту и русский язык». Областная комиссия также поддержала предложение Н.И. Гродекова об обязательном назначении денежного содержания выборным должностным лицам.

Двадцатая статья дополнялась примечанием о том, что книги и отчетность должны вестись на русском языке. Двадцать девятую статью, в которой говорилось о том, что «для письменных приговоров съездов никакой особой формы не требуется», предлагалось исключить и использовать обязательные формы для оформления приговоров.

16 и 19 июня 1900 г. состоялись заседания высочайше утвержденного совещания о поземельном устройстве населения Забайкальской области под председательством А.Н. Куломзина, которое после обсуждения истории вопроса и всех замечаний, дополнений, высказанных приамурским генерал-губернатором и Комиссией, образованной военным губернатором Забайкальской области Е.О. Мациевским, для обсуждения проекта «Положения об административном и судебном устройстве кочевых народов Забайкальской области», пришло к заключению:

1) представить проект с изменениями на рассмотрение и утверждение Николаю II;

2) ввести Положение об административном и судебном устройстве кочевых народов Забайкальской области одновременно с введением в Забайкальской области Положения о крестьянских начальниках;

3) с упразднением инородческих органов местного самоуправления текущие административные дела всех учреждений и должностных лиц инородческого управления распределить между вновь образуемыми инородческими волостями и сельскими обществами²⁸⁵.

21 августа 1900 г. состоялся журнал Комиссии, образованной военным губернатором Забайкальской области, для обсуждения выработки высочайше утвержденного Совещания о поземельном устройстве населения Забайкальской области под председательством А.Н. Куломзина. Председателем комиссии являлся вице-губернатор Забайкальской области, коллежский советник Я.Д. Бологовский. После обсуждения проекта было решено предложить первую статью изложить

²⁸⁵ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л.113–140.

в следующей редакции: «Кочевые инородцы Забайкальской области для управления оными разделяются на волости, из которых каждая состоит из одного или нескольких сельских обществ». В девятой статье предлагалось определить количество участвующих в волостном сходе выборных не от 50 дворов, как в проекте, а от 25 дворов. В четырнадцатой статье было предложено добавить, что в случае несостоявшихся выборов крестьянский начальник может без выборов назначить лицо по своему усмотрению²⁸⁶.

По вопросу об устройстве инородческого суда было решено, что наиболее приемлемым является проект Э.Э. Ухтомского о двух инородческих судах: 1) волостной инородческий; 2) участковый съезд инородческих судей. Окружному органу крестьянского управления отводилась роль кассационной коронной инстанции.

Предстоящая волостная реформа в Забайкальской области пугала бурят коренным изменением традиционного уклада жизни. Так, 15 ноября 1900 г., еще до публикации положения о новом административном устройстве кочевых инородцев Забайкальской области, агинские буряты приняли общественный приговор, в котором писали, что «предполагаемое преобразование не может стремиться к потрясению устоев, на которые опирается быт инородцев». Они отмечали: «Три четверти века, протекшие со времени издания «Положения об инородцах» не прошли, конечно, даром и произвели значительные изменения в нашем быте, за которым, естественно, последовали некоторые изменения во внутреннем управлении»²⁸⁷, однако в экономическом отношении жизнь изменилась мало.

Исходя из этого агинские буряты предложили свой вариант нового административного устройства: 1) земли разделить между восемью родами на восемь территориальных единиц; 2) родовую территорию распределить между аймачными общинами или булуками; 3) руководство аймаком или булуком поручить зайсангу, волостью – аймачному зайсангу; 4) булучные или аймачные зайсанги, родовые шуленги, помощники тех и других, состоящие при волостных (родовых) управлениях, письмоводители должны избираться булучными и родовыми сугланами; 5) руководство восемью рода-

---

²⁸⁶ ГАИО. Ф.29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л.178–184.

²⁸⁷ ГАИО. Ф. 29. Д-во 3. Оп. 1. Д. 288. Л. 186–190.

ми следует возложить на тайшу, которому присваиваются звание и права крестьянского начальника; тайша избирается съездом родовых управителей; 6) если сохранение Степных дум невозможно, учредить при тайше особый совет из восьми лиц, избираемых родовыми сугланами. На содержание совета рассчитывать ежегодно сумму, подлежащую сбору от народа. Предложения о количестве и раскладке этой суммы должны предоставляться тайшой на утверждение губернатору; 7) должностным лицам следует присваивать печати и особые знаки в виде шариков на шапках, соответственно обычаям. Тайша, кроме рубинового шарика на шапке, должен носить форму, присвоенную крестьянским начальникам; 8) для рассмотрения по обычаям дел по преступлениям и проступкам, кроме предусмотренных в законе, а равно гражданских между собой дел следует сохранить народные суды, состоящие из выборных судей²⁸⁸.

Предложенный проект административного устройства практически ничем не отличался от действовавшей системы местного самоуправления, поэтому сразу же был отклонен.

Таким образом, в течение 1899–1900 гг. шла активная переписка А.Н. Куломзина с приамурским генерал-губернатором Н.И. Гродековым и военным губернатором Забайкальской области Е.О. Мациевским по проекту «Положения об административном и судебном устройстве кочевых народов Забайкальской области»; было проведено несколько совещаний по его обсуждению. Однако все предложенные замечания и дополнения не внесли существенных изменений в проект «Положения об административном и судебном устройстве кочевых народов Забайкальской области», кроме пунктов об обязательном вознаграждении должностным лицам управления и суда. 23 апреля 1901 г. «Временное положение об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» было опубликовано, и началась реализация волостной реформы у забайкальских бурят и тунгусов.

²⁸⁸ ГАИО. Ф. 29. Д-во 3. Оп. 1. Д. 288. Л. 190.

С.Ч. Мантурова,
доктор исторических наук,
доцент ВСГУТУ

Благотворительность в области народного образования в Забайкалье во второй половине XIX – начале XX вв.

В начале второй половины XIX в. вопрос о реорганизации социального признания в России приобрел исключительную остроту. Предшествовавший опыт централизованного государственного призрения показал свою ограниченность. Назрела необходимость дополнить работу официальных государственных органов созданием различного рода благотворительных обществ, повышением роли земских и городских органов самоуправления, расширением участия церкви и других религиозных конфессий.

Безусловно, либеральные реформы 60–70-х гг. XIX в. создали более благоприятные условия для благотворительной деятельности обществ, частных лиц, расширили формы и методы социальной помощи населению, активизировали участие различных слоев российского общества в благотворении.

Пожалуй, наиболее плодотворно итоги совместной деятельности сказались в области народного образования. Уже в 80-х гг. в городских, уездных и других начальных училищах обучалось 830 тыс. человек, а в 1914 г. в России насчитывалось 106 тыс. общеобразовательных школ всех видов, в которых обучалось 9 656 тыс. учащихся, в том числе 90 % обучались в начальной школе. Примечателен тот факт, что более 40 тыс. школ принадлежали общественной образовательной системе, содержащейся за счет городских, земских органов самоуправления, благотворительных обществ, частных пожертвований²⁸⁹. Эти данные позволяют представить достаточно полно реальный вклад общественности России в дело народного образования.

Во второй половине XIX в. и особенно в начале XX в. произошли серьезные изменения в экономической жизни Забайкалья. Развитие промышленности, сельского хозяйства, рост го-

²⁸⁹ Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России. Учеб. пособие. М., 2002. С. 116.

родов, рабочих поселков, завершение строительства железной дороги вызвали большое оживление общественной, политической и культурной жизни области. Значительные изменения, характеризующиеся повсеместным ростом количества школ и училищ, формированием преподавательского состава, увеличением количества учащихся, произошли и в народном образовании края. Согласно имеющимся данным в Забайкальской области к концу XIX столетия учебных благотворительных и образовательных заведений было:

1) в ведении Министерства народного просвещения:

а) Читинская мужская гимназия, учрежденная в 1884 г. (при гимназии имелся пансион на 40 мальчиков, были учреждены 24 стипендии, из которых 16 – кадетских, 4 – казачьих, 3 – агинских бурят и 1 – для сирот гражданского ведомства);

б) Троицкосавское Алексеевское реальное училище, основанное в 1876 г.;

в) Троицкосавская женская гимназия имени графа Н.Н. Муравьева-Амурского, образованная в 1886 г. из прогимназии, которая, в свою очередь, была преобразована из женского училища в 1866 г.;

г) Верхнеудинская четырехклассная женская прогимназия, образованная в 1860 г.;

д) Нерчинская Софийская трехклассная женская прогимназия, образованная из женского училища, основанного в 1866 г.;

е) четыре городских училища: Троицкосавское четырехклассное, образованное из уездного училища, основанного в 1805 г.; Читинское трехклассное, образованное в 1883 г.; Селенгинское двухклассное, открытое в 1888 г. на базе русско-монгольской школы; Баргузинское двухклассное, начавшее свою деятельность в 1888 г.;

ж) два уездных училища: Верхнеудинское, основанное в 1806 г., и Нерчинское, основанное в 1828 г.;

з) пять начальных училищ;

и) приходских одноклассных училищ: 12 городских, 45 казачьих, 21 крестьянское, 5 тунгусских, 6 бурятских;

к) четыре частных сельских и три частных училища;

л) десять поселковых школ грамотности и сиропитательная ремесленная школа имени Немчинова в г. Троицкосавске.

2) в ведении православного духовенства:

а) Нерчинское духовное училище, образованное в 1818 г., имевшее пансион на 40 полноценных и 14 полуказенных учеников и 26 полупансионеров с платой с духовных лиц по 60 руб., а со светских по 108 руб. в год. Училище содержалось за счет синодального и епархиального духовенства и частных пожертвований;

б) Читинское миссионерское училище; 36 церковно-приходских школ, 45 школ грамотности, а также школа при женской общине и тюремном приюте, в которых обучалось 1192 мальчика и 258 девочек;

3) в ведении военного ведомства:

а) Читинская военно-фельдшерская школа, с четырехлетним курсом обучения на 15 мальчиков, готовившая фельдшеров для Забайкальского казачьего войска;

б) повивальная школа для подготовки повивальных бабок²⁹⁰.

Общее количество обучавшихся по всем указанным ведомствам составляло 6577 человек, в том числе 5458 мальчиков и 1119 девочек. Учебных заведений имелось 209, при этом одно из них приходилось на 2706 жителей обоого пола (один ученик на 86 жителей обоого пола, 1 ученик мужского пола на 54 мужчин, 1 девочка на 239 женщин).

Заслуживает внимания тот факт, что соотношением количества учебных заведений и жителей Забайкальская область превосходила Якутскую область, где одно учебное заведение приходилось на 4894 жителей; Томскую губернию (одно учебное заведение на 3114 жителей); Енисейскую (соответственно одно учебное заведение на 2902 жителей), но уступало Амурской области (одно учебное заведение на 2970 жителей) и Иркутской губернии (одно учебное заведение на 1400 человек). Процент учащихся ко всему населению в Забайкалье составлял 1,2, уступая Иркутской губернии (2 %), Амурской области (2,2 %), но превосходя Енисейскую область (1,1 %), Томскую губернию (1,1 %) и Якутскую область (0,3 %)²⁹¹.

Вместе с тем интенсивный рост количества школ и училищ в крае продолжался. До 1917 г. были открыты женские гимназии в Чите и Верхнеудинске, Читинское и Верхнеудинское ремесленные училища, Нерчинская сельскохозяйственная шко-

²⁹⁰ Забайкалье. Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области. Иркутск. 1891. С. 116–120.

²⁹¹ Константинова Т.А. Народное образование в XVIII – начале XX века.// Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. История. Чита, 2000. Т. 1. С. 182.

ла, Читинская учительская семинария, коммерческое и землемерное училища, художественно-промышленная школа; расширилось количество церковно-приходских, начальных, частных училищ и т. д. Общий подсчет позволяет говорить о том, что в Забайкальской области к 1917 г. работало уже 459 школ и училищ всех уровней и положений, в которых обучалось 29 тыс. 756 детей, из них 19 тыс. 736 мальчиков, 10 тыс. 20 девочек. В 78 училищах обучались бурятские мальчики²⁹².

Безусловно, заметные успехи в деле народного образования в Забайкалье были плодами совместных усилий местных властей и забайкальского общества, которое всегда с пониманием воспринимало многочисленные проблемы образования и было заинтересовано в повышении образовательного уровня населения, подготовке специалистов в крае.

Как известно, в Забайкальской области, как и в целом в Восточной Сибири, не было высших учебных заведений, а специалистов с высшим образованием было крайне недостаточно. Приглашение их из европейской части России местной казне обходилось чрезвычайно дорого. Недосток лиц с высшим образованием в Сибири вызвал необходимость образования различных благотворительных обществ. К ним относится Общество вспомоществования учащимся в вузах Санкт-Петербурга и Москвы, целью которого являлось стремление облегчить доступ и обучение сибиряков в вузах двух столичных центров. Активными инициаторами и организаторами Общества стали А.Ф. и Н.М. Ядринцевы, П.П. Бирк и др. В 1882 г. ходатайство о создании Общества, подписанное 30 учредителями, было одобрено министром внутренних дел Н.П. Игнатьевым, но начало свою деятельность Общество только в марте 1884 г. Первым его председателем стал Б. Милютин²⁹³. В Восточной Сибири к созданию Общества отнеслись положительно, о чем свидетельствуют следующие данные: в 1885 г. членами Общества стали в Иркутске – 101 чел., в Красноярске – 14 чел., в Забайкалье – 16; всего же за период с 1885 по 1891 гг. в его рядах было 733 чел.²⁹⁴ В том же 1884 г. в основном по инициативе иркутской интеллигенции было создано Общество для пособия нуждающимся

²⁹² Восточное обозрение. 1884. 3 мая.

²⁹³ Отчет общества вспомоществования учащимся в вузах Санкт-Петербурга и Москвы сибирякам. 1893–1894. СПб., 1895. С. 17.

²⁹⁴ Севостьянова Е.В. Общественная инициатива и культурная жизнь Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1998. С. 85.

сибирякам и сибирячкам, учащимся в вузах Москвы²⁹⁵. Вместе с тем не совсем понятны причины того, почему активность жителей Восточной Сибири постепенно снижалась. Так, в 1893 г. в Обществе вспомоществования учащимся в вузах Санкт-Петербурга и Москвы числилось только 58 чел., а в Обществе для пособия нуждающимся сибирякам и сибирячкам, учащимся в Москве, из 254 членов осталось всего 49 чел.²⁹⁶

Можно предположить, что причины были в довольно высоких взносах (6 руб. в год) либо в отсутствии ощутимых результатов деятельности²⁹⁷.

Существенной помощью и поддержкой неимущим студентам, как и теперь, были казенные и частные стипендии, премии. В центральных вузах назначались именные стипендии: Александра II, С.Ю. Витте, В.П. Боткина, С.М. Соловьева, С.М. Третьякова и др. Средний размер таких стипендий составлял 250–300 руб. Они могли быть регулярными и единовременными. В Московском университете кроме 600 различных стипендий выдавались премии за успешные работы, сочинения, пособия²⁹⁸.

Практиковались случаи, когда именные стипендии учреждались благотворителями в честь памятных событий. Так, в память о заключении 16 мая 1858 г. с китайским правительством Айгуньского трактата о реке Амур, произошедшего во время правления Восточной Сибирью генерал-лейтенанта графа Н.Н. Муравьева-Амурского, за счет торгующего на Кяхте купечества в течение 15 лет было решено содержать и обучать на китайско-маньчжурском отделении Восточного факультета Санкт-Петербургского университета двух стипендиатов, которые должны были избираться из наиболее способных учащихся Иркутской гимназии без различий вероисповедания и происхождения. Эти стипендии стали носить имя графа Н.Н. Муравьева-Амурского²⁹⁹.

Алексей Кормазов, выходец из Кяхты, воспитанник Иркутской гимназии, был одним из стипендиатов кяхтинского

²⁹⁵ Севостьянова Е.В. Общественная инициатива и культурная жизнь Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1998. С. 85.

²⁹⁶ Указ. соч. С. 96.

²⁹⁷ Восточное обозрение. 1884. 3 мая.

²⁹⁸ Сборник сведений о стипендиях, пособиях и премиях, находящихся при Московском университете. М., 1910. С. 51, 89, 123.

²⁹⁹ НАРБ. Ф. 92. Оп. 3. Д. 120. Л. 23.

купечества. Он получал именную стипендию Н.Н. Муравьева-Амурского, являясь студентом Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Старшина торгующего на Кяхте купечества сообщает, что 20 сентября 1861 г. Кормазову выданы кормовые и прогонные деньги в сумме 321 руб. 71 $\frac{3}{4}$ коп. серебром для поездки из Кяхты до Санкт-Петербурга, а также направлены деньги за обучение: за первое полугодие – 265 руб. 50 коп., за второе полугодие – 262 руб. 50 коп.³⁰⁰

20 мая 1907 г. состоялся общий сход мещанского общества г. Читы, на котором было заслушано письмо Бархина, стипендиата общества, студента Санкт-Петербургского высшего художественного училища, содержавшее благодарность землякам за ежемесячную стипендию в размере 20 руб. и просьбу о продолжении выдачи стипендии в течение еще одного года (т.е. до окончания курса обучения), которую Мещанское общество удовлетворило³⁰¹.

Как высшие учебные заведения, так и гимназии, в которых учащиеся получали среднее образование, считались элитарными, привилегированными учреждениями. Открытие каждой гимназии в крае являлось знаменательным событием, итогом кропотливой деятельности местных властей, попечителей и благотворителей. «Общество вспомоществования учащимся в читинских гимназиях и прочих учебных заведениях области» образовалось в 90-е гг. XIX в., вслед за образованием в 1884 г. Читинской мужской гимназии. Оно оплачивало в целом или частично учебу учеников из недостаточных семей, обеспечивало их учебной литературой, одеждой, оказывало единовременную материальную помощь³⁰². Подобные общества оказывали благотворительную поддержку учащимся из бедных семей, которые принимались в гимназии в небольшом количестве. В основном в гимназии обучались дети состоятельных родителей. Так, в 1884 г. из 63 мальчиков Читинской гимназии обучалось из дворянско-чиновничьего сословия – 21, духовного – 1, городского – 27, сельского – 14 (в том числе казачьего – 2)³⁰³. Детей же бедных сословий обучались единицы, обычно они содержались за счет обществ, которые их направляли, или частных лиц.

³⁰⁰ НАРБ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 418. Л. 6, 9, 11.

³⁰¹ Забайкальская новь. 1907. № 15. 22 мая.

³⁰² Паликова Т.В. Культура городов Прибайкалья (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Улан-Удэ, 1999. Ч. 1. С. 96.

³⁰³ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 29. Л. 3.

Во второй половине XIX в. возросло количество начальных школ в Восточной Сибири: к 1888 г. их было 315, из них 73 – в Забайкальской области, где обучалось 2533 учащихся; в 34 училищах совместно обучались 967 мальчиков и всего 173 девочки. Наибольшее количество начальных училищ находилось в Нерчинском округе – 21, в Нерчинско-Заводском – 14, Троицкосавском – 17, в Читинском и Верхнеудинском – по 11³⁰⁴. Согласно Положению о них, утвержденному 14 июля 1864 г., приходские училища предназначались для детей низших сословий, уездные – для детей купцов и ремесленников.

Дальнейшему развитию начального образования в России способствовал закон о всеобщем начальном образовании, принятый Государственной думой в 1908 г. На заседании Читинской городской думы в августе 1908 г. отмечалось, что городское население города насчитывало 60 тыс. человек, в том числе детей школьного возраста 4200 чел. В городе действовало 12 городских начальных училищ, 24 школы духовного и железнодорожного ведомства, в которых обучалось 1814 чел. Для того чтобы все дети школьного возраста получали образование, было необходимо открыть еще 48 школ³⁰⁵. Начавшейся реформе начальной школы, как известно, помешала Первая мировая война и назревающая в те годы революционная обстановка в стране.

Основной проблемой работы начальной школы было недостаточное финансирование. Немаловажное значение в ее содержании и развитии играла общественная и частная благотворительность. В Забайкальской области большое распространение получило участие ее жителей в Обществе попечения о начальном образовании, деятельность которого наиболее ярко можно показать на примере г. Нерчинска.

Учреждению Общества предшествовало принятие устава, утвержденного МВД 30 мая 1890 г., а 25 ноября того же года под председательством городского головы состоялось первое собрание членов общества в составе 97 человек. Из 33 баллотированных был избран состав совета – председатель, товарищ председателя, 5 членов и 5 кандидатов.

Капитал Общества к его открытию уже составлял 2038 руб. Мещанское население горячо откликнулось на создание Обще-

³⁰⁴ Константинова Г.А. Народное образование в XVIII – начале XX века // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. История. Чита, 2000. Т. 1. С. 177.

³⁰⁵ Обзор деятельности за четырехлетие 1906–1909 гг. Читинского городского управления. Чита, 1910. С. 43.

ства и уведомило через своего старосту А.А. Клепикова, что оно готово пожертвовать 1000 руб. (Надо заметить, что мещанское общество не было особо богатым, чтобы выделять такие большие суммы, но не поскупились на дело развития начальной школы.)

Первый год деятельности Общества совпал с визитом в г. Нерчинск цесаревича Николая, во встрече которого его члены принимали самое активное участие. Впоследствии цесаревич через барона А.Н. Корфа, генерал-губернатора Приамурского края, высоко оценил общественную жизнь города и передал в знак особого благоволения к Обществу попечения о начальном образовании 300 руб. на его нужды.

Ободренное высокой милостью наследника, Общество с большим воодушевлением продолжало свою деятельность. В 1891 г. советом было разослано 245 писем с приглашением вступить в общество. При этом предложения рассылались не только по Забайкалью, Амуру, но и в другие губернии России, а также соотечественникам, проживавшим за рубежом – в Китае. В результате кроме вступивших в Общество 97 жителей Нерчинска к ним присоединились 287 иногородних, и общее количество составило 384 человек, в том числе почетных членов – 14, членов-ревнителей – 111, действительных – 256. Ими был внесен капитал в размере 1750 руб. Кроме того, разными лицами в пользу Общества было пожертвовано 92 руб., на одежду и обувь беднейшим ученикам собрано 326 руб. 45 коп. Городская управа передала в распоряжение Общества на стипендии две вкладные книжки Нерчинского ссудно-сберегательного товарищества.

Таким образом, Общество попечения о начальном образовании г. Нерчинска на 1 февраля 1892 г. располагало капиталом в 4000 руб. 8 коп., а с получением 3000 руб. эта сумма составила 7000 руб. 8 коп.

На собрании, заслушав финансовый отчет совета, было решено на имеющиеся средства открыть одно училище с ремесленными классами, при этом предусматривалось: жалование учителю – 400 руб., за наем квартиры – 200 руб., законоучителю – 100 руб., на канцелярию и другие расходы – 50 руб. Всего на содержание училища предусматривалось 750 руб. в год³⁰⁶.

Регулярно публикуемые отчеты о деятельности Общества способствовали тому, что все его члены, общественность горо-

³⁰⁶ Отчет за 1891 г. Общества попечения о начальном образовании г. Нерчинска. Год первый. Нерчинск, 1892. С. 1–18.

да, жители знали о том, чем занимается совет, какие проблемы стоят перед Обществом, кто и какие средства жертвовал на развитие школ города.

Отчеты Общества за 1894, 1902, 1903 гг. свидетельствуют о том, что его деятельность становится более разнообразной и эффективной. Так, в 1894 г. в приходском училище, опекаемом Обществом, обучалось 43 ученика, его содержание составляло 839 руб. 6 коп. в год. В этом же году было принято важное решение – о строительстве нового здания училища, сметная стоимость которого равнялась 2000 руб. Почетный блюститель училища – Е.М. Переломов пожертвовал для этой цели 1000 руб., Общество выделяло 500 руб., остальное – городские власти.

По инициативе Общества в 1894 г. при училище была открыта переплетная мастерская, в которой 21 ученик овладевал навыками переплетного дела.

Кроме содержания данного приходского училища Общество оказывало помощь и другим учебным заведениям города, беднейшим ученикам и ученицам. В том же году была оказана помощь 61 мальчику и девочке на сумму 227 руб. 73 коп., приобретено: 24 халата, 20 рубашек, 20 брюк, 21 шапка, 21 пара сапог, 45 пар валенок, 5 пар рукавиц, 3 кушака, 9 платьев, 2 шубы. Также оказывалась помощь 9 ученикам прогимназии, 52 ученикам уездного училища, 4 – приходских школ города и школ грамотности. В целом материальная поддержка была оказана 15 % всех учащихся Нерчинска.

Нерчинский мещанин М.М. Телятьев после смерти оставил капитал в деньгах, процентных бумагах, золоте и серебре, всего от 2,5 до 3,5 тыс. руб. Проценты с этого капитала он завещал расходовать на покупку одежды и обуви беднейшим ученикам нерчинских училищ³⁰⁷.

По данным 1902–1903 гг. капиталы Общества составляли, соответственно, 2570 руб. 90 коп. и 2611 руб. 51 коп., а с учетом капиталов стипендий и имущества движимого и недвижимого: на 01.01.1902 г. – 29 278 руб. 30 коп., на 01.01.1903 г. – 31 336 руб. 87 коп.³⁰⁸

Благотворительные общества, оказывающие социальную поддержку учебным заведениям, действовали и в других городах Забайкалья. Так, по данным 1910 г. Общества вспомощество-

³⁰⁷ Отчет за 1894 г. Общества попечения о начальном образовании г. Нерчинска. Чита, 1885. С. 1–12.

³⁰⁸ Отчет Общества попечения о начальном образовании в Нерчинске за 1902 и 1903 гг. Чита, 1904. С. 8–11.

вания нуждающимся учащимся были созданы и успешно работали в Чите, Верхнеудинске, Троицкосавске и Баргузине³⁰⁹.

В школах Забайкалья в рассматриваемый период катастрофически не хватало учителей. В официальном письме от 21 июня 1866 г. председательствующего в Главном управлении Восточной Сибири забайкальскому генерал-губернатору отмечалось, что «дело обучения в приходских школах идет неуспешно главным образом из-за недостатка учителей, достаточно подготовленных к педагогическому служению. Зачастую на учительские места допускаются лица не только не подготовленные, но и совершенно невежественные, а иногда с испорченной нравственностью ... – чиновник, уволенный со службы, семинарист, исключенный за дурное поведение»³¹⁰.

Главное управление Восточной Сибири выходит с предложением об учреждении совместными усилиями в г. Иркутске учительской семинарии для подготовки учительских кадров для приходских училищ. Для изыскания средств предлагалось городским, сельским и инородческим обществам вносить по 50–100 руб. в год для развития семинарии, а также отправлять собственных стипендиатов для обучения³¹¹.

Разумеется, одной семинарии для подготовки учителей в столь обширном крае было недостаточно. В 1900 г. открылась учительская семинария в Забайкалье – г. Чите, а в 1917 г. правительство разрешило открыть такие же учебные заведения в Верхнеудинске и Сретенске. Учителей стали готовить дополнительные классы в женских гимназиях и епархиальном женском училище; учителей начальных училищ обучали при городских училищах: по положению от 31 мая 1872 г. при них организовали годичные педагогические курсы³¹².

К концу XIX – началу XX вв. количество учителей в Восточной Сибири резко возросло и составляло 2565 чел. Увеличилась заработная плата. Так, по данным 1917 г. «старшие учителя двухклассных училищ получали жалование по 700 руб., а младшие – по 530 руб. в год. Ввиду дороговизны жизни каждый из них получал добавочные средства в 150 руб. в год»³¹³.

³⁰⁹ Обзор Забайкальской области за 1910 г. Чита, 1911. С. 142–143.

³¹⁰ НАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1643. Л. 3.

³¹¹ Там же. Л. 6.

³¹² Константинова Т.А. Народное образование в XVIII – начале XX веков // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. История. Чита, 2000. Т. 1. С. 181.

³¹³ Там же.

С целью укрепления правового, социального, материального положения учителей 14 августа 1907 г. образовалось Общество взаимопомощи учащим и учившим в Забайкалье, которое являлось частью Всероссийского учительского союза³¹⁴. В газете «Забайкальская новь» от 22 августа 1907 г. был опубликован устав общества, все параграфы которого были направлены на социальную поддержку учителей. Главными задачами общества в уставе были провозглашены: защита правовых интересов учителей, удовлетворение духовных потребностей, улучшение материального положения, организация доступной юридической, бесплатной медицинской помощи, государственное страхование. Общество предусматривало организацию кассы взаимопомощи для оказания срочной социальной помощи нуждающимся учителям.

Большую помощь в деятельности образовательных учреждений оказывали городские, мещанские, сельские инородческие общества. Так, например, кяхтинское купечество на организацию Троицкосавской женской гимназии пожертвовало деревянный дом стоимостью 14 250 руб., 10 тыс. руб., библиотеку, проценты с основного капитала; инородческое население агинской Степной думы на устройство в г. Чите гимназии направило 1 тыс. 366 руб. 90 коп.³¹⁵.

Особенно примечательна судьба читинского детского приюта, открытие которого происходило при личном участии генерал-губернатора Забайкалья М.С. Корсакова и с одобрения генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского, супруга которого стала первой попечительницей заведения. С 1857 г. начался сбор средств для приюта деньгами, вещами, скотом, в общем было получено 7 755 руб. 39 коп. 1 октября 1859 г. состоялось открытие заведения, в котором до 1915 г. прошли воспитание и обучение 404 девочки. 5 декабря 1911 г. по инициативе попечительского совета старое здание приюта было продано торговому дому братьев Шумиловых за 35 тыс. руб., а для нового здания городская дума выделила 600 квадратных саженей земли. Строительством занимался купец первой гильдии Д.В. Полутов, который на определенных условиях выделил 625 тыс. руб., а на возведение домово́й церкви при приюте пожертвовал 5 тыс. руб. Все его личные пожертвования составили четвертую часть сметной стоимости строительства

---

³¹⁴ Забайкальская новь. 1907. 21 авг.

³¹⁵ НАРБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 275. Л. 156; Ф. 129. Оп. 1. Д. 1460. Л. 13.

здания приюта – 25 тыс. руб.³¹⁶ Наконец приют получил трехэтажное здание с просторными и светлыми комнатами, водяным отоплением, водопроводом. В нем находилась домовая церковь, помещения, школа, мастерская, ремесленный класс, столовая, спальня, два больничных помещения, кухня, баня, прачечная и др. История создания читинского детского приюта – это одна из лучших страниц истории г. Нерчинска, добра и милосердия его жителей.

Общественная инициатива в области народного образования в Забайкальской области проявлялась в деятельности и других благотворительных организаций: Забайкальского областного попечительства детских приютов, Забайкальского отделения Комитета ее императорского высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, Забайкальского комитета по обеспечению нужд беженцев и др.

Указанные благотворительные учреждения являлись региональными отделениями крупных российских благотворительных обществ. Так, Забайкальское областное попечительство детских приютов входило в состав Ведомства учреждений императрицы Марии; Забайкальский комитет по обеспечению нужд беженцев – в Комитет ее императорского высочества Великой княгини Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий; Забайкальское отделение ее императорского высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванным на войну – в соответствующий российский комитет. Руководствуясь едиными положениями, каждый из них имел свой устав, утвержденный МВД, в которых имелись пункты о социальной защите детей.

Предметом особых попечительских забот Забайкальского комитета по обеспечению нужд беженцев являлось призрение детей-беженцев. Помимо всех общих забот, им предоставлялась возможность учиться. В Чите, например, специально для таких детей в 1915 г. было открыто три школы, в которых обучалось 150 чел.; кроме того, они имели возможность обучаться и в существующих учебных заведениях, обеспечивались одеждой, обувью, необходимыми школьными принадлежностями, книгами³¹⁷.

³¹⁶ Чита. Город во времени. Чита, 2001. С. 88–89.

³¹⁷ ГАЗК. Ф. 57. Оп. 1. Д. 6. Л. 90 об.

Забайкальское отделение Комитета ее императорского высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, на свои средства определяло детей-сирот в приют, оплачивало обучение «недостаточных» детей лиц, призванных на войну, в приходских училищах. Так, в Читинском детском приюте содержались 11 девочек – детей запасных воинских чинов; дополнительно по просьбе Елизаветинского комитета было принято еще 10 с условием оплаты за каждую 98 руб. 45 коп. в год. А всего в приюте призревалося 60 девочек³¹⁸.

Забайкалье в дореволюционной России было местом ссылки преступников, а Нерчинская каторга – ее центром. В административном отношении она состояла из трех районов: Зерентуйского, Алгачинского и Карийского, в которых располагалось 10 тюрем; наибольшее число их обитателей доходило до 4101 чел., а в среднем – до 2300. По данным 1891 г. в тюрьмах Нерчинской каторги находилось 2318 чел., среди них женатых мужчин – 503, замужних женщин – 52.

Кроме этого, добровольно пришедших за преступниками на начало 1891 г. было: мужчин – 8, женщин – 469, мальчиков – 486, девочек – 446, с учетом прибывших и убывших в течение года в конце оставалось мужчин – 16, женщин – 443, мальчиков – 477, девочек – 449. В течение года родились 22 мальчика и 30 девочек. Таким образом, на Нерчинской каторге обитало к концу 1891 г. 978 детей, положение которых было ужасно. Из отчета Забайкальского военного губернатора от 22 декабря 1892 г. в Главное тюремное управление следует, что лишь небольшая часть из добровольно пришедших на каторгу имели возможность проживать в собственных домах или землянках, остальные же квартировали за плату или ютились в казенных, не приспособленных к жилью зданиях. Никаких пособий из казны им не предусматривалось, лишь самым беднейшим семействам ежемесячно выдавалось по 2 пуда яричной муки³¹⁹. Карийский приют на 100 мест для детей ссыльнокаторжных, открытый в 1890 г. в Карийском районе Нерчинской каторги, решить все проблемы призрения детей, конечно, был не в состоянии. Большинство из них по-прежнему влачили жалкое существование в окружении родителей, зачастую людей преступных, развратных и жестоких.

³¹⁸ ГАЗК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 25. Л. 7–9.

³¹⁹ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 2593. Л. 3, 10, 14, 42, 43–45.

В этой связи совершенно своевременной была благотворительная помощь Общества попечения о семьях ссыльнокаторжных, которое в начале 1892 г. через приамурского генерал-губернатора передало 8 тыс. руб. на строительство нового детского приюта на 100 мест в Зерентуйском районе³²⁰. Уже к 1 января 1910 г. в нем воспитывалось: мальчиков – 31, девочек – 19. На содержание приюта ежегодно затрачивалось 6682 руб. 80 коп., в том числе 4 тыс. руб. поступало по тюремной смете из казны, а остальные – из средств Общества попечения о семьях ссыльнокаторжных³²¹.

Заслуживает внимания деятельность Забайкальского областного попечительства о детских приютах, в ведении которого находились читинский и троицкосавские детские приюты для девочек-сирот и девочек из бедных семей. Воспитанницы школьного возраста получали не только начальное образование, но и навыки ведения домоводства и женского рукоделия (шитья, вязания, вышивания). Причем последнее было поставлено настолько удовлетворительно, что старшие воспитанницы, например, читинского приюта принимали заказы от населения. Содержание приюта в 1896 г. обошлось в 5940 руб. Согласно ведомости за тот же год пожертвований от частных лиц поступило 2130 руб. 54 коп., в том числе: взамен праздничных визитов – 2010 руб. 54 коп., от почетного члена П.А. Бадмаева – 105 руб., от агинского бурята Дамдинова – 12 руб., от Н.Л. Куракина – 3 руб. В целом капитал читинского детского приюта на 01.01.1897 г. составлял с учетом наличных денег и процентных бумаг 31 758 руб. 74 коп. В среднем ежегодно в нем призревалось 40–42 девочки и 5 приходящих с платой по 10 руб. в год³²².

Кяхтинское городское попечительство детских приютов в 1852 г. открыло на средства города и общества детский приют, в котором ежегодно воспитывалось более 30 девочек, в основном сироты. Все они содержались за счет процентов с капиталов благотворителей и являлись стипендиатами: имени государя императора Николая II – 2; государыни императрицы Марии Федоровны – 1; принца Петра Георгиевича Ольденбургского – 1; девицы Сидневой – 3; Шишмакова М.В. – 1; Пфаффиуса Е.В. – 2; Старцева А.Д. – 2; Базанова И.И. – 2; Лушниковой К.Х. – 2; Хаминова И.И. – 5; Басова Е.А. – 1; Коковиной Г.А. – 14;

³²⁰ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 2645. Л. 22.

³²¹ Обзор Забайкальской области за 1910 г. Чита, 1911. С. 120.

³²² ГАЗК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 15. Л. 11–13, 43.

Переваловой Л.В. – 14; торгового дома «Коковин и Басов» – 1; Шишмаковой В.М. – 1; Шишмаковой В.Г. – 1; на общие средства приюта – 9. Всего – 36 чел.

Благотворителями являлись известные купцы, представители мещанского сословия. Их пожертвования составляли капитал стипендий воспитанниц приюта и исчислялись следующими суммами: стипендия государя императора Николая Александровича, образованная на средства, пожертвованные кяхтинским купечеством, – 2,5 тыс. руб.; девицы Сидневой – 3 тыс. руб., Шишмакова М.В. – 1,5 тыс. руб.; Пфаффиуса Е.В., Старцева А.Д., Базанова И.И., Басова Е.А., Коковиной Г.А., Переваловой Л.В., торгового дома «Коковин и Басов» – по 2 тыс.; Лушниковой К.Х. – 2150 руб. и Хамина М.А. – 6 тыс. руб.³²³ Кроме того, в пользу приюта поступали пожертвования вещами, продуктами, одеждой от Коковиной Г.А., Громова И.К., проतोерея Стукова, Кяхтинской таможни³²⁴ и др.

Три воспитанницы, окончившие курс обучения: Плотникова в 1903 г., Костовская в 1911 г., Франштут в 1913 г., продолжая жить в приюте, обучались в Троицкосавской женской гимназии. Из них Плотникова, закончив 8 класс гимназии, стала работать учительницей в сельской школе³²⁵.

Таким образом, в Забайкалье к концу рассматриваемого периода начала формироваться система социального призрения в области народного образования. Она включала в себя государственную поддержку, общественную и частную благотворительность. Результаты ее деятельности положительно сказались на развитии учебных заведений края, а также на формировании общественной инициативы забайкальского общества.

³²³ ГАЗК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 16. Л. 60, 155, 156.

³²⁴ Там же. Л. 180–181.

³²⁵ Там же. Л. 63.

А.А. Борисов,
доктор исторических наук,
з.н.с. ИГИиПМНС СО РАН

**Петиционное движение якутов и
развитие инородческого самоуправления
по историческим источникам второй
половины XVIII – середины XIX вв.³²⁶**

Как известно, вторая половина XVIII в. в истории управления Сибири считается одним из важных этапов становления инородческого самоуправления. В этом немалую роль сыграли реформы правительства Екатерины II, в первую очередь областная реформа 1770–1780-х гг., когда происходит окончательное формирование системы губернаторского управления в этом обширном регионе. Следствием преобразований в ясачной системе в результате деятельности Первой ясачной комиссии (1763–1766 гг.) стало оформление некоторых элементов двух-, трехступенчатой системы инородческого самоуправления. Немалую роль в этом процессе играет и работа Уложенной комиссии, начавшей работу в 1766 г. в Москве, где обсуждались и вопросы обустройства инородцев Сибири.

В первой четверти XIX в. инородческое самоуправление приобрело тот вид, который был зафиксирован в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. и который продержался вплоть до 1917 г. В Якутии развитие самоуправления происходило под воздействием и определенного движения со стороны якутов. В прежней историографии оно получило классовую оценку как отражение идеологии правящих кругов общества – *тойонов*. Современные методологические подходы позволяют по-новому оценить это далеко не однозначное историческое явление. Тем более что элита якутского общества, не будучи классом по определению, всё же представляла собой конгломерат региональных и клановых лидеров, связанных множеством вертикальных и горизонтальных политических, социальных и экономических отношений. Причем они имели

---

³²⁶ Публикация подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 12-11-14006 «Инородческое самоуправление на Северо-Востоке России в 1822 г. – начале XX в.: структура и функции в системе управления»).

преимущественно патронально-клиентский, на известных уровнях кровно-родственный характер, поднимаясь на региональном (улусном) уровне до корпоративно-земляческого характера. Всё это сказывалось на всех этапах истории, хотя издавна существовала известная этнокультурная общность, выраженная в едином самоназвании «саха» (калькированная первооснова нынешнего этнонима «якуты») – общности без диалектного языка, однородности хозяйства и быта. С другой стороны, обширность занимаемой якутскими улусами территории создавала трудности иного рода. Их приходилось решать далеко не узким кругом лиц, и решения эти касались не отдельных локальных групп, а распространялись на огромные пространства. Всё это формировала определенный нарратив широкого общественного движения, который, ввиду его историко-культурного своеобразия, мы предлагаем называть петиционным движением. Возникло оно не сразу и прошло длительный путь своего развития, который можно проследить на основе документальных свидетельств.

В российских архивах отложился обширный корпус источников, иллюстрирующих данный исторический процесс. Предлагаемое исследование имеет целью, с одной стороны, доказать вышеизложенный тезис, а с другой – провести внутренний анализ источников, позволяющий описать характер и направленность идеологии рассматриваемого процесса.

Вначале укажем на важнейшие известные источники. Собственно памятникам петиционного движения якутов предшествовали коллективные челобитные XVII в. о ясаке³²⁷. Челобитные якутских дворян и детей боярских о пожаловании их за заслуги, относящиеся к петровскому времени, продолжали традицию³²⁸. Для них были характерны просьбы смягчить условия уплаты ясака, жалобы на злоупотребления ясачных сборщиков и просьбы поощрить заслуги «лучших людей» (князцов).

³²⁷ Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. М., 1940. С. 88–89; Иванов В.Н. Социально-экономические отношения якутов. XVII век. Якутск, 1966. С. 352–354; Борисов А.А. Социальная история якутов в позднее средневековье и новое время. Новосибирск, 2011. С. 107–111.

³²⁸ Борисов А.А. «Во времена вечнославной памяти Петра Великого ... многие отличаемы были почестью дворянства»: государева служба глазами сибирских инородцев // Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура): Мат-лы Всерос. науч. конф. (Омск, 11–14 октября 2010 г.) / под ред. В.П. Виле, А.А. Кильдюшевой, Т.М. Назарцевой. Омск, 2010. С.82–86.

Корпус памятников петиционного движения отличает более глубокое содержание и расширение круга обсуждаемых в них вопросов. В некоторых из них содержится целая программа действий. Это прежде всего «наказы» якутов в Уложенную комиссию 1767 г. и примыкающее к ним «Пополнение к “наказам”» депутата С. Сыранова 1767 г. Далее возникает «План о якутах» А. Аржакова 1789 г. – проект широких политических и экономических преобразований. Идеи «Плана» развивают письма-прошения якутов, выдвинувших в 1799 и 1802 гг. своим ходатаем князца И. Шадрина, а также «Проект» П. Васильева 1803 г., поддержанный якутами нескольких улусов³²⁹.

Под влиянием событий, связанных с изданием «Устава» 1822 г., появляются «Записка-ходатайства» к депутации якутов 1830 г., коллективное письмо М.М. Сперанскому голов семи улусов об областном начальнике Н.И. Мягкове 1832 г., «Проект якутских улусных голов, наследных старост и поверенных 1837 г. к Своду Степных законов³³⁰», «Прошение министру государственных имуществ П.Д. Киселеву голов шести улусов» 1840 г. «Прошение министру государственных имуществ П.Д. Киселеву» 1845 г. и, наконец, «Записка Е. Готовцева» 1848 г. Тексты – оригиналы и копии перечисленных документов – хранятся в различных архивах Санкт-Петербурга. Предстоит скрупулезная длительная работа по разработке и введению их в научный оборот с учетом современных требований науки.

Попробуем сравнить содержание некоторых наиболее значительных из перечисленного корпуса памятников петиционного движения. Вначале остановимся на содержании одного из самых поздних из них, а именно на «Прошении министру государственных имуществ П.Д. Киселеву голов шести улусов» 1840 г.³³¹ Документ распадается на семь смысловых

³²⁹ Токарев С.А. Указ. соч. С.122–123; Мартынов М.Н. Якутия по наказам в комиссию 1767 года о сочинении нового уложения // Уч. зап. ИЯЛИ ЯФ АН СССР. Якутск, 1955. Вып. 3. С.55–72; Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии. В 2 т. Изд. 2-е. М., 2003. Т. II. С.31–44; Борисов А.А. Указ. соч. С. 112–121; Борисов А.А., Калашников А.А. «Призри с высоты трона своего...»: О мальжегарском старосте Илье Шадрине [Вступ. ст. к публикации документа] // Якутский архив. 2008. № 3. С.70–80.

³³⁰ Здесь и далее речь идет о сводном корпусе – «Своде» законов и норм обычного права сибирских кочевых инородцев, который был собран в период губернаторства М.М. Сперанского (1819–1822 гг.) среди бурятов, хакасов, якутов, эвенков Забайкалья.

³³¹ ПФА РАН. Ф. 161. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–6 об.

частей. Первая часть представляет собой некую преамбулу, где авторы прошения описывают предысторию взаимоотношений якутской элиты с правящей династией русских царей от Михаила Федоровича до Александра Благословенного. Прибегнув к аллегории сравнения русских государей с «образом Солнца благодетельного, начала жизни всей природы», а себя назвав «северными детьми природы», авторы объясняют свое стремление увидиться с царями естественными причинами стремления самой жизни к солнечным лучам. «Счастью являться к императорскому престолу» здесь рассматривается как средство, при помощи которого на протяжении двух столетий «народ якутский» стяжал право называться «верноподданным». Как отмечают современные исследователи, образы русского населения и русского «Белого царя» сыграли важную роль во взаимоотношениях пришлого и аборигенного населения³³².

Во второй части говорится, как в начале царствования Николая I благодаря ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири А.С. Лавинского якуты получили разрешение в 1830 г., отправив в Санкт-Петербург двух депутатов, просить утверждения «Степных законов», разработанных Иркутским комитетом в 1824 г.

Третья часть посвящена причинам, по которым не состоялась депутатская поездка 1830 г. Они, по мнению авторов прошения, были связаны со следственными делами над бывшим областным начальником Н.И. Мягковым, начатыми по доносам отставленного от службы чиновника Кривошапкина. В этой части авторы выражают свою симпатию Мягкову, который, по их мнению, «перестал считать нас презренными рабами мелких здешних чиновников» и хотел ввести полезные нововведения «как в частном быту, так и в благоустройстве инородческого управления».

Четвертая часть содержит провиденциалистские умонастроения. В частности, указывается, что после отставки Мягкова и Лавинского «начались для этого края тяжелые годы испытания божие как бы за то, что народ не умел оценить благодетельного им управления», а в качестве конкретных причин называются неурожай хлебов и трав, уменьшение промысла

---

³³² Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX века). Новосибирск, 2008; Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007.

зверей, понижение цен на них и дороговизна хлеба и привозных из России товаров, но отнюдь не вследствие ошибок начальства. Здесь же содержатся похвалы областному начальнику И.Д. Рудакову, который добился того, что Олекминский округ стал обеспечивать себя своим хлебом.

Пятая часть содержит просьбу к графу Киселеву способствовать возобновлению несостоявшейся депутации.

Далее перечисляются собственно «предметы» прошения якутов – всего девять. Из них три пункта содержат политические требования, пять пунктов – экономические, а последний, девятый, пункт представляет собой ссылку на то, что в случае получения разрешения на поездку депутации будет представлен особый свод других нужд якутов.

Вначале скажем несколько слов о политических пунктах. Первым же пунктом авторы прошения вновь ставят вопрос об утверждении Степных законов. Здесь они просят утвердить свой проект поправок – проект Якутской степной думы³³³ к составленному «Своду степных законов». Другими словами, они пытаются ускорить процесс принятия этого «Свода» в качестве официально утвержденного законодательства в отношении «кочевых» инородцев. Во втором пункте говорится о том, что нужно внести изменения в управление якутами, для чего ими был подготовлен особый проект, который учитывал нравы и обычаи якутов и их рассеянное местожительство. Кроме того, здесь содержится просьба наделить якутских родоначальников жалованьем «по примеру государственных крестьян». В общем, отчетливо усматривается стремление авторов прошения прямо встроить инородческие потестарные структуры в государственную систему управления. Четвертый пункт, предлагающий ввести для Якутской области отличное от остальной Иркутской губернии отнесение земских повинностей, в известной мере направлен в сторону обретения ею независимости от Иркутска.

Из экономических пунктов два непосредственно относятся к вопросам торговли. Это третий – о ценах на пушнину и способах стимулирования сибирской торговли и шестой – о вывозе товарного хлеба за границу. Показательно, как якуты проявляют интерес к заграничной торговле, например, для участия в вывозе хлеба в американские колонии. Такое раз-

³³³ Якутская Степная дума (1827–1838 гг.) была учреждена как результат реализации положений «Устава» 1822 г.

витие событий свидетельствует об известной степени проникновения рыночных отношений в Якутию и об успехах земледелия. В том же духе выдержаны статьи пятая – об условиях доставки казенных грузов в портовый город Охотск и седьмая – о государственном займе для якутов и об открытии Якутского банка.

Наконец, особого внимания заслуживает восьмая статья, где говорится о смете натуральных повинностей, которая предусматривала бы выделение дополнительных средств на осушение болот и выпуск озер с целью расширения сенокосных угодий. (Напомним, что еще А. Аржаков просил поощрять тех, кто занимался культивированием земли, расчищая ее под пашни и сенокосы³³⁴.) Всё это является свидетельством увеличивавшейся земельной тесноты в якутских улусах.

Завершается прошение просьбой ходатайствовать перед царем о разрешении отправки якутской депутации в столицу и способах финансирования этой поездки.

Вероятно, было бы не совсем корректно напрямую сопоставлять содержание такого раннего памятника, как «План о якутах» А. Аржакова 1789 г.³³⁵, и рассмотренный документ, который отстоит по времени от предыдущего более чем на полвека. Всё же было бы интересно проследить, что изменилось в приоритетах общественной мысли обеих эпох за время, прошедшее с начала петиционного движения якутов.

Итак, при первом же сопоставлении мы видим, что преамбула «Плана» и вступление «Прощения» композиционно схожи. И там и тут делаются экскурсы в прошлое с целью доказать обоснованность выдвигаемых требований. В обоих случаях упор делается на верную службу элиты якутского народа царской власти с самого вступления якутов в подданство русским царям. Описываются основные трудности положения якутского населения и причины, их породившие. Таким образом осуществляется переход к основной части текстов – перечню важнейших требований, направленных на улучшение ситуации. Здесь, наверное, можно усмотреть предметственность развития интеллектуальной мысли участников петиционного движения, что лишний раз доказывает его поступательный характер.

³³⁴ РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 9. Л. 215.

³³⁵ Там же. Л. 211–215 об.

Первые два пункта «Плана» содержат основополагающие требования якутов об учреждении должности областного головы и «совестного якутского суда», независимого от властей, которые не находят соответствующих параллелей в «Прошении», создававшемся в условиях ослабления общественного движения якутов в связи с упразднением Якутской степной думы в 1838 г.

С третьего по пятый пункты «Плана» были в свое время в определенной степени удовлетворены правительством. «Тяжка лодок по рекам» якутами была отменена; вопрос о содержании притрактных станций решен; в исправники и заседатели стали назначаться люди, не только сведущие в обычаях, но даже и в языке якутов, наконец, якутские дети получили возможность обучаться русской грамоте. Поэтому об этих проблемах в «Прошении» нет речи. Зато седьмой пункт «Плана» – о расчищенных под сенокосы местах – находит продолжение в восьмом пункте «Прошения», в котором предлагаются способы финансирования такого рода мероприятий.

При сопоставлении содержания текста «Ходатайств», разработанных Якутской степной думой в 1830 г.³³⁶, и «Прошения» видно следующее. Во главе угла думцы ставили вопрос об открытии уездного училища. Три пункта (2, 3, 8) содержат требования расширить права инородческих структур самоуправления: освободить их от опеки земского суда и передать Думе «третью степень словесного суда». С ними сопоставим второй пункт «Прошения», обтекаемо предлагающий привести инородческое управление в соответствие с «нравами и обычаями якутов». Правда, в нем же содержится новация – предложение сравнить положение якутов в этом вопросе с положением государственных крестьян. Отметим, кроме того, что вопрос об утверждении «степных законов» хотя и стоит на четвертой позиции, но формулировка его так же категорична, как и в «Записке» Готовцева³³⁷. Это и понятно, учитывая, что документ составлялся на пике деятельности Думы. Пункты 5 и 6 думских «Ходатайств» о казенном извозе на трактах соответствуют пункту пятому «Прошения», но в

³³⁶ Из истории петиционного движения якутов первой половины XIX в.: публикация документа // Якутский архив. 2010. № 3. С. 84–88.

³³⁷ Борисов А.А. О «Записке» кандидата улусного головы Егора Готовцева генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву // Якутский архив. 2010. № 4. С. 78–90.

решении данного вопроса намечена эволюция. Если в первом документе говорится об окончательном закреплении за якутами прав на поставки казенных грузов, то во втором уже предлагается разработать постоянно действующие правила поставок в «Охотский порт». Есть в обоих документах пункты, касающиеся земельных отношений, но если в думском тексте в девятом пункте говорится о передаче излишков земли из ведения г. Якутска непосредственно якутам, то в «Прощении» вновь поднимается вопрос о создании льготных условий для осушения болот и выпуска озер с целью «усиления ... сенных покосов».

Если в «Записке» Готовцева первым же пунктом ставится требование отделить Якутскую область от Иркутской губернии по части отнесения земских повинностей, то в «Прощении» оно занимает скромное четвертое место. Пять из семи основных пунктов «Записки» посвящены просьбе восстановления Якутской степной думы и содержат предложения по улучшению ее работы с учетом прежних ошибок. Понятно, что авторы документа, составленного в 1840 г., находясь под впечатлением недавнего упразднения Думы, даже и не касаются этого вопроса. Они озабочены более практическими вопросами: осушением болот, созданием банка, ввозом хлеба в американские колонии и т.д. Надо сказать, что в промежутке между созданием обоих документов в Якутии случились еще более бедственные годы, связанные с засухой и вызванными ею неурожаями, которые еще более подорвали шаткое экономическое положение якутского населения. Проект Готовцева поэтому содержит попытки найти действенные методы решения возникших проблем. Таковыми он считает, например, меры по восстановлению Якутской степной думы, которая бы лучше, по его мнению, справлялась с названными трудностями. Любопытно, что если авторы «Прощения» первым пунктом ставят просьбу прислушаться к объяснениям бывшей Думы по поводу «Свода степных законов», обсуждение которых вот уже второе десятилетие происходило на разных уровнях государственной власти, то у Готовцева вопрос о необходимости узаконения «Свода» вынесен в преамбулу как само собой разумеющаяся причина, вызывающая многие проблемы. Следовательно, при сравнении двух документов видно, что в «Записке» сделан акцент на усилении политических требований.

Таким образом, сопоставление содержания «Прошения» с ранним памятником – «Планом о якутах» А. Аржакова (1789 г.), «Ходатайств» Якутской степной думы (1830 г.) с более поздней «Запиской» Е. Готовцева показывает органическую преемственность петиционного движения якутов на протяжении нескольких десятилетий.

Формами петиционного движения явились «Планы», «Записки», «Прошения» и прочие документы, которые составлялись от имени всего якутского народа за подписями улусных голов, старост и поверенных от наслогов. Способом его осуществления стала организация депутатий на прием к русским императорам. В дальнейшем начал применяться и другой способ – исходатайствование через влиятельных лиц: министров и других высоких сановников – перед императором.

Завершилось петиционное движение после образования губернского управления в 1851 г. – фактическим выводом Якутии из-под прямого управления Иркутска и прямым ее управлением через губернатора. В общем-то это было логичным завершением процесса, но петиционное движение якутов сыграло, думается, в нем определенную роль. После 1851 г. петиционное движение практически прекратилось и вновь возобновилось гораздо позже (в 1880-х гг.), но причины его были несколько иными.

Л.В. Кальмина,
доктор исторических наук,
доцент ИМБТ СО РАН

Еврейский вопрос в Сибири: неизвестное об известном

Стараниями сибирских историков жизнь этнических меньшинств в Сибири перестает быть, по меткому выражению известного исследователя «польской» сибирской истории профессора Б.С. Шостаковича, «маргинальным» направлением по отношению к «магистральной, основной истории»³³⁸ и постепенно занимает достойное место в сибирской историографии. Результаты этих исследований в последнее десятилетие когда-нибудь дадут обильную пищу для размышлений историкам, которые сломают копыя в дискуссиях о причинах внезапно возникшего интереса к данной проблеме и столь мощного всплеска посвященных ей работ.

Не касаясь сегодняшнего состояния изучения многочисленных некоренных народов Сибири, беру на себя смелость оценить таковое относительно сибирских евреев как период расцвета: посвященные сибирской «еврейской» истории работы исчисляются десятками. Реконструирована жизнь этноса не только в сибирском регионе в целом, но даже практически во всех городах Сибири с заметным еврейским присутствием. Первоначальное накопление фактологического капитала состоялось. Однако это отнюдь не подводит черту под исследованием сибирской «еврейской» жизни, а лишь создает фундамент для дальнейшего научного поиска и работы над возможными ошибками.

Данная статья – три сюжета из ранней сибирской еврейской истории, раскрывающие ранее не известные обстоятельства принятия «судьбоносных» для евреев законов и иллюстрирующих противоречивость законотворческих опытов самодержавия.

---

³³⁸ Шостакович Б.С. Насущные задачи координации полонийной научно-исследовательской и издательской работы в Восточносибирском регионе // Современные тенденции развития полонийного движения в России: Мат-лы междунар. научн.-практ. конф., г. Улан-Удэ, 19 сент. 2008 г. Улан-Удэ, 2008. С. 183.

Магия цифры

Еврейская земледельческая колонизация в Сибири 1836 г. – из разряда вопросов наиболее загадочных и наименее изученных. Причины начала сибирского земледельческого эксперимента над евреями по сей день так же неясны, как и основания для его прекращения.

Известно, что в 1835 г. евреям для поселения и землепашества были отведены земли в Омской области и Тобольской губернии. Решившиеся осваивать сибирские просторы приобрели все положенные земледельцам льготы, определенные Положением о евреях 13 апреля 1835 г.: с них слагалась недоимка в казенных податях и сборах – как лично, так и с общества, к которому они до того принадлежали; они освобождались от подушной подати на 25 лет, от рекрутской повинности на 50 лет и от денежных земских повинностей на 10 лет³³⁹. Сибирские земледельцы стали одной из немногочисленных легитимных групп сибирских евреев, потомки которых имели право жить в регионе даже после полного прекращения доступа евреев в Сибирь. Цифра 1317 (по некоторым версиям – 1367) чел., ставших первопроходцами сибирской целины, в трудах дореволюционных исследователей указывалась с полной определенностью, не вызывая сомнений в достоверности. С их подачи она кочевала из издания в издание современных историков, ее магии поддался и автор этих строк.

Первым на сомнительность цифры обратил внимание петербургский историк В. Шайдуров: по его мнению, столь значительное число евреев, достигших Сибири, маловероятно³⁴⁰. Ю. Островский, автор замечательного очерка о сибирских евреях, говорил о 1317 чел., **намеревающихся переселиться** в Сибирь. Правовед Г. Белковский, систематизировавший сибирское «еврейское» законодательство, указывал на 1367 чел., **действительно** туда **переселившихся**³⁴¹. Первая цифра, несомненно, сильно занижена. По документам, отложившимся в Российском государственном историческом архиве, нам удалось установить, что число евреев, желавших пополнить собой ряды сибирских земледельцев, было куда большим.

³³⁹ Второе полное собрание законов Российской империи (ВПСЗРИ). Т. X. № 8054.

³⁴⁰ Шайдуров В.Н. К вопросу о формировании еврейской общины Сибири в дореформенный период // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4 (52). Т. 1. С. 105.

³⁴¹ Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911. С. 13; Белковский Г.А. Русское законодательство о евреях в Сибири. СПб., 1905. С. 11.

Прошения о переселении в Сибирь подали 442 семьи (2501 чел.) из Минской губернии, 427 семей из Могилевской губернии, 157 из Витебской губернии, 537 семей из Белостокской области, 832 семьи (4322 чел.) из Виленской губернии, 65 семей (289 чел.) из Гродненской губернии и 350 семей (2417 чел.) из Курляндской губернии³⁴². Из них 47 семей из Вильно, 31 из Могилевской губернии (по некоторым данным – 33), 79 из Витебской, 102 из Минской и все 350 семей из Курляндской губернии успели распродать имущество с намерением отправиться в путь³⁴³. Что касается действительно переселившихся, то цифра 1317 чел., скорее всего, и в самом деле завышена. Обратимся к фактам.

Положением о евреях 1835 г. денежное пособие переселяющимся не предусматривалось. Потенциальные же колонисты в большинстве своем не имели возможности переселиться за собственный счет, а распроданный скарб не принес необходимых для этого средств. Рапорты губернаторов о том, что желающие поехать в Сибирь просят пособие на переезд и обзаведение хозяйством, заставили Петербург задуматься над этим вопросом. А факт самостоятельного «путешествия» могилевских евреев, не имевших представления о дальности пути и оказавшихся – больными, полуодетыми и истощенными – в Тамбове безо всяких средств, доставив головную боль губернской власти, ускорил его решение во избежание массового повторения³⁴⁴.

Указом 20 ноября 1836 г. будущие сибирские колонисты получили право на помощь в пути. Документ регламентировал порядок переселения евреев партиями, под охраной. В пути им должны были оказывать помощь и защиту, кормить как рекрутов (не полагалось только вина). К прибытию их уже должны были ждать избы, 15 десятин удобной земли на каждую душу мужского пола, земледельческие орудия, рабочий скот, провиант до нового урожая³⁴⁵. Однако на положение Комитета министров от 22 декабря 1836 г., зафиксировавшего

³⁴² РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 383. Оп. 29. 1835. Д. 959. Л. 125; 1837. Д. 960. Л. 221; Д. 961. Л. 84–131, 147; Д. 962. Л. 42, 45, 78–83, 97–109.

³⁴³ Там же. Д. 962. Л. 130–131, 208, 221.

³⁴⁴ Там же. 1835. Д. 959. Л. 97.

³⁴⁵ Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени от 1649–1873. Извлечение из Полных собраний законов Российской империи / Сост. В.О. Леванда. СПб., 1874. С. 396–397.

состояние вопроса о переселении евреев в Сибирь, Николай I неожиданно накладывает резолюцию: «Переселение евреев в Сибирь приостановить». Соответствующий указ датирован 5 января 1837 г. (Впоследствии переселение евреев в Сибирь было полностью прекращено.)

Зигзаги самодержавной законотворческой мысли трудно поддаются объяснению: со времени появления указа, гарантирующего евреям всяческое содействие в пути, до нового, преграждающего им этот путь, прошло всего полтора месяца...

Получить пособие для переселения в Сибирь, гарантированное Указом 20 ноября 1836 г., успели 600 чел.³⁴⁶ Воспользоваться им для достижения цели не успел никто: запрет на следование в Сибирь застал получивших пособие переселенцев в пути. Не достигших «земли обетованной» в соответствии с новой высочайшей инструкцией отлавливали и отправляли в новые места поселения. С полной определенностью можно говорить о 200 семьях, которых вернули с полдороги³⁴⁷. Не исключено, что их было больше, но документально это подтвердить не удалось.

Успевшие доехать до Сибири и занять предназначенные им участки земли до 5 января 1837 г. добрались за свой счет, выехав значительно раньше даты предоставления им законом гарантии помощи в пути. Установить их действительное число сложно – не удалось найти соответствующего документа. В служебной записке министра внутренних дел графа Д.Н. Блудова на имя императора с выражением опасений, что продолжение переселения евреев в Сибирь со временем станет «тягостным для слабого еще в Сибири русского населения», упоминаются лишь «немногочисленные семейства» и «малое число» евреев, «оставивших уже прежние места своего жительства и отправившихся в путь для поселения в Сибири»³⁴⁸. Однако что считать «малым числом»? Скольких, по мнению министра, еврейских семей было достаточно, чтобы через несколько лет отяготить Сибирь своим присутствием?

Из письма генерал-губернатора Западной Сибири П.Д. Горчакова Д.Н. Блудову от 5 июля 1837 г. известно о 36 евре-

³⁴⁶ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. 1837. Д. 963. Л. 95.

³⁴⁷ Подсчитано по материалам РГИА. Ф. 383. Оп. 29. 1837. Д. 960. Л. 97, 127, 129, 135, 144, 146, 149, 151, 158, 167, 172, 183, 188, 190, 191, 194, 201, 204, 218; Д. 961. Л. 25, 32, 140, 154, 183.

³⁴⁸ Там же. Д. 960. Л. 6.

ях, успевших прибыть в Омскую область до рокового для них срока, которых Блудов в свете «решительных мер, предпринятых против размножения евреев в Сибири», собирался тем не менее оттуда удалить. После вмешательства императора, ознакомившегося со служебной запиской Блудова и «изволившего считать несправедливым евреев сих вновь переводить», им предложили выбор: остаться или переехать в Херсонскую губернию. Четверо пожелали вернуться, 32 предпочли Сибирь³⁴⁹. Евреи, достигшие Тамбова (71 чел.), о злключениях которых мы рассказывали выше, скорее всего тоже успели добраться до Сибири, поскольку после распоряжения Министерства финансов Тамбовской Казенной палате о выдаче денег для снабжения скитальцев теплой одеждой их тотчас же отправили в путь в сопровождении земской полиции³⁵⁰. Имеются сведения о 100 мужчинах из Бабиновецкого уезда Могилевской губернии, которые, получив отпускные билеты, отправились в Тобольскую губернию. Судя по тому что здесь же говорится еще о 60, затянувших с распродажей имущества и просрочивших время отъезда³⁵¹, первая сотня выехала заранее (предположительно в сентябре-октябре) и могла успеть доехать до 5 января. В документе речь идет только о взрослых мужчинах, значит, с учетом семей их было несколько сотен. Других цифр в нашем распоряжении нет.

Приводимое в дореволюционных исследованиях число 1317 чел. могло взяты из письма министра финансов Е.Ф. Канкринна на имя Д.В. Блудова, отвечавшего за итог переселенческой кампании, в котором указывалось, что в течение «нынешнего 1836 г. пожелало переселиться из разных губерний на упомянутые для них казенные участки до 1317 душ»³⁵². Из этой цифры и исходили при выделении в Сибири 13 363 дес. земли для новых еврейских поселений³⁵³, которые впоследствии «обратили к другому назначению».

Попытка самодержавия организовать еврейские земельные колонии в Сибири хорошо вписывалась в контекст как «еврейской», так и имперской колониальной политики. Власть одним жестом решала две задачи: с одной

³⁴⁹ Подсчитано по материалам РГИА. Ф. 383. Оп. 29. 1837. Л. 181–182, 185; Д. 962. Л. 10.

³⁵⁰ Там же. 1835. Д. 959. Л. 143.

³⁵¹ Там же. 1837. Д. 961. Л. 140.

³⁵² Там же. Д. 962. Л. 107.

³⁵³ Там же. 1835. Д. 959. Л. 107.

стороны, предпринимала очередное усилие по «воспитанию» евреев как полезных членов общества, попутно решая проблемы скученности и безработицы в черте оседлости; с другой – продолжала традиции российской колонизации на восток с патерналистской ролью государства, которое само обеспечивало и контролировало приток населения в Сибирь, всячески ограничивая свободное переселение³⁵⁴.

Кардинальная «смена курса» логическому объяснению не поддается. Проблема расселения черты оседлости осталась, равно как и задача «перевоспитания» евреев. Но Сибирь для этой роли подходить перестала. Возможно, самодержавие испугалось масштабов предполагающегося переселения, которое грозило превысить все «плановые показатели». Тем более что на обширных сибирских просторах «проблемный» этнос трудно было держать под должным контролем.

В дальнейшем самодержавие потратило немало усилий, пытаясь не допустить «чрезмерного размножения евреев» в Сибири.

Закон отрицания отрицания

Указ 15 мая 1837 г., «решительно и навсегда» прекративший поселение евреев в Сибири, как демаркационная линия, разделил их жизнь на «до» и после», на поселившихся здесь на законных основаниях и прибывших самовольно, а следовательно, обречших себя и своих близких на вечное преследование. Направленный на уменьшение численности евреев в регионе, Указ позволял отправлять сюда только ссыльных старше 40 лет, которых, «во избежание их вредоносного влияния», полагалось размещать особыми поселениями вдали от местных уроженцев – в Якутской области и за Байкалом. Закон, принятый 12 июня 1860 г., напротив, запрещал компактное поселение евреев в Сибири и предписывал определять их на жительство только в деревнях сибирских старожилов. Из всей массы законов, определяющих правовое положение евреев Сибири, эти два сыграли особенную роль в их судьбе. Их разделили 23 года. Что же произошло между этими датами?

На невозможность исполнения Закона 1837 г. уездные исправники в своих рапортах генерал-губернатору Восточ-

³⁵⁴ Шиловский М.В. Специфика колонизации США и Сибири // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв. Общее и особенное. Новосибирск, 2002. Вып. 2. С. 37.

ной Сибири Н.Н. Муравьеву стали докладывать практически сразу. Обратив его внимание на старость и неспособность к занятиям земледелием ссыльных евреев, из-за чего те большей частью бродяжничали или находились в услужении, исправники предлагали приписывать их к местам, заселенным сибирскими старожилами³⁵⁵. Постепенно Н.Н. Муравьев убеждался в правоте местных чиновников. Незаселенные места в Якутской области, куда по закону следовало селить евреев, были вообще непригодны для жизни. А поселение их исключительно в Забайкалье тоже не было решением проблемы. Из территории поселения выпадала приграничная полоса и ведомство Нерчинских горных заводов, где евреям также запрещено было находиться. К тому же, по мнению генерал-губернатора, Забайкалье и так было «отягощено евреями», поскольку ссыльнопоселенцев селили там практически без ограничения. «Во избежание такого вредного для жителей скопления евреев в одном месте» Н.Н. Муравьев предлагал прекратить их дальнейшее поселение в Забайкалье, распределяя их малыми «порциями» во всех сибирских губерниях и не пытаясь формировать для них особые поселения³⁵⁶.

Предложения Муравьева, датированные 1852 г. (спустя 15 лет после принятия Указа 1837 г.), тоже не сразу получили поддержку. Переписка между Собственной Его Императорского Величества Канцелярией, Министерством государственных имуществ, генерал-губернаторами Западной и Восточной Сибири позволяет проследить процесс «дозревания» законодателей до необходимости изменения закона: все участники переписки, кроме Муравьева, были заинтересованы в сохранении прежнего порядка расселения евреев, хотя и руководствовались при этом разными побуждениями. Генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорт стремился избавить свой «цивилизующийся край» от «порочных евреев, размножение коих могло бы препятствовать улучшению его благосостояния и охранению в нем должного порядка»³⁵⁷. Министерство государственных имуществ стремилось к неукоснительному соблюдению царского указа, доказывая Муравьеву, что при старости самих еврейских ссыльных и невозможности по закону оставаться в Сибири их достигшим

³⁵⁵ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 7145. Л. 68; Д. 7200. Л. 20, 46.

³⁵⁶ РГИА. Ф. 383. Оп. 15. 1852. Д. 18271. Л. 46, 121.

³⁵⁷ Там же. Л. 238.

совершеннолетия сыновьям (коим полагалось записаться в кантонисты или вернуться в черту оседлости) стремительно-го размножения евреев во вверенном ему крае можно не опасаться. Разумное же расселение евреев позволит избежать их повышенной концентрации в нескольких волостях, а использование поселенческого капитала для выдачи пособий особо бедствующим или «преподание» им способа добычи средств к существованию позволит обойтись без отделения сибирскими старожилами³⁵⁸. Управляющий II отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, бывший министр внутренних дел Д.Н. Блудов, приложивший руку к появлению на свет закона 15 мая 1837 г., предлагал «преодолеть затруднения» отведением в Забайкальской и Якутской областях мест, удобных для развития сельского хозяйства³⁵⁹, хотя таковых, никем при этом не заселенных, из-за ограниченности пригодных для житья мест там просто не было. Общим для всех инстанций был только аргумент о необходимости «ограждения общества от изворотливости и вредного влияния евреев»³⁶⁰.

Муравьеву пришлось приложить немало усилий для доказательства того факта, что «поселение евреев между сибирскими старожилами будет вредно не более того, как если бы они жили отдельно», поскольку наибольший вред они могут принести именно скоплением в одних местах. Находясь среди русских, доказывал генерал-губернатор, евреи скорее свыкнутся с их бытом и достигнут оседлости, что, собственно, и составляло цель «еврейской» политики царского правительства³⁶¹.

Понадобился еще не один год, прежде чем официальный Петербург понял, что найти подходящие места для поселения евреев, обособленные от сибирского населения, без значительных издержек будет крайне затруднительно. А молодые люди, не имеющие навыков обработки земли, без поддержки семьи, вдали от людей обречены на голодную смерть, и, значит, соблюдение прежнего порядка расселения евреев в Сибири невозможно. В письме товарищу министра государственных имуществ от 26 июля 1859 г. Блудов фак-

³⁵⁸ РГИА. Ф. 383. Оп. 15. 1852. Д. 18271. Л. 11–12, 33.

³⁵⁹ Там же. Л. 81.

³⁶⁰ Там же. Л. 62.

³⁶¹ Там же. Л. 174.

тически склонился на сторону Муравьева. «Входя в массу людей других племен и вероисповеданий, будучи разбрасываемы между коренным русским населением Сибири, еврейссыльнопоселенцы едва ли могут быть там заметны, – с тем же пылом, с каким прежде возражал против этого, доказывал он, – и нет основания опасаться от них не только важных, но и каких бы то ни было неудобств для края. ... опыт многих других мест ... свидетельствует, что евреи упорно сохраняют свою национальную исключительность, свою религиозную и политическую антипатию к христианам, когда они живут большими соединенными массами; напротив, будучи под непрерывным влиянием других нравов и обычаев, они, хотя и не утрачивают окончательно своей особенной отличающей их физиономии, но с течением времени теряют многие из самых дурных свойств своего характера и мало-помалу подчиняются до некоторой степени условиям и требованиям окружающего их быта». Возражая Гасфорту, добивавшемуся исключению Западной Сибири из мест поселения евреев, Блудов отстаивал право Восточной Сибири развиваться в той же мере, что и Западная, и доказывал, что во имя справедливости обе части Сибири в одинаковой степени должны нести нелегкое бремя ссылки³⁶². Инициатор и разработчик закона, призванного исключить «вредное влияние» евреев на местное население, собственноручно ставил крест на принципиальных пунктах своего бывшего творения. Закон 15 мая 1837 г., отменивший возможность поселения евреев на всей территории Сибири и изолировавший их от сибирского населения, был, в свою очередь, отвергнут законом 12 июня 1860 г., регламентировавшим новый порядок расселения ссыльных евреев – не отдельными селениями, а в деревнях сибирских старожилов³⁶³.

Подобные метания в сибирском «еврейском» законотворчестве были в порядке вещей, особенно в первой половине XIX в. Получив в результате экспансии на запад многочисленное еврейское население и как следствие колонизации в восточном направлении – Сибирь, царская администрация плохо представляла, как приспособить свои приобретения друг к другу. Следует ли оградить Сибирь от «тлетворного влияния еврейского племени»? Или, напротив, поощрять въезд в регион евреев, поскольку малозаселенный и слабо освоенный

³⁶² РГИА. Ф. 383. Оп. 15. 1852. Д. 18271. Л. 262–263.

³⁶³ Там же. Л. 424.

край остро нуждался в людях «природной сметливости» и недорогих работниках, каковыми евреи признавались на самом высшем уровне? К тому же разработчики законов, имея слабое представление о Сибири, не вполне отдавали себе отчет, насколько то или иное место пригодно для жилья, достаточно ли там земли для хлебопашества и как далеко находится ближайший населенный пункт.

Во второй половине XIX в. в сибирской «еврейской» политике самодержавия появилась определенность. Законодательство обрело ярко выраженный ограничительный характер.

«Детский вопрос»

Данный сюжет посвящен еще одному положению закона 15 мая 1837 г., которое оказалось нежизнеспособным и в результате длительных дискуссий, подобно рассмотренному выше, было отменено последующим законодательством. Это положение о детях ссыльных евреев, которые в силу различных обстоятельств оказались в Сибири.

В соответствии с законом 15 мая 1837 г. вместе с родителями могли остаться только мальчики, родившиеся в Сибири или отправленные туда по распоряжению правительства и достигшие 18-летнего возраста. Братья с собой ссыльные могли сыновей не старше пяти лет. Юношам, самовольно «зашедшим» в Сибирь для присоединения к сосланным туда семьям, предлагалось немедленно возвратиться в черту еврейской оседлости. В случае их нежелания покидать Сибирь следовало не достигших 18-летия поголовно зачислять в кантонисты. Такая же участь ждала родившихся в Сибири мальчиков. Евреям, которые отбыв ссылку, уже записались в податное сословие, а также тем, кто сам не был сослан, а только происходил из семьи ссыльных, предстояло сделать выбор: либо наряду с ссыльными отдать своих не достигших 18-летия детей в кантонисты, либо по достижении ими 16-летия отправить в черту еврейской оседлости³⁶⁴.

В законе, обязывавшем отправлять еврейских юношей в черту оседлости, детали отправки не оговаривались, указывалось лишь, что все издержки должна нести казна. Судя по самому раннему из обнаруженных нами архивных документов по этой проблеме – решению Совета Главного управле-

³⁶⁴ Полный хронологический сборник законов и положений... С. 411.

ния Западной Сибири от 24 июня 1849 г., детей собирались отправлять по этапу как ссыльных, разве что без оков, выдав им кормовые деньги и снабдив наиболее бедствующих одеждой и обувью³⁶⁵. При этом предполагалось, что впоследствии расходы на одежду будут казне компенсированы. Однако, когда отслуживший в Иркутском полубатальоне кантонистов Г. Гильднер обратился в Иркутское губернское правление за пособием для отъезда в черту оседлости³⁶⁶, выяснилось, что процедура отправки детей сибирской администрацией совершенно не отработана. До сих пор еврейские поселенцы отправляли детей за собственный счет, получив от местной администрации лишь виды на свободное следование. Прецедент был создан, и вопрос начал интенсивно обсуждаться, обозначив несколько проблем. Во-первых, не все имели возможность возместить казне расходы по отправке своих детей. Во-вторых, отправка по этапу была не самым подходящим способом доставки несовершеннолетних. Наконец, во время длительного пути они нуждались в элементарной защите. Все эти вопросы сибирской администрации предстояло решить самостоятельно с учетом предложений Министерства государственных имуществ и II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

После длительных дебатов Совет Главного Управления Западной Сибири пришел к заключению, что каждому отправляющемуся в черту оседлости юноше должны быть выданы по 3½ коп. серебром кормовых в сутки (обычная норма ссыльного), прогоны на одну лошадь и одежда, причем всем без исключения и без компенсации затрат. «Требовать возврата израсходованных на одежду денег, – указано в принятом решении, – было бы в некоторой степени и несправедливо, потому что люди эти переселяются не по собственному желанию, но по видам правительства», тем более что «число ежегодно переселяемых из Сибири еврейских сыновей не может быть велико и, следовательно, сумма, предназначенная на одежду, не обременит казну расходом». Для обеспечения безопасности еврейских детей в пути Совет ГУЗС счел «самым благонадежным» способом этап под охраной внутренней стражи, но со всей возможной изоляцией от партий арестантов, особенно при определении на ночлег. В решении также

³⁶⁵ РГИА. Ф. 383. Оп. 15. 1852. Д. 18272. Л. 30.

³⁶⁶ Там же. Л. 2–4.

указывалось, что еврейские поселенцы, желающие отправить своих детей в черту оседлости ранее достижения ими 16-летнего возраста, должны взять на себя бремя по сбору их в дорогу и поискам оказии и ответственность за их доставку в названную губернию в указанный срок³⁶⁷. В свою очередь Совет Главного Управления Восточной Сибири предложил увеличить сумму кормовых денег до 4½ коп. в сутки, снабдить детей одеждой и обувью без возврата, однако лишит прогонных. По мнению Совета ГУВС, дети были вполне в состоянии преодолеть этот путь пешком по примеру кантонистов, которые проделывают его после окончания военных заведений к месту службы. Вышедший в итоге Указ Правительствующего Сената, утвержденный императором 11 ноября 1853 г., определял порядок отправления достигших 16-летия еврейских детей по самому скупому варианту: 3½ коп. серебром кормовых денег в сутки, «сообразная времени года» арестантская одежда (без нашивок), препровождение этапом, но не «в роде арестантов»³⁶⁸. Никаких упоминаний о прогонных деньгах в документах нет.

Сложность исполнения закона обнаружилась практически сразу после его подписания. Во-первых, путь по этапу был весьма долг и мучителен для юношей, по существу детей. Во-вторых, заранее запланировать на это необходимые средства было затруднительно, поскольку сибирская администрация никогда не представляла Министерству государственных имуществ сведений о еврейских мальчиках, не достигших 16-летнего возраста. Наконец, I Департамент Министерства обращал внимание всех заинтересованных сторон, что предложения по отправке еврейских сыновей касаются только порядка высылки, однако не оговаривают вопросы об их причислении и призрении на новом месте жительства³⁶⁹. Не принятые обществом в губерниях черты оседлости, связь с которыми еврей-сибиряки к тому времени потеряли, еврейские юноши отправлялись в обратный путь в Сибирь, откуда по закону опять-таки высылались в европейскую Россию. III отделение было не на шутку обеспокоено тем, что «многие еврейские сыновья, подлежащие переселению из Восточной Сибири в губернии черты оседлости или уже отправленные

³⁶⁷ РГИА. Ф. 383. Оп. 15. 1852. Д. 18272. Л. 33–35.

³⁶⁸ Там же. Ф. 1265. Оп. 2. 1853. Д. 114. Л. 2–5.

³⁶⁹ Там же. Ф. 383. Оп. 15. 1852. Д. 18272. Л. 56.

туда из мест жительства, остановились под разными предлогами на пути и, не желая следовать далее по назначению, проживают по несколько лет в разных местах Восточной Сибири, не будучи нигде приписаны», из-за чего казна ежегодно недополучает немалые деньги³⁷⁰. На своем заседании 31 марта 1856 г. Комитет по устройству евреев был вынужден признать, что порядок возвращения еврейских сыновей из Сибири оказался «практически неудоисполнимым» и «производит только бесполезный расход казны»³⁷¹.

Отправка еврейских детей в черту оседлости или зачисление их в кантонисты обозначила и иную проблему, которая начала обсуждаться параллельно с перепиской о высылке детей: ссыльные евреи преклонного возраста оставались безо всякой поддержки. Еврейский Комитет отмечал, что высылка детей не только полностью расстраивает хозяйство их ссыльных отцов, но и не дает возможности обзавестись собственным, поскольку в черте оседлости их ждет либо участь кантонистов – как сирот, либо рекрутский набор первой очереди – как «неоседлых»³⁷². В письме министру государственных имуществ П.Д. Киселеву от 13 января 1856 г. Н.Н. Муравьев предлагает оставлять ссыльным евреям по одному сыну для поддержки, оставив порядок высылки остальных сыновей прежним, дабы не идти вразрез с законодательством об уменьшении числа евреев в Сибири³⁷³.

На протяжении трех лет – 1854–1856 гг. – «детский вопрос» обсуждался по крайней мере в восьми инстанциях: в Совете Главного Управления Западной и Восточной Сибири, в Отделении Собственной Е.И.В. Канцелярии, в трех департаментах Правительствующего Сената, в Еврейском Комитете, Министерстве юстиции, Государственном Совете и Сибирском Комитете. Сомнения Еврейского Комитета в правильности принятия решений исключительно для евреев, противодействующих «тем видам устройства сего народа, которые составляют предмет особенных попечений и усилий Правительства, т.е. слиянию евреев с коренными жителями»,³⁷⁴ были, что называется, приняты к сведению, но ничего принципиально не изменили.

³⁷⁰ ГАЗК. Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 12005. Л. 1–2.

³⁷¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 15. 1852. Д. 18271. Л. 186.

³⁷² Там же. Л. 114.

³⁷³ Там же. Л. 175.

³⁷⁴ РГИА. Ф. 383. Оп. 15. 1852. Д. 18271. Л. 114.

Ликвидация военных кантонов по Закону 25 декабря 1856 г. придала новый импульс обсуждению «детского вопроса». В обеих частях Сибири озаботились судьбой детей еврейских ссыльных, исключенных из кантонистов: оставлять ли их с родителями или высылать в черту оседлости? При принятии решения оставить их в Сибири следует ли предоставить им право на приписку к городским обществам? ГУЗС 31 января 1859 г. приняло решение о том, чтобы еврейских детей, исключенных из кантонистов, оставлять в семьях, независимо от социального статуса родителей, а сирот причислять к еврейским семействам в Сибири, и только если желающих их призреть не найдется, высылать в черту оседлости³⁷⁵.

Заключение ГУЗС подготовило почву для пересмотра пункта о детях еврейских ссыльных, зафиксированного законом 1837 г. В своем письме в адрес товарища министра государственных имуществ от 26 июля 1859 г. Д.Н. Блудов, занимавший пост управляющего II Отделением Собственной Е.И.В. Канцелярии, настаивал: «...необходимо, по мнению моему, оставлять им (евреям. – Л. К.) всех детей их, решительно прекратить высылку сих последних в западные губернии, т.к. ... сия мера ... тягостно отзывается на судьбе остающихся в Сибири родителей, не только расстраивая совершенно их хозяйственный быт, но лишая их, можно сказать, и последнего утешения, которое человек в несчастье может находить в семействе...»³⁷⁶ Бывший министр внутренних дел вновь нашел в себе силы пересмотреть закон, автором которого он в свое время был. Тогда, при разработке Закона 15 мая 1837 г., он руководствовался больше интуитивным страхом «чрезмерного размножения» евреев в Сибири, теперь – достаточно глубокой проработкой вопроса с учетом мнения всех компетентных лиц.

Его предложения, закрепленные журналом Комитета об устройстве евреев от 17 марта 1860 г., легли в основу закона, Высочайше утвержденного 12 июня. Второй подпункт первого параграфа гласил, что дети евреев, сосланных в Сибирь или осужденных на каторгу, в том числе и уволенные из кантонистов, остаются при родителях³⁷⁷. В 1866 г. эта статья была изменена и впоследствии звучала так: «Дети ссыльных ев-

³⁷⁵ РГИА. Ф. 383. Оп. 15. 1852. Д. 18271. Л. 253.

³⁷⁶ Там же. Л. 265.

³⁷⁷ Полный хронологический сборник... С. 937–938. Ст. 860.

реев оставляются при родителях на общих правилах о детях ссыльных. Дети ссыльнопоселенцев из евреев как рожденные в Сибири, так и пришедшие туда за родителями, могут зачисляться в податные сословия и купечество в Сибири на общих основаниях»³⁷⁸.

Однако и принятием закона 12 июня 1860 г. проблема не исчерпывалась. Во-первых, он касался только детей уже живущих здесь евреев. Ссылаемым впервые по-прежнему запрещалось брать с собой мальчиков старше пяти и младше 18 лет. Во-вторых, дети еврейских ссыльнопоселенцев могли оставаться с родителями, только если прибыли **вместе с ними**. Если же **вслед за ними**, то они уже не имели права жить в Сибири. Приезд взрослого семейного сына в место ссылки отца вообще считался вопиющим нарушением, и сын с семьей подлежал немедленному выселению. В-третьих, по-прежнему практиковалось выселение евреев, пришедших за отцами в возрасте старше пяти лет до принятия закона 1860 г., независимо от срока давности. Угроза высылки этих уже взрослых людей, имеющих дом, хозяйство, семью в Сибири, висела над ними даже спустя десятилетия. Наконец, в случае если ссыльный оставался приписанным к черте оседлости, после отбытия ссылки его совершеннолетние дети были обязаны выехать с ним. Неясной оставалась и судьба детей умерших евреев: дальнейшее житие в Сибири на месте причисления их отцов или выселение в черту еврейской оседлости целиком зависело от произвола местной власти.

«Детский вопрос» окончательно был решен лишь в годы Первой мировой войны, когда движением в глубь страны потока беженцев и выселенцев запрет на пребывание евреев вне черты оседлости фактически был снят. С этого времени въезд в Сибирь им был разрешен вместе с детьми безо всяких возрастных ограничений.

---

³⁷⁸ Полный хронологический сборник... С. 1055. Ст. 966.

И.Л. Дамешек,
доктор исторических наук,
профессор ВСАГО

Типологическая характеристика и региональные особенности российских окраин XIX в.

Взаимоотношения центра и периферии – одна из актуальных проблем современной российской историографии. Интерес к ней обусловлен политическими изменениями, проходящими в Российской Федерации в течение последних десятилетий, и прежде всего процессом разработки концептуальных основ региональной политики новой демократической России. В этой связи изучение исторического опыта разработки моделей региональной политики в досоветской России является весьма полезным и актуальным. Однако следует заметить, что проблема «центр – периферия» не является новым явлением в историографии. Она успешно исследовалась нашими коллегами и в советское время. Одним из тех, кто посвятил этой проблеме свои научные труды, является мой наставник, учитель, человек, который в свое время «подарил» мне тему кандидатской и докторской диссертаций, мой отец – Лев Михайлович Дамешек. И я, в числе его многочисленных учеников, продолжаю исследование этой, пожалуй, неиссякаемой темы.

В рассматриваемый период XIX – начала XX вв. Российская империя представляла собой континентальное многонациональное государство, раскинувшееся на двух материках – Европе и Азии. Основываясь на своем культурном, духовном и этническом разнообразии, она создала особый мир, не принадлежащий ни к Европе, ни к Азии. Постепенно Российская империя стала своеобразным союзом этносов, огромной естественно сложившейся общностью людей, в которой различные народы и культуры научились жить вместе [1]. Между тем изменение политической и административной карты выступало только внешним признаком динамического развития слагающегося государства. За изменениями на административной карте России стоял процесс ее внутреннего строения.

Создание империи, равно как и трансформация ее политической системы, происходили в параллели и одновременной связи с административно-территориальными преобразованиями как в центре, так и на окраинах. При этом следует учитывать то обстоятельство, что в силу вариативности геополитических характеристик окраинных территорий имперские процессы не могли протекать в них по единой, унифицированной схеме. В конечном итоге это обстоятельство обусловило столь дилеммное вполне устойчивое положение империи в целом. Именно мобильность, поливариантность управленческих моделей в различных регионах (на окраинах) являлась мощным стабилизирующим фактором для Российской империи.

При выработке основ окраинной политики по отношению к конкретной территории правительство прежде всего руководствовалось значением региона для государства, а в конечном итоге его статусом в составе империи. Понятие статуса отнюдь не являлось аморфным. Оно определялось целым рядом позиций, объективных и субъективных. Окраины различались прежде всего по уровню социально-экономического и политического развития, а также по национальному составу.

При определении статуса окраины в составе империи наибольшее значение придавалось таким показателям, как уровень социально-экономического и политического развития окраины, характер ее присоединения (добровольный или насильственный), а также стратегическое значение территории для империи. Именно эти характеристики являлись определяющими для основных направлений имперской окраинной политики по отношению к *каждому конкретному* региону (территории).

Еще одним немаловажным обстоятельством, влияющим на конкретное содержание окраинной политики, являлось сложное переплетение ведомственных и территориальных интересов, а также реальное соотношение сил так называемых «централистов» и «регионалистов» в центральном и местном аппаратах управления. В определении основ окраинной политики самодержавие постоянно находилось перед выбором: ввести общегосударственную систему управления или предоставить территориям некоторую административную автономию. При этом в случае признания особого статуса любой из территорий империи правительство вынуждено было фиксировать его в законодательном порядке.

Логическим следствием подобной практики стало возникновение ситуации, при которой общеимперское законодательство получало различную степень распространения на присоединенных территориях: от сочетания общеимперского, местного и традиционного (с преобладанием последнего) до полного перехода на унифицированную систему общеимперского законодательства. Одним из результатов проведения подобной политики было формирование различных уровней распространения на окраинах действий учреждений российской администрации. Оба этих признака являлись основными составляющими, определяющими особенности отношений центра и периферийных территорий, с одной стороны, и собственно специфику управления последними – с другой. Несмотря на наличие определенной специфики, вертикаль власти на всех окраинах российской империи была единой.

Процесс инкорпорации окраинных территорий в единое общеимперское политическое и хозяйственно-экономическое пространство являлся одной из приоритетных задач, стоявших перед российским правительством на протяжении всего рассматриваемого периода. Однако реализация этой цели была сопряжена с целым рядом объективных трудностей, вследствие чего процесс инкорпорации были достаточно длительным. Традиционно начальный этап его был связан прежде всего с властным освоением новой территории, в процессе которого определялись и вырабатывались формы административного управления каждым конкретным регионом (территорией).

Длительное время в отечественной историографии господствовал тезис о том, что Россия состояла из метрополии и колонии. При этом не учитывалось наличие протекторатов, автономий и других объединений. К сожалению, в современной историографии фактически отсутствует системный подход к решению этого вопроса. Между тем наиболее эффективным методом представляется компаративный подход. Лежащий в его основе сравнительно-исторический метод позволяет выделить общие и особенные черты в реализации окраинной политики российской империи. Исходя из вышесказанного можно выделить несколько типов управления окраинами в составе российской империи.

Первым из рассматриваемых типов является автономия.

Традиционно в российской юридической и административной практике такая форма была закреплена законодательно. Отличительной чертой *политической автономии* являлось наличие собственных законодательных органов власти и обладание легитимными прерогативами автономного внутреннего управления. В то же время суверенные права подобных автономий ограничивались общегосударственными институтами. В российских реалиях таким институтом выступала самодержавная власть.

Из российских окраинных территорий к этому типу следует отнести Великое княжество Финляндское (Финляндию) и Царство Польское (Польшу) до 1831 г. Парадоксальным представляется то обстоятельство, что обе территории отошли к России в результате военных действий: Финляндия после русско-шведской войны 1808–1809 гг., а Польша по решению Венского конгресса после войны с Наполеоном [2]. И в том и в другом случае названные окраины получили свой автономный статус благодаря Александру I, который, по воспоминаниям современников, вообще «любил щегольнуть либерализмом». Однако отнюдь не это обстоятельство сыграло решающую роль при выборе системы управления данными территориями. Определяющими факторами послужили более высокий (по сравнению с империей) уровень социально-экономического развития Финляндии и Польши, в том числе наличие представительных органов власти.

Финляндия была наиболее благополучной российской окраиной. До 1808 г. Великое княжество Финляндское находилось в составе Швеции [3]. Его положение незначительно отличалось от колониального, более того, в политическом отношении оно не имело ни тени самоуправления. В Финляндии отсутствовали особые национальные законы и учреждения, которые отличали бы ее от Швеции. В правовом и административном отношении она являлась рядовой шведской провинцией, однако на практике Финляндия была более бесправной, чем коренные шведские области. Указанное обстоятельство дел послужило основной причиной того воодушевления, с которым финны встретили выход своей страны из состава Швеции и присоединение ее к России [4]. При этом следует отметить, что присоединение Финляндии к России в 1809 г. было обусловлено как историческими причинами, так и военно-стратегическими соображениями.

Присоединив Финляндию к империи, Александр I предоставил ей статус политической автономии, который на практике имел форму «несуверенного государства, подчиненного России и неразрывно связанного с имперской короной». По основным признакам внутреннего устройства Финляндия представляла собой форму политической автономии [5], имевшей ряд ограничений, проявлявшихся прежде всего в сфере высшего управления.

Российский император одновременно являлся Великим князем Финляндским. Кроме этого, финский парламент должен был координировать свою деятельность с центральным правительством посредством особого министра (статс-секретаря). Председателем финляндского сейма являлся назначаемый императором генерал-губернатор, который вместе с тем контролировал исполнительную власть в Княжестве [6].

Таким образом, финская автономия не имела аналогов в практике взаимоотношений России с другими, ранее инкорпорированными самостоятельными территориями (Казанским, Астраханским, Сибирским, Крымским ханствами, Молдавией и др.). Политико-административная система Финляндии представляла собой довольно сложный механизм, сочетавший в себе черты буржуазного парламентаризма с пережитками сословно-феодального строя [7]. При этом финская автономия формировалась отнюдь не на нормах шведского законодательства, а на основе целого ряда последующих актов, определивших структуру и компетенцию органов управления окраиной, равно как и их отношение к самому императору [8].

Политический статус Финляндии был вторым в империи после Польши, а в результате известных польских событий 1863 г. и ликвидации польской автономии стал самым высоким в империи. Особый административный статус обеих окраин в составе империи подчеркивался их бюджетной автономией, законодательно оформленной конституциями 1809 и 1815 гг. соответственно. Более того, именно собственный бюджет составлял одну из важнейших основ политической автономии Финляндии и Польши. Подобная самостоятельность предполагала сохранение национального бюджетного и налогового законодательства, а также независимость финансового

управления обеих территорий от российского министерства финансов.

В этой связи следует отметить, что одной из отличительных черт российской колонизационной политики была ее нестяжательность – Россия вкладывала в развитие окраин больше средств, чем получала.

Дальнейшее развитие финской государственности в русле преобразований Александра II неизбежно вело к расширению ее автономии. Вполне прогнозируемым последствием развития ситуации могло стать столкновение интересов центра и окраины. Стремясь избежать финского сепаратизма, имперский центр предпринимает ряд мер, направленных на ограничение автономного статуса Княжества. С начала 90-х гг. Александр III переходит к открытой политике ликвидации автономного статуса Финляндии.

Революционные события 1905–1907 гг. благотворно отразились на положении окраины: самодержавие было вынуждено идти на уступки, утвердив новый сеймовый устав: революция 1905 г. восстановила все автономные права Великого княжества Финляндского [9].

Таким образом, Финляндия представляет особый образец политической автономии в составе империи. Она обладала собственным парламентом, монетной, почтовой и таможенной системами. В этом виде она являет собой весьма удачный образец регионалистской политики. В то же время имперское правительство, расширяя автономный статус окраины, стремилось управлять ею так же, как и рядовыми российскими территориями, не имевшими особого статуса. Столкновение двух различных начал политики: централистского и регионалистского – было неизбежным. В конечном итоге Великое княжество Финляндское в своем развитии повторило путь других политических образований в составе Российской империи.

С юридической точки зрения самую большую автономию в составе России имела Польша (до восстания 1831 г.). В отличие от финляндской польская автономия была закреплена конституционно.

Равно как и финская окраина, Польша никогда не являлась колонией Российской империи. И прежде всего это определялось тем обстоятельством, что указанные регионы по своему социально-экономическому развитию не уступали централь-

ным великорусским губерниям, однако в большей степени это относилось к Финляндии, нежели к Польше, ситуация в которой представлялась для имперского правительства несколько более сложной. Объяснялось это естественным постоянным стремлением поляков вернуть свою независимость.

После третьего раздела в 1795 г. Польша перестала существовать как единое и независимое государство. Между тем политические события в Западной Европе, непосредственно последовавшие за третьим разделом бывшей Речи Посполитой, невольно направили взгляды поляков на Францию (в этот период она вела войну с Пруссией и Австрией и имела крайне натянутые отношения с Россией). В республиканской Франции поляки видели защитницу своей погибавшей страны. Однако с низложением Наполеона Польша потеряла надежду вернуть себе независимость [10]. Несмотря на это обстоятельство, как отмечал М. Погодин, она выявила неисчерпаемую живучесть своей нации и тем самым демонстративно указала на необходимость нового разрешения польского вопроса [11]. Его решение находилось теперь в руках России. Уже в трех первых разделах 1772–1795 гг. на долю российского государства пришлось около трех четвертей территории и свыше половины населения бывшей Речи Посполитой. Теперь же, после того как Россия заняла княжество Варшавское, она владела 9/10 частями прежней Польши.

Основываясь на этом фактическом владении польскими землями, Александр I решил образовать соединенное с Россией Царство Польское, в состав которого должны были войти все подвластные России польские земли, т. е. большая часть территории прежней Польши.

На Венском Конгрессе (1814–1815 гг.), созванном после низложения Наполеона, польский вопрос был одним из наиболее важных и трудных. При его решении столкнулись интересы Пруссии, Австрии, Англии и России. Конгресс противился даже конституционной организации Царства Польского. В итоге восторжествовала русская дипломатия.

В результате произошел в сущности новый, четвертый, раздел Польши, по которому Россия, оставляя за собой польские земли, полученные по предыдущим разделам, получила большую часть княжества, включая Варшаву, под названием Царства Польского [12].

Александр I великодушно даровал Польше политическую автономию. Именно благодаря Александру польская окраина получила конституцию, которая являлась наиболее прогрессивной по тем временам конституционной хартией в Европе; в России же она считалась верхом либерализма [13].

Сам факт создания Королевства Польского и его довольно прогрессивная для своего времени конституция встретили положительное отношение со стороны значительной части польского общества. В то же время в его образованной части – среди шляхты, буржуазных слоев и интеллигенции – было немало недовольных, считавших более правильной прусскую либо профранцузскую ориентацию. Однако, несмотря на это, в конституции поляки видели базу дальнейшего развития польской государственности [14]. Между тем конституция Царства Польского вместе с автономией окраины провозглашала ее неразрывную политическую и династическую связь с Россией: Александр I стал царем Царства Польского [15].

Таким образом, Польша, будучи окраиной Российской империи, фактически являлась государством со своей конституцией, парламентом, армией, казной и *воеводствами* (не губерниями, как в большинстве окраин), возглавляемыми самими поляками [16]. Российский император, являвшийся одновременно польским королем, признавался главой исполнительной власти, однако законодательные функции он должен был осуществлять совместно с сеймом. Во время отсутствия императора его замещал наместник. При этом «польский наместник» обладал значительно большей компетенцией, нежели имперский генерал-губернатор, фактически являясь полномочным представителем императора на этой территории.

Польское восстание 1830 г. повлекло за собой упразднение конституции и, как следствие этого, потерю Польшей значительной части своей политической автономии. Взамен упраздненной конституции в феврале 1832 г. был принят «Органический статут», согласно которому Царство объявлялось частью России. Основная идея статута заключалась в административном слиянии Царства Польского с империей и установлении такого порядка, который бы исключал повторение подобных восстаний. Фактически Польша перешла на положение территории с административной автономией.

Следовательно, польская автономия представляет собой пример трансформации конституционно-монархического устройства в обычную административную автономию.

Сохранение определенной автономии в окраине было продиктовано стремлением имперского правительства децентрализовать его управление в целях усиления местной власти и повышения ее эффективности. Таким образом, Органический статут, заменивший собой конституцию 1815 г., оказался также достаточно либеральным. Однако он не был реализован, т.к. в Польше продолжалось революционное брожение, готовились новые выступления. В этой связи в 1834 г. император Николай вводит в Польше военное положение. Польским наместником был назначен фельдмаршал И.Ф. Паскевич, только что вернувшийся с Кавказа. Исходя из своего кавказского опыта, он стремился силой не допустить второго восстания... Всё это отодвигало реализацию статута 1832 г. на неопределенное время.

Вступление на престол Александра II символизировало собой наступление эпохи общей либерализации внутренней политики империи. В начале 60-х гг. предпринимались определенные попытки вернуть Польше политическую автономию. Заметим, что в основе их лежало стремление имперского правительства не допустить перерастания начавшихся в Варшаве беспорядков в очередное восстание. Для этого в Петербурге разрабатывался проект будущего управления Царством Польским, в частности, по указу от 27 мая 1862 г. восстанавливалась внутренняя автономия Польши, как это было по конституции 1815 г.

Однако эти меры были явно недостаточны. Вспыхнувшее в январе 1863 г. польское восстание было жестоко подавлено. В отношении окраины был взят курс на ее скорейшую инкорпорацию с империей. В конечном итоге именно восстание спровоцировало курс на унификацию и русификацию края. Происходит отмена наместнической формы правления вместе с административно-территориальной автономией края: в 1866 г. была введена общеимперская система управления краем, в 1874 г. упразднена должность наместника. На практике это означало полное уничтожение бывлой автономии, равно как и названия Царства Польского. Отныне в официальных документах оно именовалось Варшавским генерал-губернаторством.

Наиболее сложной российской окраиной в плане определения типологии модели управления является Кавказ. Разновременность присоединения территорий Кавказа к России, а также формы, в которых оно осуществлялось, предопределили и многообразие моделей управления. Этот регион являлся наиболее многонациональной окраиной империи, а его полиэтничность и многоукладность выступали важными факторами в процессе формирования местной административно-политической системы. Таким образом, здесь имели место смешанные формы (а точнее, несколько моделей) управления.

Модель административного управления, создававшаяся на каждой вновь приобретенной территории, предполагала учет местных особенностей, принципов административного устройства внутренних губерний России, на ней сказывались личные качества главы административной власти на Кавказе. В частности, в Закавказье в процессе его присоединения к России сложилось несколько форм управления: комендантская (военно-народная), губернская, областная, совмещавшиеся с более мелкими и локальными административно-территориальными – округами, магалами и пр. Кавказ на протяжении всей его истории в XIX – начале XX вв. оставался либо очагом волнений, либо театром военных действий, а это означает, что военная функция административно-политической системы здесь оказывалась подчас приоритетной.

На большей части окраины была распространена административная автономия. Выступая в качестве одного из способов децентрализации государственной власти в унитарном государстве, она предусматривала определенную степень самостоятельности территории [17].

Отличительной чертой *административной автономии* в составе Российской империи являлось наличие особых прав по устройству своей территории с верховной администрацией метрополии (империи) и смешанной – среднего и низшего звена.

В конце XVIII – начале XIX вв. большая часть территорий Северного Кавказа и Закавказья вошла в состав Российской империи, признав себя вассалами. Это обстоятельство позволяет рассматривать форму управления этой окраиной как протекторат. В пользу этой формы управления говорит то об-

стоятельство, что на Кавказ смотрели как на колонию России, которая поставляла бы в нее сырье для развивающейся текстильной промышленности. Активизация политики царизма на Кавказе была вызвана стремлением обеспечить развитие отечественной промышленности и торговли за счет расширения рынков сбыта и освоения источников сырья на окраинах империи. Постепенно на ханства стали распространяться общеимперские законы и административные учреждения [18].

Тем не менее на основных командных должностях находились представители коренного населения. Состав кавказской администрации был, по оценке современников, «совершенно исключительный», поскольку «ни по одному ведомству» здесь не было «хотя бы полурусской власти» [19]. Де факто в крае складывалось самоуправление. Таким образом, форма правления, которая утвердилась в регионе, была даже не протекторной, т.к. протекторат – это значительно больший контроль над местным самоуправлением. В кавказском же случае нельзя сказать, что поддавалось контролированию, а что – нет [20]. Однако попытка распространения на окраину общеимперского законодательства и управления встретила на Северном Кавказе сопротивление знати и широких народных масс, вылившееся в конечном итоге в Кавказскую войну.

Война была одним из самых сложных и драматичных событий истории региона. Ее основным ареалом оказались земли северного и среднего Нагорного Дагестана и Чечни. В конечном итоге именно война способствовала длительному сохранению в крае административных автономий.

В то же время в мусульманском Азербайджане, после его инкорпорации в Россию, с начала XIX в. до 40-х гг. даже при ликвидации отдельных ханств сохранялась старая административная и податная система. Подобная ситуация обуславливалась стратегическим значением Азербайджана, с одной стороны, и соответствующим уровнем его социально-экономического развития – с другой [21]. В большинстве ханств была введена система военно-народного управления – одна из разновидностей рассматриваемой модели управления окраинами (административной автономии).

Характерными чертами военно-народного управления являлись неразрывность (комбинирование) военной и гражданской власти; наличие выборных лиц из числа местного (коренного) населения на всех уровнях местного управления

(за исключением дел, имеющих политический характер); сохранение в рамках местного законодательства обычного (традиционного) права.

Мусульманские ханства переименовывались в «провинции», которые управлялись военно-окружными начальниками (комендантами из числа полковников или генералов российской армии) и подразделялись на магалы [22]. Подобное комендантское управление, основанное на методах азербайджанских ханов XVIII в., фактически ничем не отличаясь от системы ханского управления. Оно просуществовало до 1841 г. – введения нового учреждения для управления Закавказским краем [23].

Во второй половине XIX в. на Кавказе сохранялась тенденция увеличения доли местного населения во введенных Россией новых административно-управленческих структурах. Связана она была прежде всего с деятельностью двух кавказских наместников – М.С. Воронцова (1845–1854) и Н.Н. Муравьева (1854–1856) [24]. Подобная практика способствовала определенному повышению эффективности управления окраиной. В этот период многие горцы высших сословий стремились получить должность как в центральных, так и в региональных (местных) административных органах управления. Престижными должностями были места начальника округа, участка, старшины в сельском управлении. Основными требованиями со стороны российской администрации было знание русского языка и лояльное отношение к России. Тем, кто хотел сделать успешную карьеру в российских государственных или военных структурах, особенно центральных, негласно ставилось и другое условие – принятие православия. Специально для подготовки профессиональных чиновников из числа местных жителей 11 июня 1849 г. было утверждено «Положение о воспитании кавказских и закавказских уроженцев на счет казны в высших и специальных учебных заведениях Империи» [25].

На Северном Кавказе ликвидация автономий происходила в 60-е гг., после окончания Кавказской войны. Главная задача, стоявшая перед кавказскими наместниками, заключалась в скорейшем и по возможности полном инкорпорировании окраины в империю. Именно этим обстоятельством было обусловлено проведения ряда реформ системы управления

территорией, разработанных в контексте единой имперской административной системы [26].

Третьей моделью окраинного управления является управление с общеимперской государственной администрацией на всех уровнях.

Характерным отличием этой модели является наличие имперской (русской) администрации на всех уровнях местного управления: генерал-губернатор (наместник) – губернатор (гражданский или военный) – уездный начальник. Наличие на присоединенной территории исключительно общеимперской административной и законодательной системы означало полную инкорпорацию окраины в империю. Примером такой модели служит азиатская окраина империи (Сибирь, а впоследствии и Дальний Восток). Изначально на эту территорию была распространена общеимперская система административно-территориального деления управления во главе с воеводой, а впоследствии губернатором и генерал-губернатором. В результате административных реформ первой четверти XIX в. в административном отношении Сибирь состояла из двух генерал-губернаторств: Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского [27].

Стремление к дальнейшей унификации страны в контексте единой общеимперской административной системы обусловило ряд преобразований на азиатской окраине. В самом начале 80-х гг. Западно-Сибирское генерал-губернаторство было упразднено, а Тобольская и Томская губернии подчинены непосредственно «подлежащим министерствам» [28]. Однако одновременно с этим было учреждено Степное генерал-губернаторство, объединившее Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайскую области, а незадолго до этого, в 1839 г., административный центр генерал-губернаторства был перенесен из Тобольска в Омск, который и стал столицей нового административного образования. Тогда же было образовано Приамурское генерал-губернаторство в составе Забайкальской, Амурской и Приморской областей, а в ведении генерал-губернатора Восточной Сибири остались Иркутская, Енисейская губернии и Якутская область [29].

Представленные основные модели окраинного управления Российской империи отличались вариативностью и стремлением по возможности учитывать местную специфику инкорпорируемых территорий. Несмотря на обозначенное много-

образе, система окраинного управления имела ряд общих черт (компонентов). Прежде всего это существование главы местной администрации в лице наместника или генерал-губернатора. Пользующийся личным доверием императора, он обладал широкой компетенцией и определенной долей автономии для решения на месте большинства возникавших вопросов. Второй особенностью этой системы являлось использование местных обычаев, прежде всего местных институтов управления и судебной системы, а также активное привлечение национальной элиты к делам управления окраины (на местном уровне). Третьей существенной особенностью было стремление к унификации системы управления всеми окраинами в целях их полной инкорпорации в империю.

Таким образом, Российская империя начала XIX – начала XX вв. представляла собой континентальное многонациональное государство, раскинувшееся на огромной территории от Балтики до Тихого океана. Характерными чертами российской окраинной политики были ее поливариативность и значительная гибкость, что в конечном итоге обуславливало столь длительное и стабильное существование самой империи.

Вряд ли справедливо утверждать, что сущность российского «имперства» практически не отличается от западного. В России фактически все территории и населяющие их народы были носителями государственности. Более того, исторически «Россия никогда не была империалистической державой в обычном смысле этого слова, имея в виду, что не в ее привычках было приходить в другие страны с целью их завоевания» [30]. Кроме этого, в имперском прошлом не стоит видеть сплошной негатив. Следует помнить, что с ним были связаны такие важные процессы, как взаимовлияние этносов, социокультурный обмен. И от метрополий к колониям шло не только зло...

Примечания

1. Национальное государство: теория, история, политическая практика. // Полис. 1992. № 5–6. С. 31.
2. ПСЗ–1. Т. 30. № 22991. Т. 23. № 25824.
3. ПСЗ–1. Т. 30. № 22991. Т. 23. № 25824.
4. Похлебкин В.В. СССР – Финляндия. 260 лет отношений: 1713–1973. М., 1975. С.30–32.
5. Российские окраины... Гл. 8. С. 38.
6. Финляндия. СПб., 1898. С. 91–99.

7. Российские окраины. М., 2003. С. 38.
8. Аверин Б. Великое княжество Финляндское и Царство Польское в государственном механизме Российской империи (середина 60-х годов XIX века – 1881 год). М., 2003. С. 8; Дусаев Р.Н. Государственно-правовой статус Великого княжества Финляндского. С. 119.
9. Корево. Сеймовый устав для великого княжества Финляндского, Высочайше утвержденный 20 июля 1906 г. СПб., 1913. С. 118
10. Ананьич Б., Правилова Е. Имперский фактор в экономическом развитии России 1700–1914 гг. С. 4.
11. Коржихина Т.П., Сенин А.С. История российской государственности. М., 1995. С. 30
12. ПСЗ–1. Т. 23. № 25824.
13. Кулаковский П.А. Польский вопрос в прошлом и настоящем // Библиотека окраин России. № 3. С. 21
14. История Польши. М., 1954. Т. 1. С. 409; Краткая история Польши. М., 1993. С. 96–97.
15. Лохвицкий А. Обзор современных конституций. СПб., 1862. Ч. 1. С. 232.
16. История Польши. Т. 1. С. 495.
17. Политология: словарь-справочник. М., 2000. С. 8–9.
18. ПСЗ–2. Т. 15. № 13368.
19. Шавров Н. Русская колонизация на Кавказе // Вопросы колонизации. СПб., 1911. Т. 8. С. 65.
20. Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (Компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.) – Иркутск: Отгиск, 2002. С. 52.
21. Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // Вопр. истории. 1983. № 4. С. 42.
22. Магал (от араб махалл) – в данном случае участок. См. Дамешек И. Управление окраинами в Российской империи (Закавказье и Финляндия в первой половине XIX века) // Вестник Евразии. 2003. № 1 (20). С. 174.
23. Лурье С.В. Русское колониальное сознание и этнополитическая реальность Закавказья // Восток. 1993. № 3. С. 54–55; Эсадзе С. Указ. соч. С. 65; Колониальная политика русского царизма в Азербайджане. М.–Л., 1936. Т. 1. С. 7–10; ПСЗ–2. Т. 15. № 13368.
24. ПСЗ–2. № 18679; РГИА. Коллекция печатных записок. № 263; Историческая справка о ходе организации гражданского управления Кавказского края. С. 15; РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 281. Л. 3–3 об, 17–23.
25. ПСЗ–2. Т. XXIV. Отд. 1. № 23307.
26. Указ 29 января. ПСЗ–3. № 637; РГИА. Коллекция печатных записок. № 263. Историческая справка... С. 25, Протоколы Комиссии по составлению проекта Положения.; Указ от 29 января ПСЗ–3. Т. II. Отд. 1. № 638.
27. ПСЗ–1. № 28892, 2912.
28. ПСЗ–3. Т. 2. № 886.
29. ПСЗ–3. Т. 4. № 2524.
30. Коржихина Т.П., Сенин А.С. История российской государственности. М., 1995. С. 28–29; Устинов П. Моя Россия. М., 1986. С. 13.

*М.В. Шиловский,
доктор исторических наук,
профессор НГУ*

Освобождение матросов учебного корабля «Прут» из Акатуевской каторжной тюрьмы в декабре 1905 г.

История эта упоминается во всех публикациях, посвященных событиям первой русской революции 1905–1907 гг. в Сибири и Забайкалье начала XX в. В самой краткой редакции А.В. Константинов сообщает по этому поводу следующее: «В дни существования Читинской республики Совет рабочих и солдатских депутатов принял решение об освобождении матросов с транспорта «Прут», которые поддержали выступление на броненосце «Потемкин». В Акатуй из Читы с требованием об освобождении матросов был отправлен недавний узник этой тюрьмы, член Читинского комитета РСДРП В.К. Курнатовский. Матросы были освобождены» [1, с. 187; 2, с. 232]. В нашем случае постараемся исследовать этот эпизод, в том числе с точки зрения последствий для его участников и функционирования управленческо-судебной системы Российской империи.

Восстание на учебном корабле Черноморского флота «Прут» началось 17 июня 1905 г. под непосредственным влиянием событий на броненосце «Потемкин». Экипаж под руководством члена Центрального флотского комитета военной организации РСДРП матроса А.М. Петрова при поддержке около 40 практикантов Одесского училища торгового мореплавания и более 400 учеников машинистов захватили судно, арестовали офицеров и направили корабль в Одессу на соединение с «Потемкиным», но там его не застал.

«Цель их восстания состояла в том, – разъяснял читинцам В.К. Курнатовский в самом начале 1906 г., – чтобы прийти на помощь борющемуся пролетариату, захватить приморские города на побережье Черного моря и привлечь войска на сторону народа, показать им, что они должны бороться не против народа, из страждущих рядов которого они выходят, а против

того правительства, которое довело до разорения и обнищания крестьян, задерживало всякую попытку народных масс выйти из бесправия и темноты, отвечало на борьбу рабочих за улучшение своего экономического положения – нагайками, штыками и пулеметами. Когда легкомысленная, затеянная царским самодержавием война с Японией показала всю гнилость нашего государственного строя и обрекала страну на страшные жертвы, тогда волнения среди матросов Черноморского флота вылились в форму открытого политического восстания. Главным лозунгом восстания черноморских матросов было прекращение войны и созыв Учредительного Собрания. Восстание потерпело неудачу главным образом потому, что началось раньше назначенного срока» [3].

В ходе выступления были убиты боцман Козлитин и вахтенный офицер, прапорщик Нестерцов. Матросы захватили 152 винтовки, но в военном отношении учебное судно не представляло опасности. К его 10 орудиям имелись только холостые выстрелы для производства салюта. Из Одессы «Прут» направился в Севастополь, надеясь самим фактом своего появления на главной базе флота под красным флагом вызвать восстание. Навстречу выслали миноносцы, взявшие его под конвой. В Севастополе 44 участников выступления арестовали. Военно-полевой суд квалифицировал их деяния как общеуголовные и воинские преступления в военное время. Руководители «бунта» А. Петров, Д. Титов, И. Черный, И. Адаменко были приговорены к смертной казни и расстреляны. Остальных осудили на каторгу и тюремное заключение [4, с. 61–62].

Пятнадцать осужденных к каторжным работам матросов «Прута»: Л. Сизоненко, М. Чугунов, Ф. Цеслюк, Д. Филимонов, В. Шипаренко, Ф. Савельев, И. Минкян (Минько), Г. Чувильский, И. Личко, В. Козуб, А. Захаренко, М. Долженко, А. Гречко, Н. Галайкин и С. Борщенко – были направлены для отбытия наказания в Акатуевскую каторжную тюрьму Нерчинской каторги. Здесь с ними познакомился инициатор и руководитель их последующего освобождения видный социал-демократ В.К. Курнатовский (1868–1912), отбывавший с июля 1905 г. двенадцатилетний срок каторжных работ за организацию Романовского вооруженного протеста политических ссыльных в Якутске (февраль-март 1904 г.). Как и другие «политики», он был освобожден согласно амнистии, объявленной в Манифесте 17 октября 1905 г. Впрочем, уехал он недалеко

и вместе с группой профессиональных революционеров (Н.В. Бабушкиным, Н.В. Лурье, Н.Н. Кудриным, А.А. Костюшко-Валюжаничем и др.) обосновался в Чите, возглавив местный комитет РСДРП. Упомянутая амнистия не коснулась матросов, поскольку судили их не как государственных (политических) преступников, а уголовных и военных.

В своей повседневной деятельности читинские социал-демократы опирались на рабочих-железнодорожников Читинского узла и станций Оловянная, Хилок, Борзя, Верхнеудинск. Основное внимание обращалось на военнослужащих местного гарнизона и следующих из Маньчжурии воинских эшелонов. На 27 общих с рабочими собраниях и 7 митингах в конце 1905 г. в большом количестве присутствовали забайкальские казаки и солдаты [5, с. 268]. Активизировали свою деятельность местные эсеры, которые в ноябре провели областной съезд.

Под воздействием общей ситуации в стране и массовой пропаганды радикалов 16 ноября на общем собрании читинских рабочих и военнослужащих в железнодорожных мастерских (4 тыс. участников) последние принимают резолюцию, в которой выражают готовность «бороться вместе с рабочими под знаменем Российской социал-демократической рабочей партии против самодержавного правительства» [6]. 22 ноября на собрании избирается Совет солдатских и казачьих депутатов РСДРП во главе с А.А. Костюшко-Валюжаничем. 25 ноября на собрании офицеров, военных врачей и военных чиновников Читинского гарнизона утверждается следующее постановление: «Мы, военнослужащие Читинского гарнизона, как истинные сыны России, решительно заявляем, что существующее самодержавное правительство, вся деятельность которого направлена во вред народу, признаем лишенным доверия страны и поэтому все исходящие от него приказы и распоряжения не подлежат исполнению, если они клонятся во вред народа..., требуем немедленного созыва Учредительного Собрания». Документ подписали 22 офицера, 31 врач и 6 военных чиновников [7, л. 1].

Показательную картину положения дел в конце 1905 г. в столице Забайкалья нарисовал местный епископ Мефодий, отметивший: «...это было грандиозное посрамление царской особы, всех верноподданных. Не раз, когда в церкви шла служба, до меня доносилось с улицы пение этой разбойни-

чьей песни «Марсельезы»; ораторы водили публику на свои митинги посвящать ее во все тайны своего красноречия. Я послал как-то своего человека послушать, о чем говорят на этих митингах, – так, Боже мой, какие ужасы он мне сообщил! Там посрамлялась царская особа, травили всех административных лиц, Холщевникова называли царской собакой, а меня волшебником, который, дескать, околдовал солдат присягой. Да, было тяжкое время!» [8, с. 80].

В ноябре 1905 г. создается Комитет Забайкальской железной дороги во главе с Я.М. Ляховским. 15–16 ноября на всей территории Забайкальской области забастовали почтово-телеграфные служащие, вскоре к ним присоединились полиграфисты. 26 ноября началась очередная стачка железнодорожников, к которой примкнул персонал отдельных станций Забайкальской железной дороги. В тот же день на общем собрании избирается Смешанный комитет по перевозке войск, в который вошли социал-демократы А.А. Костюшко-Валюжанич, Н.Н. Суслов, А.И. Парамонов, П.Д. Качев, эсер П.И. Кларк. Главной задачей комитета являлась организация быстрой перевозки из Маньчжурии примерно 600 тыс. запасных и значительного количества кадровых военнослужащих, находившихся там после окончания Русско-японской войны. Подобные читинскому, стачечные и смешанные комитеты были созданы на целом ряде станций дороги, чтобы, по мнению заместителя начальника, в ближайшее время «полностью захватить дорогу в свои руки». Поэтому все распоряжения начальника дороги за Байкалом в рассматриваемое время «не исполнялись, за исключением тех, которые признавались революционными комитетами желательными» [9, с. 118, 107].

24 ноября 1905 г. по инициативе комитета РСДРП в городе прошла пятитысячная демонстрация. «Около дома губернатора [генерал-лейтенанта И.В. Холщевникова. – М. Ш.] толпа остановилась. К «маленькому самодержцу» была отправлена делегация с требованием немедленно освободить из тюрьмы Кривоносенко [Д.И. Кривоносенко – рабочий, член Читинского комитета РСДРП. – М. Ш.], двух казаков с военной гауптвахты. Требования были удовлетворены. Было предъявлено требование освободить матросов с «Прута», заключенных в Акатуевскую тюрьму. Губернатор сказал, что удовлетворить это требование не может, но обещал послать телеграмму на

имя министра». После освобождения арестованных демонстранты разошлись [6].

Действительно, военный губернатор Забайкальской области И.В. Холщевников почти беспрекословно выполнял требования радикалов. Более того, он испрашивал у руководителя Совета солдатских и казачьих депутатов А.А. Костюшко-Валюжанича разрешения выполнить заказы администрации в захваченной революционерами типографии областного управления. И получил ответ, «что типография будет выполнять любые работы, кроме заказов жандармского управления или заказов, связанных с каким-либо ущемлением прав гражданина» [10, с. 46]. Свою позицию генерал объяснял тем, что он не имел реальной силовой поддержки ввиду ненадежности гарнизона. Действительно, в декабре 1905 г. на экстренном совещании командиров частей Читинского гарнизона, проводимом под его руководством, констатируется, что «освободительное движение приняло в Забайкалье настолько широкие размеры, что захватило все классы населения, не исключая и военных» и «численность гарнизона совершенно недостаточна, чтобы предотвратить революционный захват почтово-телеграфной конторы» [11, с. 340]. За эту линию поведения начальника области впоследствии отстранили от должности и отдали под суд.

Сложившуюся ситуацию в Чите в конце 1905 – начале 1906 г. исследователи 1920–1970-х гг. однозначно квалифицировали как победу революции и период существования «Читинской республики». В последующем эта формулировка сохранилась, правда, без указания на создание новой власти, но с акцентом на то, что «работа правительственных органов была практически парализована» [2, с. 232; 1, с. 188]. Одни ученые отсчет истории «республики» начинали с 22 ноября 1905 г., другие – с 22 декабря того же года. На наш взгляд, в рассматриваемое время в Чите, как и в ряде других городов Сибири, в результате взаимодействия радикалов и либералов устанавливается двоевластие, т.е. сосуществование органов государственного управления (губернатора, полиции, воинских начальников, жандармерии, прокуратуры, железнодорожных чиновников) и созданных радикалами под руководством комитета РСДРП новых управленческих структур (Совета солдатских и казачьих депутатов, Смешанного комитета по перевозкам войск, Союза военнослужащих гарнизона, про-

фсоюзов и т.д.), опиравшиеся на военнотружущих и многочисленные вооруженные дружины.

Пожалуй, наиболее объективную картину происходившего в Чите в рассматриваемое время воссоздал по горячим следам помощник начальника Иркутского губернского жандармского управления в донесении от 6 июля 1907 г.: «В конце 1905 и в начале 1906 г социал-демократическая рабочая партия являлась уже настолько сильной организацией, что ей, хотя и на время, но уступили свою власть органы местной правительственной власти. Почта и телеграф, охранение общественного порядка, пути сообщения, хотя и временно, но находились в руках социал-демократической партии. Эта партия ... уже полагала, что почти достигла исполнения главной своей цели: ниспровержения существующего государственного строя, что еще один дружный натиск на ненавистное правительство – и на их стороне торжество победы. Она усиленно готовилась к решительному бою, запасаясь оружием, разграбленным из поездов, следовавших на театр военных действий. Не встречая в лице органов правительственной власти должной преграды своим стремлениям, она дошла до того, что вполне обезличила эту правительственную власть, которая преклонялась и заискивала перед ней» [12, с. 155]. Но даже в этом документе не говорится о полном захвате власти революционерами в столице Забайкалья. Позиция И.В. Холщевникова в вопросе об освобождении матросов – яркое тому подтверждение. Стараясь не конфликтовать с радикалами, он четко обозначил свою некомпетентность в этом вопросе, обещая лишь поставить в известность министра внутренних дел.

Тогда, по признанию В. К. Курнатовского, «Российская социал-демократическая рабочая партия взяла на себя обязанность освободить товарищей матросов, томлящихся за стенами Акатуевской каторжной тюрьмы, вырвать их из когтей неволи и вернуть их народу» [3]. Решение об этом принимается на митинге в Чите 15 декабря 1905 г. [13, л. 12]. Для этого Читинским комитетом РСДРП формируется делегация из двух ее представителей и четырех «делегатов от Читинского совета солдатских и казачьих депутатов к начальнику Акатуевской тюрьмы с требованием освободить матросов» [3]. Делегацию возглавил В.К. Курнатовский, представляя в ней с одним неизвестным руководящий орган местных социал-демократов.

Что касается военнослужащих, то, согласно приговору временного военного суда от 10 марта 1906 г., подсудимые: фельдфебель писарской команды штаба Забайкальского казачьего войска Н.С. Шемякин; писари, нестроевые старшего разряда И.И. Таранов, Г.Ф. Голубцов, П.Н. Федоров, К.М. Белоглазов, Д.Т. Петрушев; нестроевые младшего разряда Г.И. Чистохин, В.П. Чистохин, А.Л. Суворов, Волков; казаки Каргин, Иннокентий Гантимуров, Ц. Ранжуров, М.Е. Братеньков, Г.А. Шишкин; писари войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска, нестроевые младшего разряда Я.В. Гантимуров, А.И. Беломестнов, М.И. Козулин, А.А. Лопатин, И.Я. Перевалов, А.Г. Простакишин, П.С. Селяев, К.М. Пешков, Е.Р. Гантимуров; младшего разряда К.И. Рюмкин; вольноопределяющиеся Г.И. Чирков, А.П. Лопатин; рядовые читинской местной команды Г.И. Белякин, Е.В. Полубояринов – 15 декабря 1905 г. в Чите «после митинга, собранного их единомышленниками, на коем было постановлено освободить из Акатуевской каторжной тюрьмы содержащихся там в каторжных работах за бунт бывших матросов транспорта «Прут», они, избрав из своей среды делегатами Всеволода Чистохина, Андрея Андреева Лопатина, Григория Белякина и Егора Полубояринова, отправили их в Акатуевскую тюрьму, куда те, снабженные выданным от имени Читинского комитета Российской социал-демократической рабочей партии требованием об освобождении арестантов, с полномочиями на приведение этого требования в исполнение, отправились...» [14, л. 35 об.].

Можно предположить, что большую часть перечисленных лиц составляли местные уроженцы из числа казаков Забайкальского войска, включая аборигенов (Гантимуровы, Ранжуров). Так, в статейном списке осужденного В. П. Чистохина указывается, что он из мещан города Читы [15, л. 1 об.]. Всем им, помимо причастности к освобождению ссыльно-каторжан, инкриминировалось: во-первых, участие в конце 1905 г. в Чите «вместе с другими по делу не обнаруженными лицами в преступном сообществе ... учинение насильственного посягательства на изменение в России установленно-го основных законов образа правления»; во-вторых, они, «вместе с подсудимым Курнатовским, принадлежа к боевой социал-демократической революционной партии, участвовали в митингах, совращали местный гарнизон от долга при-

сяги путем пропаганды и угроз к вооруженному восстанию с целью ниспровергнуть основными законами установленный образ правления и ограничению прав священной особы царствующего монарха, что и привели в исполнение, возмутив Читинский гарнизон и местное население...» [14, л. 35 об. – 36]. На основании вышесказанного можно считать всех названных в приговоре лиц членами Совета солдатских и рабочих депутатов, хотя в приговоре это название не упоминается.

Как описывает В.К. Курнатовский, «16 декабря делегация выехала на Борзю, где железнодорожные товарищи снабдили ее шубами и валенками для всех подлежащих освобождению матросов. Из Борзи делегация выехала на Акатуевский рудник степью. Всюду в деревнях она встречала радушный прием, крестьяне, казаки и инородцы стекались на остановках в те избы, где останавливались делегаты, с жадностью расспрашивали о том, как идет борьба за освобождение народа от старого режима, рассказывали о своих нуждах, спрашивали, что им делать, чтобы избавиться от хищника-кабинета [Кабинета его императорского величества (КИВ), собственника земли в Забайкальской области. – М.Ш.], опутавшего все Забайкалье, как добиться лучших условий своего существования» [3]. Из информации Курнатовского можно понять, что ехала делегация в отдельном вагоне.

Акатуйская (Акатуевская) каторжная тюрьма I разряда (1829–1917 гг.) находилась в 507 верстах от Читы и 189 верстах от Нерчинска. Ее комплекс на 100 мест (мужское, женское отделения, лазарет, церковь, хозяйственные постройки, казарма) был достроен и введен в эксплуатацию в 1889 г. Охрану осуществляли 60 нижних чинов, 2 офицера и 14 унтер-офицеров и ефрейторов [6, л. 128]. Пенитенциарное учреждения являлось местом заключения наиболее опасных политических преступников. Здесь отбывали наказание М.С. Лунин, М.В. Петрашевский, П.Ф. Якубович, В.К. Курнатовский и др.

20 декабря 1905 г. в Акатуе делегация явилась к начальнику тюрьмы, статскому советнику П.П. Фищеву и, в изложении В.К. Курнатовского, «потребовала от него в ясной и категоричной форме немедленного освобождения матросов, заявив, что в случае отказа с его стороны освободить матросов перейдет к другим мерам, не считаясь с его властью. Начальник тюрьмы уступил оказанному на него давлению и послал

двух делегатов-солдат объявить матросам, что они освобождены. Скоро явились и бывшие узники – теперь освобожденные граждане, готовые вновь вступить в ряды борцов за освобождение народа» [3]. В приговоре акция освобождения воспроизводится в следующей редакции: «...[делегаты] явились к начальнику тюрьмы Фищеву, предъявили ему свои полномочия и, под угрозой в случае неисполнения употребить в дело вооруженную силу, потребовали от него освобождения вышеуказанных матросов, что испуганный Фищев и исполнил» [14, л. 36].

Почему, имея под своей командой более 70 вооруженных военнослужащих, начальник тюрьмы уступил незаконным требованиям шести делегатов и какие «другие меры» могли они применить, можно только предполагать. Решающую роль в освобождении заключенных сыграли делегаты-военнослужащие, которые могли распропагандировать караул тюрьмы. Не случайно В.К. Курнатовский в воспроизведенном выше фрагменте текста пишет о том, что П.П. Фищев «послал двух делегатов-солдат объявить матросам, что они освобождены», хотя, казалось бы, оповестить сидельцев должны были надзиратели. Но более правдоподобна другая версия, кратко изложенная в приговоре от 2 апреля 1906 г.: «Фищев ... освободил из тюрьмы 15 каторжных матросов транспорта «Прут» по случайной ошибке и обману, получив на то ранее распоряжение от высшего начальника края» [14, л. 37]. Обман мог заключаться в фальсификации телеграммы, посланной из Читы, из штаба Забайкальского казачьего войска, якобы от имени военного губернатора области, поскольку начальник губернии был одновременно наказным атаманом войскового объединения.

Освобожденные вместе с членами делегации отправились со станции Борзя вместе с воинским эшелоном в обратный путь. На станции Оловянная 24 декабря участники экспедиции отобедали по приглашению местных железнодорожников в столовой. «После обеда товарищи матросы с железнодорожными рабочими станции Оловянной с пением «Марсельезы» и тремя красными знаменами вернулись в вагон, – свидетельствует В.К. Курнатовский. – Знамена были водружены над вагоном. Не успели, однако, проехать и пяти верст, как случился инцидент, показавший, сколько темноты и чисто варварской жестокости таится в недрах наших солдатских масс, обездо-

ленных и озлобленных всякими лишениями и угнетениями. Поезд был неожиданно остановлен. Не зная причин задержки (потом оказалось, что в поезде произошел разрыв), солдаты приписали ее тому, что поезд арестован из-за красных флагов нашего вагона. Не успели мы оглянуться, как флаги были сорваны и изодраны, три товарища со ст. Оловянная, выскочившими первыми из вагона, чтобы узнать о причине остановки поезда и чтобы успокоить солдат, сбиты с ног ударами по голове и жестоко избиты, причем у одного из них вытащили часы и 120 рублей денег. В этих черносотенных подвигах принимали участие из всего эшелона лишь кучка в 40–50 человек. Особенно выделялся своей черносотенной агитацией казачий офицер Заб[айкальского] войска, усиленно возбуждавший солдат опрокинуть наш вагон, поджечь его. Мы готовились к вооруженному отпору. Но, к счастью, солдаты, узнав причину задержки, успокоились. Наш вагон отцепили и вернули на Оловянную, где мы все запаслись оружием. В ночь на 26 декабря мы без дальнейших инцидентов прибыли в Читу, где были встречены товарищами от Комитета» [3].

Но на этом эпопея с матросами-каторжниками не завершилась. 23 декабря 1905 г. император Николай II подписал указ о введении военного положения в городах и уездах вдоль линии Сибирской и Забайкальской железных дорог. Отстраняется от должности И.В. Холщевников, и на его место назначается генерал-майор А. В. Сычевский. 21 января 1906 г. в Читу вступают эшелоны карательной экспедиции генерал-лейтенанта П.К. Ренненкампа. Началась расправа над побежденными.

Уже 19 января прокурор Читинского окружного суда Студзинский сообщил военному губернатору Забайкальской области: «До сведения моего дошло, что в конце минувшего декабря начальником Акатуевской каторжной тюрьмы по требованию делегатов какого-то мятежнического комитета самовольно освобождены 9 ссыльнокаторжных, бывших матросов транспорта “Прут”, принужденных военно-морским судом к каторжным работам за бунт». «Государево око» потребовало немедленно провести расследование относительно правомерности действий начальника тюрьмы, а также «принять все меры к задержанию противозаконно освобожденных преступников» [17, л. 1–2].

25 января А.В. Сычевский в циркуляре уездным начальникам, полицмейстерам и горным исправникам потребовал «произвести розыск ... государственных преступников, освобожденных начальником Акаатуевской тюрьмы Фищевым по требованию делегатов от Читинского комитета Российской социал-демократической партии и представителей от совета солдатских и казачьих депутатов – матросов транспорта “Прут”»: Н. Галочкина [Галайкина], И. Миняна [Минкяна], Д. Филимонова, И. Личко, А. Захаренко, Ф. Савельева, А. Гречко, С. Борщенко, М. Долженко, В. Шанаренко [Шапаренко], В. Козуба, Ф. Цеслюка, Г. Чувильского, М. Чугунова, Л. Сизоненко и Г. Цеслюка [17, л. 3–3 об.], которого в списках 15 осужденных матросов не было.

Нашли и водворили ли обратно по сути дела сбежавших с каторги матросов, мне пока не известно. По крайней мере среди 29 ссыльнокаторжных бывших матросов, переведенных из Акаатуевской в Александровскую тюрьму в апреле 1906 г. из-за угроз расправиться с ними со стороны уголовников, ни одного из освобожденных в конце декабря 1905 г. нет [18, л. 31; 19, л. 32–32 об.]. По всей видимости, до появления в Чите карателей матросы успели выехать из Читы в европейскую часть России или за границу.

Но вот участникам их освобождения досталось по полной программе. 10 марта 1906 г. временный военный суд в Чите под председательством командира 17-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковника Тишина и членов его: подполковника 4-го Заамурского железнодорожного батальона Рохнера, исполняющего обязанности прокурора, командира роты 282-го Черноярского пехотного полка капитана Павлова рассмотрел дело о Н. С. Шемякине, И.И. Таранове, Г.Ф. Голубцове, П.Н. Федорове, К.М. Белоглазове, Д.Т. Патрушеве, Г.И. Чистохине, В.П. Чистохине, А.Л. Суворове, Волкове, Каргине, И. Гантимурове, Ц. Ранжурове, М.Е. Братенькове, Т.А. Шишкине, Я.В. Гантимурове, А.И. Беломестнове, М.И. Козулине, А.А. Лопатине, И.Я. Перевалове, А.Г. Простакишине, П.С. Селяеве, К.М. Пешкове, Е.Р. Гантимурове, К.И. Рюмкине, Г.И. Чиркове, А.П. Лопатине, Г.И. Белякине, Е.В. Полубояринове, потомственном дворянине В.К. Курнатовском, начальнике Акаатуевской тюрьмы П.П. Фищеве и его помощнике Л.Д. Островском.

Конкретно Курнатовскому, совместно с Чистохиним, Лопатиным, Белякиным, Полубояриновым и «одним не разысканным лицом» инкриминировалось, что он 20 декабря 1905 г. «добился от начальника Акатуевской тюрьмы путем угроз освобождения из каторги вышеуказанных бывших матросов с транспорта “Прут”».

Суд приговорил «лишить каждого из них [за исключением Фищева и Островского] всех прав состояния, а нижних чинов и воинского звания и приговорить каждого из них к смертной казни через расстреляние» [20, л. 83–84]. 21 марта 1906 г. временный военный суд в Чите приговорил нестроевого старшего разряда Хрисанфа Филиппова только за участие 15 декабря 1905 г. в избрании делегатов для освобождения матросов к исключению из военной службы и отдаче в исправительное арестантское отделение на один год» [13, л. 12–12 об.]. Более высокая судебная инстанция – Читинский военно-окружной суд 2 апреля 1906 г. утвердил приговор временного военного суда от 10 марта в отношении большей части подсудимых. Одновременно он оправдал начальника Акатуевской каторжной тюрьмы статского советника П.П. Фищева. «Подсудимых писарей Штаба войск области нестроевых младшего разряда Павла Васильева Волкова, казаков Иннокентия Иванова Каргина, Иннокентия Александрова Гантимурова и помощника начальника Акатуевской тюрьмы губернского секретаря Людомира Николаевича Островского» по недоказанности обвинений признали по суду оправданными [14, л. 37–38].

В тот же день высочайшим повелением всем 27 осужденным смертную казнь заменили каторжными работами на следующие сроки: Чиркову, Е. Гантимурову, Перевалову – на четыре года каждому; Я. Гантимурову, М. Косулину, К. Рюмкину и Г. Шишкину – на шесть лет каждому; Белоглазову, Ранжурову, Простокишину, Пешкову и А.П. Лопатину – на 10 лет каждому; Таранову, Голубцову, Федорову, Петрушеву, Г. Чистохину, Суворову, Беломестнову, Братенькову и Селяеву – на 15 лет каждому; Шемякину, В. Чистохину, А.А. Лопатину, Белякину, Полубояринову и Курнатовскому – «каторгою без срока» [14, л. 38]. Как указано в статейном списке главного участника рассматриваемого события В.К. Курнатовского, он «признал виновным в принадлежности к преступному сообществу для ниспровержения существующего строя, освобождении осужденных матросов транспорта “Прут”, уча-

ствовании в митингах и совращении нижних чинов от долга присяги» [21, л. 24].

Впрочем, сидел опасный государственный преступник недолго. 21 мая 1906 г. он бежал из Нерчинской городской больницы, отпущенный врачом Ф.Ф. Зензиновым под честное слово на прогулку. Следствию не удалось доказать причастность медика к побегу. Однако, по свидетельству М.К. Ветошкина, «большую помощь в устройстве побега Курнатовского нам оказал нерчинский городской врач Зензинов, который с риском для себя дал врачебное заключение, что Курнатовского, как “тяжело больного” необходимо перевести для операции в городскую больницу в Нерчинске» [22, л. 318]. Характерно, что сбежал революционер по пути в Акатуевскую каторжную тюрьму, в которой уже сидел до конца октября 1905 г., а потом приезжал 20 декабря того же года во главе делегации для освобождения матросов с учебного судна (транспорта) «Прут». Виктор Константинович, получив от М.И. Губельмана одежду, деньги и адреса, добрался до Харбина, а затем переехал в Японию, а оттуда в Австралию.

Что касается остальных осужденных по делу об освобождении матросов с учебного судна «Прут» из числа военнослужащих Читинского гарнизона, то все они по состоянию на 1 ноября 1906 г. отбывали наказание в Акатуевской каторжной тюрьме [19, л. 29–30]. Среди политических арестантов Зерентуйской каторжной тюрьмы на 1 января 1915 г. значились: А.И. Беломестнов из казаков 2-го отдела Забайкальского войска, осужденный 10 марта 1906 г. на 15 лет каторжных работ, и А.А. Лопатин из казаков того же 2-го отдела, приговоренный 10 марта 1906 г. к бессрочной каторге [23, л. 3, 4].

Примечания

1. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Новосибирск, 2000.
2. Константинов А.В., Константинова Н.Н. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года). Чита, 2002.
3. Курнатовский В.К. К освобождению матросов из Акатуевского рудника // Забайкальский рабочий (Чита). 1906. 3 янв.
4. Болгари П., Зоткин Н., Корниенко Д., Ляхович А. Черноморский флот. Исторический очерк. М., 1967.
5. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982.
6. Забайкальский рабочий. 1905. 7 дек.
7. Центр документации новейшей истории Иркутской области (ЦДНИ-ИО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 119.
8. Сибирские вопросы. 1906. № 1.

9. Мелентьев А.С. Забайкальская железная дорога во время мира и русско-японской войны. 1900–1907. Асхабад, 1911.
10. Гуро И.Р. Подвиг Антона Костюшко. М., 1961.
11. Смирнов Н.Н. Слово о забайкальских казаках. Волгоград, 1994.
12. История рабочего класса Восточного Забайкалья (1707–1922). Сборник документов и материалов. Иркутск, 1981.
13. Центральный государственный архив Дальнего Востока (ЦГА ДВ). Ф. 1096. Оп. 1. Д. 77.
14. ЦГА ДВ. Ф. 1096. Оп. 1. Д. 73.
15. ЦГА ДВ. Ф. 1096. Оп. 1. Д. 72.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 4. Д. 106.
17. ЦГА ДВ. Ф. 1096. Оп. 1. Д. 56.
18. Там же. Д. 47.
19. Там же. Д. 46.
20. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 246. Оп. 3. Д. 213.
21. ЦГА ДВ. Ф. 1096. Оп. 1. Д. 71.
22. Ветошкин М.К. Забайкальские большевики и Читинское вооруженное восстание 1905–1906 гг. Чита, 1949.
23. Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 113. Оп. 7. Д. 1062.

Ю.М. Гончаров,
доктор исторических наук,
профессор АГУ

Гендерные стереотипы по отношению к сфере сексуальности женщин и мужчин в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье, современность), шифр № 2012-1.1-12-000-3001-017.

Отношение к женской сексуальности в сравнении с мужской весьма показательно для характеристики неравноправного положения женщины. В современной науке оно является одним из главных маркеров, на основании которых анализируются или реконструируются, если говорить об исторических исследованиях, гендерные стереотипы или гендерные статусы³⁷⁹.

Говоря о контроле над женской сексуальностью в сравнении с мужской, необходимо признать, что для Сибири были характерны традиционные, патриархальные принципы. И хотя встречаются такие мнения, что «на поведение девушек до замужества смотрят снисходительно»³⁸⁰ или даже что «в Сибири была совершенная распущенность в отношениях между холостыми и незамужними лицами... Разврат широкой волной охватывает все сословия с высших до низших, и вся эта грязная и бурная сатурналия отдается всей тяжестью на женщине»³⁸¹, тем не менее нравы были строгие, и сексуальные отношения находились под жестким контролем общественного мнения, в особенности для женщин. При этом, на наш взгляд, при контроле добрачных и сексуальных практик

³⁷⁹ Келли Дж. Женщины, история и теория // Феминизм: перспективы социального знания. М., 1992. С. 110.

³⁸⁰ Павлов А. 3000 верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки. Тюмень, 1878. С. 138.

³⁸¹ Ядринцев Н.М. Женщина в Сибири в XVII и XVIII столетиях. Исторический очерк // Женский вестник. 1867. № 8. С. 114–116.

очень многое зависело от социального положения. Если в среде чиновников, верхушки купечества, интеллигенции такие связи контролировались довольно жестко и однозначно осуждались, то в среде мещан, ремесленников, торговых служащих к ним относились гораздо более терпимо. Об этом, в частности, свидетельствуют мемуары приказчика П.Ф. Кочнева³⁸².

О двойном стандарте по отношению к женской и мужской сексуальности красноречиво свидетельствуют бракоразводные дела, отложенные в сибирских архивах. Для расторжения брака необходимо было подать соответствующее прошение с обоснованием своей просьбы. В прошениях горожан о разводе указывались, например, такие причины: «ссылка супруга за убийство далее в Сибирь», «невозможность исполнения супружеского долга» и т. п. Но самой распространенной причиной развода, как уже было отмечено исследователями³⁸³, была «прелюбодейная жизнь» одного из супругов. При этом в подавляющем большинстве случаев инициаторами разводов были мужчины.

Так, ялуторовский купец Василий Иванович Ушаков в 1905 г. писал в прошении: «Оставшись вдовым после первого брака в цветущем возрасте, я, по моему семейному положению и условиям хозяйственных и торговых дел, а также по привычке к семейной регулярной жизни – вступил в брак с шадринской купеческой дочерью Анной Афанасьевной Смирновой. ... Но через некоторое время жена выказала себя разными предосудительными поступками, во всех отношениях настолько несообразно и грубо, что вызвало во мне опасение за сохранение благополучия в нашей жизни»³⁸⁴.

Преобладание мужчин среди инициаторов разводов по мотивам «прелюбодейной жизни» совсем не означает, что женщины в Сибири были сексуально раскованы. Наоборот, мужчины имели гораздо больше возможностей для внебрачных сексуальных связей. Например, среди купечества, части мещан, чиновников этому способствовали частые и длительные поездки по торговым и служебным делам. Подобные связи в подавляющем большинстве случаев не приводили к разводам. В отношении же внебрачных сексуальных связей жен-

³⁸² Кочнев П.Ф. Жизнь на большой реке: записки сибирского приказчика. Новосибирск, 2006.

³⁸³ Freeze G.L. Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia // The Journal of Modern History. Vol. 62. 1990. № 4. P. 733–735.

³⁸⁴ ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 38. Д. 1614. Л. 1.

щин господствовала крайняя нетерпимость. Малейший намек на такую связь мог стать и становился поводом для развода.

Сексуальные отношения находились под строгим контролем общественного мнения, но касалось это в основном женщин. Девушка до замужества не могла выйти из дома без разрешения родителей. Один из современников, Всеволод Вагин, так описывал семейные отношения сибирских горожан в середине XIX в.: «Отношения между полами и семейные были, может быть, не строже, но лицемернее нынешних. Уход жены от мужа был тогда неслыханным делом; женщина, которая решилась бы на такой шаг, подверглась бы всеобщему презрению. Незаконные связи замужних женщин были большой редкостью. Мужчины, разумеется, были гораздо развратнее»³⁸⁵.

Очень характерное наблюдение оставил чиновник В.В. Струве, назначенный по службе в Сибирь: «Здесь я познакомился с типом сибирского купца тогдашнего времени; в обществе ... скромн и сдержан, всегда, как говорится, с камнем за пазухой, в делах прозорлив, смел и ловок, в доме истинно, «по-сибирски» гостеприимн и радушен, хороший семьянин, дозволяющий себе за порогом семейным, в кругу своей братии широкий разгул, а на ярмарках полнейшую разнузданность во всех отношениях, будто семья не существует... Тюменская ярмарка свела меня с многими иркутскими купцами, как молодыми, неженатыми, так и пожилыми; последних я считал по образу жизни, который они здесь вели, или за холостяков, или за бездетных вдовцов. Каково же было мое удивление, когда я, по приезде в Иркутск, узнал во многих из них почтенных отцов семейств, пользующихся уважением в кругу семейном и почетом в обществе, – ярмарки как будто не было»³⁸⁶.

Особенно ярко двойной стандарт проявлялся в среде купечества. О русском купце давно сложился весьма негативный стереотип: купец обязательно обманщик, эксплуататор, невежа, он вне конкуренции по потреблению спиртного и по обжорству, деспот в семье, распутник и т.д. Во многом появлению такого образа мы обязаны отечественной художественной литературе. Достаточно вспомнить типы купцов в произ-

³⁸⁵ Вагин В. Сороковые года в Иркутске // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 469.

³⁸⁶ Струве В.В. Воспоминания о Сибири. 1848–1854 гг. СПб., 1889. С. 11.

ведениях Островского, Горького, Шишкова и многих других русских писателей, как дореволюционных, так и советских. Конечно, такие образы не рождались на пустом месте. На всю страну гремели кутежи в Московском купеческом клубе, ресторане «Яр», во время больших ярмарок. Любили купцы цыганские и венгерские хоры, не чуждались и других радостей жизни³⁸⁷. Ну а провинциальное купечество старалось копировать вкусы купцов столичных.

Нередко в фольклоре купцам-молодцам приписывался «распутный» образ жизни: «Торгует купеческий сын один в лавке, приходят к нему девки, он и дает им всё в долг, и много уж товару изнурил без денег. Когда же пришла пора отправляться в путешествие за новым товаром, дядя отказался брать с собой племянника, говоря, его матери: “Не надо твоего сына, он распутного поведения”»³⁸⁸. Приведенный пример показывает, что в массовом сознании сама возможность иметь многочисленные сексуальные связи являлась одной из черт профессиональной деятельности купцов, которые имели для этого, во-первых, материальные возможности, во-вторых, часто совершали длительные поездки по торговым делам, отрываясь от дома и семьи.

Свидетельства о разгульной жизни купцов часто проникали и на страницы газет. Вот как описывала «Сибирская газета» похождения известных томских купцов Александра и Иннокентия Кухтериных: «Во-первых, они спозаранку напились пьяны. Потом, взявши 8 подручных ямщиков, привели их в баню Хотимской, а сами зашли в публичный дом и, взявши там одно из несчастных созданий, вернулись с ней в баню, чтобы выпариться с ней сообща. Девушка, увидев пьяных ямщиков, испугалась и побежала домой в свое заведение. Она подняла отчаянные крики, на которые выбежала содержательница дома солдатка Арионова. Подросшие Кухтерины принялись бить Арионову, помяли ей бока и расшибли голову»³⁸⁹. На страницах той же газеты анонимный автор в статье «Проституция и сифилис в Томске» отмечал «блудливость имущего населения, в котором излишек денег и недостаток общественности, недостаток нравственных, на-

³⁸⁷ См.: Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта начала XX в. М., 2010.

³⁸⁸ Цит. по: Кошцева Т.В. Купец в представлениях русского народа // Культурное наследие Азиатской России. Тобольск, 1997. С. 87.

³⁸⁹ Сибирская газета. 1888. 7 янв.

учных, художественных и политических интересов раздражает грубейшие инстинкты, развивает стремление к разнобразию в разврате, что вызывает громадный спрос на разврат в Томске, который должен породить соответствующее предложение»³⁹⁰.

Стремление соответствовать идеалу купца – «хозяина жизни» чаще всего и подвигало торговцев на разухабистые загулы. В купеческой среде сложился даже специальный ритуал празднования удачных сделок, в который входило не только поглощение огромного количества шампанского и цыганские хоры, но и поездки в «бани», «номера», публичные дома. Совершение экономического акта – сделки должно было завершаться актом половым. Таким образом, сексуальность оказывалась тесно связанной с экономической деятельностью, а экономический успех ассоциировался с большими сексуальными возможностями.

Экономическая власть мужчины делала его неограниченным хозяином в семье. Нередко и в XIX столетии в купеческих семьях соблюдалась строжайшая субординация, схожая по своим канонам с предписаниями достославного «Домостроя». Специфика семейных отношений в купечестве заключалась в том, что они были в значительной степени материализованы. Материальная основа жизни купеческой семьи – торговые операции находились в руках мужчины. Власть мужа цементировалась властью денег. В силу этого обладание деньгами, капиталом рассматривалось как свойство мужчины. При этом именно в руках мужчины деньги становились капиталом, т.е. приобретали активный характер, начинали работать и приносить прибыль. Состояние же, находящееся во владении женщины, по представлениям современников, имело пассивный, косный характер и могло только проживаться. Таким образом, именно мужские качества, по представлениям того времени, являлись тем творческим началом, которое активизировало деньги.

Не случайно в купеческой среде преобладало резко негативное отношение к бракам с представителями других сословий. Гипертрофированное чувство «хозяина» могло пострадать, если купец женится на дворянке, не подготовленной своим воспитанием к восприятию купеческой мужской идентичности. Вот как об этом говорили современники: «Встре-

³⁹⁰ Сибирская газета. 1883. 20 фев.

тить дворянина или дворянку в купеческой среде было такою же редкостью, как купца или купчиху в дворянской. Если это происходило, то возбуждало всеобщее живейшее и притом саркастическое любопытство по отношению тех, кто нарушил обычаи своих каст. ...если купец женился на дворянке, об нем соболезновали. Дворянке никак не полагалось выходить за купца иначе, как не имея юбки за душой. А какое же благополучие могло ожидать при таких условиях? Известное дело: оберет мужа, одарит свою семью, заведет полубовника из “своих”, да и уйдет от мужа. Да еще смеяться станет: этакое дурака обошла!»³⁹¹

Двойной стандарт приводил к крайне нетерпимому отношению к внебрачным рождениям. Положение женщины, родившей незаконнорожденного ребенка, было чрезвычайно сложным: она практически не имела шансов вступить в брак, найти работу. Всё это приводило к тому, что в полицейских донесениях о происшествиях в сибирских городах часто встречались такие записи как, например: «В Тобольске 16 марта [1870 г.] неизвестная женщина взошла в дом мещанина Ильи Панфилова, с грудным младенцем женского пола, и когда хозяйка дома Наталья Панфилова отлучилась в другую комнату, то упомянутая женщина, оставив ребенка на кровати, вышла на улицу и более не возвращалась»³⁹².

Подобная ситуация была характерна для всей российской провинции. Только в больших городах, да и то преимущественно в слоях интеллигенции, к концу XIX в. положение начинало меняться³⁹³, сибирское же население в своей массе было очень консервативно.

В целом в русской провинции в XIX – начале XX вв. давление социальной среды, направленное на формирование групповых стандартов, связанных с полоспецифическим поведением, было весьма значительно.

Гендерный порядок постепенно менялся в результате социальных перемен. Уменьшалась власть мужчины в семье, изменялось отношение к женщине, под влиянием западных моделей формировалась новая буржуазная модель любви и брака. Однако традиционность, стойкая патриархальность

³⁹¹ Вишняков Н.П. Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. М., 1911. С. 39.

³⁹² РГИА. Ф. 1286. Оп. 31. Д. 1820. Л. 38 об. – 39.

³⁹³ Энгельштейн Л. Ключи от счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М., 1996.

помешали завершению этого процесса даже среди привилегированных сословий: их патриархально-авторитарная основа не была серьезно подорвана и в основных чертах сохранилась до 1917 г. В купеческой среде, как отметил А. Рибер, «поведенческие нормы были устойчивы и не могли быть сброшены так же легко, как традиционный кафтан»³⁹⁴. Главной причиной было то, что мужчины, продолжавшие концентрировать в своих руках все экономические рычаги, не спешили корректировать собственные представления о мужественности, которые их вполне устраивали.

Приниженное положение женщин приводило к проституции. По данным ЦСК, на 1 августа 1889 г. в Сибири действовало 90 домов терпимости, в которых проживало около 500 женщин. При этом большинство проституток занимались своим промыслом нелегально³⁹⁵. Условия их жизни были незавидными: либо они платили за стол и кров и в этом случае забирали себе половину заработка, либо, если платить было нечем, хозяйка забирала себе всё заработанное. Расценки были невелики: «на время – 1 руб., на ночь – 5 или 10 руб.». Согласно правилам для домов терпимости, публичных женщин разрешалось принимать с 16 лет, заведение требовалось закрывать по воскресеньям и в праздники до обедни.

В сибирских городах занимались проституцией чаще всего молодые девушки в возрасте до 25 лет из крестьян или мещан, русские, православные, неграмотные, незамужние, имевшие существенные материальные затруднения³⁹⁶.

Таким образом, даже краткое знакомство с историческим материалом позволяет прийти к очевидному выводу о том, что в российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. в сфере отношения к женской и мужской сексуальности господствовал двойной стандарт, что является показателем гендерного неравенства.

³⁹⁴ Rieber A.J. *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia*. Chapel Hill, 1982. P. 120.

³⁹⁵ Быкова А.Г. Проституция в городах Западной Сибири (1880-е – 1917 гг.) // Социс. 2000. № 5. С. 59.

³⁹⁶ Дегальцева Е.А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2005. С. 36–37.

О.Н. Катионов,
доктор исторических наук,
профессор НГПУ

**Имперская политика
по научному исследованию
крестьянского хозяйства Восточной Сибири
в последней четверти XIX в.**

Огромные земельные запасы Сибири, входившие в сферу управления Министерства государственных имуществ, являлись не только объектом освоения и колонизации, но и предметом пристального научного интереса к состоянию земельного фонда, а также роли, которую играло русское и аборигенное население в его использовании под руководящим началом самого государства.

В связи с ростом переселений в Сибирь, а также уменьшением традиционных ареалов землепользования государство в лице генерал-губернатора Восточной Сибири А.П. Игнатьева и Министерства госимуществ ставит перед собой задачу провести ревизию состояния землепользования в восточных губерниях – Иркутской и Енисейской. При этом используется финансовый потенциал не каких-либо общественных структур или научных обществ, а самого министерства и генерал-губернаторства, в бюджете которых были специально заложены статьи расходов на научные или статистические обследования тех или иных регионов. Для этой цели в Сибирь командируются чиновники, имеющие соответствующую подготовку, проводится обследование, анализируются достигнутые результаты и делаются выводы. Таким образом, государство проявляет себя как рачительный хозяин, у которого затраты на науку носят прикладной характер.

Исследования проводились в Иркутской губернии с 1887 по 1889 гг. включительно и были опубликованы в 1889–1890 гг. В Енисейской губернии изучение проходило с 1890 по 1892 гг., результаты опубликованы с 1893 по 1894 гг. Всего по Иркутской и Енисейской губерниям под одной нумерацией опубликованы четыре тома: два по Иркутской (I и II),

и два по Енисейской (III и IV с отдельными выпусками). По Иркутской и Енисейской губерниям второй и шестой тома имеют по шесть выпусков. Тома первый и третий представляют статистические таблицы соответственно по Иркутской и Енисейской губерниям.

Таким образом, «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» создавались в течение 7 лет и были завершены в 1893 г. Следовательно, работа проводилась достаточно оперативно. Исследования подвергались текстовой обработке и сдавались в печать в течение одного года с момента их окончания. Оперативность издания материалов свидетельствует о практической значимости работы, материалы которого властные структуры и общественность могли использовать в своей деятельности.

Инициатива по исследованиям исходила от генерал-губернатора Восточной Сибири графа А.П. Игнатьева, который обратился в Госсовет с предложением о «необходимости приступить в возможно непродолжительном времени к окончательному разрешению о поземельном устройстве сельского населения в губерниях Иркутской и Енисейской» из-за «крайней запутанности земельных отношений крестьян и инородцев, дающей повод к возникновению в среде населения серьезных недоразумений и начинающих укореняться в населении превратных понятий как о находящейся в его пользовании земли, так и в объеме прав на нее» [11, с. I].

Министерство госимуществ предложило «ныне же организовать особый отряд из чинов ведомства Государственных имуществ для предварительного исследования условий быта местного населения, в видах правильного разрешения законодательным порядком вопросов о размерах земельного надела и оброчной подати». «На эти предположения граф Игнатьев изъявил свое согласие». Затем предложения поступили на рассмотрение Государственного Совета в соединенные департаменты законов и государственной экономии [11, с. I–II].

Средства нашли быстро. 12 мая 1887 г. было высочайше утверждено мнение Госсовета, по которому:

1) состоящее при главном управлении Восточной Сибири съемочное отделение упразднилось, входившие в его состав

чиновники, не получившие ко времени закрытия этого отделения нового назначения, выводились за штат на общих основаниях;

2) ежегодно отпускаемую на содержание съемочного отделения сумму в размере 14 495 руб. направили на исследование реального положения и условий пользования землей в среде сельского населения Иркутской и Енисейской губерний с добавлением к этой сумме по 8000 руб. ежегодно из кредита, назначенного параграфом шестым расходной сметы департамента общих дел МГИ [11, с. I–II].

Таким образом, источник средств на исследовательские работы был определен: чины от МГИ получали жалование от министерства, остальные затраты должны были производиться из средств, перераспределенных в Управлении Восточной Сибири.

Прибывшие в октябре 1887 г. из Европейской России специалисты, знакомые с техникой статистических исследований (некоторые из них были предварительно зачислены на службу в МГИ), приступили к составлению программы для пробного местного исследования. Непосредственные руководители работ по исследованию Н.М. Астырев, Л.С. Личков и Е.А. Смирнов в основу программы исследования взяли, во-первых, инструкции и программы, полученные от МГИ («Инструкция о порядке производства исследований условий землепользования поселян Сибири»; программа для собирания сведений и данных о хозяйственном положении земельных общин в Сибири; программа для исследований условий экономического быта сельского населения Сибири); во-вторых, все имевшиеся в распоряжении программы статистических работ, употреблявшихся земствами Европейской России; в-третьих, отдельные программы Географического общества и его местных отделов. К ним относились: «Опыт программы исследования поземельной общины», составленный при Географическом обществе; «Программа исследования сельской общины в Сибири», составленная при Западно-Сибирском отделе Географического общества и по его поручению Н.М. Ядринцевым; «Программа для собирания сведений о сельской поземельной общине», выработанная при вольно-экономическом обществе и принятая Географическим обществом; «Программа для статистического иссле-

дования отдельных селений, составленная при Московском земском статистическом бюро» и др.

О сложившейся практике привлечения специалистов из Европейской России сообщает и исследователь статистических служб Западной Сибири В.А. Скопа: «Учитывая высокий уровень развития статистики, в первую очередь земской, в Европейской России, региональные административные структуры делали запрос на статистиков из центральных губерний с целью проведения статистических обследований на месте. К тому же опыт практической и теоретической работы земских статистиков, основанный на большом количестве проводимых ими статистических обследований на местах, позволял разрабатывать переписные программы применительно к конкретной местности и контингенту. Однако в организации практических работ заимствовались далеко не все формы и методы» [3, с. 34].

По дороге в Иркутск исследователи, с целью предварительного ознакомления с незнакомым для них краем, попутно собирали расспросные сведения, а также ту информацию о нем, какую можно было почерпнуть из литературных источников о Сибири, добытых частью еще в Петербурге. В Иркутске, в библиотеках РГО, городской публичной и местного губернского статистического комитета специалисты практики продолжали накапливать материал.

При помощи всех полученных данных были составлены, с учетом местных условий, программы так называемого пообщинного бланка и подворная карточка для предварительного пробного исследования какого-либо типичного района в пределах Иркутской губернии.

Программа пообщинного бланка и подворная карточка, по которой проводилась перепись населения Иркутского, Балаганского и Нижнеудинского округов опубликована статистиками в томе 2, выпуске 1 «Материалов». В наше время их – при соответствующей корректировке – можно использовать при исследовании поселений в сельской местности и личных подсобных хозяйств жителей сел [11, с. XVI–XIX].

Затем исследователями была совершена пробная статистическая экскурсия в подгородные земледельческую и промышленные части Смоленской волости и в два иномородческих ведомства: степное, по преимуществу скотоводческое, Кудинское и в более удаленное лесное, отличающееся рас-

пространенностью промыслов, – Китайское. В части этих местностей была проведена подворная перепись населения, собраны волостные сведения, а на отдельные селения составлены пообщинные бланки. После окончания этого пробного исследования приступили к уточнению программы – подворной карточки и пообщинного бланка, соотнося их с накопленным опытом и местными особенностями. Были составлены новые документы: промысловый бланк, сельскохозяйственный (выборки по селам о податях и повинностях, мирских доходах и расходах и т. п.), подобный же поволостной бланк и, сверх того, особая программа для исследования школьного дела.

Таким образом, мы видим, что исследователи подходили к делу неформально, грамотно, планируя и используя предварительный опыт, анализируя полученный материал и внося коррективы. Сам план работ, ранее утвержденный, они не перекраивали, не изменяли, а только добавляли в него необходимые данные. Пересоставленная программа была передана на утверждение генерал-губернатору и особой комиссии, собранной им, которая состояла из правителя канцелярии генерал-губернатора Е.В. Васильева; управляющих казенными палатами: Иркутской – А.М. Падерина и Енисейской – И.Л. Лаврова; статского советника А.Н. Махова (до упразднения Главного управления Восточной Сибири заведовавшего съемочным отделением этого управления); управляющего Иркутской губернской чертежной П.Н. Никитина; делопроизводителя канцелярии генерал-губернатора Л.П. Алексеева; чиновников особых поручений при генерал-губернаторе А.М. Безобразове и М.А. Митропольском (управляющем Иркутским округом) и трех статистиков – Н.М. Астырева и состоящих при МГИ Л.С. Личкова и Е.А. Смирнова. Протокол заседания комиссии, в которую вошли компетентные и облеченные властными полномочиями лица, подробно освещает процесс обсуждения и подготовки окончательного варианта работ с формами бланков (подворной карточкой, пообщинным и промысловым бланками).

Решено было проводить исследования в наиболее приспособленных для земледелия Иркутском, Балаганском и Нижнеудинском округах Иркутской губернии, затем Киренском и Верхоленском округах и после этого перейти к Ени-

сейской губернии, где первыми исследовать Красноярский и Минусинский округа, а затем Енисейский округ.

Генерал-губернатор поставил перед исследователями еще одну задачу – составить перечень свободных мест, пригодных к устройству запасных участков для переселенцев из Европейской России. Однако это задание не было главным в работе исследователей и должно было решаться ими попутно.

Был составлен предварительный расчет времени, необходимого для исследований, и определен состав группы исследователей, который включал 6 человек. На каждом из трех опытных статистиков приходилось по одному помощнику, который в первое время должен был знакомиться с делом под руководством специалистов, к которым он был прикреплен. Так осуществлялся оправдавший себя метод наставничества, применявшийся в России с давних пор [9]. Исследователи учли и время для работ, которые производились не в течение всего года, а лишь в период, свободный от полевых земледельческих занятий. Исследования не проводились во время некоторых праздников (Страстной и Светлой недель, Рождества Христова, Масленицы), а также во время осенней и весенней распутицы. Перед исследованием каждого округа некоторое время тратилось на подготовительные работы в местных присутственных учреждениях.

За исключением всех этих временных перерывов чистого времени, по расчетам, требовалось: 1) при исследовании всех округов обеих губерний – 5 лет и 3 месяца; 2) при обследовании обеих губерний, за исключением Киренского и Верхотурского округов Иркутской губернии и Туруханского края Енисейской губернии, – 4 года и 7 месяцев. В основу расчета времени положено было количество населения, указанное в отчетах губернских статистических комитетов обеих губерний.

Работы надо было успеть произвести до трехлетней раскладки земских сборов и повинностей, что было одним из требований губернской власти, имевшей свой фискальный интерес.

Сами организаторы и статистики из Европейской России успешным условием работ считали подбор кадрового состава статистической партии. Они обращали внимание на серьезность впервые проводимых масштабных статистиче-

ских работ, высокую нравственную ответственность, которая неизбежно ложилась на исполнителей при фактическом отсутствии контроля за их действиями со стороны власти. В Сибири было трудно найти подходящих людей, не занятых уже какими-либо другими обязанностями, особенно людей заинтересованных. Живой интерес, с точки зрения руководства исследованиями, являлся главным ручательством достоверности и обстоятельности собираемых данных при всех невзгодах и неудобствах по преимуществу разъездной жизни статистиков.

Постепенно удалось сформировать такую группу, довести ее состав до минимальной нормы, допускавшей ежегодными размерами ассигнований на статистические работы – 22 495 руб. С февраля 1888 г. группа состояла из 9 чел., в мае – из 12. В последующем ее состав колебался от 10 до 12 чел. В сложное время подготовки таблиц к печати и предстоящему составлению текста состав группы временно достигал, считая и вольнонаемных, работавших сдельно, до 30 человек (это в период 3–4 месяцев спешных подсчетных работ перед раскладкой земских сборов). В обычное время число сверхштатных сотрудников составляло от 4 до 6 чел.; с октября 1889 г. до июня 1890 г. их не было совсем [11, с. IX].

Была просчитана трудоемкость затрат в среднем на одного участника постоянного состава переписной партии. Оказалось, что на одного исполнителя для выполнения всех работ, на окончательную редакцию собранных данных пришлось бы в среднем 260 месяцев непрерывной работы, т.е. 21 год и 6 с половиной месяцев [11, с. IX].

Сложность проведения исследований усугублялась и громадностью расстояний между населенными пунктами, что приводило к уменьшению вдвое, по сравнению с Европейской Россией, объема подворных переписей. По предварительным данным, в среднем один статистик в Иркутском, Балаганском и Нижнеудинском округах провел в разъездах с целью сбора сведений около 35 000 верст, в среднем по 20 верст в день, что составляло до трех часов ежедневно на разъезды вместо исследований [11, с. IX–X].

Говоря о подворной переписи, авторы отмечали, что в целом ими использовались те же приемы, что и в земствах. Подворная перепись населения проводилась, как правило, в присутствии соседей и односельчан, что ускоряло пере-

пись каждого хозяйства и повышало ее достоверность, т.к. присутствующие помогали друг другу в сообщении испрашиваемой информации и припоминали забытое и случайно опущенное. Фактически вводился перекрестный опрос.

Составление пообщинного бланка тоже происходило в присутствии нескольких смышленных хозяев различной экономической состоятельности по выбору самого исследователя. Достоверность сведений обосновывалась еще и на предварительной подготовке, когда исследователь, прежде чем приступить к опросу сельского общества или рода (инородцев), вносил в волостной или сельскоучастковый бланк данные, извлекаемые из дел или книг волостного и сельских управлений, инородческой управы или думы и родовых управлений. Данные эти дополнялись и разъяснялись на месте через писарей, старшин и голов, а в случае надобности дополнялись еще и расспросом на сходе, во время переписи.

Помимо этого в Иркутском округе часть сведений о некоторых явлениях сельскохозяйственной жизни дважды в течение 1888 г. собиралась путем рассылки печатных вопросов листков к разным сельским жителям (священникам, сельским, волостным и инородным писарям, старшинам и головам, учителям школ – официальных и домашних, торгующим людям, грамотным крестьянам и инородцам). Выбор падал на тех, кто во время местных исследований проявил интерес к опросу и отличился своей сравнительной интеллигентностью. Этот опыт показал, что в Сибири возможно ведение текущей сельскохозяйственной статистики через добровольных корреспондентов по примеру сельскохозяйственного департамента МГИ. Собранные таким путем сведения послужили дополнением к информации, полученной исследователями лично на местах. Практика взаимодействия с местной интеллигенцией использовалась статистиками исходя из опыта Европейской России, где земские традиции к этому времени были укоренены с 1864 г. О степени достоверности материалов говорит многолетняя практика такой работы в земствах [11, с. XI].

Были просчитаны общие расходы на местные исследования и обработку материалов трех исследованных округов. Исключив расходы на переезд исследователей из Европейской России в Иркутск, установили, что весь расход на изучение трех округов равнялся 60 тыс. руб., или по 1 руб. 25

коп. на каждый из 47 847 наличных переписанных дворов. В этой сумме типографские расходы составили 13 %, расходы на вознаграждение постоянному составу исследователей – 73 %, оплата за подсчетные работы временно приглашенным лицам – 11%, почтово-телеграфные и канцелярские расходы – 1 %, расходы по разъездам, которые преимущественно совершались на обывательских и междудворных лошадях – 0,5 % [11, с. XI].

Четкость и скрупулезность работ подтверждается тем, что от общего числа хозяйств только 1,2% не были посещены исследователями, т.к. либо находились в отдаленных, глухих местах, либо в районах неразвитого земледелия.

В течение 1887–1888 г. исследования проводились в трех округах Иркутской губернии: сначала Иркутском, затем Балаганском и, наконец, Нижнеудинском. В этой работе принимали участие: Н.М. Астырев, П.Н. Бронников, Н.Л. Горн, В.Ю. Григорьев, Е.Я. Красногорский, Н.Г. Козлов, Л.С. Личков, И.А. Молодых, И.М. Погребецкий, Е.А. Смирнов, П.П. Смирнов, Н.И. Стрежнев, Ф.В. Скуратов, А.Н. Ушаков и И.Г. Шешунов. При этом Козлов, Погребецкий и П.П. Смирнов присоединились к остальным участникам лишь по окончании исследования Иркутского округа; Бронников и Скуратов участвовали только в исследовании только Балаганского, а Красногорский – Иркутского округа.

Также привлекались специалисты для составления специальных глав. Климатический очерк был составлен В.А. Ошурковым, бывшим помощником директора местной магнитно-метеорологической обсерватории. Авторами очерков первой главы первого выпуска были: полковник генерального штаба Н.П. Бобырь, агроном Ф.Н. Лаврентьев, горный инженер В.А. Обручев и преподаватель гимназии Я.П. Прейн (последнему, по поручению графа А.П. Игнатьева, было специально выделено 750 руб. для геоботанических исследований почв Балаганского округа, т.к. эти расходы не относились непосредственно к статистическим исследованиям, но необходимы были для оценки земель самого земледельческого округа Иркутской губернии). Каждый из исследователей составлял отдельные главы, которые публиковались в отдельных выпусках второго тома: Н.М. Астырев подготовил гл. III – «Население», гл. XIII – «Подати и повинности», гл. XIV – «Бюджеты»; В.Ю. Григорьев – гл. IV

«Грамотность и условия школьного образования»; М.М. Дубенский (заместил Астырева, вернувшегося в Европейскую Россию в августе 1889 г.) – отдел об извозе и дворничестве в гл. XII – «Промыслы» и объяснение к групповым таблицам, помещенное в томе I; Н.Г. Козлов – гл. IX – «Земледелие и скотоводство»; Л.С. Личков – «Формы землевладения» (гл. VII), «Сбыт сельскохозяйственных продуктов и покупки сельского населения» (гл. XI) и в XII главе («Промыслы») объяснение к промысловым таблицам и их общий обзор; описания отдельных промыслов, вошедших в эту главу, составлены Н.И. Стрежневым (описание лесных промыслов) и И.А. Молодых (описание звероловства, рыболовства и прочих промыслов (кроме извоза и дворничества)); Е.А. Смирновым написан раздел «Землевладение» (гл. VI), «Исследование доходности земельных угодий» (гл. XVI) и «Введение к поселенческим таблицам» (в I томе); А.Н. Ушаковым (при участии Н.М. Астырева, написавшего первые 4 пункта главы) – «Поселенцы» (гл. V), «Наемный труд в крестьянском хозяйстве» (гл. X) и «Кредит» (гл. XV); И.Г. Шешуновым – «Сдача и аренда» (гл. VIII). Редакция всех этих глав, кроме имеющих специальный характер и составленных Астыревым, принадлежала Л.С. Личкову, Е.А. Смирнову и М.М. Дубенскому. Общее руководство всем ходом работ в этих трех округах принадлежало бывшему генерал-губернатору, графу А.П. Игнатьеву.

Таким образом, все материалы относительно Иркутской губернии поместились в двух томах: в первом томе – таблицы; в томе втором, для удобства печатания разбитом на пять выпусков, – главы:

Выпуск I. Введение. Гл. I. Географический очерк Иркутской губернии. Гл. II. Климатический очерк Иркутской губ.;

Выпуск II. Гл. III – Население. Гл. IV – Условия школьного образования и грамотность населения. Гл. V – Ссылно-поселенцы;

Выпуск III. Гл. VI – Землевладение. Гл. VII – Формы крестьянского и инородческого землевладения. Гл. VIII – Сдача и аренда. (К третьему выпуску приложены были карты трех исследованных округов в десятиверстном масштабе, составленные по четырехверстным картам Иркутской чертежной палаты.);

Выпуск IV. Гл. IX – Земледелие и скотоводство. Гл. X – Наемный труд в крестьянском хозяйстве. Гл. XI – Сбыт сельскохозяйственных продуктов и покупки сельского населения. Гл. XII – Промыслы. (К четвертому выпуску приложены были 10 картограмм и 1 диаграмма.);

Выпуск V. Гл. XIII – Подати, мирские расходы, натуральные повинности и мирские доходные статьи. Гл. XIV – Бюджеты крестьянских и инородческих хозяйств. Гл. XV – Кредит. Гл. XVI – Исследование доходности земельных угодий. (К пятому выпуску приложены были 2 картограммы и 1 диаграмма). В каждом выпуске имелось подробное его оглавление [11, вып. 1, с. XIII–XV].

Оглавления выпусков свидетельствуют о скрупулезном подходе исследователей к выполняемой работе. Например, глава III «Население» тома II, составленная Н.М. Астыревым, состояла из 190 страниц, имела подробное оглавление, дающее возможность постранично находить необходимый материал, не затрачивая времени на просмотр всей главы для поиска необходимого материала [11, вып. 2, с. V–VI].

Аналогичным образом составлялось содержание для глав другими составителями [11, вып. 1, с. I–II; вып. 2, с. VII–VIII; вып. 5, с. V–VIII].

Изданные таблицы и описания «Материалов» по Иркутской губернии в будущем позволили нам в своей работе по истории Московско-Сибирского тракта провести группировки хозяйств по месторасположению на самом тракте, в волостях, лежащих на тракте, на путях сообщения Иркутской губернии, а также вне трактов, и провести анализ по численности групп трактового и нетрактового населения, состоянию хозяйств на тракте и вне тракта, приоритетным занятиям трактовых и нетрактовых крестьян и пр. [10, с. 250–258; прил., табл., с. 330–339].

После окончания работ в Иркутской губернии группа исследователей переместилась в Енисейскую губернию и провела аналогичную работу на ее территории в наиболее заселенных округах, выпустив по итогам исследования два тома. Всего авторами было исследовано в Иркутской и Енисейской губерниях 8 округов на пространстве более 11,5 млн. десятин удобной земли заселенной площади с населением в 770 тыс. чел., или 211,5 тыс. дворов.

Исследование Енисейской губернии велось в общем по такой же схеме, что и Иркутской, но при этом все программы были значительно усовершенствованы – в смысле их полноты и соответствия вопросных пунктов своеобразным условиям местной хозяйственно-экономической жизни. Образцы программ для местных исследований напечатаны были в вып. 1 тома IV [12, pag. 2, с. I–XLIII].

Личный состав исследователей новыми лицами не пополнялся, а посторонние иногда приглашались для подсчетных, выборочных и переписочных работ, т.е. технических (иногда в количестве до 20 чел.). Это отразилось на качестве проведенных работ. Исследователи использовали приемы, опробованные в прежних работах, и тактику земских исследований, которые позволяли подтвердить достоверность работ непосредственно при работе с населением: опрос жителей на сходах, предложение различных контрольных вопросов, собирание предварительных сведений в окрестных селениях, у наиболее образованной сельской части населения, в волостных правлениях и т.п.

Первым исследован был Канский округ (в течение января, февраля и марта 1890 г.). Затем, осенью того же года, началось исследование Минусинского округа, закончившееся в начале 1891 г.; весной исследован был Ачинский округ, а осенью начато исследование Красноярского округа. Последнее было закончено лишь весной 1892 г. Исследование четырех округов было сплошным, без пропусков. Статистики лично посетили все селения, за исключением небольших заимок в 2–5 дворов; население таких заимок вызывалось для непосредственного опроса в ближайшее селение.

После окончания работ на местах статистики переехали в Иркутск, где занялись текстовой обработкой собранного материала, законченной во второй половине 1893 г., но из-за слабости местных типографий, выпускавших не более 5–8 листов в месяц, и технических трудностей, встречавшихся при печатании таблиц, выпуск четвертого тома, несмотря на печатание в двух типографиях одновременно, задержался на полгода [12, с. III–IV].

Местные исследования Енисейской губернии начались под совместным руководством Л.С. Личкова, Е.А. Смирнова и М.М. Дубенского. Но осенью 1891 г. из состава статистиков вышел Е.А. Смирнов, а летом 1892 г. с окончанием местных

исследований – и Л.С. Личков. Обработка материалов и печатание их велись уже под руководством М.М. Дубенского. Участие в трудах по редакции текста принимал также А.Н. Ушаков, а таблиц (III том) – И.А. Молодых.

При редактировании текста авторский стиль изложения остался почти нетронутым. Основной же целью редакции было согласование всех частей общего труда, приведение их в единство и соразмерность, устранение всего излишнего и ненужного, восполнение пробелов и устранение небольших противоречий, которые всегда возможны в таком обширном труде, когда отдельные части его составлялись разными лицами. В этом отношении редакция руководствовалась поучительным опытом работы над «Материалами по исследованию Иркутской губернии». Все труды по описанию были вслух прочитаны в особой комиссии, образованной под председательством иркутского генерал-губернатора А.Д. Горемыкина из правителя его канцелярии И.П. Моллериуса и руководителей статистическими работами. Чтение и параллельное ему редактирование продолжались в течение нескольких месяцев; таким образом была выполнена редакция IV тома по Енисейской губернии. Обратим внимание на то, что генерал-губернатор А.Д. Горемыкин сам присутствовал при чтении и редактировании результатов исследований [12, с. IV–IV].

В исследованиях на местах в Енисейской губернии принимали участие Н.В. Ааронский, Ф.А. Бейнер, В.Ю. Григорьев, М.М. Дубенский, Л.С. Личков, И.А. Молодых, И.М. Погребецкий, Е.А. Смирнов, Н.И. Стрежнев, А.Н. Ушаков, С.Д. Шаманов и И.Г. Шешунов.

«Климатический очерк», «Орография», «Гидрография» и «Геологический очерк» составлены специалистами по особому приглашению: первый – Л.П. Булановым, а три последние – А.В. Адриановым. Глава «Сбыт сельскохозяйственных продуктов и покупки сельского населения» составлена Л.С. Личковым. Под редакцией М.М. Дубенского написаны следующие главы: В.Ю. Григорьевым – «Население» и «Землевание»; И.А. Молодых – описание отдельных промыслов («Рыболовство», «Дворничество» и «Промыслы, имеющие материалом дерево»), а также при участии И.М. Погребецкого – «Народное образование и грамотность населения»; Н.И. Стрежневым – «Огородничество» и «Пчеловодство»;

А.Н. Ушаковым – «Подати, мирские расходы, натуральные повинности и мирские доходные статьи» и «Наемный труд в крестьянском хозяйстве»; И.Г. Шешуновым – «Ссылные», «Бюджеты крестьянских и инородческих хозяйств», «Кредит» и «Общий обзор внеземледельческих промыслов». Остальные главы («Формы землевладения», «Земледелие», «Скотоводство» и «Исследование доходности земельных угодий») составлены редактором. Собранные на места материалы о единичных случаях сдачи-аренды земельных угодий признаны были не заслуживающими особой разработки, т.к. само явление существовало, по мнению исследователей, лишь в зачаточном виде и никакого влияния на экономическую жизнь Енисейской губернии еще не оказывало. К нашему сожалению, оставлены были без разработки материалы по описанию некоторых отдельных промыслов (например, извоза и охоты) – из-за близких по условиям с Иркутской губернией техники, экономики и доходности.

Общее руководство всем ходом работ в Верхотенском округе Иркутской губернии и в четырех исследованных округах Енисейской губернии принадлежало иркутскому генерал-губернатору, генералу от инфантерии А.Д. Горемыкину. Отчет о проделанной работе был составлен М.М. Дубенским в Иркутске 1 июля 1894 г.

IV том «Материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» разделен был на шесть выпусков, в каждом из которых имеется подробное его оглавление [12, с. V–VI].

Информация, не вошедшая в «Материалы», некоторыми авторами была использована при написании очерков, статей в разных изданиях [3].

Государство в своей политике поступило как рачительный хозяин, не привыкший зря тратить деньги. В деле исследования крестьянского хозяйства Сибири соединились и царедворцы-охранители (А.П. Игнатъев, А.Д. Горемыкин), и народники (Н.М. Астырев, Н.В. Ааронский, Л.П. Буланов и др.), и демократически настроенные ученые (В.А. Обручев – будущий член конституционно-демократической партии, А.В. Адрианов – областник).

Всего, по нашим подсчетам, в издании и написании «Материалов» приняли участие, вместе со специалистами, при-

глашенными для составления очерков о климате, географии, орографии и т.п., свыше 25 человек. Непосредственно занимались исследованиями 19 человек, хотя начинали их лишь трое командированных, но в непосредственных исследованиях принимали участие на разных этапах в шесть раз больше. Это свидетельствует о масштабности проводившихся работ. Роль и место каждого участника были определены и оценены во вступительных очерках в выпусках первых томов – второго и четвертого. Однако сведений о каждом исследователе в «Материалах» нет. Имеется только краткая информация о них как авторах очерков. Поиски биографических сведений проводились нами по энциклопедиям Брокгауза и Ефрона, Сибирской советской энциклопедии, Сибирской исторической энциклопедии и БСЭ, в сети Интернет.

Мы нашли информацию о генерал-губернаторах, ученых Н.М. Астыреве, Л.С. Личкове, Н.В. Ааронском, Л.П. Буланове, А.В. Адрианове, Н.П. Бобыре. Судьбы их в большинстве трагичны, т.к. пришлось на переломное революционное время. Приведем описание некоторые из них.

Службе графа А.П. Игнатъева в Восточной Сибири посвящено немало статей в энциклопедиях. Однако даже в исследованиях научного характера сведения о нем достаточно скромные, а порой противоречивые. Убит эсером в 1906 г. [7].

Астырев Николай Михайлович (1857, Тихвин – 1894, Москва), статистик, публицист. М.В. Шиловский обнаружил о нем в исторической энциклопедии Сибири такую информацию: «С 1878 учился в Институте путей сообщения. В 1881–84 – волостной писарь в Воронежской губернии. Автор получивших всероссийскую популярность книг очерков «В волостных писарях» (1886) и «Деревенские картинки» (1888). С 1884 – в Московском губернском статистическом комитете, специализируется на крестьянских делах и земском самоуправлении. В конце 1887 по приглашению восточно-сибирского генерал-губернатора А.П. Игнатъева прибыл на 2 года в Иркутск и возглавил губернский статистический комитет, в марте 1888 избран председателем статистической секции Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Совершил поездку в Тункинскую долину, по материалам издал книгу очерков «На таежных прогалинах»: с народнических позиций оценивает уровень социально-экономического и культурного развития Сибири, констати-

рует зажиточность местного крестьянства». Н.М. Астырев в конце 1889 г. покинул Сибирь, участвовал в народническом движении, был арестован и в 1894 г. умер в Москве от туберкулеза [15].

Аронский (Аронский) Николай Викторович, дворянин, родился в 1860 г. в Черниговской губ. В 1881 г. студент 1-го курса медицинского факультета Киевского университета. Революционер-народник. По высочайшему повелению от 14 окт. 1881 г. выслан под гласный надзор в Вост. Сибирь. Прибыл 4 авг. 1882 г. в Красноярск, после чего водворен в Киренске (Иркутск. губ.). В 1888–1890-х гг. служил по вольному найму статистиком в Иркутске при канцелярии иркутского ген.-губернатора; был в командировках в Верхоленском округе (Иркутск. губ.), в Канском и Минусинском округах (Енисейск. губ.) для обследования быта сельского населения [13].

Адрианов Александр Васильевич. Член Императорского Русского географического общества с 1879 г. При царской власти с 1889 г. под негласным надзором полиции, после Февраля 1917 г. был активным политическим деятелем: участвовал в подготовке и работе Первого Сибирского областного съезда, входил в состав Сибирской областной Думы, являясь членом ее комиссии по национальным делам. Адрианов был непримиримым противником большевиков. Арестован большевиками в декабре 1919 г. По приговору Томской ЧК расстрелян в марте 1920 г. в возрасте 66 лет за поддержку правительства А.В. Колчака. «С 1880 по 1905 жил и работал в Томске, Минусинске, Красноярске, Иркутске... Составитель очерков по геологии, гидрографии и орографии Енисейской губернии» [2].

Бобырь Николай Павлович. Родился в семье полковника 14 января 1854 г. В 1873 г. окончил Михайловское артиллерийское училище. Служил в конной артиллерии. 28 октября 1884 г. назначен исполняющим должность штаб-офицера для поручений при штабе Восточно-Сибирского военного округа. С апреля 1884 по январь 1885 г. был командирован на Камчатку для собирания статистических сведений о камчатских казаках. 20 июля 1884 г., при перестроении Восточно-Сибирского ВО в Иркутский ВО, назначен и.д. штаб-офицера для особых поручений при командующем войсками округа. Подполковник (1885). С мая по октябрь 1887 г. возглавлял

Саянскую экспедицию по исследованию пограничного района Иркутской губернии. Полковник (1890). Во время Первой мировой войны руководил обороной Новогеоргиевской крепости в июле-августе 1915 года. В августе 1915 г. попал в плен. После окончания войны вернулся в Россию. Генерал-лейтенант. Жил в Ялте на лечении и отдыхе, в Белой армии не служил. В декабре 1920 г. расстрелян в Ялте по решению тройки Крымской ударной группы управления особых отделов ВЧК при Реввоенсовете Южного и Юго-Западного фронтов [4].

Буланов Леонид Петрович. Сведения о нем содержатся в воспоминаниях О.К. Булановой-Трубниковой: «Осенью 78 г. в СПб. усиленно разыскивались убийцы Мезенцова, и Леонид Буланов был схвачен 12-го октября на улице вместе с Адр. Михайловым, судился по процессу Веймара и был осужден на поселение... Будучи приговорен военным судом к ссылке на житье без лишения прав и преимуществ в Тобольскую губернию, Л.Б. в действительности 20 января 81 г. был отправлен из Иркутска административным порядком в Верхоленск, откуда в декабре того же года бежал вместе с Ник. Лопатыным. Но сделавши уже более 4000 верст, они случайно в одном селе были опознаны становым приставом, и Л.Б. препроводили в иркутскую тюрьму, где и продержали два года, и где он сидел в одной камере с Козловским и Неустроевым, и, таким образом, на его глазах разыгрался трагический эпизод с пощечиной, которую последний, всплыв, дал генерал-губернатору Анучину, за что и поплатился жизнью. Затем Л.Б. отправили в Тунку, где жило тогда человек двадцать ссыльных...» Вернулся в 1895 г. в Саратов. Здесь был арестован по делу саратовской группы социалистов-революционеров, и 10 декабря 1902 г. Л.П. Буланов был отправлен в Петербург. Еще до окончания дела был предварительно сослан в Тасеевскую волость Канского уезда Иркутской губ., а по окончании дела препровожден в Якутскую область, где прожил до амнистии 1905 г. В 1906 г. поселился в Санкт-Петербурге. В 1917 г. он переселился в Саратов по вызову старого товарища своего, А.В. Милашевского, бывшего там директором банка; там Л.П. Буланов и умер в феврале 1922 г. после долгой болезни [6].

Среди исследователей были и специалисты, политическая приверженность которых не установлена, например,

Леонид Семенович Личков – статистик и публицист. Он родился в 1855 г. Состоял на земской службе в Рязани и Саратове. В 1887–1892 гг. вместе с Н.М. Астыревым, Е.А. Смирновым и М.М. Дубенским исследовал Иркутскую и Енисейскую губернии. Сотрудничал в прогрессивных периодических изданиях по экономическим вопросам, являлся сторонником общинного строя и невмешательства в общинные распоряжки. Умер в 1943 г. [10].

Смирнов Евгений Александрович – статистик. Родился в 1859 г., окончил курс в Казанском университете кандидатом математики. В 1888–92 гг. вместе с Астыревым и Личковым исследовал Иркутскую и Енисейскую губернии. С 1894 г. состоял на службе в МГИ, не раз был командирован в Сибирь по переселенческим делам и поземельному устройству сибирского населения [14].

Прейн П.Я. – учитель иркутской гимназии, ботаник, член ВСОИРГО, участник многих экспедиций по исследованию Восточной Сибири. П.Я. Прейн коллекционировал ботанические образцы в пределах Иркутской и Енисейской губерний, издал ряд работ и обработал несколько коллекций, собранных в Восточной Сибири другими лицами [5].

Несмотря на разные политические убеждения, усилиями ученых-статистиков, привлеченных специалистов, чиновников, военных удалось создать уникальные по значению «Материалы», содержащие огромную историческую информацию, а для своего времени – пример качественного, квалифицированного исследования, опирающегося на опыт и поддержку государственной власти и общественности. Полученные ими результаты легли в основу землеустроительной политики правительства в Восточной Сибири.

Примечания

1. Ааронский Н.В. [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/Ааронский%20Н.В./Революционеры/Ааронский%20Николай%20Викторович> (дата обращения: 23.04.2013)

2. Адрианов Александр Васильевич [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 23.04.2013)

3. Астырев Н.М. На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891. VIII. 450 с.; Молодых И.А. Внеземледельческие занятия крестьян Хомутовской волости // Изв. ВСОИРГО. Иркутск, 1890. Т. 21. № 1. С. 34–59; Молодых И.А., Кулаков П.Е. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. СПб.: Рус. Геогр. Об-во. Вост.-Сиб. отд-ние, 1896. 111, 242 с.

4. Бобырь Н.П. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Бобырь,_Николай_Павлович (дата обращения: 23.04.2013)
5. Ботанические исследования // Сибирская Советская Энциклопедия – 1929 год [Электронный ресурс]. URL: <http://45f.ru/sse/page/333> (дата обращения: 24.04.2013)
6. Буланов Л.П. [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/13988/Буланова (дата обращения: 23.04.2013)
7. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. История генерал-губернаторской власти в Сибири // Материалы Всерос. науч. конф., посв. 200-летию со дня рожд. ген.-губ. Вост. Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского. Иркутск, 1 окт. 2009 г. Иркутск, 2010. С. 24–32; Дамешек Л.М. Институт генерал-губернаторов Азиатской России и его особенности. Учеб. пособ. по курсу «История Сибири». Иркутск: Оттиск, 2011. С. 115–117.
8. Катюнов О.Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв. Изд. 2-е., перераб. и доп. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. С. 250–258; Прил. табл.: С. 330–339.
9. Катюнов О.Н., Катюнова А.О. Подготовка кадров специалистов в Сибири (XVIII – начало XIX вв.) // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 13–20.
10. Личков [Электронный ресурс]. URL: <http://greatrussianpeople.ru/info8126.html> (дата обращения: 23.04.2013)
11. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. М., 1890. Т. II. Вып. 1. С. I–XXX; Вып. 2. С. V–VI.
12. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Иркутск, 1894. Т. IV. Вып. 1. С. III–VI, I–XLIII.
13. Скопа В.А. История организации деятельности региональной сети статистических служб Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 9 (99). С. 33–38.
14. Смирнов Е.А. [Электронный ресурс]. URL: <http://5ballov.qip.ru/dictionary/biograficheskiy-slovar/rus/s/sm/smironov-evgeniy-aleksandrovich> (дата обращения 24.04.2013)
15. Шиловский М.В. Астырев Н.М. // Историческая энциклопедия.

*М.Д. Кушнарева,
кандидат исторических наук,
доцент ИГУ*

Организационное становление торгового капитала в старообрядческой среде Северо-Восточной Сибири во второй половине XVII – начале XX вв.

Статья посвящена анализу становления крупного капитала в старообрядческой среде на территории Северо-Восточной Сибири. Кроме того, в работе рассматривается влияние религиозных и нормативно-правовых факторов на формирование крупных торговых предприятий в сфере пушной торговли во второй половине XIX – начале XX вв. в Северо-Восточной Сибири.

Зарождение торгового капитала на территории Северо-Восточной Сибири связано не только с ее колонизацией и освоением новых ресурсов в период существования Российской империи, но и со становлением своеобразного старообрядческого компонента в составе населения региона. Формирование купечества из среды старообрядцев имело несколько этапов, каждый из которых был связан с определенными преобразованиями в нормативно-правовом регулировании религиозных и социально-экономических общественных отношений в России во второй половине XVII – начале XX вв.

Рассмотрим основные этапы становления купечества Северо-Восточной Сибири из состава старообрядческих переселенцев и некоторые предпосылки возникновения данного процесса.

Фактическое введение на Руси новой веры взамен привычной старой происходит после церковных соборов 1654 и 1655 гг., которые закрепили корректировку русских церковных обрядов в соответствии с обрядами греческой церкви. Все сторонники двуперстия в 1656 г. были приравнены к еретикам и отлучены от церкви. Раскол преследовали юридическими и полицейскими мерами, что, однако, привело к

противоположному результату: в старообрядческой общине утверждались крепкая взаимосвязь, взаимовыручка, демократический дух. Укреплялись тесные родственные связи, впоследствии ставшие основой формирования деловой репутации представителей особого слоя российских предпринимателей.

Первым этапом становления сибирского предпринимательства из состава «семейских» староверов было их переселение под давлением властей из центральных районов России на север, к берегам Белого моря, во второй половине XVII – начале XVIII вв., а затем на территорию Польши, которая в то время являлась частью Российской империи. Пребывание старообрядцев в селах Ветка в Польше было отмечено высокой организованностью членов старообрядческой общины в решении хозяйственных вопросов. Неоднократно правительство Российской империи предпринимало попытки вывести старообрядцев с территории Польши и направить сильных хозяйственников на освоение отдаленных сибирских территорий, однако усилия эти заканчивались столкновениями с членами польской старообрядческой общины, сожжением поселков и не давали положительных результатов.

В декабре 1762 г. Сенат издает указ, в котором правительство делает попытку пригласить всех старообрядцев в Россию для проживания на льготных условиях в пустующих и отдаленных местностях территории государства. Власть стремилась привлечь староверов, имевших развитое земледелие в Польше, к экономической колонизации Сибири. Но подобные обещания жителей старообрядческих селений Польши не привлекли.

Второй этап формирования старообрядческого купечества связан с насильственным выводом старообрядческих семей с территории польской Ветки под контролем генерал-майора Маслова партиями под конвоем в 1764 г.

План переселения староверов в Сибирь был разработан царским правительством заблаговременно. Каждому староверу и членам его семьи полагалось определенное казенное довольствие.

В конце XVIII в. большая часть старообрядческих семей прибыла в Забайкалье, где они были поселены на новых местах большими семейными общинами, образовав своеобраз-

ную этнографическую группу. В этот период деятельность старообрядцев в Забайкалье была посвящена освоению земли, развитию хлебопашества. Несмотря на огромную энергию, трудолюбие, которые старoverы проявили при освоении горно-таежных земель Забайкалья, они очень долго были ограничены в правах, подвергались преследованию.

В конце XIX в. правовое положение старообрядцев несколько меняется. 3 мая 1883 г. Госсювет принимает закон «О даровании раскольникам прав гражданских». Этот закон разрешил совершать богослужения, кроме публичных процессий, ремонт и строительство молитвенных домов, при условии, что они не будут иметь внешнего вида православного храма [11, с. 214]. Принимая этот акт, Государственный совет исходил из того, что полностью запретить религиозные христианские меньшинства было невозможно. Благодаря закону от 3 мая 1883 г. у государственной власти появилась возможность в некоторой степени контролировать старообрядчество и использовать его социально-экономический потенциал в целях освоения новых земель, распространения земледельческой культуры в отдаленных областях [12, с. 15].

Принятие закона от 3 мая 1883 г. оказало определенное влияние на социально-экономическое развитие Северо-Восточной Сибири и, очевидно, было вызвано необходимостью освоения новых отдаленных территорий на севере и востоке России, поскольку для использования старообрядцев в данных целях российскому правительству требовались правовые основания. Практическое применение норм данного закона в освоении региона началось сразу же после его официального принятия и опубликования. Но, несмотря на издание данного законопроекта, оставались в силе нормы «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», в соответствии с которыми выход из православия, его порицание и соращение из православия карались каторгой, ссылкой, заключением и лишением прав состояния. Под действие данных норм могли подпадать различные действия, т.к. сущность понятий «порицание православия» и «соращение из православия» в законе не раскрывалась.

Закон от 3 мая 1883 г. действовал до марта 1917 г. и существенно облегчал положение старообрядцев; он также стал

основой для формирования веротерпимости в дореволюционной России.

Третьим этапом в процессе становления торгового капитала из старообрядческой среды на территории Северо-Восточной Сибири было начало строительства в 1851–1852 гг. Аянского тракта. Для обеспечения его функционирования российское правительство принимает решение о заселении старообрядцами территории между Амгинской слободой и Аяном. Переселенцам предоставлялись налоговые льготы, а также помощь в обустройстве, покровительство царского правительства и казны.

Основным занятием переселенцев было хлебопашество, скотоводство, а также почтовая гоньба. Еще одним направлением деятельности старообрядцев в период существования Аянского тракта была доставка хлеба Амгинской слободе и станциям Амгинского тракта. Однако в 1867 г. с прекращением деятельности Русско-Американской компании и установлением морского сообщения с Камчаткой Аянский тракт был закрыт. Старообрядцам предстояло новое переселение. Часть из них ушла в с. Павловск, где их земледельческий талант проявился особенно ярко.

Четвертый этап в становлении предпринимателей из среды старообрядцев начинается в конце XIX в. с переселением 25 семей в с. Павловск. Долина реки Лены была благоприятна для интенсивного развития земледелия и скотоводства. Риск сурового климата компенсировался освоением пушных и рыбных ресурсов края. Заметную роль в процессе освоения земли и в развитии скотоводства Приленской низменности сыграла семья крестьян-старообрядцев Кушнаревых. Сбыт продукции животноводства на золотых приисках, пушная торговля в отдаленных улусах Якутской области, торговля спиртом создали А.М. Кушнареву, компаньоном которого в торговых делах был П.И. Кушнарев [5], первоначальный капитал, на основе которого впоследствии была организована целая сеть торговых предприятий по всей Северо-Восточной Сибири.

Экономическому развитию сибирских предпринимателей из состава старообрядцев способствовало наступившее в середине XIX в. ослабление в государственной политике в решении социальных и религиозных вопросов. Таким образом, у сибирских старообрядцев-предпринимателей

в середине XIX в. на территории Северо-Восточной Сибири появилась возможность не только развивать свое дело, но и решать задачи улучшения жизни местного населения, его просвещения и образования, поддержки культуры, науки, искусства. Постепенно старообрядчество стало основой для качественного развития капитализма на территории Северо-Восточной Сибири.

Русско-японская война и начавшаяся первая русская революция привели к значительным изменениям в законодательстве, регулировавшем вопросы вероисповедания. 17 апреля 1905 г. были приняты указ и положение Комитета министров «Об укреплении начал веротерпимости». Указ вносил в религиозную жизнь страны некоторые свободы [12]. Основную роль в социально-экономическом развитии старообрядческого купечества указ сыграл тем, что закреплял за старообрядцами право на владение движимым и недвижимым имуществом. Введение данных норм было обусловлено социально-экономической необходимостью развития не только Северо-Восточной Сибири, но и России в целом.

Заключительным этапом формирования торгового капитала из старообрядческой среды на территории Северо-Восточной Сибири было учреждение и регистрация торговых домов, т.е. период начала XX в. можно охарактеризовать как эпоху зарождения крупного монополистического капитала. Рассмотрим некоторые примеры создания крупных предприятий в сфере торговли пушниной членами одной из старообрядческих семей – Кушнаревых.

Торговый дом «Наследники А.М. Кушнарева» был учрежден по договору 9 марта 1903 г. В соответствии с данными Департамента торговли и мануфактур Якутской городской управы распорядителями делами Торгового дома являлись П.А. Кушнарев и А.А. Бушуева [10, д. 1081, л. 14]. Каждый из них имел право ежегодно кредитоваться от имени Торгового дома на сумму до 300 тыс. руб. Каждый из распорядителей от имени компании имел право нанимать движимое и недвижимое имущество, принимать в залог и закладывать товары, совершать различные сделки, открывать и ликвидировать банковские счета. Данные факты свидетельствуют о том, что распорядители вели свою торговую и финансовую деятельность на территории Северо-Восточной Сибири от имени Торгового дома, сохраняя финансовую и юридическую неза-

висимость. Основой всех сделок и торговых операций данного коммерческого предприятия было доверие, сложившееся между членами одной семьи.

Членами старообрядческой семьи Кушнаревых в 1914 г. было образовано «Северное торгово-промышленное товарищество», распорядителями которого стали три его участника: П.А. Кушнарев, А.А. Бушуева и «торгующий инородец» Восточно-Кангалахского улуса И.П. Антипин. Целью создания «Северного торгово-промышленного товарищества» были продажа и скупка пушнины, мамонтовой кости в пределах Верхоянского и Колымского округов Якутской области, а также на территории северных округов Енисейской губернии и Камчатской области. Интересен тот факт, что при организации товарищества были определены зоны и виды торговых операций каждого из участников торгового предприятия. Распорядителем торговых операций с пушниной и мамонтовой костью в пределах Верхоянского и Колымского округов Якутской области был назначен И.П. Антипин. В уставе товарищества закреплялось право пароходных перевозок грузов для производства торговли в Северо-Восточной Сибири на речных судах, принадлежащих Торговому дому «Наследники А.М. Кушнарева». Кроме того, П.А. Кушнарев поставлял товары для скупки пушнины И.П. Антипиным с 10%-ной надбавкой к их себестоимости. При этом скупка пушнины и мамонтовой кости у И.П. Антипина могла быть произведена П.А. Кушнаревым только с согласия Антипина. Интересен и тот факт, что перевозка товаров И.П. Антипиным для торговли с коренным населением Северо-Восточной Сибири на пароходах П.А. Кушнарева должна была производиться по ценам, установленным на момент перевозки на других пароходах, выполнявших рейсы между теми же пунктами. А.А. Бушуева имела право на производство «рыбного дела» в Колымском и Верхоянском районах, а также в северных округах Камчатской и Енисейской областей [10, д. 1081, л. 14–15].

Таким образом, приведенные выше факты могут свидетельствовать о том, что территории торговых операций в Северо-Восточной Сибири, финансовая и юридическая ответственность были поделены не только между отдельными торговыми домами, но и между купцами внутри одного торгового дома или товарищества.

Создание «Северного торгово-промышленного товарищества» имело целью укрупнение уже существовавшего предприятия купцов П.А. Кушнарера и А.А. Бушуевой за счет привлечения в экономическую деятельность по скупке пушнины «инородца» П.И. Антипина. При этом Антипин получал финансовую самостоятельность, за ним закреплялись монопольные районы торговых операций и гарантировалась экономическая поддержка от Торгового дома «Наследники А.М. Кушнарера» при неблагоприятных расчетах в течение операционного года. Следовательно, создание «Северного торгово-промышленного товарищества» на базе капиталов И.П. Антипина, А.А. Бушуевой и П.А. Кушнарера свидетельствовало о появлении монополистических тенденций в сфере торговли пушниной на территории Северо-Восточной Сибири при формальной самостоятельности участников товариществ и торговых домов [10, д. 1081, л. 17–18.]. Участники товарищества имели возможность льготного кредитования, снижения рисков при транспортировке товаров и регулирования цен на пушнину.

Таким образом, можно отметить наличие процесса поэтапного формирования и становления купечества из старообрядческой среды на территории Северо-Восточной Сибири. Каждый из этапов был связан с внутренней социально-политической обстановкой России во второй половине XVII – начала XX вв. Период гонений на «раскольников» XVII – начала XVIII вв. в середине XVIII в. сменился этапом, когда российское правительство поставило задачу колонизации отдаленных территорий Сибири путем их заселения хозяйственными старообрядческими семьями.

Каждый из анализируемых в статье этапов становления сибирского купечества может характеризоваться использованием со стороны правительства методов как принуждения, так и поощрения. С одной стороны, на протяжении всего исследуемого в статье периода старообрядцы были существенно ограничены в социально-политических правах, а с другой – имели налоговые и иные казенные льготы. Следует отметить, что как только правительство урегулировало ряд вопросов относительно вероисповедания и социально-экономической жизни старообрядцев, их предпринимательский талант в начале XX в. проявляется особенно ярко. Были зарегистрированы новые торговые дома, расширились сфе-

ры деятельности и территории торговых операций сибирского купечества, духовное «сектантство» переродилось в деловое и политическое сотрудничество. Появление крупных торговых предприятий позволило купцам из среды старообрядцев оказывать влияние на экономическое развитие родного края.

Примечания

1. Башарин Г.П. Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX – начала XX века. Якутск, 1974.
2. Гоголев З.В. Якутия на рубеже XIX и XX вв. Новосибирск, 1973.
3. Дамешек Л.М. Царизм и народы Восточной Сибири в конце XVIII – I половине XIX вв. Иркутск, 1983.
4. Захаров В.П. Пушной промысел и торговля в Якутии (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 1995. 137 с.
5. Зензинов В.М. Очерки торговли на севере Якутской области. М., 1915.
6. Иохельсон В.И. Очерки зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. СПб., 1898.
7. Константинов М.М. Пушной промысел и торговля в Якутском крае. Иркутск, 1921.
8. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири / под ред. Д.Я. Резуна. Новосибирск, 1994. Т. 1. Кн. 1.
9. Кулагин Н.А. Русский пушной промысел. Пг., 1923.
10. РГИА. Ф 23. Оп. 11.
11. Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX в. СПб., 1901.
12. Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1906.

В.А. Скубневский,
доктор исторических наук,
профессор АГУ

Предпринимательская деятельность в Сибири участников восстания 1863 года и их потомков

Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье, современность); шифр № 2012-1.1-12-000-3001-017).

На первый взгляд, постановка вопроса о предпринимательской деятельности ссыльных участников восстания 1863–1864 гг. в Сибири кажется даже абсурдной, учитывая карательный характер ссылки, тяжелые условия жизни тысяч ссыльных поляков в Сибири. О сибирской ссылке участников январского восстания написано множество исследований и в польской, и в российской историографии. Взятый в данной статье для исследования вопрос не является центральным в истории польской ссылки, ибо только очень немногим участникам восстания, оказавшимся в Сибири, удалось относительно неплохо устроить свою жизнь с материальной точки зрения и даже разбогатеть. Но такие факты были, и они требуют специального анализа. Внимание к деятельности и составу предпринимателей дореволюционной России усилилось уже в постсоветский период, когда стала востребованной тема истории предпринимательства. Изучение персонального состава предпринимателей Сибири выявило немало польских фамилий, что нашло отражение прежде всего в «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири» [1], а также в ряде публикаций, в том числе работах Л.К. Островского [2], С.В. Леончика [3] и других авторов [4].

Но вопрос о предпринимательстве участников восстания 1863 г. в Сибири в российской историографии специально не рассматривался, между тем это своеобразный вариант удачной адаптации ссыльных к новым условиям жизни.

По данным С. Максимова, с весны 1863 г. по 20 декабря 1866 г. всего в Сибирь прибыло 18 623 участника восстания, включая 1830 человек, добровольно последовавших за ссыльными, из них, по терминологии цитируемого автора, более половины были приговорены к «мягким» наказаниям, т.е. на «житье» и «водворение» [5]. Именно представители данной группы ссыльных имели шансы заняться ремеслом, торговлей и прочими видами предпринимательства. Впрочем, бывали случаи, когда мера наказания в силу каких-либо обстоятельств менялась. В этом отношении интересна судьба Станислава (Войчеха) Копэрского. В 1864 г. он был приговорен к 15 годам каторги за участие в Январском восстании. Будучи шляхтичем, при допросе дал показания, что он крестьянин и скрыл свое имя – Станислав, назвавшись Войчехом. Еще живя в Варшаве, он обучился мастерству резьбы по дереву, что помогло ему уже в Иркутске, куда он прибыл в качестве ссыльного. Вместо каторги его как столяра оставили на ремонте дома генерал-губернатора, а в 1878 г. он получил разрешение жить в этом самом большом городе Восточной Сибири. Здесь он работал как столяр, а также изготавливал ювелирные изделия, писал иконы, приобрел в собственность двухэтажный дом, в котором организовал и столярную мастерскую, нанимал до 20 рабочих. Правда, в 1884 г. здание сгорело, после чего он заведовал столярной мастерской в ремесленном училище известного купца Н.П. Трапезникова. На родину С. Копэрский так и не вернулся. Умер он в 1919 г. [6].

Объективно возможности заняться ремеслом или предпринимательством в самых разных сферах способствовали сами условия Сибири, где слабо были развиты и ремесло, и промышленность, в дефиците были специалисты самых разных профессий, т.е. имелись условия для приложения знаний и мастерства ссыльных, к которым сибирское общество относилось вполне лояльно [7].

Для большинства ссыльных поляков главным было не материальное положение, а стремление рано или поздно вернуться на историческую родину – проблема, которую Б.С. Шостакович обозначил термином «поврут-оседлене» [8], т.е. проблема выбора – остаться в Сибири или вернуться на родину. Б.С. Шостакович совершенно справедливо отмечает: «... реальная действительность вносила свои коррективы в мировоззрение бывшего польского повстанца, польского ссыльного.

Хотели того или нет сами ссыльные поляки-шестидесятники, решающими в проблеме «поврут-оседлене» оказались в конечном счете социально-экономические факторы» [9].

Прежде всего следует обратить внимание на смешанные в национальном плане браки поляков с русскими и женщинами других национальностей. В составе ссыльных мужчины, как известно, преобладали, при этом много было молодых, еще не успевших жениться на родине. И хотя польские патриоты не приветствовали смешанные браки, в реальности случаи вступления в брак с сибирячками польских ссыльных исчислялись сотнями [10]. В соответствии с российским законодательством дети от смешанных в конфессиональном отношении пар не могли быть крещены как католики. К тому же следует добавить, что и польского языка чаще всего в смешанных семьях дети не знали. Шел процесс осибирячивания, что, конечно, не способствовало возвращению части ссыльных после амнистии.

В ряде случаев, их было немного, ссыльным удавалось удачно, в материальном отношении, жениться на состоятельных сибирячках, в числе которых были мещанки, крестьянки и даже купчихи, что могло стать источником предпринимательской деятельности ссыльных.

Участник восстания 1863 г. Н. Цявловский первоначальный капитал приобрел в Сибири в итоге удачной женитьбы; в начале XX в. он стал одним из крупных углепромышленников [11] (подробнее об этом будет сказано чуть ниже). Сын повстанца Станислава Петкевича Всеволод женился на Феозве – дочери богатейшего на Алтае купца А.И. Винокурова, став управляющим на паровой мельнице Винокуровых в селе Камень (с 1915 г. – город с одноименным названием) Барнаульского уезда; там он торговал лесом и открыл первый в данном населенном пункте кинематограф [12].

Хотелось бы привести один любопытный пример женитьбы поляка на купеческой дочери, хотя речь идет уже не о ссыльном. Константин Ленкшевич, дворянин, чиновник, был направлен управляющим лесным имением в село Спирино на Алтае; было ему 40 лет, здесь Ленкшевич познакомился с 18-летней дочкой местного купца Ольгой Зориной. Ей образованный поляк понравился, но отец возражал против такого брака из-за большой разницы в возрасте. Дело кончилось «убегом», т.е. молодые обвенчались без разрешения родите-

лей невесты. Со временем отец простил дочь и ее мужа и назначил его управляющим на своей мельнице в Новониколаевске (современный Новосибирск). К. Ленкшевич вошел в круг крупных предпринимателей Новониколаевска [13]. Пример этот интересен тем, что показывает, почему молодые сибирячки выходили замуж за поляков, молодых и не очень. Думается, сибирских невест привлекал более высокий уровень грамотности и культуры польских потенциальных женихов. Та же Ольга Зорина была выпускницей Томской гимназии и в селе, где жили ее родители, достойных для нее женихов не было.

Рассматривая собственно предпринимательскую активность ссыльных поляков, постараемся, насколько это позволяют источники, показать не только сферу, но и масштабы их деятельности, для чего используем статистические и справочные дореволюционные издания, а также архивные фонды [14].

В литературе уже неоднократно отмечалось, что поляки способствовали развитию в Сибири ремесла, промышленности, торговли, новых приемов ведения сельского хозяйства и др. В известной речи Бронислава Пилсудского, произнесенной в 1917 г., отмечалось, что ссыльные поляки «развивали неизвестные там прежде ремесла, обучали местное население труду разного рода... Развитие фабричного производства было в основном заслугой поляков, им же сибиряки обязаны и улучшением уже действовавших фабрик и механизмов. Так, например, поляки основали в разных местах фабрики по производству свечей, мыла, занялись изготовлением сигар из монгольского табака, начали выделку курительных трубок из березы, построили кожевенные заводы, развили гончарное производство, изготавливая высокохудожественные изделия из глины, завели в крае доселе неведомые ветряные мельницы, намного улучшили производство масла из кедровых орехов, благодаря чему обеспечили сбыт этого продукта даже в России, научили сибиряков изготавливать польские и швейцарские сыры и т. д.» [15].

Хоть в этом высказывании есть некоторое преувеличение, в частности, что только полякам Сибирь обязана возникновением фабричного производства, в целом оно правильно отражает цивилизаторскую деятельность поляков в Сибири. Об этом же писал в «Летописи города Иркутска» Н.С. Романов;

впрочем, это высказывание очень часто цитируют исследователи сибирской колонии: «Колбасное, кондитерское и некоторые другие производства исключительно полякам обязаны основанием и развитием в Сибири. До поляков здесь почти не было ни кафе-ресторанов, ни трактиров, ни порядочных гостиниц» [16].

Иногда первоначальный капитал на какое-либо дело зарабатывался очень постепенно и тяжелым трудом. В качестве примера укажем на деятельность Нарциза Войцеховского, сосланного в Енисейскую губернию [17]. Здесь он оказался в селе Сагайском; сначала с другом М. Пшеспюрковском он начал изготавливать папиросы, затем с другим ссыльным – Франтишеком Киньским – наладил производство конопляного масла. В 1870 г. Н. Войцеховский стал помощником волостного писаря, затем управляющим на паровой мельнице С. Гусева с окладом 25 руб. в месяц (это была довольно хорошая оплата труда: за такие деньги в Сибири можно было купить корову или три овцы). В 1876 г. Н. Войцеховский перебрался на жительство в город Минусинск, где стал работать в магазине Яна Прендовского. Позже совместно со ссыльным Желтковским открыл мыловаренный завод, который работал до 1880 г. Вместе с А. Скочинским начал добычу золота и соли. По договору 1890 г. Н. Войцеховский совместно с врачом Н. Петковским и купцом И. Фуксманом образовали товарищество, которое занималось золотодобычей в 1900–1902 гг. на прииске в Ачинско-Минусинском горном округе [18]. На соляных промыслах Н. Войцеховского в 1902 г. было занято 28 рабочих [19]. После амнистии Н. Войцеховский остался в Сибири, став не только настоящим предпринимателем, но и общественным деятелем. Состав семьи и деятельность Н. Войцеховского хорошо отражены в статье С.В. Леончика [20].

И.Н. Никулина, рассматривая судьбу повстанцев 1863 г. в Алтайском горном округе, описывает и профессиональную деятельность ссыльных поляков. Так, в г. Кузнецке Томской губернии (современный Новокузнецк в Кемеровской области) Феликс Альбертович Ковальский стал сапожником, младший Ландсберг – кузнецом, Домановский – пекарем и колбасником; в Усть-Каменогорске (ныне территория Казахстана) Адольф Геберт стал кузнецом, Венедикт Станкус – портным, Викентий Арцишевский и Николай Пиотровский занимались пчеловодством и т.д. [21].

Одной из традиционных в Сибири сфер предпринимательства были винокурение и пивоварение, а также сбыт продукции этих предприятий. Крупнейшими предпринимателями в данной сфере были, как хорошо известно, Поклевские-Козелл, но они не являлись ссыльными. Из числа ссыльных участников восстания 1863 г. в данной сфере преуспели И.И. Андроновский и К.Я. Зеленовский, особенно первый из названных. На то, что Ипполит Андроновский был ссыльным, указывает в своей работе В.А. Ханевич [22]. Л.К. Островский в монографии пишет о ссыльном участнике восстания Юзефате Андровском, который стал владельцем винно-водочного завода в Томске и пивоваренного – в Барнауле [23]. Однако в этой же работе он пишет уже об И.И. Андроновском – также владельце винокуренного завода в Томске и пивоваренного в Барнауле [24]. Создается впечатление, что речь идет об одном и том же человеке. Но во всех архивных документах и опубликованных источниках, например в списках владельцев заводов, упоминается И.И. Андроновский, который и был владельцем винокуренного завода в Томске и пивоваренного в Барнауле.

В 1890 г. И.И. Андроновский купил в Томске винокуренный завод у Горбатовского. Основан этот томский завод был Казимиром Зеленовским [25]. В Барнауле Андроновский в конце 80-х гг. XIX в. (точная дата неизвестна) открыл пивоваренный завод и сеть торговых заведений, в их числе трактир, пивные лавки, через которые и сбывал собственную продукцию. Имеется информация о деятельности принадлежащих И.И. Андроновскому предприятий. Так, в 1892 г. обороты пивоваренного завода составили 4,7 тыс. руб., двух оптовых складов вина и пива – около 18 тыс. руб., двух харчевен (т.е. трактиров) – около 4 тыс. руб., «ренского погреба» (заведения для продажи виноградных вин) – 3,5 тыс. руб. и шести пивных лавок – более 10 тыс. руб., всего – более 40 тыс. руб. [26].

О производительности барнаульского пивоваренного завода за 1895 г. наглядно свидетельствует анкета, заполненная самим владельцем. В указанном году завод изготовил 8000 ведер пива (объем ведра – 12 литров) на сумму 12,8 тыс. руб., на что было израсходовано 3000 пудов ячменя, 95 пудов хмеля, занято в производстве всего 5 рабочих [27]. В это же время стоимость недвижимого имущества И.И. Андроновского в

Барнауле составляла 4,5 тыс. руб. [28]. К примеру, деревянный дом из трех комнат стоил не более 300 руб.

В 1905 г. Ипполит Игнатьевич умер, и в том же году его наследники (три сына) основали торговый дом «И.И. Андроновский и сыновья» с основным капиталом в 30 тыс. руб. и конторой в Барнауле [29]. В дальнейшем объем коммерческой деятельности семьи продолжал расти. Только в Барнауле накануне Первой мировой войны (1913 г.) Андроновские владели пивоваренным заводом с оборотами в 110 тыс. руб., производительностью которого составляла 60 тыс. ведер, 23 торговыми заведениями, в числе которых ресторан «Метрополь», трактир, пивные лавки [30].

Ресторан «Метрополь» размещался на центральной улице города – Московском проспекте; это двухэтажное кирпичное здание (сохранилось до настоящего времени) Андроновские арендовали у обедневших купцов Мальковых.

Андроновские сами являлись крупными владельцами недвижимого имущества, которое в 1914 г. оценивалось в 51 тыс. руб. [31]. Около их жилого дома находился известный в городе сиреневый сад. Коммерческая деятельность этой семьи существенно сократилась в годы Первой мировой войны. В России, как известно, был введен «сухой закон», т.е. запрещена торговля спиртными напитками, включая пиво. Так как торговый дом Андроновских специализировался только на этом виде предпринимательства, это и подорвало его бизнес. Однако в одном из архивных документов за 30 июня 1917 г. указывается, что в Томске был «завод Андроновского по выработке виноградного сахара» с 16 рабочими и служащими [32].

Казимир Яковлевич Зеленевский, родом из Минской губернии, «из крестьян», как указывается в документах, обучался в земледельческом училище г. Горки Могилевской губернии. За участие в восстании 1863 г. был сослан в Западную Сибирь, здесь проследовал через Тобольск в Омск, где жил с 1865 по 1869 гг. [33]. В 1870 г. он работал на винокуренном заводе купцов Ерофеевых в г. Каинске Томской губернии (современный г. Куйбышев Новосибирской области), но оставался там недолго. Вместе с супругой Аделаидой Фоминичной (урожденной Юшкевич) он переехал в Томск, где и проживал до конца своей жизни (1917 г.). Попытка вернуться на родину в 1875 г. успехом не увенчалась [34]. С 1880 г. К.Я. Зеленевский выбирал свидетельство томского купца 2-й гильдии. В 1884

г. он открыл дрожжевой завод, вскоре переоборудованный в винокуренный, но в 1887 г. завод сторел. В 1886 г. К.Я. Зеленецкий построил пивоваренный завод, который в 1887 г. произвел продукции на 2,5 тыс. руб., а в 1909 г. уже на 40 тыс. руб. [35]. В середине 90-х гг. XIX в. предприятием производилось более 5 тыс. ведер пива в год [36]. В 1903 г. у Зеленецкого в Томске было 9 пивных лавок, в Новониколаевске – одна и в селах Томского уезда – шесть [37]. Накануне Первой мировой войны производство заметно увеличилось; на заводе было занято 15 рабочих, стоимость продукции оценивалось в 15 тыс. руб. [38]. Казимир Яковлевич не стал крупным предпринимателем, но его коммерческая деятельность позволяла обеспечивать материальное благосостояние семьи. Известность фамилии Зеленецких принес сын Казимира Яковлевича – Казимир Казимирович Зеленецкий (1888–1931), ставший известным художником. Он учился в вузах Женевы, Кракова, Вены, после революции 1917 г. эмигрировал, жил в основном во Франции, умер в Неаполе; значительное собрание его произведений хранится в Томском областном художественном музее [39].

Ссылный Иван Максимович Красимович обосновался в Кузнецке Томской губернии; здесь он стал купцом 2-й гильдии; не позже 1902 г. открыл небольшой пивоваренный завод, производительность которого в 1908 г. составляла 6 тыс. руб. при 6 рабочих [40]. После смерти И.М. Красимовича в 1908 г. дело возглавляла его вдова София Фабиановна, а после ее ухода из жизни (1912 г.) – наследники: дети – сын Альберт и дочери Антонида и София. Они доверили управление заводом Францу Корытковскому – мужу одной из дочерей Красимовичей. Эта семья имела сеть пивных лавок по Кузнецкому уезду, а в городе большой 6-квартирный дом [41].

Из числа ссыльных поляков действительно крупным предпринимателем стал Николай Цявловский, который, как уже говорилось выше, стал состоятельным человеком благодаря удачной женитьбе. Он был одним из крупных углепромышленников Черемховского угольного бассейна Восточной Сибири. В 1905 г. им была основана углепромышленная компания с основным капиталом в 100 тыс. руб., на шахтах было занято 65 рабочих [42]. В 1909 г., по данным Горного департамента, на его шахтах было добыто 1,3 млн. пудов угля. В 1913 г. был принят устав акционерного общества Черемховских

угольных копей Н.А. Цявловского с основным капиталом в 2,5 млн. руб. [43]. Кроме того, в годы Первой мировой войны Н. Цявловский построил в Новониколаевске кирпичный завод, на котором в 1914 г. было занято 60 рабочих [44].

В Тобольске занялся предпринимательством и бывший участник восстания 1863 г. Ян Печокас, а позже и его сыновья Александр и Константин [45]. У него было лесопильно-мукомольное предприятие, на котором в 1902 г. было занято 9 рабочих [46], в 1913–1914 гг. – 12 человек [47].

Владимир Иванович Орельский сумел в Восточной Сибири заняться золотопромышленностью, кожевенным делом и торговлей. В частности, его кожевенные предприятия стали экспонентами Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. На двух его кожевенных заводах не только обрабатывали кожу, но и шили обувь, однако размеры этих производств были невелики [48].

Д. Карчевский и его семья в г. Кургане Тобольской губернии на рубеже XIX – XX вв. открыли два завода по производству сливочного масла, на которых ежегодно перерабатывалось до 30 тыс. пудов молока [49].

В данной статье главное внимание уделено предпринимателям из числа ссыльных поляков, но еще большее количество ссыльных работало мастерами, управляющими и просто рабочими на многих предприятиях, способствуя промышленному развитию края. Так, на Абаканском железодельном заводе в Енисейской губернии в 1869–1874 гг. работало более 50 ссыльных поляков, в том числе механиками, литейщиками, кузнецами, счетными работниками [50]. Ссыльные работали также на золотых приисках инженерами, кузнецами, столярами, бухгалтерами, врачами [51].

Предпринимательство многих поляков в Сибири, в том числе ссыльных, реализовывалось в сфере торговли. До проведения Сибирской железной дороги (90-е гг. XIX в.) даже в сибирских городах почти не было магазинов европейского уровня, т.е. просторных, хорошо оформленных, с большим выбором товаров. Некоторым положительным исключением в этом отношении был Иркутск, магазины которого имели вполне столичный вид. Так что простор для проявления инициативы в сфере торговли в Сибири был, для этого требовались деньги и инициатива. И не случайно на многих вывесках сибирских магазинов, гостиниц, ресторанов и трактиров ста-

ли появляться названия «Варшавский», «Варшавская». Так, Кароль Матушевский в Енисейске открыл «Варшавский магазин» [52]. Стефан Мацеша, живший в Томске с 1868 по 1889 гг., открыл продовольственный магазин и «торговую» (т.е. общественную) баню [53].

Ян (Иван) Плонский стал в г. Ишиме Tobольской губернии купцом и торговал жировыми товарами; в 1894 и 1899 гг. он избирался гласным Ишимской городской думы; оставил наследникам 10 тыс. руб. [54]. Станислав Матвеев Щепановский, сосланный в Сибирь, жил в Омске с 1866 по 1901 гг. [55], здесь он стал купцом 2-й гильдии, имел магазин оптики, а с 1898 г. – гостиницу [56], обороты которой в 1915–1916 гг. составляли 10–12 тыс. руб. [57].

Адаптации ссыльных поляков в Сибири, в том числе их предпринимательской деятельности, способствовало формирование землячеств, в состав которых наряду со ссыльными входили и «местные» поляки, уже жившие здесь, – чиновники, военные, рядовые горожане [58]. В литературе неоднократно писалось о помощи ссыльным со стороны крупнейшего уралосибирского промышленника Альфонса Поклевского-Козелла и губернатора Tobольской губернии А.И. Деспота-Зеновича. Так, в Tobольске при содействии А.Н. Деспота-Зеновича в 60-е гг. XIX в. были устроены сапожная, столярная, слесарная, швейная и другие мастерские, кузница, прачечная, организована столовая, во всех этих заведениях работали ссыльные поляки – участники восстания 1863 г. [59].

Разумеется, в данной статье приведены фамилии только части предпринимателей из числа ссыльных участников восстания 1863 г. Можно предположить, что их было значительно больше. Коммерческая деятельность стало одной из форм адаптации ссыльных поляков в новой для них среде. Они смогли, с одной стороны, обеспечить свое проживание с материальной точки зрения, с другой – вносили весомый вклад в промышленное освоение региона, в создание здесь промышленной и торговой инфраструктуры. В пореформенный период, а особенно после проведения Сибирской железной дороги, т.е. уже в начале XX в., открывались более широкие возможности для самой разнообразной деятельности в сфере предпринимательства, чем в первой половине XIX в. Это было связано с буржуазным развитием Российской империи после реформ 60-70-х гг. XIX в., с определенными сдвигами в поли-

тике самой царской администрации. Можно указать на Положение 1866 г., направленное на улучшение быта ссыльных и создававшее для них определенные возможности в экономической сфере [60]. Объективно сам состав польской диаспоры Сибири способствовал ее активной роли в самых разных сферах – экономике, науке, культуре, а особенности этого состава были в численном преобладании мужчин над женщинами, значительной доле молодых людей и относительно высоким уровнем образования и культуры по сравнению с местным населением. Польскую диаспору в Сибири можно отнести к предпринимательскому меньшинству, она активно участвовала в модернизационных преобразованиях края.

Не только поляки, но и немцы, евреи в Сибири второй половины XIX – начала XX вв. были «рыночным ферментом», «агентами» социально-экономической модернизации, и в то же время они сами испытывали мощное воздействие со стороны принимающего социума [61].

Примечания

1. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. В 4-х тт. Новосибирск, 1994–1999.

2. Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири (1890-е – 1930-е годы). Новосибирск, 2011.

3. Леончик С.В. Нарциз Войцеховский – ссыльный участник восстания 1863 г. Минусинск, Красноярск, Томск // История и культура поляков Сибири. Красноярск, 2006. С. 29–36.

4. Скубневский В.А. Предпринимательство поляков в Сибири. Вторая половина XIX – начало XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 2001. Вып. 3. С.139–152.

5. Максимов С. Сибирь и каторга. СПб., 1871. Ч. III. С. 80.

6. Новоселова И.Э., Лыхин Ю.П. Войчех Копэровский: судьба изгнанника // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. мат-лов междунар. науч. конф. (Иркутск, 11–15 сентября 2000 г.). Иркутск, 2001. С. 248–249.

7. Скоробогатова Н.Н. Проблемы психологической и социокультурной адаптации малых дисперсных групп ссыльных поляков в селах юга Енисейской губернии в XIX веке // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. Омск, 2010. Ч. 2. С. 364.

8. Шостакович Б.С. История поляков в Сибири (XVII–XIX вв.): учеб. пособие. Иркутск, 1995. С. 89.

9. Там же. С. 90.

10. Там же. С. 93.

11. Ноздрин Г.А., Цявловский Н.А. // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 4. Кн. 2. Новосибирск, 1998. С. 100.

12. Скубневский В.А., Зенухина Т.Н. Винокуровы // Деловая элита старой Сибири. Новосибирск, 2005. С. 54.
13. Кочнев П.Ф. Жизнь на большой реке: записки сибирского приказчика. Новосибирск, 2006. С. 299–304.
14. Скубневский В.А. Источники изучения хозяйственной деятельности поляков в Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Восточная Европа и Россия: история, современное состояние, перспективы взаимоотношений. СПб., 2008. С. 82–92.
15. Пилсудский Б. Поляки в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 21.
16. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993. С. 90.
17. Леончик С.В. Нарциз Войцеховский... С. 29–36.
18. Сапоговская Л.В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв. (Урал и Сибирь – модели развития): дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1998. Т. 2. С. 104.
19. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 31. Оп. 1. Д. 214. Л. 30–31.
20. Леончик С.В. Нарциз Войцеховский...
21. Никулина И.Н. Польские политические ссыльные на Алтае в XIX веке // Almanach historyczny. Kielce, 2010. Т. 12. С. 46, 55.
22. Ханевич В.А. Католики в Кузбассе (XVII–XX вв.) (очерк истории, материалы и документы). Кемерово, 2009. С. 54.
23. Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири... С. 129.
24. Там же. С. 138–140.
25. Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом. Хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск, 2003. С. 58.
26. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 4. Д. 2408. Л. 55.
27. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1150. Л. 6.
28. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2408. Л. 137.
29. Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). СПб., 1912. С. 21.
30. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 52. Оп.1. Д. 36. Л. 52–72.
31. ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 50. Л. 103–103об.
32. ГАТО. Ф. Р63. Оп. 1. Д. 86.
33. Мулина С.А. Участники польского восстания 1863–1864 гг. в омской ссылке: анализ численности и персонального состава // Вопросы социальной истории России конца XVIII – начала XX вв. Омск, 2004. С. 100.
34. Овчинникова Л. Судьба Казимира Зеленецкого, для которого Сибирь стала второй родиной // Сибирская старина. Томск, 1997. № 12. С. 24–26.
35. Дмитриенко Н.М. Зеленецкий Казимир Яковлевич // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1995. Т. 2. Кн. 1. С. 51.
36. Вся Россия. СПб., 1895. С. 2154.
37. Дмитриенко Н.М. Зеленецкий Казимир Яковлевич... С. 52.
38. Фабрики и заводы всей России. Сведения о 31 523 фабриках и заводах. Киев, 1913.

39. Овчинникова Л.И. Зеленевский Казимир Казимирович // Томск от А до Я: краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 124.
40. Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912. С. 249.
41. Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая: энциклопедия предпринимательства. Барнаул, 1996. С. 61; Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири (1890-е – 1930-е годы). Новосибирск, 2011. С. 141–142.
42. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пг., 1914.
43. Отчет горного департамента за 1909 год. СПб., 1911. С. 497; Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. С. 172.
44. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 16. Д. 142. Л. 14 об.
45. Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири... С. 126–127.
46. ГУТО ГАТ (Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске). Ф. 152. Оп. 45. Д. 251. Л. 143.
47. РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 124. Л. 61 об.; Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пг., 1914. С. 1304.
48. Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Отдел XIII: Сибирский. М., 1896. С. 116.
49. Рябухо Л.В. Вклад сосланных после 1863 г. поляков и их потомков в развитие Урала и России // История и культура поляков Сибири. Красноярск, 2006. С. 42.
50. Леончик С.В. Поляки юга Енисейской губернии: история ссылок и заселения // Сибирь в истории и культуре польского народа. С. 55.
51. Лерник А.В. добрый путь, «Полония Енисейска!» // Rodacy. 2005. № 1. С. 24.
52. Там же.
53. Ханевич В. Александр Мацеша // Rodacy. 2010. № 2. С. 22–23.
54. Меньшиков И.В. Плонский – ишимский купец конца XIX в. (социально-психологический портрет) // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Иркутск, 2001. С. 250–252.
55. Мулина С.А. Участники польского восстания 1863–1864 гг. в омской ссылке. С. 106.
56. Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири. С. 127–128.
57. ЦГАРК (Центральный государственный архив Республики Казахстан). Ф. 342. Оп. 1. Д. 659. Л. 467–468.
58. Оплаканская Р.В. Землячества поляков в Сибири как фактор сохранения национальной идентичности в условиях иной этнокультурной среды (первая половина XIX в.) // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века. Новосибирск, 2004. С. 123–137.
59. Максимов С. Сибирь и каторга. С. 87–88.
60. Пилсудский Б. Поляки в Сибири. С. 20–21.
61. Кротт И.И. «Чужаки» в сибирском социуме конца XIX – начала XX века: современные подходы изучения социально-экономического поведения мигрантов // «Свои» и «чужие»: национально-культурные аспекты сибирского предпринимательства (XIX – начало XX века). Омск, 2009. С. 10.

---

*В.П.Зиновьев,
доктор исторических наук,
профессор ТГУ*

**Социокультурные аспекты
золотопромышленного освоения Сибири
в XIX – начале XX вв.**

Рассматриваются социокультурные аспекты развития золотопромышленности в Сибири. Золотой промысел, продвигаясь в тайгу, образовывал постоянные и временные поселения, которые требовали медицинского обслуживания, школ, культурных учреждений. Предприниматели, часто не желая того, способствовали культурному освоению сибирского пространства.

О золотопромышленности написано немало книг, статей и диссертаций, однако одна сторона приисковой жизни остается до сих пор практически не изученной современной историографией – состояние медицинского и школьного обслуживания населения золотопромышленных районов. Сведения об этом есть в сочинениях дореволюционных исследователей и публицистов [1–7], в опубликованных отчетах горной инспекции [8], редких трудах приисковых врачей [9–12]. В советское время сведения о постановке медицинского обслуживания и школьного дела иногда встречались в трудах о положении рабочих Сибири [13, с. 148–150]. Специально же обращался к медицинскому вопросу лишь В.И. Марков, остановившийся преимущественно на законодательной части его решения [14]. В постсоветской историографии к этому сюжету обратился П.П. Румянцев, исследуя историю служащих на золотых промыслах [15]. Наиболее полная библиография вопроса представлена П.Т. Приходько [16].

Медицинское обслуживание приискового населения было введено в 1830-е гг. в связи с появлением в Мариинской тайге первых крупных предприятий. Томская губернская врачебная управа в 1832 г. сделала представ-

ление губернатору о необходимости ввести медицинское обеспечение поселений в тайге, построить госпитали с числом кроватей из расчета 1 на 30 человек. Алтайское горное управление, ведавшее частными промыслами, не стало регламентировать оказание медицинской помощи на приисках, поэтому оно зависело от произвола промышленников. Первыми наняли подлекарей и завели госпиталь И.Д. Асташев и Поповы. В 1837 г. в Мариинской тайге был врач – Лессинг; имелись больницы на приисках компаний Поповых, Асташева, Баландина и Рязанова, Мясниковых, Пешкова. Оплата за лечение не регламентировалась, одни компании требовали по 20–50 коп. ассигнациями за день в больнице под предлогом борьбы с симулянтами, другие – нет [2, т. 1, с. 20–22]. Так продолжалось до 1865 г., когда Главное управление Восточной Сибири запретило делать какие-либо вычеты из заработной платы за лечение [2, т. 1, с. 417].

На приисках Алтайского округа Кабинета госпитали также появились в середине 1830-х гг. Первый – на наиболее крупном Успенском прииске. В 1849 г. на 2,9 тыс. годовых рабочих полагалось 2 лекаря, 12 фельдшеров и 12 фельдшерских учеников [2, т. 1, с. 281].

До 1895 г. медицинская помощь на приисках законодательно не регулировалась. По «Правилам о найме рабочих на частные золотые и платиновые промыслы» от 20 февраля 1895 г. медицинское обслуживание работников перекладывалось на предпринимателей [17]. На этом общероссийская регламентация медицинской помощи работникам золотых промыслов заканчивалась. Разработкой правил оказания медицинской помощи занялись Присутствия по горнозаводским делам при Томском и Иркутском горных управлениях. Томское присутствие по горнозаводским делам утвердило обязательное постановление «О врачебной помощи рабочим на подведомственных Томскому горному управлению золотых промыслах и довольствии их» от 18 декабря 1898 г. [18, с. 20], Иркутское присутствие – «О врачебной помощи рабочим на частных горных заводах и промыслах Восточно-Сибирской горной горности» от 10 марта 1910 г. [19]. Постановления предписывали владельцам приисков с числом рабочих более 60 иметь больницы, снабжать их необходимым оборудова-

нием и материалами, содержать врачебный персонал и больных работников. Больницы могли обслуживать несколько смежных приисков. Медицинские учреждения должны были иметь три палаты (для мужчин, женщин и заразных больных), ванную, приемный покой, аптеку, подсобные помещения. При меньшем числе рабочих полагалось иметь две палаты. Одна больничная койка полагалась на 20 рабочих. Больницы обязательно обслуживались фельдшерами, которые работали под наблюдением приисковых врачей. Исполнять обязанности последних могли специально приглашенные лица или уездные и сельские врачи [14]. Требования Присутствий по горнозаводским делам поднимали планку медицинского обслуживания довольно высоко для России начала XX в. Однако золотопромышленники, чтобы избежать дополнительных расходов, редко исполняли требования горной инспекции, хотя игнорировать их полностью не могли. В медицинской помощи нуждались и сами хозяева приисков, и их служащие. Качество медицинской помощи в итоге зависело не только от культурности и гуманности предпринимателей, но и от доходности предприятий. В Томской горной области измельчение промыслов к концу XIX в. снизило качество медпомощи; в начале XX в. механизация промыслов и стабилизация населения в тайге способствовали улучшению медицинского обслуживания. В Восточной Сибири лучшие больницы были на крупных промыслах Витимской тайги.

Медицинское обслуживание на приисках всегда подвергалось критике за низкое качество и недостаточный объем. По сведениям, собранным В.И. Семевским, в 1848 г. на 45 приисках Енисейской тайги было 35 госпиталей с 647 кроватями на 15 475 рабочих. Основная болезнь – цинга, от которой приисковое население спасалось черемшой. В 1850-е гг., когда учет больных стал более точным, выяснилось, что на приисках Восточной Сибири болели от 28 до 41 % рабочих (1851–1853 гг.), умерли из них от 1 % до 2,3 %, больные поденщины составляли до 5–6 % всех рабочих дней [2, т. 1, с. 130, 229]. Число болевших рабочих разнилось от 17 % до 100 % в год. Наиболее запомнилась эпидемия тифа на Карийских промыслах Кабинета в 1850 г., когда из 4560 рабочих умерли 650 [2, т. 1, с. 317].

Управляющий промыслами И.Е. Разгильдеев увековечен за это в народной памяти бранным словом «разгильдядй».

Позднее, в 1870–1880-е гг., ситуация на приисках изменилась мало. На приисках Томской губернии врача не было до 1890 г., окружные врачи совмещали обязанности приисковых, 3,5–7 % времени рабочие числились больными, главная болезнь – ревматизм, средство для лечения – слабительное и рвотное. Окружной инженер В.С. Реутовский в 1894 г. отметил: «При рассмотрении устройства 30 имеющихся на приисках больниц установлено, что в большинстве случаев они совсем не удовлетворяют требованиям гигиены» [2, т. 2, с. 127–129]. С приисков Енисейской губернии сообщения те же: в 1883 г. из 47 больниц благоустроенными названы 17, «промысловые больницы в большинстве случаев малы, тесны, грязны, зимою холодны, без всякой вентиляции», фельдшеры невежественны и грубы, способ лечения – кровопускание [2, т. 2, с. 222–231]. На Витимско-Олекминских приисках в 1883 г. было 23 больницы на 283 кровати, 1 врач и 25 фельдшеров на 10,8 тыс. рабочих, из которых 84 % болели, 1 % умер. В.И. Семевский приводит те же свидетельства о низком качестве состава фельдшеров. Вместе с тем он сообщает о том, что в 1884 г. на Успенском прииске К⁰ Промышленности была построена центральная больница на 39 кроватей, в 1893 г. в ней было 60 кроватей, 1 доктор, 7 фельдшеров и акушерка [2, т. 2, с. 419–432]. На Нерчинских приисках Кабинета при 2200 рабочих в госпиталях ежедневно было по 117 рабочих, основные болезни – «цинга, тиф, малокровие и легочная чахотка» [2, т. 2, с. 581].

Горная статистика, опубликованная и сохранившаяся в архивах, дает возможность представить состояние медицинского обслуживания на приисках Сибири в 1895–1916 гг. (табл.1).

Таблица 1
Статистика медицинских учреждений и медперсонала
на золотых промыслах Сибири в 1895–1916 гг.*

Годы	Приис- ков	Годовых рабочих	Больниц и при- емных покоев	Коек	Вра- чей	Фель- дшеров	Акуше- рок
1895	870	32 690	122	690	10	105	3
1896	796	26 232	143	1004	12	114	3
1897	780	25 123	143	935	12	124	4
1898	709	23 533	119	987	13	114	5
1899	785	27 289	120	925	11	113	5
1900	782	27 314	128	750	14	98	4
1901	809	28 895	117	748	12	108	3
1902	702	29 112	108	743	11	107	3
1903	676	27 446	99	517	12	95	8
1904	682	22 658	87	517	8	80	7
1905	606	21 106	86	409	9	91	10
1906	491	19 573	100	697	12	84	8
1907	487	19 929	73	801	13	70	7
1908	550	23 122	83	598	10	70	5
1909	515	24 920	95	583	13	79	9
1910	651	33 599	104	625	12	84	12
1911	730	37 197	111	650	17	89	11
1912	781	40 614	104	613	19	102	15
1913	761	41 596	115	735	20	117	14
1914	734	41 665	113	780	13	101	19
1915	731	38 692	146	755	14	91	16
1916	754	40 929	123	801	12	101	9

Источники подсчета: Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1896. № 1. С. 18; № 23 С. 423–424; № 24. С. 442–443; 1897. № 3. С. 48, 49; № 4. С. 83; № 10. С. 227–228; № 11. С. 248–253; № 21. С. 475; № 23 С. 529; 1898. № 10. С. 238; № 20. С. 467; № 21. С. 498, 499; № 23. С. 568, 569; 1899. № 20. С. 471, 472; № 21. С. 489; № 22. С. 510; № 23. С. 540; № 24. С. 569; 1901. № 1. С. 7; № 2. С. 26–27; № 3. С. 43–46; № 6. С. 103; № 7. С. 124; № 13. С. 215–217; № 14. С. 233; № 21. С. 358; № 22. С. 381; № 23. С. 400–403; 1902. № 12. С. 233–235; № 13. С. 253; № 14. С. 277–278; № 15. С. 294; № 19.

С. 366–367; № 20. С. 383; № 21. С. 401–402; № 22. С. 416–418; 1903. № 7. С. 107–108; № 8. С. 122–123; № 10. С. 153; 1904. № 4. С. 82; № 5. С. 105; № 6. С. 135; 1905. № 9. С. 235–237; Горная промышленность Сибири. Томская горная область в 1902 году. Томск, б.г. С. 16–22; Горная промышленность ... в 1903 году. Томск, б.г. С. 20–26; Горная промышленность ... в 1904 году. Томск, б.г. С. 18–27; Горная промышленность ... в 1905 году. Томск, б.г. С. 23–33; Горная промышленность ... в 1907 году. Томск, б.г. С. 36–48; Горная промышленность ... в 1912 году. Томск, б.г. С. 19–51; Горные и золотопромышленные известия. 1904. № 1. С. 6; 1905. № 4. С. 53; № 6. С. 39; № 7. С. 104; 1906. № 12–13. С. 131; № 16. С. 169; № 17. С. 180; 1907. № 20. С. 234; № 24. С. 292–294; 1908. № 1. С. 3–5; № 3–4. С. 40–41; № 7–8. С. 80; 1910. № 3–4. С. 27; № 5. С. 36; № 8. С. 63–64; № 9. С. 69–72; № 13. С. 115–116; № 14. С. 125, 127–128; № 17. С. 159–161; 1911. № 4. С. 42–44; № 9. С. 86–98; № 10. С. 97–100; № 19. С. 206; № 20. С. 214–216; № 21. С. 226–228; 1912. № 9. С. 190; № 10. С. 215–216; № 12. С. 263–264; № 13. С. 288–289; 1913. № 7. С. 156–157; № 8–9. С. 176–181, 192; № 10. С. 213–217; № 11. С. 236–237; № 13. С. 299; № 18. С. 418–419; № 19. С. 439–440; 1914. № 8–9. С. 171–173; № 12. С. 253; № 22. С. 490; № 24. С. 562; 1915. № 5. С. 76; Золото и платина. 1912. № 5. С. 411; № 18. С. 547; Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 543. Оп. 1. Д. 193. Л. 9; Д. 264. Л. 24; Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 135. Оп. 1. Д. 337. Л. 101–291; Д. 402. Л. 166–169; Д. 433. Л. 36; Д. 434. Л. 23–25; Д. 446. Л. 94, 113; Д. 449. Л. 22–24, 176–184; Д. 452. Л. 38; Д. 1720. Л. 58, 81, 145–178; Д. 1797. Л. 150–160; Д. 1860. Л. 4–12; Ф. 286. Оп. 1. Д. 35. Л. 33, 53–54; Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 174. Л. 2–13; Д. 203. Л. 3–20; Д. 304. Л. 13–15; Ф. 426. Оп. 1. Д. 82. Л. 83–84; Ф. 428. Оп. 4. Д. 2765. Л. 144–148; Д. 3035. Л. 165–167; Ф. 433. Оп. 1. Д. 277. Л. 73–302; Д. 301. Л. 45–46, 59–60, 70–71; Д. 532. Л. 29, 33, 118–119, 123–126, 133–134, 137–138, 145, 168–172, 353, 359–360; Д. 544. Л. 56, 154–156, 162, 220, 226–227, 248–250, 253, 362, 365; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 67. Д. 1316. Л. 6–9; Оп. 75. Д. 405. Л. 94–97; Д. 433. Л. 3–15; Д. 581. Л. 11–34; Д. 602. Л. 19; Д. 681. Л. 14–21; Д. 714. Л. 8–13, 26–28; Д. 721. Л. 8–9; Д. 728. Л. 16–18; Оп. 77. Д. 1179. Л. 112–127.

Учтена территория Сибири (без Дальнего Востока и Казахстана).

Сведения, приведенные в табл. 1, показывают, что постановления горной инспекции не выполнялись. Так, в 1900 г. на 27,3 тыс. годовых рабочих (782 прииска) приходилось 128 больниц и приемных покоев (1 на 212 рабочих), коек – 750 (1 на 36), врачей – 14 (1 на 2 тыс. чел.), фельдшеров – 98 (1 на 8 приисков), акушерок – 4 (1 на 195 приисков). В 1913 г. на 761 прииске с 41,6 тыс. рабочих находилось 115 больниц и приемных покоев с 735 койками, 20 врачами, 117 фельдшерами, 14 акушерками. Больница приходилась на 7 приисков, или на 362 рабочих, одна койка на 56 рабочих, один врач на 2 тыс. рабочих, один фельдшер на 256 человек. Следует отметить, что расчет делался на

среднегодовое число рабочих, реальное же число рабочих в сезон промывки песков по сравнению с зимним периодом удваивалось. Не учтены здесь также семьи служащих и рабочих.

На отдельных промыслах положение было печальнее. В 1905 г. окружной инженер Западно-Забайкальского округа рапортовал, что «медицинская помощь на приисках вверенного мне округа в большинстве случаев фактически отсутствует» [20, л. 583]. На приисках Витимского округа в 1910 г. на 6 тыс. рабочих был один врач [21, л. 12]. Прииски даже одного округа были разбросаны в тайге порой на сотни километров. Врач Олекминского округа Павлов в 1905 г. писал в отчете, что он смог бы объехать все прииски с остановкой на день только за месяц [22, л. 1187]. Врач Томского горного округа в отчете сообщал, что «весеннее и осеннее бездорожье совершенно изолирует врача от его района» [23, л. 80].

Практическая медицинская помощь по-прежнему оставалась в руках фельдшеров, на должности которых подвизались бывшие ротные фельдшеры и даже ветеринары. По отзывам горных инженеров, они нередко губили больных [24, с. 473].

Помещение и оборудование больниц было предметом всемерной экономии для золотопромышленников. Вот описание не худшей больницы Бериккульского рудника в Мариинской тайге: «В ней имеется общая комната для мужчин на 4 койки, палата (маленькая комната) на 1 койку для женщин, комната для заразных, совершенно не изолированная, ванная комната, в которой помещается плита для приготовления пищи и тут же клозет ...» [23, л. 82]. В 1913 г. в «лучшей» больнице Енисейского округа на Иваново-Дмитриевском прииске от старости сломалась потолочная балка [25, л. 176]. Горный надзор был бессилен заставить промышленников уважать закон, так как штраф в 50 руб. был для крупных компаний незначителен.

Эпидемии заразных болезней, если докатывались до приисков, наносили их населению большой урон. Ежегодно вспыхивали эпидемии оспы, тифа, скарлатины, инфлюэнцы (гриппа); бывали случаи холеры, дифтерита. На Карийских промыслах ежегодно фиксировались заболевания тифом [26, с. 434], в 1899 г. на предприятиях Алтай-

ского округа Кабинета от тифа умерли 28 чел., от холеры – 4 [27, л. 25]. В 1904 г. от оспы на приисках Ленского округа умирали семьями [28, с. 51]. Распространенным явлением были венерические болезни. Но настоящим бичом приисков была цинга; к весне больницы заполнялись цинготными больными в тяжелой форме.

Рабочие серьезно болели 2–3 раза в год; 1–2% от числа заболевших умирали на приисках. Дети умирали чаще взрослых. Так, в 1894–1895 гг. на приисках Лензото умерли 50 человек, в т. ч. 33 ребенка до 5 лет [29, с. 208].

При всем критическом отношении к приисковой медицине следует признать, что она справлялась с травмами, оказывала первую помощь и давала приют больным. Приисковая медицина была существенным шагом вперед по сравнению с сельской, обходившейся в основном народными методами. В Сибири один врач приходился на 30–40 тыс. жителей, один медпункт – на 3–3,5 тыс. кв. верст [30, с. 340]. На прииски приходили здоровые молодые люди, но они занимались тяжелейшим физическим трудом по 9–14 часов в день, ели грубую, малокалорийную пищу, почти ежедневно употребляли низкокачественный алкоголь. Редко кто выдерживал 5–15 лет такой изматывающей жизни. В.М. Крутовский писал: «К 40–50 годам жизни после 10–15 л. приисковой работы рабочий представляет из себя преждевременно состарившегося субъекта с расширенными венами, перерожденными артериями, с гипертрофированным сердцем, которое уже отказывается работать, появляются отеки, застой крови, эмфизема легких, гипертрофия и перерождение печени, параличи и масса других заболеваний, начиная нефритами и кончая общим маразмом. Вот тот печальный тип приискового инвалида, искалеченного непосильным трудом, для которого нет спокойного угла, нет богадельни, и удел его преждевременной старости – нищета, голод, холод и смерть или в больнице, или где-нибудь под забором» [9, с. 31]. Картина ужасная, но если учесть, что средняя ожидаемая продолжительность жизни мужчин России в 1896 г. составляла 30 лет, то участь приискового ветерана была не самой горькой. 90 % просителей пенсий в Обществе вспомоществования рабочих и служащим горных и золотых промыслов Томского горного округа были старше 45 лет [31, с. 171].

Другим источником культуры на приисках были школы. Первые приисковые школы открылись на кабинетских приисках Алтайского и Нерчинского горных округов соответственно в 1840-х гг. (на 100 учеников и 3 учителей) и в 1850-х гг. (закрылась в 1861 г.) [2, т. 1, с. 282–283, 310; т. 2, с. 582]. Действовали они в рамках системы горнозаводских школ [32, с. 88–89].

На частных золотых промыслах школы появились поздно – в 1880-е гг., т.к. долгое время золотопромышленники не разрешали привозить рабочим и служащим на прииски семьи. Женщины допускались только в виде прислуги. В таких условиях появление на приисках значительного числа детей исключалось. Постоянное население сложилось к концу XIX в. на приисках Томской губернии. В 1890 г. на 5093 рабочих здесь приходилось 2012 женщин и 2188 детей. Школ же было 2 – на Неожиданном (33–62 ученика) и Андабинском (30 учеников) приисках Южно-Алтайского золотопромышленного дела. В.И. Семевский сообщает, что в феврале 1894 г. открыта школа на приисках Мариинского округа – 27 учеников, на Пророко-Ильинском прииске Кузнецовых в Алтайском горном округе. В 1896 г. в Томском горном округе было 5 школ и 150 учеников [2, т. 2, с. 118, 131]. Горная инспекция отмечала острую нужду в школах и учителях.

На приисках Енисейской губернии школа с интернатом на 12 человек существовала при церкви на прииске Талом Асташева в 1894–1896 гг. [2, т. 2, с. 239]. На Ленских приисках школы были открыты в 1880-е гг. В К⁰ Промышленности – в 1881 г. (на 34 ученика). В 1882 г. в ней учились 37 мальчиков, в т.ч. 15 из рабочих семей. В школу набирали учеников дважды в год – с 1 октября и 10 марта, каникулы назначались с 10 июня по 15 августа. В 1883 г. в школе был 41 ученик, в 1885 г. – 28. Известно также, что школы работали в 1889 г. на приисках Малопатомского товарищества, в 1890 г. на Успенском прииске К⁰ Промышленности (30 учащих), на приисках Бодайбинской К⁰, в 1891–1894 г. – на приисках Лензото (27 учеников). Обучение было бесплатным по программам начальных школ Министерства просвещения. Школы заканчивали обычно только дети служащих. На Тихоно-Задонском прииске Лензото в

1896 г. действовала воскресная школа (7 учеников) [2, т. 2, с. 433–435].

Подсчет числа школ, учителей и учеников на приисках показывает, несмотря на неполноту сведений, позитивную динамику в период 1895–1916 гг.: число школ выросло более чем в полтора раза, учителей – почти в три раза, учеников – более чем в 4 раза.

Таблица 2.

**Школьное дело на золотых промыслах Сибири
в 1895–1916 гг.***

Годы	Приисков	Годовых рабочих	Школ	Учителей	Учеников
1895	870	32 690	9	9	225
1896	796	26 232	11	11	234
1897	780	25 123	11	11	183
1898	709	23 533	8	8	272
1899	785	27 289	13	13	351
1900	782	27 314	12	12	426
1901	809	28 895	16	16	69
1902	702	29 112	14	14	43
1903	676	27 446	11	11	247
1904	682	22 658	7	9	413
1905	606	21 106	8	10	сведения отсутствуют
1906	491	19 573	10	12	503
1907	487	19 929	10	15	467
1908	550	23 122	10	12	441
1909	515	24 920	11	15	506
1910	651	33 599	12	15	488
1911	730	37 197	13	17	676
1912	781	40 614	12	17	854
1913	761	41 596	17	26	1323
1914	734	41 665	16	24	1110
1915	731	38 692	14	24	1250
1916	754	40 929	15	25	961

*Источники подсчета указаны к табл. 1.

За 1895–1900 гг. сведения имеются только по Ленскому округу; за 1901–1907 гг. нет сведений по Енисейскому округу; за 1903–1906 гг. отсутствует информация о числе учителей и учеников по четырем школам Томской горной области; 1907–1910 гг. – нет сведений по Алтайскому, Красноярско-Ачинскому, Зейскому округам; 1911–1912 гг. нет сведений по Алтайскому и Зейскому округам; 1914–1915 гг. – нет сведений по Алтайскому округу; 1916 г. – нет сведений по Енисейской губернии.

В школы могли попасть немногие из приисковых детей. В конце XIX в. население горных районов Сибири насчитывало примерно 83 тыс. чел, в т.ч. детей школьного возраста около 8 тыс. В школах училось около 1200 человек, т.е. каждый шестой ребенок, из них на приисках – около 400 детей, или каждый десятый. В 1913 г. на горных промыслах Сибири было 37 школ с 2,7 тыс. учеников, в т.ч. на приисках – 1323 ребят в 17 школах. Детей школьного возраста было на горных промыслах и заводах около 14 тыс. чел., т.е. учиться в школах мог каждый пятый ребенок, на приисках – каждый шестой. Школ, как свидетельствуют сообщения горной инспекции, не хватало. Так, инженер Витимского горного округа из года в год писал: «Не всем желающим учиться удалось попасть в указанные школы, очень многим за недостатком мест было отказано» [33, л. 141; 34, л. 153]. Качество персонала и обучения в приисковых школах оставляло желать лучшего: врач Е.Н. Коренев определил его как «зубрение самое бессмысленное». Школы, по его наблюдениям, заканчивали единицы учеников, и на три четверти это были дети служащих, текучесть которых на приисках была ниже, чем рабочих [11, с. 183]. Приисковое население было обеспечено школами хуже, чем население Сибири в целом: в 1915 г. в Сибири и на Дальнем Востоке посещали школы 39 % детей школьного возраста [30, в. 321–322].

Жизнь на приисках была однообразна и скучна. Культурные мероприятия редки. Инициаторами их были служащие. Служащие и рабочие развлекали себя сами, устраивая чтения с туманными или волшебными фонарями, самодеятельные спектакли, шахматные турниры. На некоторых приисках для этого устраивались специальные помещения, клубы служащих, чаще же для них использовали столовые служа-

щих, любые просторные помещения. Библиотеки существовали, по мнению П.П. Румянцева, при конторах многих приисков. В начале XX в. на приисках появился синематограф [15]. Таким образом, можно сделать вывод, что приисковое население, по сравнению с сибирской деревней, было более развито, но, безусловно, отставало от горожан. Поскольку культурная сфера приисков зависела от произвола золотопромышленников, то последние исходили из своей практической надобности, нужнее всего для них было медицинское обслуживание, во вторую очередь – школы, а культурные развлечения были предоставлены самодеятельности рабочих и служащих.

Примечания

1. Кривошапкин М.М. О состоянии медицинской части на золотых приисках Сибири // Северная почта. 1862. № 84.
2. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. LXXIV. Т. 1. 578 с.; Т. 2. 914 с.
3. Кольчев А.А. Врачебная помощь на приисках Томской губернии // Промышленность и здоровье. 1902. № 6; 1903. № 3.
4. Кольчев А.А. Рабочие на приисках Сибири. Томская горная область. СПб.: Северное эхо, 1904. VIII, 166 с.
5. Кольчев А.А. Вопросы просвещения на приисках Сибири // Русское богатство. 1909. № 1. С. 41–57.
6. Крахалев А.И. Организация медицинской помощи населению приисков Красноярского и Канского уездов // Вестник золотопромышленности. 1903. № 1. С. 5–6.
7. Крылов А.И. Проект нового обязательного постановления о врачебной помощи рабочим золотых промыслов Томской горной области // Горные и золотопромышленные известия. 1913. № 20. С. 462–466.
8. Горнозаводская промышленность Сибири. Томская горная область. 1902–1912. Томск, 1903–1914.
9. Крутовский В.М. Предварительные данные к вопросу о влиянии условий жизни и работы на золотых промыслах на физическое здоровье рабочих // Отчет общества енисейских врачей. 1891–1892 гг. Красноярск, 1893.
10. Дмитриевский Г.Ф. Санитарные условия быта рабочих на золотых приисках Кийской системы Мариинского округа // Вестник золотопромышленности и горного дела вообще. 1899. № 13. С. 332–335; № 15. С. 368–371.
11. Корнев Е.Н. Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых приисках Витимско-Олекминской системы Якутской области: дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 1903. 256, 4 с.
12. Маерчак В. Южно-Енисейские золотые прииски // Сибирский врач. 1914. № 22/23.
13. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. 459 с.
14. Марков В.И. О медицинском обслуживании приисковых рабочих Сибири в период империализма (1895–1917 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 14. С. 147–170.

15. Румянцев П.П. Культурные мероприятия в жизни служащих золотых приисков Сибири XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 3 (4). С. 53–56.
16. Приходько П.Т. Охрана здоровья, труд и быт трудящихся Сибири. Систематический указатель литературы за 1876–1929 гг. Томск, 1930. 109 с.
17. О найме рабочих на частные золотые и платиновые промыслы от 20 февраля 1895 года // Вестник золотопромышленности. 1895. № 10–11.
18. Вестник золотопромышленности. 1899. № 1.
19. Обязательное постановление «О врачебной помощи рабочим на частных горных заводах и промыслах Восточно-Сибирской горной области», изданное присутствием по горнозаводским делам при Иркутском горном управлении 18 марта 1910 г. Иркутск, 1910.
20. РГИА. Ф. 37. Оп. 58. Д. 372.
21. ГАИО. Ф. 286. Оп. 1. Д. 35.
22. РГИА. Ф. 3. Оп. 58. Д. 323.
23. ГАТО. Ф. 428. Оп. 1. Д. 82.
24. Тове Л.Л., Горбачев М.Ф. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Южной части Енисейского округа. СПб, 1899. Т. 1.
25. ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 545.
26. Вестник золотопромышленности. 1904. № 19.
27. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 2. Д. 1836.
28. Садовников И.Ф. Приложение к систематическому указателю к карте золотопромышленного района Олекминского горного округа. СПб., 1909.
29. Вестник золотопромышленности. 1896. № 9.
30. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1983. 400 с.
31. Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в. Томск, 2009. 335 с.
32. Гордиенко О.Н. Очерк развития системы образования на Алтае во второй половине XVIII в. – 60-х гг. XIX в. // История Алтайского края. XVIII–XX вв. Барнаул, 2005. С. 84–96.
33. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1783.
34. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1797.

В.Н. Казарин,
доктор исторических наук,
профессор ИГУ

**Новейшее исследование по истории
ВСОРГО второй половины
XIX – первой трети XX вв.**

Рец. на: Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М., Левченко В.А., Пушкина Т.Л. Выставки и краеведческая деятельность ВСОРГО (1851–1931 гг.). Иркутск: Востсибкнига, 2012. 240 с. (Серия «Азиатская Россия»)

В статье дан анализ монографии известных сибирских историков, посвященной истории Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества.

В конце 2012 г. издательство «Востсибкнига» выпустило в свет книгу известных исследователей истории дореволюционной Сибири, посвященную выставкам и краеведческой деятельности Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРГО) от момента его основания в 1851 г. до фактической ликвидации в 1931 г. Научная общественность, все, кто интересуется интеллектуальной историей Сибири, получили возможность расширить свои познания, открыть новые страницы изучения этой обширной территории Российского государства.

Следует отметить, что за два последних года это третье издание, выпущенное иркутскими исследователями по истории первого научно-исследовательского учреждения Сибири и Дальнего Востока. Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН чуть ранее издал две книги справочного характера «ВСОРГО в лицах: библиографический словарь»³⁹⁷. В совокупности с рецензируемым изданием они дают читателю целостное представление о ВСОРГО в период становления, расцвета и последующих трансформаций советского периода.

---

³⁹⁷ ВСОРГО в лицах: библиографический словарь. Вып. 1 / под ред. Ю.А. Зуляра, Л.М. Корытного. Иркутск, 2011; ВСОРГО в лицах: библиографический словарь. Вып. 2 / под ред. Ю.А. Зуляра, Л.М. Корытного. Иркутск, 2012.

Представленная книга является результатом продолжительной научной деятельности по этой проблеме авторов: доктора исторических наук, профессора Л.М. Дамешка, кандидата исторических наук, профессора А.В. Гимельштейна и кандидатов исторических наук В.А. Левченко и Т.Л. Пушкиной. Чем же объяснить такой интерес к ВСОРГО, возникшему более полусотни лет назад? В чем востребованность данного издания? Очевидно, здесь несколько причин. Книга является продолжением научной серии «Азиатская Россия», в рамках которой было издано около десяти монографий, благожелательно встреченных профессиональным сообществом³⁹⁸. Кстати, последняя из указанных в сноске книг была издана в Германии и имела заслуженный успех у зарубежных специалистов по истории России. Поэтому очередное издание ставшей популярной серии ожидаемо и продолжает своеобразное «выстраивание» интеллектуальной сибирской истории, ломая устаревшие, но еще присутствующие представления о Сибири как об отсталой колонии Российской империи, месте каторги и ссылки. Последнее направление активно разрабатывалось советской историографией, дававшей, однако, несколько одностороннее представление о прошлом огромной территории России к востоку от Урала.

Книга имеет целью удовлетворить читательский интерес к истокам научного изучения Сибири собственными силами, показать, что этот процесс шел в русле общего направления научных изысканий российских исследований, что, несмотря на отсутствие вплоть до 1918 г. университета в Восточной Сибири, здесь существовал крупный и авторитетный научный центр, которым и являлось ВСОРГО. Выскажу и такое предположение: в современных условиях сокращения финансирования научных исследований, в первую очередь гуманитарных, авторы показывают читателю, что Сибирь нельзя рассматривать только как резервуар углеводородов, за счет которых развивается нынешняя Россия. Такое потребительское к ней отношение дале-

³⁹⁸ Например: Дамешек Л.М. Сибирские «иностранцы» в имперской стратегии власти (XVIII – нач. XX в.). Иркутск, 2007; Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Региональная власть и общественность Сибири (XIX – нач. XX в.). Иркутск, 2007; Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – нач. XX в.). Иркутск, 2008; Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск, 2009; и др.

ко не безобидно и опасно в перспективе. Восточная Сибирь – это и научная опора Державы, коей она постепенно становилась, пройдя трудный путь, начиная с середины XIX в., через взлеты и падения, болезненные трансформации общества.

Книгу отличает несколько особенностей. Прежде всего, ломая традицию исторических исследований, разграничивать хронологию до 1917 г. и после, показывая имперский период, революцию и Гражданскую войну, а затем – советскую эпоху, авторы отходят от устоявшихся клише и показывают нам становление и развитие научного института (ВСОРО) на широком фоне социально-политических, культурных и экономических процессов в Восточной Сибири второй половины XIX в. – первой трети XX в. Это дает возможность читателю целостного восприятия предмета изучения. В целостности изложения заключается как раз вторая особенность рецензируемого издания. Оно охватывает не одну или несколько направлений деятельности ВСОРО, а содержит подробное изложение предыстории и истории создания общества, его правовых основ, основные направления деятельности, а также историю музея, характеристику его коллекций и выставочную деятельность. Третье, на что следует обратить внимание: прекрасное полиграфическое оформление издания, снабженное уникальными фотографиями тех лет. Эту книгу, как и предыдущие издания серии «Азиатская Россия», приятно держать в руках и иметь в своей домашней коллекции.

Определяя жанр книги, следует отметить, что это монография, а не научно-популярное издание, на что, во многом исходя из коммерческих соображений, делают основной упор нынешние издательства. Научно-популярные издания, которые часто пишутся на заказ, под определенные условия, конечно же, пользуются читательским спросом определенной заинтересованной аудитории, но могут утратить обязательные признаки научного издания: сноски на источники, выверенный научный стиль, обязательные выводы по главам и в заключении. А поэтому, часто вопреки воле авторов, проигрывают научным изданиям. Взамен же довод: «Рынок диктует свои условия». Отрадно отметить, что в этом издании рынок, образно говоря, «не продавил» в худшем значении слова, а позволил соединить в себе преи-

---

мущества научного текста (но отнюдь не сухого и понятного только узким специалистам) и современного оформления книги.

Научный характер монографии определяется уже во введении. Авторы ненавязчиво, но достаточно убедительно показывают читателю актуальность своей научной работы исходя из научных и социальных факторов определения тематики исследования. Историография проблемы не оставляет никаких сомнений в том, что исследователи глубоко владеют темой, анализируя основные направления и периоды изучения. Несмотря на огромное количество литературы, посвященной таким исследователям Сибири, как А.П. Шапов, Д.А. Клеменц, Г.Н. Потанин, В.И. Вагин, М.Н. Хангалов, Н.Н. Козьмин, М.К. Азадовский, П.К. Казаринов и др., авторы сумели кратко, но емко определить их место не только в истории ВСОРГО, но и в изучении его собственной истории. Не обошли они вниманием и современных исследователей ВСОРГО досоветского и советского периодов, таких как А.С. Маджаров, Ю.А. Зуляр, А.С. Ковалева, В.М. Станевич, Т.Д. Романцева и др. Это дает возможность говорить о комплексном знании авторами книги работ своих предшественников. Во введении определена и периодизация научной деятельности ВСОРГО и его послереволюционного преемника.

Профессионализм авторов книги показан и в источниковом обзоре, в основу которого положено огромное количество опубликованного и неопубликованного материала (с. 20–24). Конечно же, обращает внимание анализ архивного материала, тем более что огромное количество бесценных источников было безвозвратно утрачено в ходе сильнейшего пожара в Иркутске в июне 1879 г. Однако документы общего делопроизводства, издательской деятельности отдела, различных экспедиций, реорганизации отдела в начале 1920-х гг. и другие важнейшие источники активно использовались авторами монографии.

Первая глава книги посвящена истории возникновения и развития ВСОРГО как первого научно-исследовательского учреждения Сибири и Дальнего Востока России. Материал этот в целом получил освещение в историографии, но авторы дополнили его важными сведениями, в частности привели фамилии всех присутствовавших на торжественном

заседании, посвященном открытию Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в ноябре 1851 г. в Иркутске. Авторами дан анализ устава РГО, «Положения о Сибирском отделе Императорского Русского географического общества». Особого внимания заслуживают такие пункты положения, как: «2) Производить на местах ученые исследования, направляя оные к верному географическому определению мест течения рек, направления главных путей и цепей гор в Восточной Сибири и к описанию важнейших частей ее в геологическом и вообще физическом отношениях..; 3) оказывать содействие частным лицам, посещающим Сибирь с ученой целью, и стараться привлечь к исследованию сего края лиц, могущих быть для сего полезными.; 4) стараться об учреждении хранилищ материалов и ученых пособий, относящихся к кругу своих занятий, как-то: библиотеки сочинений, изданных в Сибири, депо местных карт, статистического архива и этнографического музеума» (с. 39).

В третьем параграфе первой главы изложены основные направления ВСОРГО за весь период его изучения авторским коллективом. Конечно, прежде всего это экспедиционная деятельность. Авторы справедливо указывают, что начиная от первых самостоятельных экспедиций (Виллюйской, Амурской, Уссурийской) в 1850-е гг. ВСОРГО переходит к дифференциации научных исследований. Перед читателем предстает картина различных экспедиций, приводится огромное количество фамилий исследователей (П.А. Кропоткин, И.Д. Черский, А.Л. Чекановский, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, М.Н. Хангалов, Н.И. Витковский и др.). Пройдя испытание революциями и Гражданской войной на территории бывшей Российской империи, в 1920-е гг. экспедиционная деятельность возобновилась, в частности такие ее направления, как горно-геологическое (А.В. Львов) и антрополого-этнографическое (А.И. Казанцев). Оживилась работа секций, издательской работы ВСОРГО по ряду направлений.

Вторая глава монографии является ключевой для тематики всей книги. Краеведческая деятельность ВСОРГО представлена тремя направлениями: этнографическими изучениями, историческими исследованиями и координационной работой ВСОРГО на территории Восточной Си-

бири. Авторы дали периодизацию деятельности ВСОРГО, выделив три основных этапа. Сами параграфы построены сквозным порядком, охватывая цельный период с 1851 по 1931 гг.

Этнографические изучения ВСОРГО занимали одно из центральных мест в его деятельности. Авторы правы в том, что показывают предысторию этнографических исследований в Сибири. Наряду с известными фактами, что устройство первого в Восточной Сибири музея в 1785 г. было поручено двум видным приезжим ученым – академику Эрику Лаксману и члену-корреспонденту Академии наук А.М. Карамышеву, авторы называют и фамилию А.И. Лосева, геодезиста и архитектора, уроженца Иркутска (с. 52).

Поражает энциклопедичность знаний и деятельности ученых того времени, это не «узкая специализация» близких к нам лет. Этнографические исследования проводили ученые, которые внесли свой вклад в другие науки (П.А. Кропоткин, А.П. Шапов, Н.М. Пржевальский, А.Л. Чекановский, П.А. Ровинский и др.). Нам скрупулезно описывают, – приводя десятки фамилий, – исследования в области быта, ремесел, наречий, вплоть до распределения браков и рождений по временам года, средней продолжительности жизни тунгусов, бурят, остяков, орочей, а также корейцев и китайцев, проживавших на территории Сибири и русского Дальнего Востока.

При этом от авторов монографии не ускользает очень важный момент: изучение русской народности в Сибири было далеко не на первом плане. Основное внимание было обращено на туземцев «как на наиболее обездоленную и угнетенную часть населения страны в сравнении с русскими старожилками» (с. 79). Казалось бы, зачем изучать русских, если они «были на виду». Однако приходится констатировать, что к настоящему времени мы мало знаем об особенностях быта, говора, семейных связей русских переселенцев второй половины XIX – начала XX вв.

Особо авторы выделяют 1920-е гг. Время бурных социальных потрясений (1917–1920) сменилось настоящим «взрывом» краеведения. Имена В.И. Подгорбунского, П.П. Хороших, Б.Э. Петри, М.К. Азадовского, Г.С. Виноградова, А.Н. Турунова и др. прекрасных исследователей истории и этнографии Сибири многое говорят знатокам и любителям

старины. Но и здесь читатель найдет немало интересного. Например, что своеобразным восполнением предыдущих периодов стало изучение русского фольклора, преданий, устного народного творчества, судеб славян вообще в Сибири и особенно в Забайкалье (с. 83–84).

Разумеется, профессиональный историк внимательно и даже в чем-то критически прочтет параграф, посвященный исторической деятельности ВСОРГО. Тем более что с первых дней образования РГО в нем принимали участие крупные русские ученые И.Д. Беляев, К.А. Неволин, К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.И. Костомаров и др. Оправданно, что в центре внимания в этом разделе монографии находится анализ работ Афанасия Щапова, его физико-антропологической теории истории России, а также Всеволода Вагина, автора двухтомного труда о Михаиле Сперанском, не утратившего своего значения для науки и в наши дни. В 1920-е гг. историческими исследованиями занимался Б.Г. Кубалов, В.П. Денисов, М.К. Одинцова и др. ученые; примечательно, что появляются историко-экономические труды, представленные именами П.К. Казаринова, Е.Я. Самойлович, В.С. Манассеина. Во всяком случае любой историограф Сибири, изучающий указанный период, просто не имеет права обойти этот раздел рецензируемой монографии.

Третий параграф второй главы специально посвящен координационной деятельности ВСОРГО на территории Восточной Сибири в 1917–1931 гг. Не случайно 1920-е гг. академик С.О. Шмидт назвал «золотым десятилетием». Авторы показывают активнейшую деятельность ВСОРГО, направленную на изучение природы и общества, поддержку и развертывание массового краеведческого движения, организацию научного краеведения. Было ли это «золотым веком» для краеведения Восточной Сибири? Судите сами: изданы труды, составившие основу сибирской историографии того периода. Среди них работы Н.Н. Козьмина, Б.Э. Петри, К.Н. Миротворцева, М.К. Азадовского, Б.Г. Кубалова.

Оригинально написана третья глава монографии. Она представлена двумя параграфами: история музея ВСОРГО (§ 1); коллекция музея; выставочная деятельность ВСОРГО (§ 2). Иркутяне и гости города, интересующиеся его истори-

ей и архитектурой, конечно же, знают красивейшее здание в начале улицы Карла Маркса, в котором располагается ныне краеведческий музей (отдел истории). Но читатель узнает много нового об истории музея ВСОРГО, помещениях, в которых размещался музей до пожара 1879 г., и об истории возведения ныне существующего здания, наконец, о коллекциях музея, сохранившихся до настоящего времени, несмотря на неоднократно упоминавшийся пожар, безвозвратно унесший огромное количество невосполнимых коллекций. Просветительская деятельность ВСОРГО проявлялась в его выставочной деятельности, чему посвящены заключительные страницы этой замечательной книги.

В книге указаны сотни фамилий, широко известных профессиональному сообществу и малоизвестных, но достойных имен, донесенных до нас исследователями. Книга украшена редкими фотографиями, помогающими ощутить ее содержание в контексте времени. Монография хорошо отредактирована, ее отличает нормативный научный стиль. При этом очевидно, что написана книга четырьмя авторами со своим присущим им стилем. Но несомненной заслугой научного руководителя проекта (д.и.н., профессора Л.М. Дамешека) и научного редактора монографии (д.и.н., профессора Ю.А. Зуляра) является обязательное «выравнивание» текста без потери самобытности стиля отдельных авторов. И это тоже хотелось бы отметить.

Вместе с тем выскажу некоторые соображения, которые могут быть учтены авторами в дальнейшей разработке темы и при возможном переиздании монографии. Во введении дан подробный анализ неопубликованных источников, в частности указаны и аннотированы фонды 382, 293, 1055, р-565 и др. Государственного архива Иркутской области, однако в перечне литературы и источников в конце монографии они отсутствуют. В списке литературы обозначено 82 источника, но фактическое количество цитируемых источников, составивших основу монографии, гораздо больше. Целесообразно было бы привести в конце полный список использованной источниковой базы, включая архивные

документы и материалы. Ведь это монография, а не научно-популярное издание.

Продолжая разговор об источниках и историографии вопроса, считаю целесообразным включить в нее и использовать небольшую, но содержательную монографию Ю.А. Зуляра «Советская история Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества: время и люди»³⁹⁹, в которой изложены, в частности, такие вопросы, затронутые в рецензируемой монографии, как «Поиски новой организационно-правовой модели» (после 1917 г.), «Научно-исследовательская и научно-просветительская работа», «ВСОРГО как координатор научно-исследовательской работы в регионе» и др. Авторам можно было бы также в приложении указать список руководителей ВСОРГО, по крайней мере тех, о ком существуют достоверные данные.

Но это – на будущее. А сейчас мы имеем добротное, прекрасно оформленное издание, внесшее значительный вклад в сибирскую историографию. Книга – прекрасный подарок к юбилею научного издания серии «Азиатская Россия» автора научных трудов, без знания которых невозможно понять и осмыслить историю Сибири как составной части Российского государства, ученого, широко известного в профессиональных кругах не только отечественных, но и зарубежных исследователей.

Пользуясь предоставленной возможностью, отойдем от жестких жанровых рамок рецензии и поздравим талантливого исследователя, научного редактора серии, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Льва Михайловича Дамешека с юбилеем и пожелаем ему здоровья и новых творческих успехов в его плодотворной деятельности!

---

³⁹⁹ Зуляр Ю.А. Советская история Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества: время и люди. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2001. 75 с.

Список основных сокращений

АРАН СПб., (ПФА РАН), (СПФ) – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук

ВСОИРГО (ВСОРГО) – Восточно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества

ГААК – Государственный архив Алтайского края

ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

ГАКО – Государственный архив Костромской области

ГАКО – Государственный архив Курской области

ГАНИИО – Государственный архив новейшей истории Иркутской области

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ГАРБ – Государственный архив Республики Бурятия

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАТО – Государственный архив Томской области

ГПНТБ СО РАН – Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук

ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет

ИГУ – Иркутский государственный университет

НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия

ОР РГБ – отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ОР РНБ – отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГАЛИ – Российский Государственный архив литературы и искусства

РГИА – Российский государственный исторический архив

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд

ТГУ – Томский государственный университет

ЦГАДА – Центральный государственный архив Дальнего Востока

ЦГАРК – Центральный государственный архив Республики Казахстан

Оглавление

<i>Александр Гимельштейн, к.и.н. «Стиль – это человек»</i>	3
<i>Юлия Сергеева, редактор отдела «Общество» издательской группы «Восточно-Сибирская правда». Лев Дамешек – фигура удивительная</i>	4
ГЛАВА 1. Сибиреведение в отечественной историографии	
<i>Л.В. Курас, д.и.н., профессор; ИМБТ СО РАН. Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX вв. (историография проблемы в трудах профессора Льва Михайловича Дамешека)</i>	14
<i>А.А. Иванов, д.и.н., профессор ИГУ. Иркутский исследователь истории Сибири</i>	31
<i>А.С. Маджаров, д.и.н., профессор ИГУ. Русская «культура и цивилизация» в работах Н.А. Бердяева первой четверти XX в.</i>	44
ГЛАВА 2. Сибирский город в системе губернского управления	
<i>О.В. Бураева, д.и.н., доцент. ИМБТ СО РАН. Из истории Удинского острога</i>	57
<i>Т.В. Паликова, д.и.н., доцент БГУ. Градоустроительная политика государства в Забайкалье</i>	66
<i>В.П. Шахеров, д.и.н., доцент ИГУ. Становление городского самоуправления в Иркутской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.</i>	76

ГЛАВА 3. Личность в истории

- Г.Ф. Быконя, д.и.н., профессор. КГПУ. *Новая версия происхождения предков Андрея Дубенского – основателя Красноярска* 95
- Н.П. Матханова, д.и.н., профессор. ИИ СО РАН.
С.С. Лаврова – анархистка и родственница двух генерал-губернаторов Восточной Сибири 109
- М.В. Константинов, д.и.н., профессор. ЗГУ;
Т.А. Константинова, к.и.н. ГАЗК. *Портрет ученого на фоне губернии, или Молодые годы Ивана Полякова* 122

ГЛАВА 4. Этносоциальные процессы в имперском измерении

- А.С. Зуев, д.и.н., профессор. НГУ. *Гантимур и русские землепроходцы: из истории русско-тунгусских отношений в Забайкалье в середине XVII в.* 134
- Ч.Г. Андреев, д.и.н., профессор УИЖТ – филиала ИРГУПС.
Политика царского правительства и степень проникновения мировых религий в среду коренных народов Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. 153
- Б.Ц. Жалсанова, д.и.н., ГАРБ. *Подготовительная работа по проведению волостной реформы у бурят Забайкальской области (1897–1904 гг.)* 167
- С.Ч. Мантурова, д.и.н., доцент. ВСГУТиУ.
Благотворительность в области народного образования в Забайкалье во второй половине XIX – начале XX вв. 177
- А.А. Борисов, д.и.н., г.н.с., ИГиИПМНС СО РАН.
Петиционное движение якутов и развитие инородческого самоуправления по историческим источникам второй половины XVIII – середины XIX вв. 192

<i>Л.В. Кальмина, д.и.н., доцент. ИМБИТ СО РАН. Еврейский вопрос в Сибири: неизвестное об известном</i>	201
---	-----

ГЛАВА 5. Имперство на окраинах России

<i>Дамешек И.Л., д.и.н., профессор. ВСАГО. Типологическая характеристика и региональные особенности российских окраин XIX в.</i>	216
<i>М. В. Шиловский, д.и.н., профессор. НГУ. Освобождение матросов учебного корабля «Прут» из Акатуевской каторжной тюрьмы в декабре 1905 г.</i>	231
<i>Ю.М. Гончаров, д.и.н., профессор. АГУ. Гендерные стереотипы по отношению к сфере сексуальности женщин и мужчин в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.</i>	245
<i>Катионов О.Н., д.и.н., профессор. НГПУ. Имперская политика по научному исследованию крестьянского хозяйства Восточной Сибири в последней четверти XIX в.</i>	252

ГЛАВА 6. Азиатская Россия в экономическом пространстве

<i>М.Д. Кушнарева, к.и.н., доцент. ИГУ. Организационное становление торгового капитала в старообрядческой среде Северо-Восточной Сибири во второй половине XVII – начале XX вв.</i>	271
<i>В.А. Скубневский, д.и.н., профессор. АГУ. Предпринимательская деятельность в Сибири участников восстания 1863 года и их потомков.</i>	279
<i>В.П. Зинovieв, д.и.н., профессор. ТГУ. Социокультурные аспекты золотопромышленного освоения Сибири в XIX – начале XX вв.</i>	292

ГЛАВА 7. Рецензии

<i>В. Н. Казарин, д.и.н., профессор. ИГУ. Новейшее исследование по истории ВСОРГО второй половины XIX – первой трети XX вв. . . . .</i>	<i>305</i>
Список основных сокращений	314

**Сибирь в империи – империя в Сибири:
имперские процессы на окраинах России
в XVII – начале XX вв.**

Корректор И.В. Миргородская
Верстка И.В. Кравцов

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 17.07.2013 г. Формат 62/94/32.
Усл. печ. л. 15,9. Уч.-изд. л. 18,6.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 300. Заказ № 136.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025 г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.
Тел.: 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru